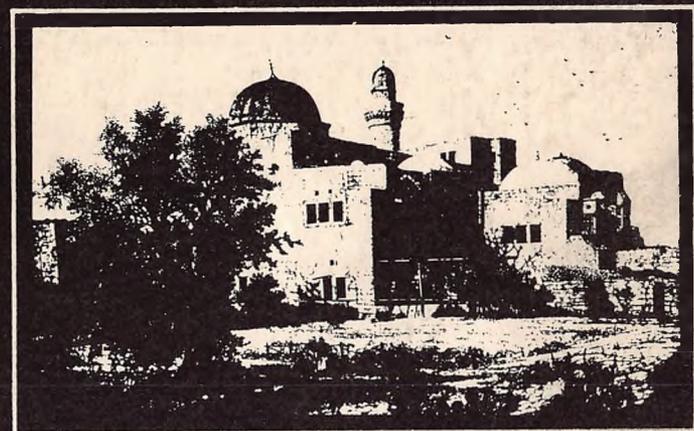
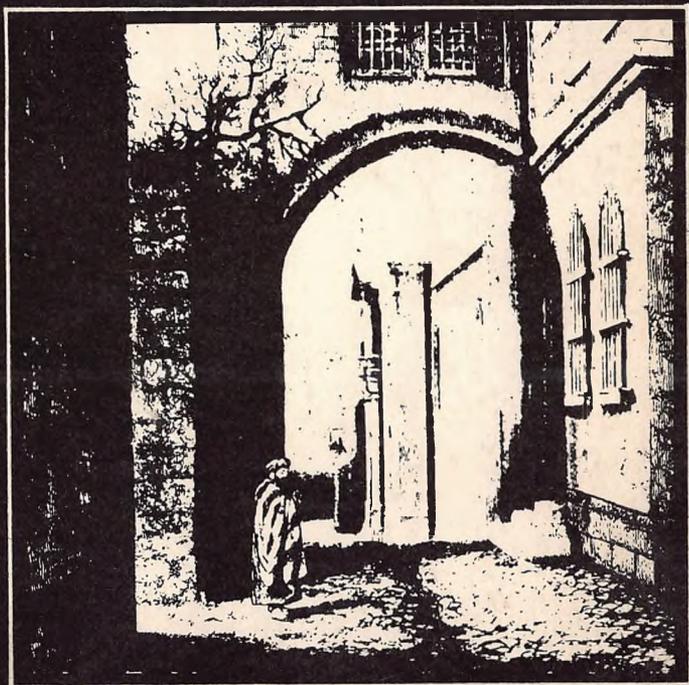
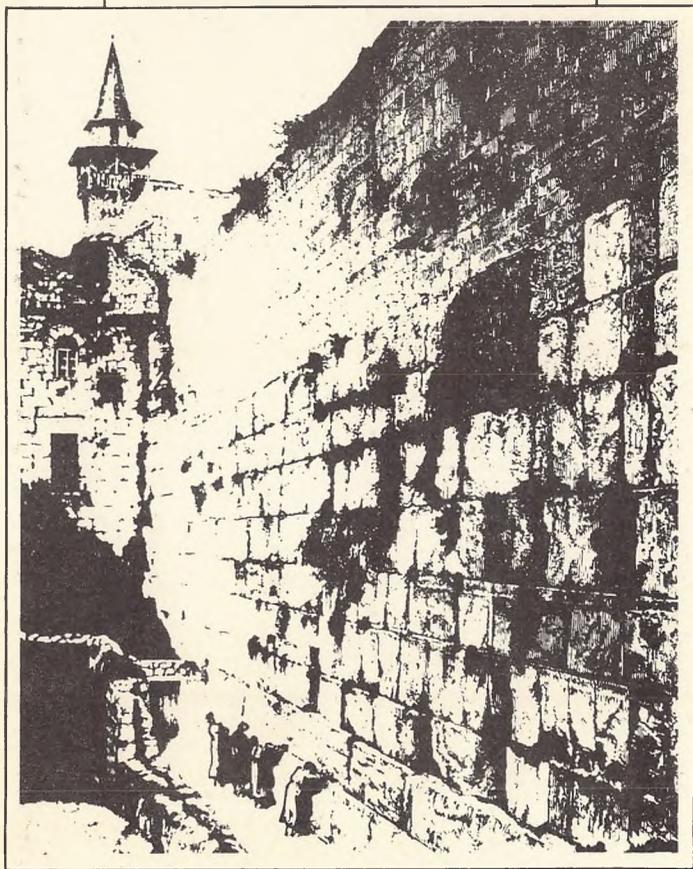
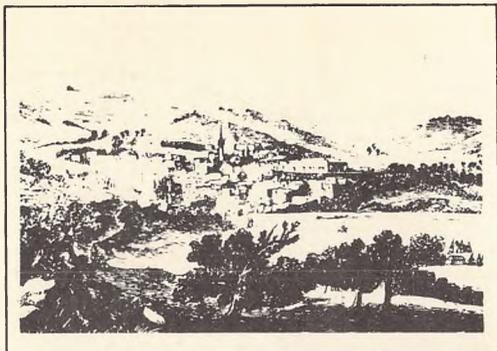

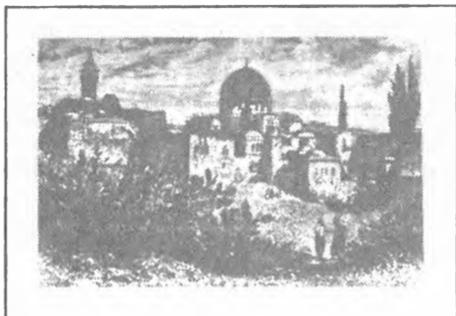
ПУТЕШЕСТВИЯ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

ПУТЕШЕСТВИЯ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

ПУТЕШЕСТВИЯ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

*Записки русских паломников и путешественников
XII—XX вв.*

ЛЕПТА

МОСКВА 1995

*Составление,
предисловие, справки об авторах
и примечания*

БОРИСА РОМАНОВА

Оформление
В. Н. СЕРГУТИНА

П 90 Путешествия в Святую Землю: Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв.— М.: приложение к журналу «Лепта», 1995.—255 с.

ISBN 5—86522—008—X

Антологию «Путешествия в Святую Землю» составили «Хождение игумена Даниила», «Путешествие купца Трифона Коробейникова», очерки из «Странствования...» В. Григоровича-Барского, «Путешествия по Святым Местам в 1830 году» А. Н. Муравьева, письма Н. В. Гоголя, фрагменты книги инока Парфения, а также произведения А. С. Норова, Н. В. Берга, И. А. Бунина, А. П. Ладинского.

© Составление, предисловие, справки об авторах, примечания Б. Н. Романова, 1994.

© Оформление В. Н. Сергутина, 1995.

Путешествия в Святую Землю

Все десять веков существования русской литературы, и древней, и новой, связаны с христианством, с православием. Связаны даже тогда, когда она пытается отказаться от этой связи, чем бы отказ ни был вызван — убежденным безбожием или утверждением чистого искусства.

Православие — духовное поле русской культуры, пронизывающее и сам язык литературы, и традиции, определяющие её мировидение. От душевной цельности и крепости древнерусского писателя до смятенности и даже потерянности наших современников, отраженной в слове, не прекращается в русской литературе взыскующий поиск правды и красоты, добра и справедливости, приводящий и к поискам Бога.

И одной из движущих сил, породивших замечательный тип русских странников, паломников к Святым местам был этот взыскующий порыв. Он звучит еще в былинах, в которых предстает не просто паломничеством, а путем преодоления собственной греховности, трудным путем жизни, в котором и соблазны, и тяжкие испытания, среди которых неотступно повторяется стремление

... во славный Ерусалим град,
И ко Гробу Господнему да помолитися,
И ко честным мощам да причастится,
И во Иордан реки да покупатися...

Светло, незамутненно звучит очистительный порыв и в первом дошедшем до нас описании «хождения» в Святую Землю игумена Даниила, который начинает свое повествование с того, что называет себя недостойным, худшим из всех монахов, одержимым многими грехами.

Мотив греховности, неизменно присутствующий и в других «хождениях», не просто дань традиции. В нем покаянный смысл самого хождения в Святую Землю, главная побудительная цель которого — спасение души.

Стремление спасти душу, замолить грехи у Гроба Господня, каким бы наивно простодушным оно ни казалось нам сегодняшним, опаленным безверием, уже само по себе очищало, заставляло совершить и тот внутренний духовный труд, без которого паломничество было бы бессмысленным.

Начавшееся еще во времена князя Владимира паломничество русских людей в Святую Землю и почиталось прежде всего как духовно-очистительный подвиг. И немалое число древнерусских паломников пускалось в долгий, почти полуторалетний путь, полный опасностей и лишений. Инок Зосима, дьякон Сергиева

монастыря писал: «... ходя по святым местам и подъях раны довольны от злых арапов. Аз же грешныи все терпя за имя Божие».

Древнерусские описания «хожений» в Святую Землю, отмеченные и цельностью православного мироощущения, и неизбежными предрассудками своего времени, еще и первые путевые очерки в русской литературе. В них мы находим кроме рассказов о святынях и религиозных переживаниях, немногословные, но живые свидетельства быта, нравов народов Святой Земли, картины ее природы, подробности самого нелегкого пути.

Эта жанровая емкость «хожений», в которых так органично сочетаются документальность путеводителя с религиозно-нравственным пафосом, внимательность к историческим сведениям, преданиям с непосредственностью и даже лиризмом путевого дневника, получила развитие и в позднейших повествованиях о путешествиях в Палестину.

В одном из самых значительных памятников путевой прозы XVIII века — «Странствованиях Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока...» явственная традиция «хожений» сочетается со стремлением к научной обстоятельности, многообразию изображаемых подробностей, подтверждаемых зарисовками и планами, к психологизму. Григорович-Барский уже дорожит теми несущественными для древнерусских авторов деталями и оттенками, а то и сухогато перечисляемыми сведениями, которые делают его книгу и описанием паломничества по святым местам, и высокоценным современниками рассказом «о маловедомых в подсолнечной вещах». Он пишет не только о христианских святынях, а и о ветхозаветных и античных памятниках, о коптах, арабах, евреях, греках, армянах, о католиках и мусульманах, о превратностях и лишениях пути, о голоде и жестоким зноем, о разбойниках-бедуинах, о том, что свет не без добрых людей.

В записках Григоровича-Барского еще сугубо религиозный, а точнее — православно-церковный взгляд на мир. И совсем по-другому написаны, скажем, более поздние, уже вполне светские, и менее читаемые «Дневные записки путешествия...» лейтенанта Сергея Плещеева (1773), с его оглядкой на образцы французского авантюрного романа.

И здесь мы видим наряду с продолжением и развитием традиций древнерусских «хожений», на основе которых выработался своеобразный жанр духовной литературы — записок паломников, возникновение других традиций, связанных с развитием новой русской литературы.

Тот род описания паломничеств в Святую Землю, который определяли древнерусские традиции, как правило, принадлежал представителям духовенства или же купцам, крестьянам, представлявшим особый тип богомольцев-грамотеев из народа¹. Они воспринимали эти традиции как живые, неотрывные от святоотече-

¹ См., например, «Путешествие к Святым местам, находившимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кирием Бронниковым» (М., 1824) или «Рассказ святогорца скимонаха Селевкия о своей жизни и о странствовании по св. местам русским, палестинским и афонским» (СПб., 1860) и др.

ской и житийной литературы. И они были совершенно отрешены от влияния современной светской литературы.

Характерно замечание А. В. Дружинина, восхищенного книгой инок Парфения: «...Уж одно то выше всякой оценки, что этот человек в жизнь свою не читал ничего литературного, о красоте слога понятия не имеет и часть жизни провел с людьми, считающими молчание за подвиг, а всякое лишнее слово чуть не за преступление»¹.

Конечно же, Дружинин считает литературным лишь относящееся к новой русской прозе, оставляя в стороне традиции допетровской эпохи, несомненно бывшие для Парфения родными, как и вся духовная литература.

Другие традиции связаны с новой русской литературой, и так или иначе с «Письмами русского путешественника» П. М. Карамзина, стоящими в начале отечественного жанра «литературных» путешествий, в свою очередь воспринявшими уроки и французской, и английской путевой прозы.

Но нужно сказать, что в книгах, посвященных путешествиям к Святой Земле, эти традиции зачастую оказываются взаимосвязанными, и обе присутствуют в лучших образцах, представляющих своеобразный жанр отечественной литературы.

В XVIII веке паломничества еще немногочисленны, путь в Палестину еще достаточно многотруден. Но с началом XIX века все больше и больше православных людей отправляется в дорогу, занимающую теперь при благоприятных обстоятельствах не более двух недель. Значительно увеличивается и количество публикуемых путевых записок. И чем более массовым становилось паломничество, тем оно было более народным.

Во второй половине прошлого века большинство паломников — крестьяне. И всего, к примеру, в конце века Палестину посетило более семи тысяч человек, а перед первой мировой войной — двадцать тысяч.

Все большее обмирщение общественного сознания и литературы существенно изменило характер многих описаний паломничеств, разнообразило их стилистику, видоизменило и расширило сам жанр. Но все же бравшиеся за перо, чтобы описать свой путь по Святой Земле, как правило, люди глубоко религиозные. И сколь бы ни было значительно просветительское, научно-познавательное побуждение их к писанию, религиозно-нравственный пафос освещает большинство паломнических записок.

Особенно популярными описания паломничеств сделал успех книги А. И. Муравьева «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» (1832). Эта книга по-своему вводила в литературный обиход пушкинского времени сугубо религиозные темы. Они звучали у Муравьева с романтическим умилением и приподнятостью, которая позднее могла показаться чрезмерно елейной.

А. С. Пушкин в своей неоконченной рецензии на «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» откликнулся на лучшее в нем, заметив, что автор «привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспо-

¹ Переписка И. С. Тургенева. В двух томах. Т. 2. М., 1986. С. 93.

койным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил св. места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя»¹.

«Путешествие» Муравьева было органично для русской романтической прозы 1830-х годов, оно широко читалось, отрывки из него позднее печатались во многих хрестоматиях. Но впоследствии пристрастие к романтическим условиям и поэтизмам, церковная твердость, даже известная ортодоксальность взглядов вызывали заслуженные и незаслуженные нападки, непонимание. Особенно в шестидесятые годы. В одной из эпиграмм Муравьев был даже назван «фарисеем монахующим». И все-таки литературный путь его, прежде всего как церковного писателя, неизменность убеждений и скромное, но подлинное дарование не могли не вызывать уважения. Ф. И. Тютчев писал в стихотворении «Андрею Николаевичу Муравьеву» (1869):

Да убеждаются тобой,
Что может действительная вера
И мысли неизменный строй.

«Путешествие ко Святым местам» определило не только дальнейшие литературные и жизненные интересы самого автора, но и существенно повлияло на дальнейшее развитие жанра.

Следующей заметной книгой паломнической литературы стала книга А. С. Норова «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» (1839). Живость и лиризм повествования соединены в ней с научным пафосом изучения и описания Святой Земли. Книга увлекает не только недюжинной эрудицией, основательной ученостью автора, но и непосредственностью впечатлений, со сменяющимися путевыми эпизодами, выразительными восточными типами, проникновенно нарисованными пейзажами, с насыщенными историческими сведениями, религиозно трепетными описаниями святых мест. Труд Норова — одно из содержательнейших и литературно ярких описаний путешествий в Святую Землю, можно считать и одним из достойнейших образцов путевой прозы XIX в.

Уже совсем историческим, научным сочинением была книга дипломата и литератора К. М. Базили (1809—1884) «Сирия и Палестина, под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях» (1861—1862).

Прочитавший книгу своего одноклассника по Пежинской гимназии в рукописи, Н. В. Гоголь писал в письме В. А. Жуковскому о работе Базили: «Он написал преудивительную вещь, которая покажет Европе Восток в его настоящем виде, под заглавием «Сирия и Палестина». Знания бездна, интерес силен. Я не знаю никакой книги, которая бы так давала знать читателю существо края»².

Секуляризированное литературное сознание отнюдь не всегда вело к созданию такой картины жизни, в которой бы не было места Богу. Нет, просто литература

¹ П у ш к и н А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. М., 1964. С. 263.

² Г о г о л ь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. XIV. Л., 1952. С. 52—53.

все более становилась сама собой, решая главные проблемы человеческого бытия своими художественными средствами, своим языком, все более отличным от языка церкви. И стоит здесь вспомнить, что первый полный перевод Библии на современный русский язык появился лишь в 1876 году...

Органично присущий русской литературе XIX века религиозный пафос получал выражение в художественных образах, в самой проблематике, ставя главные вопросы жизни как вопросы вечные, общечеловеческие.

Конечно, в литературе сказывалась и та разделенность церкви и общественного сознания, которая не могла не привести к трагическим надломам. Попытки преодолеть эту разделенность по-своему предпринимались русскими писателями и мыслителями разных поколений.

Любопытен тот интерес, с каким русские писатели самых различных взглядов и направлений встретили «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле пострижника Святыя Горы Афонския инока Парфения» (1855). Хотя и один из не слишком благожелательных биографов Парфения утверждал, что эта книга имела значительный успех лишь «между простыми и средними читателями».

Уже редкая для времени появления книги Парфения прямодушная и полнокровная в своей искренности вера автора сочеталась с выразительной простотой повествования, которую Ф. М. Достоевский называл «наивностью изложения».

«Сказание» инока Парфения казалось произведением словно бы другой эпохи, поражая цельностью религиозного взгляда, и было оценено как редкостное и незаурядное явление лучшими русскими писателями.

Примечательны впечатления А. В. Дружинина, тонкого, пронизательного читателя и критика. Он горячо рекомендовал И. С. Тургеневу (в ответном письме назвавшему Парфения «великим русским художником») прочесть эту книгу: «Таких книг между делом читать нельзя... засядьте на неделю и погрузитесь в эту великую поэтическую фантазмагорию, переданную оригинальнейшим художником на оригинальнейшем языке. ...Убеждения автора так чисты и простодушны, его *графический* талант так велик, что целая незнакомая нам сторона жизни открывается вся, в ряде мастерских описаний природы и живых лиц... И относительно языка, всякому русскому читателю стоит изучать Парфения...»¹.

Восхищение Дружинина, с подчеркиванием не литературского происхождения книги Парфения, было восхищением не только литературными ее достоинствами, но и великим в своей простоте религиозным русским складом, который еще существовал в простом народе, и все же казался образованным людям «фантазмагорией». Этот склад и дух увлек и Достоевского, — чтение Парфения отозвалось в трех его романах, и М. Е. Салтыкова-Щедрина, и С. М. Соловьева, и А. А. Григорьева, и Л. Н. Толстого, и даже И. Г. Чернышевского.

Совсем другой характер позднее появившихся очерков И. В. Берга, который с журналистской живостью, обстоятельностью и, в то же время, поэтической зоркостью передает свои впечатления от путешествия в Палестину. На их страницах поднимают и будни, житейские проблемы святых мест Палестины, описанные хотя и

¹ Переписка И. С. Тургенева. Т. 2. С. 92—93.

с реалистической трезвостью, а то и язвительностью, но с достаточным тактом и без обличительного пафоса, столь характерного для шестидесятых годов. Очерки Берга — это как раз та путевая проза, которая делала читателя не столько соучастником паломничества, богомолья, сколько любознательным путешественником.

В паломничестве и связях России с землей и народами Палестины, Святой Земли огромную роль сыграла Русская духовная миссия в Иерусалиме, начавшая свою деятельность в 1847 г. и, в особенности, созданное в 1882 г. Императорское православное палестинское общество (ИППО).

ИППО организовывало паломничество, вело значительную благотворительную и просветительскую работу, открывало больницы и школы на Святой Земле, осуществляло огромную научную деятельность — отправляло экспедиции, вело археологические раскопки, издавало серию трудов, посвященных Палестине, истории русского паломничества и т. д. Кстати, общество издало все двенадцать тогда известных древнерусских «хожений» в Святую Землю.

Увеличивался поток паломников, и все чаще не только в епархиальных ведомостях, в журнале «Душеполезное Чтение» (издавался с 1860 г.), а и в других, не только церковных изданиях, в литературных журналах, газетах появлялись разнообразные записки паломников, очерки, обстоятельные описания путешествий, серьезные исследования о Святой Земле.

Паломничество в начале XX века, ставшее столь массовым, увлекавшее столько паломников-крестьян, было движением религиозно-нравственным, игравшим значительную роль в духовной жизни народа. И тип крестьянина-паломника был совсем другим, нежели паломников из образованного общества, путешествующих в каютах 1 класса, с удобствами.

Именно среди простых людей встречались столь трогательные типы паломников, о которых писал секретарь Палестинского общества А. А. Дмитриевский, рассказывавший, например, о женщине, которой колоколом раздавило ноги, а она лишь крестилась, повторяя: «Слава Тебе, Господи, что Ты дозволил мне страдать на том же месте, где страдал и Ты за нас, грешников»¹. Или вспомним рассказ В. И. Муромцева-Буниной о старухе, возвращавшейся из Святой Земли, заболевшей в пути и боявшейся одного — умереть в открытом море, и испустившей дух, увидев берег, убедившись, что ляжет она в родную землю².

В начале XX века о Святой Земле, о паломничестве пишется немало, но к литературе публикуемое по большей части имело отношение отдаленное.

В эти годы появляются, например, циклы стихов таких, в общем, малозначительных поэтов, как В. А. Шуфа («В край иной»; СПб., 1906) и А. М. Федорова («Сонеты»; СПб., 1911), кроме того написавшего о своей поездке в Палестину несколько очерков.

Но написанные в эти годы стихи и очерки И. А. Бунина принадлежат к са-

¹ Дмитриевский А. А. Типы современных паломников в Святую Землю. СПб., 1912. С. 23.

² Муромцева-Бунина В. И. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М. 1989. С. 360, 362.

мым значительным страницам русской литературы, посвященной Святой Земле. Его лирически напряженная, живописная проза, стремящаяся в лаконичной взвешенности каждого слова к недостижимой простоте и выразительности Библии, поэтически заразителна. В своих «путевых поэмах» Бунин рисует картины Святой Земли с ощущением трепетной значимости ее многотысячелетней истории и предлагает читателю вместе с ним глядеть на суровое русло Кедрона, дол Иософата — место грядущего Страшного суда, на предзакатный Иерусалим, на Вифлием, на раскаленные солнцем иудейские пустыни, как на живых свидетелей и участников и того, что было, и того, что будет. На страницах бунинских очерков не умоглядно, а вживе утверждена, показана святость этой земли для множества людей всего мира, и не только христиан.

Бунин пишет: «И живым кажется образ Иисуса. Сколько раз подходил он сюда, похудевший, побледневший за дорогу в пустыне! Здесь жили друзья его. О древности могилы Лазаря говорят те камни времен Ирода, из которых сложен вход в могильную пещеру, куда спускаются узкой холодной шахтой, со свечой в руке...» И этот живой образ Христа высвечивает нарисованные писателем пейзажи тем особым светом, который и делает для верующих эту древнюю землю и воистину Святой, и такой притягательной.

Прекратившееся после 1917 г. паломничество в Святую Землю лишило народную религиозную жизнь, придавленную и обескровленную, чего-то важного и трогательного. И, конечно, лишило русскую литературу и этих, пусть уже иногда и экзотических в нашем веке, записок паломников, сделало редкостными прежде живые и разнообразные обращения и в поэзии, и в прозе к ветхозаветным и евангельским темам.

Одна из последних книг, описывающих поездку в Святую Землю, — книга поэта и известного исторического романиста А. П. Ладинского «Путешествие в Палестину» (1937). Но эта книга, составленная из очерков, написанных для выходившей в Париже русской газеты «Последние новости», уже сугубо журналистская, хотя и поэтически живая, рисующая не столько Святую Землю, сколько тогдашнюю подмандатную Палестину с реалиями ее политической жизни.

Наверное не удивительно, что многие из авторов книг о Святой Земле были поэтами — и А. Н. Муравьев, и А. С. Норов, и Н. В. Берг, и А. М. Федоров, и И. А. Бунин, и А. П. Ладинский. Не удивительно и то, что образ Святой Земли, занимавший особенное место в православном сознании, в русской литературе, начиная с былин, духовных стихов и описаний «хожений» до, скажем, «Иуды Искариота» Л. Н. Андреева или «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова, овеян поэзией и тем вольным или невольным духовным трепетом, который порожден евангельским светом.

В наши дни, когда восстанавливаются храмы, широко издается духовная литература и люди все чаще обращаются к вере, к церкви, начинает понемногу возрождаться и паломничество. И будем надеяться, что впервые собранные в этой небольшой книге образцы русской прозы XII—XX веков, посвященные путешествиям в Святую Землю, будут интересны и необходимы читателю, небезразлично-му к русской истории, духовности и литературе.

Борис РОМАНОВ

ЖИТИЕ И ХОЖЕНИЕ ДАНИИЛА, ИГУМЕНА РУССКОЙ ЗЕМЛИ

О Данииле известно немного, и все известное — предположительно. Исследователи предполагают, что Даниил пострижен в Киево-Печерском монастыре, позднее стал игуменом одного из монастырей Черниговской земли и возглавил русских паломников, совершивших «хождение» в Святую Землю в 1104—1107 гг. И. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» высказал предположение, что «сей путешественник мог быть Юрьевским Епископом Даниилом, поставленном в 1113 году» (умер в 1122 г.).

«Житие и хождение Даниила, Русьская земли игумена» не только самое древнейшее описание паломничества в Святую Землю, но и одно из первых замечательнейших созданий древней русской литературы. Его язык емок и красочен, повествование вдохновенно, наблюдения — точны и разнообразны, духовный кругозор — широк. «Житие и хождение Даниила» было на Руси распространено и чтимо, о чем говорят более 150 известных сегодня его списков.

Я, недостойный игумен Даниил, худший из всех монахов, смиренный, одержимый многими грехами, недоволен во всяком деле добром, понужден был своими помыслами и нетерпением, захотел видеть святой град Иерусалим и землю обстовавшую. И с Божией помощью посетил Иерусалим и видел Святые места, обходил всю землю Галилейскую и Святые места около града Иерусалима, где Христос ходил своими ногами и великие чудеса показал в тех местах Святых. И видел все своими очами грешными, что беззлобивый Бог позволил мне увидеть и что я долгое время жаждал увидеть.

Братья и отцы, господа мои, простите меня грешного и не хулите мое худоумие и грубость, что написал о святом граде Иерусалиме и о земле той доброй и о своем хоженье по святым местам. Кто путешествовал со страхом Божиим и смиренем, тот не погрешит никогда против милости Бога. Но я неподобно ходил по святым местам, во всякой лени и слабости, в пьянстве и творил всякие неподобные дела. Однако, надеясь на милость Божию и на вашу молитву, полагаю, простит Христос мои бесчисленные грехи. И вот описал свой путь и места святыя и не горжусь и не хвалюсь своим путешествием, что будто бы сотворил доброе дело: ничего доброго в путешествии не делал, но только ради любви к святым местам написал обо всем, что видел своими глазами, дабы не забыть то, что пришлось недостойному мне увидеть. Побоялся я уподобиться рабу ленивому, скрывшему полученные от Бога деньги (талант) и не приобретшего к ним прикупа, и написал о путешествии ради верных людей. Да кто

услышит (или прочтет) о местах святых, устремился бы душою и воображением к этим святым местам и Богом будет приравнен к тем, кто совершил путешествие в эти места.

Многие добрые люди находятся дома и своими помыслами, милостыней и добрыми делами достигают мест святых и большое вознаграждение принимают от Бога, они будто бы посетили эти святые места. Многие же посетившие святые места и святой град Иерусалим, возгордились этим, как будто нечто доброе сотворили, и этим погубили усилия своего труда, из них первый я. Многие же посетившие святой град Иерусалим опять пойдут, хотя много доброго не видели из-за скорости осмотра. А нельзя быстро совершить путешествие и осмотреть все святые достопримечательности и в самом городе и за его пределами.

О Иерусалиме и о лавре.

Я, недостойный игумен Даниил, придя в Иерусалим, пробыл шестнадцать месяцев в лавре святого Саввы и много ходил и увидел все святые места. Невозможно без доброго проводника и переводчика познать и осмотреть всех святых мест. Хотя я и был ограничен в средствах, но щедро одарял проводников, чтобы они добросовестно показывали святые места как в самом городе, так и вне города, и проводники так все показывали мне.

И пришлось мне найти в лавре мужа святого, старого годами и весьма книжного, образованного. Этот святой человек полюбил меня, грешного, и показал добре все достопримечательности Иерусалима, повел меня по всей земле, до Тивериадского озера, Фавора, Назира, Эль-Халиля, Иордана, и любовно потрудился со мною. И я много святых мест увидел, о чем и последует рассказ.

О пути в Иерусалим.

От Царьграда по заливу идти триста верст до Средиземного моря, до лимана Петали на острове Мармара сто верст. Это первый остров на Мраморном море. Здесь добрый лиман и город Эрекли, где миро выходит из глубины морской и многие святые мученики были потоплены мучителями. От Петали до Галлиполи сто верст, а от Галлиполи до города Абидоса восемьдесят верст. Против этого города покоится прах святого Евфимия нового. Оттуда до острова Крита двадцать верст, тут выход на Средиземное море, налево путь в Иерусалим, направо на Афон, к Селуню и к Риму. От Крита до острова Тенда верст тридцать. Это первый остров в Средиземном море на пути, здесь покоится прах святого мученика Авудима.

Против того острова на берегу был великий город именем Троя, тут апостол Павел утверждал христианство. От Тенды до острова Митилина верст сто, здесь покоится прах митрополита

Митилинского. А от Митилина до острова Хиоса верст сто, здесь покоится прах мученика Исидора. На этом острове — мастика, вино доброе и всякая овощь.

О городе Ефесе.

А от Хиоса до города Ефеса верст шестьдесят. Тут находится гроб Иоанна Богослова и исходит в день его памяти земная пыль святая, ее берут люди на исцеление всех болезней; и прах Иоанна здесь же покоится, и я ходил туда.

Здесь же в пещере лежат тела семи отроков, которые проспали триста шестьдесят лет; они уснули при императоре Декии и проснулись при императоре Феодосии. В этой же пещере покоится прах триста святых отцов, святого Александра, гроб Марии Магдалины, ее голова, и апостола Тимофея, ученика апостола Павла, в ветхом гробу.

Здесь же в ветхой церкви находится икона Богородицы, этой иконой одолели еретика Нестория. Здесь же находится баня Дискоридова, где работал Иоанн Богослов с Прохором у Романы. Видел здесь пристань, где Иоанн Богослов море изверг. Тут стояли три дня, зовется та пристань Мраморная.

Город Ефес на суше, от моря четыре версты, в горах, обилен всем добром. Здесь поклонился гробу Иоанна Богослова и его молитвами радостно путешествовал.

А от Ефеса до острова Самоса верст сорок. На том острове рыбы много всякой, и всем обилен этот остров. А от Самоса до острова Никария (Кария) верст двадцать.

Об острове Патмосе.

А от Никария до Патмоса острова верст шестьдесят. Далек в море Патмос. На этом острове Иоанн Богослов Евангелие написал, когда заточен был с Прохором. Там же в архипелаге острова Леро, Калимно, Низиро и большой остров Кос (Истанской). Этот остров очень богат всем — и людьми, и скотом. Там же остров Телос, где находится мука Иродова, кипит сера горячая, здесь же варят серу и продают ее, добывают из нее огонь, мы же огонь выкресаем (выскаем). В том же архипелаге остров Харки. Все эти острова, обитаемые людьми и скотом, расположены в ряд, один от другого вблизи, верстах в десяти или побольше.

Там же остров Родос, большой и очень богатый всем. На этом острове был (в рабстве) два года русский князь Олег. От острова Самоса до Родоса двести верст, а от Родоса до города Макри шестьдесят верст. В этом городе и о всей той земле, даже и до Мир, добывают черный ладан.

Этот ладан из надреза на дереве вытекает, подобно мякоти, и снимают его острым железом. Дерево это зовется зигисй, ви-

дом оно напоминает ольху. Другое небольшое дерево видом похоже на осину, называют его рака (стиракс), в его коре водится большой червь, как гусеница и более, точит дерево и исходит червоточина, подобна пшеничным отрубям, и вытекает из дерева мякоть, как вишневый клей. Его собирают, смешивают с мякотью зигии, вкладывают в котел и варят; получится ладан, который складывают в мехи и продают купцам.

От Макри до города Патера верст сорок, здесь родился святой Николай и здесь его отчина. А от Патера до Мир, где находится гроб святого Николая, верст сорок, а от Мир до острова и мыса Хелидонии верст шестьдесят, а от Хелидонии до великого острова Кипра верст двести.

Об острове Кипре.

Кипр — очень большой остров, множество в нем жителей, обильен всем добром. В нем двадцать епископов, одна митрополия, а останков святых покоится в нем множество. Здесь хранится прах святого Епифания, апостола Варнавы, святого Зинова, епископа Трифолия, которого крестил апостол Павел.

О горе, где императрица Елена поставила крест.

На Крите есть высокая гора, где царица Елена поставила большой кипарисовый крест на изгнание бесов и на исцеление всяких недугов, вложила в этот крест гвоздь, которым был прибит Христос при распятии. Бывают у этого креста и ныне знамения и чудеса. Стоит на воздухе этот крест, ничем не скреплен с землею, только духом святым держится на воздухе. И я, недостойный, поклонился этой святыне, видел ее своими глазами грешными, и походил по всему острову успешно.

О ладане.

Здесь рождается фимиам и изготавливается ладан, его берут с деревьев. По горам много низких деревьев, не выше травы, с них падает добрый фимиам, который собирают в июле и августе, в другие же месяцы он не спадывает, но только в эти два месяца рождается.

От Кипра до города Яфа верст четыреста плыть по морю; от Царьграда до острова Родоса восемьсот верст; от Родоса до Яфы восемьсот верст; по морю плыть до Яфы тысяча шестьсот верст. Город Яфа на берегу близ Иерусалима, оттуда путь до Иерусалима посуху, верст тридцать, по полю десять верст идти до церкви святого Георгия.

Создана была эта церковь в память Георгия, здесь хранился гроб с его прахом в алтаре. Воды здесь много. У этой воды отдыхают странники, но со страхом: место пустынное, близ города

Аскалона, оттуда совершают набеги сарацины и избивают странников на путях, при входе в горы. От церкви Георгия до Иерусалима верст двадцать, по горам каменным, путь тяжел и очень страшен.

О горе Армафем.

Вблизи Иерусалима, на правой стороне по пути от Яфы, гора высокая, которую называют Армафем. На этой горе находится гроб пророка Самуила, и его отца Елкана, и Марии Египетской, тут было село и дом святых. Это место огорожено и зовется городом Армафем.

О Иерусалиме.

Город Иерусалим стоит в дубрах, около него высокие каменные горы. Когда подходишь близко к городу, то сперва виден столп Давидов, а затем, пройдя еще немного, видны Елеонская гора, церкви Святая Святых и Воскресения, где хранится гроб Господен, а затем видится весь город. Тут, близ города, на пути находится пологая гора, на этой горе люди слезают с коней, молятся и поклоняются церкви Воскресения и на виду города. Бывает тогда радость великая всякому христианину, увидевшему святой город, плачут люди от радости. Никто не может не прослезиться, увидев желанную землю и святые места, где Христос претерпел мучения ради людей. Отсюда все пешком идут с радостью великой к городу.

По пути на левой стороне стоит церковь Стефана Первомученика, на этом месте он был убит камнями, в этой церкви находится его гробница. Здесь близ городской стены находится плоская каменная гора, которая треснула во время распятия Христа и зовется это адом. Входят в Иерусалим все люди с великой радостью воротами, близ дома Давидова, со стороны Вифлсема. Это ворота Всниаминовы. Как войдешь в город, на правую сторону путь идет через город в церковь Святая Святых, а на левую — к церкви Воскресения, где хранится гроб Господен.

О церкви Воскресения.

Церковь Воскресения кругла, имеет двенадцать круглых столпов по фасаду и шесть столпов задних, мощна красиво мраморными плитами, имеет шестеро дверей. На хорах имеется шестнадцать столпов. А под хорами наверху написаны мозаикой пророки, как живые стоят. Над алтарем написан мозаикой Христос. В великом алтаре изображено мозаикой сотворение Адама. На самом верху изображено мозаикой Вознесение, на обеих половинах на двух столпах написано мозаикой Благовещение.

Церковный верх не до конца свесен камнем, но только скреплен тесаным деревом по-плотнически. Так верх ничем не покрыт. Под этим самым непокрытым верхом находится гроб Господен. Гроб Господен высечен в каменной стене, наподобие небольшой пещерки, с малыми дверцами, как можно человеку влезть на коленях, склоняясь. Пещера квадратна, четыре локтя в длину и четыре в ширину. И как влезешь малыми дверцами в эту малую пещеру, то на правой стороне будет небольшая лавка, высеченная из того же пещерского камня. И на той лавке лежало тело Иисуса Христа. Ныне эта лавка святая, покрыта мраморными плитами. В стороне проделаны три круглых оконца, и в эти оконцы виден святой камень, и тут поклоняются все христиане.

Висят у гроба Господня пять больших лампад с маслом, и горят они непрестанно днем и ночью. Лавка же, где лежало тело Христово, в длину четыре локтя, а в ширину два локтя, высота ее пол-локтя. Перед пещерными дверями лежит камень, в трех шагах от пещерных дверей. На этом камне ангел сидящий явился женам и принес им добрую весть о воскресении Христа. Пещера святая обделана красивым мрамором, и около нее стоят двенадцать красивых мраморных колонок.

Вверху же над пещеркой сделан красиво теремец на изящных столбах, верх его кругл, покрыт серебряными чешуями, позолоченными. Наверху этого теремца возвышастся изваяние Христа, сделанное из серебра в рост человека и даже более, и это сделали франки, латиняне.

Ныне под самым непокрытым верхом, у теремца искусно устроены три двери, как решето, с крестиками. И этими дверями влазят люди к гробу Господню. Что гробом Господним была пещерка, как я уже говорил, узнал от давно живущих здесь людей, хорошо знающих все эти святые места.

Церковь Воскресения круглая, квадратная, в длину и поперек тридцать сажень. Помещения церковные просторны, здесь наверху живет патриарх. От дверей гробницы до великого алтаря сажень двенадцать. Здесь за алтарем находится Пуп земли, над ним создан свод, а наверху изображен мозаикой Христос и сделана надпись: «Се пядию мою измерих небо и землю».

О месте середины земли, где был распят Христос.

От Пупа земного до распятия Господнего сажень двенадцать. Место распятия находится к востоку, оно было на высоком камне, выше древка копья. Камень этот был кругл, как небольшая горка. Посреди этого камня на самом верху высечена скважина круглая, локоть вглубь, а в ширину менее пяди. Здесь был сооружен крест. Внутри под этим камнем лежит голова Адама.

Во время распятия Христа, когда он преставился, тогда разодралась церковная занавесь, и камень потрескался, дал трещину, над головою Адама. И этой трещиной кровь и вода из ребер Христа омочила голову Адама и омыла все грехи рода человеческого. И есть расщелина на этом камне до сегодняшнего дня, на левой стороне от распятия, как знамение честное.

О месте Лобном.

Место распятия Господня и камень окружены стеной, выше над распятием создан свод, изящно изукрашенный мозаикой. На восточной стороне стены написано распятие Христа, хитро и дивно, прямо как живой Христос, по величине больше, каким был он в то время. На южной стене написано снятие со креста, также дивно изображено. Двос дверей имеется, подниматься вверх по ступеням, до дверей семь ступеней, и войдя в двери — семь ступеней. Вымощено все мраморными красивыми плитами.

Ниже распятия, где голова Адама, создана небольшая церковь, изящно украшена мозаикой, вымощена красивым мрамором. Это называется Крапиево место, оно же и Лобное место. А вверху, где распятие, зовется Голгофой. А от распятия до снятия со креста сажень пять. Распятие находилось к северу, где разделили (стражники) одежду Христа, в другом месте возложили на Его голову терновый венец и облекли в одежды поругания.

О жертвеннике Авраама.

Здесь вблизи находился жертвенник Авраама, где он заклал ягненка вместо своего сына Исаака. Возведен был Исаак на то место, где Христос ради грешных людей возведен был на жертву. Вблизи было место, где Христос был зашвен. Оттуда более десяти сажень находилась темница, где сидел Христос, пока сврен готовили для распятия крест.

И эти святые места под одной кровлей, расположены в ряд к северу. От темницы до места, где императрица Елена нашла честный крест, гвозди, венц (терновый), копье, губку и трость, сажень двадцать пять. Гроб Господен и распятие находятся на ровном месте, и взгорье идет на запад от гроба и распятия.

Есть место на взгорье, где Богородица пыталась идти вслед за Христом и говорила с болью в сердце и слезами: «Куда идешь, Чадо мое, чего ради течение скорое творишь? Разве на другой брак в Кану Галилейскую, туда стремишься, Сын и Бог мой? Не молча уходи от меня, родившей Тебя, дай мне слово, рабе Твоей».

Когда пришла Богородица и увидела с горы Сына своего, распинаемого на кресте, то ужаснулась, согнулась, села, была печалью и рыданием одержима. Так сбылось пророчество Си-

меона (Богоприимца), который говорил Богородице: «И этот лежит на восстание и падение многих в Израиле, к тебе же самой оружие в душу пройдет, когда увидишь Сына своего закальваемого».

Тут стояли и многие другие и издали смотрели: Мария Магдалина, Мария Якова и Саломия, здесь же стояли все, которые пришли из Галилеи с Иоанном и с матерью Иисуса, стояли все известные друзья Иисуса, смотрели издали, как пророк предсказывал: «Друзья же мои и ближние мои вдали от меня встанут». И это место находится далее от распятия Христа, примерно на полтора сажени к западу от распятия, название места тому Спудий, которое переводится «Тщанице Богородично». На этом месте ныне монастырь стоит и церковь во имя Богородицы, со стрельчатым верхом.

О столпе Давида.

От Голгофы до столпа Давида и до его дома двести сажени. Столп этот пророка Давида, тут и дом его был. В этом столпе Давид пророк Псалтырь составил и написал. Дивный этот столп, из великих камней сложен высоко очень, на четыре угла создан, весь прочен, в основании крепок, в середине здания воды много. Железных дверей пятеро и ступеней двести, по ним подниматься вверх, хлеба в нем без числа запасено.

Крепко он устроен для обороны. Это здание — глава всему городу, тщательно охраняют его и не разрешают никому входить вовнутрь его. Мне же, худому, недостойному, было разрешено посетить этот столп, из многих людей взять с собой только одного Изяслава.

О доме Урия.

А у столпа Давида, вблизи, был дом Урия, которого Давид убил, а жену его взял себе в жены, перед этим увидев ее моющейся в бане. Здесь же находится новое подворье монастыря Саввы, недалеко от столпа Давида. Известно и до сего дня, где находилась баня — близ распятия, к востоку сажени двадцать, где императрица Елена обрела крест честный.

На месте том была большая церковь постронна, ныне же здесь стоит небольшая церковь. Тут к востоку — двери великие, к ним приходила святая Мария Египетская, хотела войти в церковь, и не пустила ее сила Духа Святого. Затем она помолилась Богородице, — тут в притворе стояла ее икона, близ дверей тех, — и могла уже войти в церковь и поцеловать честный крест. Из этих дверей вышла в пустыню Иорданскую.

Около тех дверей испытывала Елена крест Господен, когда исцелилась мертвая девица. Оттуда пойти к востоку, где воины

привели Христа к Пилату, и тут Пилат руки свои умыл, сказав: «Чист есть от крови Сего праведника». И Пилат, ударив Иисуса, передал Его евреям. Тут находится иудейская темница, из которой ангел вывел ночью апостола Петра.

Тут был двор Иудин, предателя Христа. Ныне пусто это проклятое дворище, никто не смеет на месте этом поселиться из-за проклятия. Оттуда немного пройти к востоку, есть место, где Христос кровоточивую исцелил. Тут недалеко есть ров, куда брошен был пророк Иеремия. Тут же дом сго был и двор апостола Павла, когда он еще не был в христианстве. А оттуда немного пройти к востоку и чуть свернуть с пути, то встретишь дом святых Иоакима и Анны. Здесь находится небольшая каменная пещера, внизу под алтарем, в этой пещере родилась Богородица, здесь же хранится гроб Иоакима и Анны.

О Овчей купели.

Недалеко отсюда притвор Соломона, где находится купальня, названная Овчей купелью, и где Христос исцелил расслабленного. Место это к западу от дома Иоакима и Анны, на расстоянии брошенного камня. Если оттуда идти на восток, то близко городские ворота, которые ведут к Гефсимании.

О церкви Святая Святых.

От церкви Воскресения до Святая Святых несколько больше двух полетов стрелы. Церковь дивно и хитро создана, мозаика внутри, и красота ее несказанна. Церковь круглая, внутри расписана хитро и несказанно, стены ее облицованы плитами различного мрамора, пол выложен красным мрамором. Круглых столпов под верхом, кругом стоящих,— двенадцать, а четвероугольных столпов восемь; дверей четверо, покованных медью и позолоченных. Верх внутри исписан мозаикой хитро и несказанно, а снаружи верх обит медью позолоченной.

Под самым верхом высечена в камне пещера, где был убит пророк Захария; тут были гроб его и кровь, ныне же их нет. За пределами этой пещеры, под тем же верхом, был камень, где Иаков сон видел, здесь же лестница была до неба и ангелы сходили и поднимались по ней. Тут встретился с ангелом Иаков и, встав от сна, сказал: «Се место — дом Божий и се врата небесные суть». На этом же камне пророк Давид видел стоящего с обнаженным оружием ангела и секущего людсей Израиля. Тогда влез он в эту пещеру и плакал, моляся Богу: «Господи, не люди согрешили, но я согрешил».

Церковь эта имеет тридцать саженей в диаметре, с четырьмя дверями. Церковь древняя, ничего не осталось от первого соору-

жения Соломона, только основание, которое начал создавать пророк Давид. Пещера и камень теперь в церкви под крышей, это осталось от древнего здания. Ныншняя церковь создана сарацинским старейшиной Амаром.

О доме Соломона.

Дом Соломона был прочным, великим и очень красивым. Мощен мраморными плитами, укреплен сводами, воды было обильно в доме этом. Здания очень красивы, хитро украшены мозаикой, столпы из дорогого мрамора, красиво расположены, своды на столпах созданы хитро, все покрыты оловом.

Ворота дома также очень красивы и хитро покрыты оловом, изукрашены мозаикой и окованы позолоченной медью. Эти ворота называются Красными, здесь Петр и Иоанн исцелили хромца, место это у ворот сохранилось и донныне. Имсеются и еще трое ворот, пятые ворота называются Апостольскими. Ворота пророк Давид создал. Твердо, дивно, хитроство эти ворота сделаны, позолоченной медью окованы, изнутри хитро исписаны по меди, а снаружи твердо окованы железом. Четверо дверей у этих ворот. Они сохранились от древних построк, как и столп Давида. Другие здания все новые. Древний город Иерусалим не однажды разорялся. Древними воротами вошел Христос в Иерусалим от Вифании с Лазарем, когда воскресил Лазаря. Вифания находится на востоке, напротив Елеонской горы. От этих ворот до церкви Святая Святых саженей сто восемь.

О городке Вифания.

Вифания находится от Иерусалима более двух верст, за горою, на ровном месте. Городок это небольшой, к югу от Иерусалима. Когда войдешь в ворота городка этого, то налево будет пещера, где стоит гроб святого Лазаря. Здесь он болел и умер. В середине городка стоит большая церковь, устремлена вверх и хорошо вся расписана. От этой церкви к западу до гроба Лазаря саженей двенадцать.

В западной части перед городом очень хороший водосм, глубоко в земле, по ступеням лзят к воде. В сторону к Иерусалиму более двух верст от Вифании стоит столп, где встретила Марфа, сестра Лазаря, Христа, тут, после воскресения Лазаря, Христос сел на осла.

О селе Гефсимания.

Гефсимания — село, где находится гроб Богородицы, вблизи Иерусалима, на потоке Кедронском, в долине плача, к востоку от Иерусалима.

О воротах городских.

От городских ворот саженей восемь до места, где еврей Охония пытался свергнуть с одра тело Богородицы, когда ее апостолы несли погребать в Гефсиманию, и ангел отсек мечом ему обе руки и положил их на Афоню. На этом месте был монастырь, а ныне все разорено иноверцами.

О месте погребения Богородицы.

Оттуда до гроба Богородицы саженей сто. Гроб находится на ровном месте, в небольшой, высеченной в камне пещерке, с двумя небольшими дверцами, как можно человеку, наклонившись, войти. На дне пещерки, напротив дверец, высечена из того же пещерного камня лавка, на которой было положено тело Богородицы и оттуда было взято нетленным в рай. Пещерка чуть выше человеческого роста, в ширину четыре локтя, квадратная. Снаружи она сделана теремцом, облицованным красиво мраморными плитами. Вверху над гробом создана была большая церковь со стрельчатыми сводами во имя Успения. Ныне же все разорено иноверцами. Гроб Богородицы — внутри под великим алтарем той церкви.

О пещере, где был предан Христос.

От гроба Богородицы саженей десять до пещеры, где был Христос предан Иудой евреям за тридцать сребреников. Пещера по ту сторону Кедронского потока, при Елсонской горе.

Близ пещеры, на расстоянии брошенного человеком камня, к югу от нее, есть место, где Христос ночью молился отцу своему. В ту же ночь он был предан евреям на распятие и сказал: «Отче, аще возможно есть, то минет чаша сия Меня». На месте том ныне создана небольшая церковь. Оттуда до гроба Иосафатова далее полета стрелы. Иосафат был царем иудейским, и потому это место зовется Иосафатовой тесниной. Вблизи нее находился гроб Иакова, брата Христа.

Елеонская гора на юго-востоке от Иерусалима. От Гефсимании входить на Елеонскую гору очень высоко, на расстоянии трех полетов стрелы.

О пещере, где Христос начал учить Своих учеников.

Тут создана большая церковь и пещера внизу под алтарем. В этой пещере Христос учил Своих учеников петь «Отче наш». Оттуда саженей девяносто, на самом верху Елсонской горы, совершилось вознесение Христова.

О горе Елеонской.

Вознесение Христа произошло на верху Елеонской горы, прямо к востоку небольшая горка, и на ней круглый камень выше колена. С этого камня и вознесся Христос на небо. На месте этом устроены своды, и около, и вверху, на сводах этих создана круглая площадка, подобно двору, вымощенная мраморными плитами. Посредине этого двора создана беседка, подобна теремцу, круглая, без верха. В этом теремце, под самым тем непокрытым верхом, лежит тот камень, на котором стояли ноги Христа.

Под этим камнем устроена из мраморных плит трапеза, где ныне проводятся службы. Под трапезой находится камень, около которого выложены мраморные плиты, только верх его немного виден, это и целуют все христиане. В теремце двое дверей, вход к месту вознесения по ступеням, всего двадцать две ступени.

Гора Елеонская высока, видно с нее все в городе Иерусалиме, и церковь Святая Святых с нее можно видеть, и до Мертвого моря, и до Иордана, и всю землю по обе стороны Иордана. Выше всех гор около Иерусалима Елеонская гора.

О граде Иерусалиме.

Иерусалим — город велик и крепок стенами, равносторонний, на все четыре стороны создан в форме креста. Около него — ущелья и горы каменные. Безводно место это: ни реки, ни колодца, ни источника нет вблизи Иерусалима, но только один водосм — Силоамская купель. Дождевой водой живут люди и животные в этом городе. Хорошие урожаи собирают около Иерусалима на каменных местах без дождя, только Божьим повелением и благоволением родится пшеница и ячмень изрядно: одну кадь высеют и собирают девяносто кадей, а иной раз и по сто кадей от одной посеянной. Не является ли это благословением Божьим земле этой святой? Виноградников много около Иерусалима и садовых деревьев многоплодовых, и смоквы, и шелковицы, и маслины, и рожки, и другие различные плодовые бесчисленные деревья растут по всей земле той.

На горе Елеонской есть глубокая пещера, близ вознесения, на юг от него. В этой пещере стоит гроб святой Пелагеи-блудницы; тут вблизи расположился столпник, муж весьма духовен.

О пути к Иордану.

Путь от Иерусалима к Иордану через Елеонскую гору, на восток. Путь очень тяжок, страшен и безводен: горы высокие скалистые, на дорогах много разбоя, разбивают в горах и дебрях страшных. От Иерусалима до Иордана двадцать верст, пят-

надцать до Кузивы (Эль-Кельт), где постился Иоаким из-за своего неплодства. Место это вблизи глубокого спуска, от дороги налево.

От Кузивы до Иерихона пять верст, а от Иерихона до Иордана шесть верст по ровному месту, в песке, путь очень тяжск. Многие люди задыхаются от зноя и умирают от жажды водной. Мертвое море вблизи от этого пути, исходит из него дух знойный, смердящий, сушит и сжигает всю эту землю.

Вблизи Иордана, недалеко от пути, стоит монастырь Иоанна Предтечи, в горе построен.

О горе Ермонской.

Гора Ермонская близ монастыря Иоанна Предтечи, в двадцати сажнях налсво от пути. Там небольшая песчаная горка. Ермон удален от древнего монастыря Предтечи на расстояние полета двух стрел. Тут и была большая церковь, созданная во имя Иоанна Предтечи...

О Иордане.

Иордан-река течет быстро, берега с той стороны крутые вначале, а затем идут пологие. Вода в рске очень мутная, но вкусная, и не насытишься, когда пьшь эту воду. С нее не бывает болезней и пакостей в животе человека.

Всем подобен Иордан рске Снови. И шириной, и глубиной, и извилинами течением, и быстротой — всем он похож на рску Сновь. Глубина его в месте купания паломников четьре сажени, я сам измерил и испытал во время персправы на другую сторону Иордана. Много пришлось походить по его берегу. Ширина Иордана такая же, как и у реки Снови на ее устье.

На этой стороне Иордана, где купель, растут невысокие деревья, похожие на вербу, выше купели растет лозняк, но не как наша лоза, а как кустарник и тростник; прибрежная равнина наминает также Сновь-рску. В зарослях водится зверей много: бесчисленное множество диких свиней, много и барсов тут, и даже львов.

По той стороне Иордана — горы высокие камснные, они дальше от Иордана. Под теми горами другие горы, ближе к Иордану, эти горы белые. Тут земля Заулона и Неффалима, по ту сторону Иордана.

О пещере Иоанна Крестителя.

К востоку от реки, на расстоянии двух полстов стрелы, есть место, откуда Илья-пророк был восхищен на огснной колеснице на небо. Там же находится пещера Иоанна Крестителя. Здесь же протекает обильный водою поток, он красиво течет по камням в

Иордан. Вода потока студена и очень вкусна. Эту воду пил Иоанн Предтеча, когда жил в пещере.

О пещере Ильи-пророка.

Здесь же есть другая дивная пещера, где жил Илья-пророк со своим человеческом Елисеем. Все это я видел очами своими грешными. Сподобил меня Бог быть трижды на Иордане, даже в самый праздник водоосвящения. Видел благодать Божию, нисходящую на иорданские воды. Множество народа приходят к воде в этот праздник. Всю ночь тут раздастся пение изрядное, горят многочисленные свечи, а в полночь бывает крещение вод. Тогда Дух Святой сходит на иорданские воды, и это видят только достойные, добрые люди, а весь народ не видит ничего, но только испытывают радость и веселие сердца все христиане. Когда же произнесут «Во Иордане крещающуся, Господи», тогда все люди бросаются в воду и крестятся в полночь в Иордане, как и Христос в полночь крестился.

На другой стороне Иордана стоит высокая гора, ее видно издалека и отовсюду. На этой горе преставился пророк Моисей.

От монастыря Иоанна Предтечи до Герасимова монастыря одна верста, а от Герасимова монастыря до Каламонии, до монастыря Богородицы, одна верста.

Богородица вместе с Иисусом, Иосифом и Иаковом, когда бежала в Египет, то ночевала в том месте, которое назвала Каламонией, что истолковывается «Добрая обитель». Ныне тут Дух Святой сходит к иконе Богородицы. Монастырь этот на устье, при впадении реки Иордана в Мертвое море. Около монастыря ограда, монахов в нем двадцать. Оттуда до монастыря Иоанна Златоуста версты две, и этот монастырь тоже огражден, он очень богат.

О городе Иерихоне.

До Иерихона от монастыря Иоанна Златоуста одна верста. Иерихон был в давние времена великим городом и крепостью, но его взял и разрушил до основания Иисус Навин. Ныне здесь село сарацинское. Здесь был дом Закхей, и пень до ныне стоит от дерева, на которое влезал Закхей, желая видеть Христа. Тут же находился и дом сонмитянки, где Елисей воскресил отрока.

Около Иерихона земля добрая и урожайная, поле красивое и ровное, около города растет много высоких финиковых пальм и разнообразных плодовых деревьев, текут обильные воды по всей этой земле. Эти воды пророк Елисей опреснил.

Близ Иерихона, в одной версте на юго-восток, имеется место, где архангел Михаил явился Иисусу Навину во время похода

на Израиль. Подняв свои глаза, Иисус Навин увидел перед собой страшного вооруженного воина и сказал: «Наш ли ты или из врагов наших?» И ответил ему архангел: «Я Михаил, воевода Божий, послан помочь тебе, дерзай и побеждай твоих супостатов». Затем добавил: «Разуй свои ноги, на святом месте стоишь». Иисус Навин пал ниц и поклонился. На этом месте ныне стоит монастырь во имя Михаила архангела и построены церкви.

В церкви лежат двенадцать камней, взятых на дне Иордана, когда река расступилась перед людьми Израиля. Взяли эти камни священники, придерживающиеся завета Бога, по числу колен сынов Израиля на память их роду. Место это, где остановились сыны Израиля, перешедшие Иордан, называется Галганий.

О горе Гаваонской.

От этого места, если идти к западу, находится высокая и великая гора Гаваон (джебель Курунжуль); над этой горой было остановлено солнце, и ждало оно полдня, до конца победы Иисуса Навина, когда с ним сражался васанский царь Ог, захвативший Ханаанское царство. После победы Иисуса Навина солнце зашло.

О пещере, где Христос постился сорок дней.

Высоко в горе Гаваонской находится пещера, где постился Христос сорок дней и проголодался. Тогда пришел дьявол и хотел его искусить, сказав: «Если ты Сын Божий, то прикажи, чтобы камни превратились в хлеб».

Вблизи пещеры был дом пророка Елисея, его пещера и колодец, к востоку от Гаваона, более полверсты. От Иерусалима до Феодосиева монастыря верст шесть. Монастырь стоит на горе, огражден стеною, виден от Иерусалима. Посреди монастыря большая пещера, в которой волхвы ночевали, когда спасались от Ирода. Здесь ныне покоится прах Феодосия и многих святых, в этой же пещере похоронена мать святого Саввы и мать Феодосия.

О лавре святого Саввы.

От этого монастыря до лавры Саввы верст шесть. Оба эти монастыря расположены к югу. Лавра Саввы находится в Асафатовой теснине — в Долине плача, эта теснина идет от Иерусалима, к Гефсимании, проходит сквозь лавру и доходит до Мертвого моря. Лавра Саввы установлена Богом дивно и несказанно. Было некогда ущелье глубокое, страшное и безводное, отвесные скалы его высокие, и на этих высоких скалах прилеплены кельи, устроены Богом удивительно и страшно. На большой высоте по обеим сторонам ущелья страшного кельи и прилеплены на скалах, как звезды на небе.

В лавре три церкви, посредине келий к западу дивная пещера под каменной скалой. В этой пещере церковь Богородицы. Показал пещеру Бог столбом огненным, когда Савва жил один в ущелье. Келья Саввы, где он жил в одиночестве, находится в полверсте от нынешней лавры, оттуда Бог и показал ему столбом огненным место, где ныне стоит лавра. Дивное это место и несказанное.

Посреди трех церквей, от главной церкви сажени четыре, стоит гроб Саввы, над ним устроен красиво теремец. Здесь же лежат тела многих отцов: молчальника епископа Иоанна, Иоанна Дамаскина, Феодора Едесского и его племянника Михаила, Афродитиана и лежат тела многих других святых, как живые, благоухание от них исходит несказанно.

Видел колодец Саввы, его ночью показал Савве дикий осел в ущелье. Пьют воду от этого колодца, вода очень холодная и вкусная. В этом месте нигде нет ни реки, ни ручья, ни колодца, кроме колодца Саввы. Место это в горах каменных, безводно — сухая, безводная пустыня. Только дождевой водой живут люди в этой пустыне.

Недалеко от лавры, на юг, есть место по названию Рува, вблизи Мертвого моря. Горы здесь высокие каменные, много пещер в этих горах. Здесь, в пустыне страшной и безводной, жили многие святые отцы. Здесь обитают барсы, дикие ослы и многие другие звери.

Мертвое море безжизненно, нет здесь ничего живого: ни рыбы, ни раков, ни червей. Но если внесет Иордан своим течением в это море рыбу, то она и часа не может живой быть, но вскоре подыхает. Выходит со дна этого моря на поверхность воды черная смола, много смолы лежит по берегам. Смерд исходит от моря как от горячей серы. Под этим морем находится ад, мучение.

О монастыре святого Евфимия.

А от лавры Саввы на востоке, в трех верстах, за горою, монастырь Евфимия. Здесь похоронен Евфимий, и многие другие отцы здесь же лежат, тела их как живые. Монастырь этот расположен в долине, далее от него каменные горы, был он в свое время обнесен стеной, и была добрая церковь вверху. А поблизости был монастырь святого Феоктиста, под горою, на юг от монастыря Евфимия. Ныне же все это разрушено иноверцами.

О горе Сионской.

Сион — гора великая и высокая, к югу, со стороны Иерусалима, пологая и ровная. На этой горе был древний город Иерусалим, и тот древний город был разрушен при пророке Иеремии

вавилонским царем Навуходоносором. Ныне Сион-гора за пределами городских стен, на юг от Иерусалима. На Сионской горе был дом Иоанна Богослова, и на этом месте была создана большая церковь со стрельчатыми сводами, от городской стены на расстоянии броска камня. В церкви святого Сиона, за алтарем, есть хранилище, где Христос омывал ноги своим ученикам.

О доме Иоанна Богослова, где Христос вечерял.

Если от этой храмины идти на юг и подняться по ступенькам вверх, то попадешь в горницу. Здесь красиво создана хранилище, на столпах и с кровлей, расписана мозаикой, красиво вымощена, имеет наподобие церкви алтарь в восточной части. Это и есть келья Иоанна Богослова, где Христос вечерял со своими учениками. Здесь же Иоанн возлежал на груди Христа и говорил: «Господи, кто предаст Тебя?» На этом же месте было сошествие Святого Духа на апостолов в пятидесятницу.

В той же церкви есть другая хранилище, внизу на земле, на южной стороне; низкая эта хранилище. В нее пришел Христос к ученикам своим через закрытые двери, встал посреди них и сказал: «Мир вам». Тогда на восьмой день и Фома уверовал. Здесь есть святой камень, принесенный ангелом с Синайской горы.

На другой стороне той же церкви, к западу, есть на земле другая низкая хранилище, здесь преставилась Богородица. И все это происходило в доме Иоанна Богослова.

Тут был и дом Канафин, где апостол Петр трижды отрекался от Христа, пока не пропел петух. Это место на восток от Сиона.

Где Петр отвергался от Христа и трижды горько плакал.

Недалеко от этого места, на востоке, есть глубокая пещера, в нее ведут тридцать две ступени; в этой пещере горько плакал апостол Петр из-за своего отречения от Христа. Над этой пещерой построена церковь во имя апостола Петра.

О купели Силоамской.

Оттуда к югу, в долине под горой, находится Силоамская купель, где Христос исцелил слепого.

О селе Скудельнице.

Под Сионской горой находится село Скудельнице, его купили за ту цену, за которую Иуда предал Христа, для погребения странников. Село расположено на юг от Сиона, по одну сторону ущелья, под горой. По этой стороне горы много пещер, вырубленных в камнях и на дне этих пещер дивно и чудно устроены

гробы. Здесь и погребают бесплатно странников, так как это место искуплено кровью Христа.

О Вифлееме.

Вифлеем на юг от Иерусалима, более шести верст идти по полю,— две версты до места, где Авраам слез с осла, оставил с отроком осла, а сам взял сына Исаака, чтобы принести его в жертву. Приказал сыну принести дрова и огонь. Сын спросил: «Отец, вот дрова и огонь, а где же ягненок?» И ответил ему Авраам: «Бог покажет, чадо, нам ягненка». И шел Исаак, радуясь, этим путем в сторону Иерусалима. Исаак был приведен туда, где потом Христос был распят.

Отсюда более одной версты до места, где Богородица видела два лагеря людей: одни смеялись, а другие плакали. Здесь была построена церковь и монастырь во имя Богородицы. Ныне же разрушено иноверцами. Оттуда до гроба Рахили, матери Иосифа, версты две.

О пещере, где родила Богородица Христа.

Оттуда одна верста до места, где Богородица слезла с осла, почувствовала, что наступила пора рождения. Тут находится большой камень, и на этом камне прилегла Богородица, когда она сошла с осла. Затем она встала с камня, пошла пешком до пещеры и тут родила Христа, в этой пещере. От камня до места рождения Христа добрый стрелец может стрелой дострелить.

О церкви Рождества Христова.

Над пещерой Рождества Христова построена большая церковь в форме креста, верх стрельчатыми сводами своден, покрыта церковь оловом, вся расписана мозаикой, имеет восемь круглых мраморных столпов; вымощена плитами белого мрамора; в церкви трое дверей. В длину церковь пятьдесят сажений до великого алтаря, а в ширину двадцать сажений. Пещера и ясли, где родился Христос, находятся под великим алтарем, они устроены красиво. Ступеней семь идут туда, по ним сходят к дверям пещеры святой. Дверей в пещере две. Ко второй двери также семь ступеней. Если восточными дверями войти в пещеру, то на левой стороне есть место внизу, где родился Христос. Над этим местом сделана трапеза, и в этой трапезе исполняют службу.

О яслях Христовых.

Здесь, к востоку, есть место, напротив которого, на западе, находятся ясли Христовы. Под каменной скалой — ясли, в которые положили Христа после рождения, завернутого в рубище.

Все претерпел ради нашего спасения. Ясли стоят близко от места рождения в трех сажнях, в одной пещере, расписанной мозаикой и красиво вымощенной мраморными плитами. Под церковью выдолблены ниши, где лежат мощи святых.

По выходу из церкви, с правой стороны под той же церковью, пещера, где лежали мощи святых младенцев, которые были взяты в Царьград. Около церкви создана ограда высокая: Место рождения Христа было на горе, в пустыне, безлюдное. Ныне зовется это место и городок Вифлессем. Древний город Вифлессем был в другом месте, не доходя до места рождения Христа. Здесь ныне поселился столпник и находится камень Богородицы, на этой горе и был древний Вифлессем.

Вся земля около Вифлессема зовется Ефрант, земля Иудина, об этом пророк говорит: «И ты, Вифлессем, земля Иудина, ничем не меньше среди тысяч Иудиных, из тебя изыдет вождь, который упасет людей моих Израилевых».

Земля около Вифлессема красива, расположена среди гор, много плодовых деревьев и овощей растет по склонам красивых гор: маслины, смоквы, рожки — бесчисленное их множество. Виноградников много около Вифлессема, а по долинам — поля многис.

Близ церкви Рождества Христова, за городской стеной, к югу, на расстоянии полета стрелы, находится в горе пещера, где жила Богородица с Христом и Иосифом.

О доме Иесея, отца Давида.

В стороне от города, к востоку, на расстоянии полета стрелы, находится место под названием Вифиль. Здесь был дом Иесея, отца Давида, в этот дом пришел пророк Самуил и помазал Давида на царство в Израиле, вместо Саула.

О колодце Давида.

Здесь колодец Давида, из которого в древности Давид пил, утоляя жажду.

О месте, где благовестили ангелы пастухам рождество Христово.

Под горою на поле, на востоке, в версте от места рождения Христа, находится место, где ангелы известили пастухов о рождении Христа. Тут была пещера, над ней была создана добрая церковь во имя святого Иосифа. Здесь же был и монастырь. Ныне же все разрушено иноверцами.

Около этого места — красивое поле и многоплодные нивы, растет много масличных деревьев. А называется это место — Агиапимина, что значит в переводе «Святая паства». Здесь под горою по направлению к Вифлессему лежит село святого Саввы.

О пещере и о дубе Мамврийском.

От Вифлсема на юг к Хеврону находится Сугубая пещера и Мамврийский дуб. От Иерусалима до Хеврона верст двадцать восемь, путь идет мимо Вифлсема, до него шесть верст, а от Вифлсема до Афамской реки три версты. Об этой реке Давид говорит в Псалтыре: «Ты исуши реки Афамля, твой есть день и твоя есть ночь». Река эта ныне суха, течет под землею и выходит из-под земли у Мертвого моря, в которое река и впадет.

На другой стороне реки стоит гора, высокая камнная, на горе этой огромные густые леса. Путь через гору эту страшную труднопроходимый, каменистый. Есть здесь крепость большая. В горах нападают сарацины, нет возможности пройти малым группам. Мне же пришлось путешествовать с доброй дружиной и удалось без ущерба пройти через это страшное место. Тут лежит город Асколон, оттуда нападают иноверцы и многих убивают на этом злом пути.

На этой же горе, в лесу, был в свое время убит сын Давида Авессалом, туда он убежал от отца своего. Тут внес его мул в чашу леса, зацепилась его голова волосами за ветви, и повис он высоко на дереве, и прострелили его сердце тремя стрелами. Так он и умер на этом дереве.

Оттуда до колодца Авраама верст десять, а от колодца до дуба Мамврийского верст шесть.

О том же.

Дуб Мамврийский стоит на пути близ дороги на правой стороне, красиво стоит на горе высокой. Около его корней устроен помост из белого мрамора, наподобие церковного помоста. В середине помоста и растет на камне этот святой и дивный дуб. На верху горы около дуба устроено двориче, ровное, чистое, без камней. На этом месте стоял шатер Авраама, близ дуба, к востоку от него.

Дуб этот не очень высок, но раскидист, с густыми ветвями, много плодов на нем. Ветви его склонились к земле, что человек может рукой достать до ветвей. Толщина его два моих обхвата, а ствол до ветвей — полторы сажни.

Дивно и чудно стоит много лет это дерево на такой высокой горе невредимо, не рушится, стоит по воле Бога, как будто недавно посажен.

Под этот дуб приходила Святая Троица к Аврааму и обседала у него под этим дубом. Здесь же благословила Святая Троица Авраама и Сарру, жену его, и дала возможность родить сына Исаака на старости лет. Здесь и воду показала Святая Троица Аврааму, колодец этот находится и ныне вблизи пути под горою.

Вся земля около дуба называется Мамврия, поэтому и дуб зовется Мамврийским. От этого дуба до Хеврона две версты.

О горе Хеврон.

Гора Хеврон большая, и город был на этой горе большой и сильно укрепленный. Здания его древние. Очень много людей было на этой горе, но ныне все опустело. На горе Хеврон вначале поселился внук Ноя, сын Хама, Ханаан. Пришел сюда после всемирного потопа и столпотворения вавилонского и поселился на этой земле около Хеврона. Земля эта называется Ханансонская.

Эту землю предназначил Бог Аврааму, когда он еще находился в Месопотамии и Харране, где был дом отца Авраама. И сказал Бог Аврааму: «Уйди от земли твоей и от дома отца твоего, иди в землю Хананейскую, и тебе дам ту землю и потомству твоему, и Я буду с тобою».

Ныне поистине земля эта Богом обетованна и благословенна всем добром: и пшеницею, и вином, и маслом, и всякими овощами обильна, и скотом умножена. Здесь овцы и другой скот дважды рождаются летом. Пчелы роятся в камнях по этим красивым горам. Виноградники многие возделаны по склонам гор, бесчисленные плодоносные деревья растут, маслины, смоквы, рожки, яблоки, черешня и прочие, и всякие овощи рождаются. И нет лучше и больше овощей нигде на земле под небом. И воды добрые в месте этом, все для здоровья благодатно. Красотою и всем добром удивительна земля около Хеврона.

Здесь был дом Давида, на горе Хевроне. Жил в нем Давид восемь лет, когда был изгнан сыном его Авессаломом.

От Хеврона до Сугубой пещеры Авраама менее полверсты. Сугубая пещера в каменной горе, здесь находится гроб Авраама, Исаака и Иакова. Сугубую пещеру Авраам купил у Ефрона Хеттеянина для погребения своего рода, когда пришел из Месопотамии в землю Хананейскую. Вначале он ничего не имел, но только Сугубую пещеру приобрел для погребения себя и своих потомков.

Ныне около этой пещеры создан небольшой, но крепкий для обороны городок. Сложен он из огромных камней, с чудным и несказанным умением, стены его очень высоки. Среди городка есть пещера. Вымощен весь городок плитами белого мрамора. Пещера эта устроена под помостом, внутри, здесь лежат Авраам, Исаак, Иаков и все сыновья Иакова, и жены их тут лежат, Сарра и Ревекка, кроме Рахили, которая похоронена на дороге у Вифлеема. Гробы в пещере созданы различно, каждый по-своему. Над гробницами построена небольшая круглая церковка. Гробы Авраама и его жены Сарры стоят рядом, гробы Исаака и его жены тоже вблизи друг к другу, гробы Иакова и его жены Илии также вблизи.

О гробе Иосифа.

Гроб Иосифа Прекрасного за пределами городка, вне Сугубой пещеры, на расстоянии брошенного камня от городка. На юг, в одной версте от Сугубой пещеры, возвышается гора, на которую входила Святая Троица с Авраамом. Авраам проводил Святую Троицу от дуба Мамврийского до этой горы. На верху горы, на месте красивом и высоком, Авраам упал лицом своим, поклонился Святой Троице и молился ей¹...

О гробе Лота, что в Сигоре.

Оттуда до Сигора две версты. Здесь находится гроб Лота и двух его дочерей, в двух гробах. В горе большая пещера, в нее убежал Лот со своими дочерьями. Здесь недалеско городище первых людей, было оно на горе той высокой и зовется Сигор.

Более одной версты от этого места, на взгорье к югу от Сигора, стоит столпом каменным жена Лота. А от жены Лота до Содома две версты.

Все это я видел глазами своими, но ногами своими не мог дойти до Содомского места, боясь иноверцев. И не советовали мне туда пойти правоверные люди, говорили они: «Ничего вы там доброго не увидите, но только муку; смрад исходит оттуда, только заболесте от смрада того злого». Оттуда мы возвратились опять к месту Авраама и пришли поздорову в городок, к Сугубой пещере. Здесь поклонились святым местам и отдохнули два дня.

Благодатию Божию встретили добрую большую дружину, идущую в Иерусалим, мы пристали к ней и пошли с радостью и без боязни и дошли благополучно до Иерусалима, хваля Бога, сподобившего нас, недостойных, видеть священные места, неизреченные и несказанные.

На юг от Вифлеема есть монастырь святого Харитона, на той же реке Афанской, недалеско от Мертвого моря, в горах каменных. Около монастыря пустыня. Грозно, сухо и безводно это место, под ним ущелье, каменное и очень страшное. Монастырь огражден стеной, посредине две церкви, в главной церкви стоит гроб Харитона. За пределами ограждения находится усыпальница, созданная искусно, в ней захоронены святые отцы, тела их как живые лежат уже более семисот лет. Тут лежит Кирияк Исповедник, телом цел, тут лежат два сына Ксенофонта, Иоанн и Аркадий, благоухание чудное от них исходит. Здесь поклонились мы Местам Святым и пошли под гору, на юг, от монастыря более одной версты.

¹ Приводимая здесь молитва Авраама опущена.

Есть тут ровное место на ниве, отсюда был восхищен пророк Аввакум, когда он шел с едой и водой на поле к жнцам. Унес его ангел в Вавилон к пророку Даниилу в ров. Здесь он накормил и напоил Даниила и опять восхищен был ангелом и в тот же день был на месте у жнцов и передал им обед. Ныне на этом месте построен теремец в память этого события. Вавилон от этого места более сорока дней пути.

Недалеко от этого места создана церковь со стрельчатыми сводами во имя пророков. Внутри под этой церковью есть большая пещера, и в той пещере лежат двенадцать пророков в трех раках: Аввакум, Наум, Михей, Иезекий, Авдий, Захария, Иезекииль, Измаил, Савеил, Варух, Амос и Осия.

Недалеко отсюда на горе есть село, где живут многие мусульмане и христиане. Это село святых пророков, тут они родились, и село их отчина. Здесь мы ночевали одну ночь, хранимы Божьей благодатью, почтили нас добро христиане этого села. Тут хорошо отдохнули одну ночь, утром встали рано и пошли к Вифлессу. Старейшина сарацинский сам с оружием проводил нас почти до Вифлесса, и через те все страшные места тоже проводил нас. А без предосторожностей не пройти через эти места из-за нападения иноверцев: сюда приходят многие сарацины и разбивают в горах. И дошли до города Вифлесса живыми и здоровыми, здесь поклонились месту рождения Христова, и, отдохнув, с радостью пошли в Иерусалим.

Место, где убил Давид Голиафа.

Есть место недалеко от Иерусалима, на восток от столпа Давида, на расстоянии полета стрелы, на этом месте убил Давид Голиафа. Место это вблизи цистерны, ныне здесь нива добрая.

Здесь на расстоянии одного полета стрелы есть пещера, где лежат мощи многих мучеников, убитых в Иерусалиме в царство Ираклия, зовется это место Агаия Мамила.

Где выросло честное древо.

От этого места до Честного креста одна верста. Место это за горою, на запад от Иерусалима. На этом месте был вытесан подножник для распятия Христа, к нему пригвоздили ноги Христа. Это место огорожено, на середине ограды создана церковь большой высоты, во имя Честного креста, вся хорошо расписана. Под великим алтарем, глубоко под трапезой, хранится пень дерева честного, покрыт пень этот плитами белого мрамора. Прделано круглое оконце против этого дерева. Здесь находится монастырь Иверский (грузинский).

О доме Захарии.

От этого монастыря до дома Захарии версты четыре, место это под горой, к западу от Иерусалима. В этот дом Захарии, в

предгорье, приходила Богородица к Елизавете и целовала ее. Когда Елизавета почувствовала целование Марии (Богородицы), то взыгрался, радуясь, в ее утробе младенец. И говорит Елизавета: «Откуда пришла ко мне Мать Господа моего? Благословенна в женах и благословен плод утробы твоей».

В этом же доме родился Иоанн Предтеча. Ныне на этом месте построена церковь. При входе в церковь на левой стороне, под малым алтарем, находится небольшая пещерка, в этой пещерке и родился Иоанн Предтеча. Место это ограждено каменной стеной.

О горе, куда бежала Елизавета с Предтечей.

Оттуда с полверсты через горное ущелье прибежала к горе Елизавета и сказала: «Гора, прими мать с чадом». И тотчас же расступилась гора и приняла Елизавету. Слуги же царя Ирода, которые гнались следом за Елизаветой, пришли к этому месту, ничего не нашли и возвратились утомленными. Место это, обозначенное камнем, сохранилось и до нынешнего дня. Над этим местом ныне устроена небольшая церковь, под ней есть небольшая пещера, и рядом другая церквушка, перед этой пещеркой приделана.

Из этой пещеры вытекает очень вкусная вода, ее пила Елизавета с Иоанном, когда жила в этой горе до смерти Ирода, и ангел охранял ее. Гора эта очень большая, на ней много леса, и кругом ущелья многие. Находится пещера на запад от Иерусалима. Место это называется Орани. В эту же гору убежал из Иерусалима пророк Давид от царя Саула.

О Раме.

От той горы к западу две версты до Рамы, о которой пророк Иеремия говорит: «Голос в Раме слышан был, плач и рыдание в ушах ее: Рахиль оплакивает чад своих и не хочет утешиться, ибо их нет». Рама расположена в большой теснине, где обосновались многие села. И эта земля около теснины называется Рамма, которая входит в область Вифлсемскую. И царь Ирод послал своих воинов в Раму, чтоб избить всех младенцев.

О Ельмаусе.

От Рамы к западу четыре версты до Ельмауса, где Христос на третий день после воскресения явился Луке и Клеопе, когда они шли в село из Иерусалима. Они узнали Христа, когда он разламывал хлеб. Это было село большое, была здесь и церковь, ныне же все разорено иноверцами, и село Ельмаус опустело. Находилось оно в стороне, за горою, справа по пути от Иерусалима к Яффе.

О Лидде.

От Ельмауса до Лидды четыре версты, идти все по полю. Тут был большой город Лидда, ныне же он называется Рамле. В Лидде апостол Петр исцелил Инея, лежащего на одре.

О Иопии.

От Лидды до Иопии верст десять, идти все по полю. В городе Иопии апостол Петр Тавифу воскресил. В этом городе Петр, пошившийся в горнице девять часов, увидел сходящую с неба плащаницу, подвешенную за четыре края. Петр взглянул и увидел, что плащаница наполнена четвероногими животными и всякими гадами. И был ему голос с неба: «Петр, встань, заколи и ешь». И сказал Петр: «Господи, никогда скверное и нечистое не войдут в мои уста». И ответил ему голос с неба: «Если Бог очистил, ты не осквернишься».

На этом месте ныне создана церковь во имя апостола Петра. Город Иопия близ моря, которое подходит к его стенам. Ныне этот город называется латинским языком Яффа. От Яффы до Арзуфа верст шесть.

О Кесарии Филипповой

От Арзуфа до Кесарии Филипповой версты двадцать четыре, идти около моря. В этой Кесарии апостол Петр крестил Корнилия. Недалеко, в более двух верстах от города на юг, гора, где жил Мартиниан, к которому приходила блудница искушать его.

О Капернауме.

От Кесарии Филипповой до города Капернаум верст восемь. Город Капернаум большой, жителей в нем было много. Ныне же город этот пуст. Находится он близ великого моря Средиземного. О Капернауме пророк говорит: «О, горе тебе, Капернаум! Вознесся ты до небес и сойдешь до ада». Из этого города ожидался выход антихриста, поэтому жители (латиняне) и покинули Капернаум.

О горе Кармильской.

От Капернаума до Кармильской горы верст шесть. В пещере на этой горе жил пророк Илья, здесь он приручил и кормил ворона. На этой горе Илья заколол ножом Вааловых жрецов, сказав: «Ревнуня поревновал о Господе Боге мосм». Кармильская гора очень высокая, поблизости, не более версты от нее, великое море Средиземное. От Кармильской горы до города Кайфа одна верста.

О городе Акра.

От Кайфы до Акры верст пятнадцать. Город Акра большой и укреплен, у города залив добрый, город этот сараинский, ныне же им владеют латиняне. От Акры до города Тира верст десять, а от Тира до Сайды верст десять. Здесь находится Сарента Сайдовская, в этом селе пророк Илья воскресил сына вдовицы.

О городе Бейруте.

От Сайды до города Бейрута верст пятнадцать. В этом городе евреи пронзили копьем икону Христа, а из нес пролилась кровь и вода. Тогда многие люди крестились и приняли христианство. В Бейруте учились философии Ксенофоновы сыновья Иоанн и Аркадий. От Бейрута до Жебаила (Библоса) двадцать верст, а от Жебаила до Триполя (Тарабулуса) сорок верст, а от Триполя до реки Судии (Суэции) шестнадцать верст.

О Великой Антиохии.

На этой реке стоит город Великая Антиохия, удален от моря верст на восемь, далее в ста верстах Латакия, а также Малая Антиохия, Капинорос, Мавроноос, городок Адамия и небольшой остров Хелидония. Эти все города около моря (Средиземного), и все эти города мы миновали морем, не приставая, прошли недалеко от них; из-за воснной опасности не пристали и в Хелидонии. Оттуда пришли в Миры и к городу Патара около этого города встретили нас на четырех галерах корсары, захватили нас и всех ограбили. А оттуда дошли живыми и здоровыми до Царьграда.

О Галилеи и озере Тивериадском.

От Иерусалима путь шел в Галилею, к Тивериадскому озеру, Фаворской горе и к Назарету. Вся земля около Тивериадского озера зовется Галилея, расположена она от Иерусалима на юго-востоке. Город Тивериада удален от Иерусалима на четыре дня пешего хода, путь от него страшен и очень тяжел; по горам каменным надо идти три дня, а четвертый день около Иордана идти на восток по зем, до самого верховья Иордана, до его истока.

И судил мне Бог так пройти этим путем. Пошел иерусалимский князь Балдуин I со своими крестоносцами на войну к Дамаску; путь их шел к Дамаску мимо Тивериадского озера. Я узнал, что князь хочет идти этим путем, пришел к нему, поклонился и сказал: «И я хотел бы пойти с тобою к Тивериадскому озеру, чтобы там походить по всем Святым Местам около Тивериадского озера. Ради бога, возьми меня, князь». Тогда князь с

радостью великой повелел мне пойти с собой и нарядил меня к своей личной охране.

Тогда я с радостью великой нанял коней для себя и прошел без страха и потерь с царскими воинами все страшные места. Без войска этот путь никто не может пройти, только императрица Елена ходила этим путем.

Путь к Тивериаде такой: от Иерусалима до колодца Богородицы верст десять, а от колодца до Гельвуйских гор четыре версты. На этих горах Гельвуйских был убит Саул, царь иудейский, и сын его Ионафан. Горы эти великие, каменные, сухие, безводные, даже росы на них никогда не бывает. От гор этих до колодца Давида версты две, а от этого колодца до пещеры Давида версты четыре. В этой пещере предал Бог царя Саула в руки Давида, который и убил его, взял меч и ручное полотенце.

От этих гор до Сихемских гор и до рва Иосифа Прекрасного версты четыре. На этих горах сыновья Иакова пасли стада отца своего, пришел к своим братьям Иосиф, от отца своего был послан к ним с миром и благословением. Они же, увидев брата своего, схватили его и бросили в ров, который сохранился и до наших дней. Ров этот как стена, глубокий, обложен камнями.

На этом месте пришлось нам ночевать. Место это находится с правой стороны, если идти туда, недалеко от пути.

О колодези Иакова.

Оттуда до селения Иосифа, которое называется Аскар, верст десять. Тут есть колодец Иакова, глубок и велик, вода в нем студеная и вкусная; у этого колодца Христос беседовал с женою-самарянкой. Здесь мы ночевали.

О Самарии.

В полверсте от этого колодца находится город Самария. Это очень большой и богатый город, стоит он между двумя горами высокими, много здесь водных источников с холодной водой, которые красиво текут посредине града. Растут здесь бесчисленные плодовые деревья: смоквы, рожки, ореховые и масляные деревья, как дубравы, как леса по всей земле около Самарии. В окрестностях раскинулись нивы многоплодовитые. Вся земля около Самарии красотой своей чудесна. Место это обильно всем добром: маслом и вином, пшеницей и овощами, просто сказать — всем этим добром живет Иерусалим.

Ныне город Самария зовется Неаполи (Наблус).

От города Самарии в двух верстах к западу находится место, называемое Себустия (Севастополи). Тут создан небольшой го-

родок, в нем находится темница Иоанна Крестителя. В этой темнице была отсечена по приказу Ирода голова Иоанна Предтечи. Здесь стоит гроб его и создана хорошая церковь во имя Иоанна Предтечи. Ныне здесь богатый католический монастырь.

О городе Аримофеи.

Оттуда четыре версты до Аримофеи, здесь стоят гробы Иосифа и Малелеила. К западу от Самарии в горах создан небольшой городок и церковь добрая со стрельчатым верхом над гробом Иосифа. Место это зовется Аримофсей. Путь от Самарии к Тивериадскому озеру на юго-восток.

О городе Бейсане.

От Самарии до города Бейсана верст тридцать. В том городе был царем Бейсанским Ог, его убил Иисус Навин у Иерихона. Место это страшно и грозно. Вытекают из города Бейсана семь рек, растет высокий тростник по этим рекам, финиковые высокие деревья стоят как лес густой. Место это страшно и труднопроходимое. Здесь живут сарацины сильные, другой веры, и разбойничают на бродах рек.

Много львов здесь рождается. Место это близ Иордана-реки, равнина большая, низменная, протянулась от Иордана до Бейсана, отсюда и реки текут в Иордан. Львов много в этих местах.

Близ города к востоку имеется дивная пещера, она самой природой создана крестообразно. Из этой пещеры исходит источник. Есть здесь купель чудная самой природой созданная. В этой купели сам Христос купался со своими учениками. Место, где Христос сидел на камне, сохранилось и до сегодняшнего дня. И мы, грешные и недостойные, здесь купались.

В городе Бейсане евреи испытывали Христа, показали ему динарий и сказали: «Достоен ли он дани или нет?» И Христос ответил им: «Чей здесь образ и подпись? Отдайте кесарево кесарю, а Божье Богу». И сказал Христос, обращаясь к Петру: «Иди и забрось удочку в море, какую раньше поймалась рыбу, открой ей пасть, изыми отсюда статир (монету, составляющую четыре драхмы) и отдай за меня и за себя». У этого города Бейсана Христос исцелил двух слепых.

О Иордане-реке.

От Бейсана до Верховья Иордана верст двадцать. Путь идет все по ровному месту, если идти к востоку вверх Иордана. Вода его очень вкусная и чистая.

Иордан вытекает из Тивериадского озера двумя бурными источниками. Один источник называется Иор, а другой Дан, от них

и образовалось название Иордан. Расстояние между этими реками у Тивериадского озера чуть больше трехкратного полета стрелы или полверсты, а затем эти обе реки сливаются в одну реку, которая и называется по имени двух источников.

Течет Иордан быстро чистой водой, очень извилисто. Всем он напоминает реку Снов: и шириной, и глубиной, и поймой. Вверху Иордана много рыбы. В самом верховье через оба потока прочно созданы два каменных моста, под ними через своды и течет Иордан.

О мытнице Матвеевой.

Вблизи этих мостов была мытница Матвеева, апостола Христа. Здесь сходятся пути через Иордан в Дамаск и в Месопотамию. В этом месте король Иерусалима Балдуин с воинами остановился на обед. Тут и мы остановились с ними и купались в самом верхе Иордана и Тивериадском озере. Побродили тогда без страха и боязни около Тивериадского озера, осмотрели места, где Христос ходил своими ногами. Здесь и мне, худому и грешному, сподобил Бог походить и осмотреть землю Галилейскую, которую никогда я не надеялся увидеть, походить по ней своими ногами недостойными и увидеть своими грешными глазами желанную землю.

Не ложно, но истинно, что увидел, о том и написал. Многие другие, посетившие эти места, не могли обстоятельно осмотреть. Иные много лгут и лукавят, хотя и не доходили до этих мест. Мне же, худому, указал Бог старого, книжного, добродетельного человека, жившего в Галилее лет тридцать и в лавре святого Саввы двадцать лет, и этот человек показал все поистине, что хорошо узнал из книг. И это дало возможность мне, грешному, хорошо все увидеть.

Стояли мы у мостов весь день, и к вечеру король Балдуин пошел за Иордан к Дамаску со своими войсками, мы же пошли в город Тивериада и пробыли здесь девять дней, пока не вернулся король Балдуин с войны от Дамаска. Мы же до этого обошли святые места около Тивериадского озера.

О Тивериадском озере.

Тивериадское озеро доступно для обхода, вода его очень вкусная, не можешь остановиться, когда пьешь эту воду. В длину озеро пятьдесят верст, а поперек двадцать верст. Рыбы в нем очень много, и есть одна рыба, дивная и чудная, эту рыбу и Христос любил есть, очень вкусная рыба, лучше всяких рыб. Своим видом она похожа на карпа. И я сам ел много раз эту рыбу, когда был в Тивериаде. Рыбу эту ел Христос после воскресения, когда пришел к своим ученикам, ловящим рыбу, и ска-

зал им: «Дети, есть ли у вас что из сды?» Они же ответили: «Нет». И сказал Он им: «Бросьте сети в правую сторону».

О верховье Иордана.

От верха Иордана и от мостов до бани Христа, Богородицы и апостолов верст шесть, а от бани до Тивериады одна верста.

Город Тивериада очень большой, две версты в длину и верста в ширину, подалее Тивериадского озера. В этом городе много чудес сотворил Христос. В середине города есть место, где он прокаженного очистил. Здесь дом тещи апостола Петра, где Христос, войдя в дом, исцелил тещу Петра от огненной болезни. На этом месте создана круглая церковь во имя апостола Петра. Здесь был и дом прокаженного Симона, где блудница на вечере омочила слезами пречистые ноги Иисуса Христа, отрезала свои волосы и приняла отпущение своих бесчисленных грехов. В этом же городе Христос исцелил глухую женщину. Тут же было чудо с сотником. Тут же Он хананеянку помиловал. Есть здесь пещера с очень вкусной и холодной водой, в эту пещеру Христос вбежал, когда хотели его царем поставить в Галилеи. И другие многие чудеса сотворил в этом городе.

В этом же городе стоит гроб пророка Елисея, сына Иасафата. На пути к этому гробу находится гроб Иисуса Навина.

Недалеко к востоку от озера находится большой камень, на котором стоял Христос и учил людей, которые пришли к нему от поморья Тирского и Сидонского, от Декаполя и от всей Галилеи. Оттуда отпустил он народы и своих учеников, и ушли они на кораблях на другую сторону озера, а сам Христос остался здесь и после пошел по воде, как посуху, ногами своими и появился на другом берегу озера перед народом. Пришедшие люди нашли Христа и спросили: «Учитель, когда ты пришел сюда?» Он же ответил: «Богу все возможно, а человеку невозможно». От Тивериады по воде верст десять до этого места, которое находится на пригорке от озера в одной версте.

Где Христос накормил пять тысяч мужей.

Место это ровно и травянисто, на этом месте Христос накормил пять тысяч, не считая женщин и детей, пятью хлебами и еще осталось двенадцать корзин кусков хлеба.

Где Христос в третий раз явился своим ученикам, встав из мертвых.

Недалеко от Тивериадского озера под горою есть место, где Христос третий раз явился своим ученикам после воскресения. Он явился, встал у озера и сказал: «Дети, есть ли у вас еда?» Они же ответили: «Нет». И сказал им Христос: «Бросьте сети на

правую сторону и найдете». Они же забросили сети и не могли вытащить их от множества рыбы, затем извлекли на сушу сети, полные больших рыбин, сто пятьдесят три рыбины, и увидели у сетей огонь, хлеб и печеную рыбу, и тут сл Христос и кроме того дал и ученикам. Недалеко отсюда создана церковь во имя апостолов. Вблизи был дом Марии Магдалины, здесь Христос освободил ее от семи бесов. Это место называется Магдалисей.

О городе Вивсаиде.

Недалеко отсюда в горе расположен городок апостолов Андрея и Петра — Вивсаида. В этом месте был приведен Нафанаил к апостолам Петру и Андрею.

Куда Христос пришел к своим ученикам, ловившим рыбу.

На Тивериадском озере есть место, куда Христос пришел к Заведею и к апостолам Андрею и Петру, которые тянули сети и застряли. Апостолы Андрей и Петр узнали Христа, оставили ладью и сети и пошли следом за Христом. Близ озера было село Заведея отца Иоанна и дом Иоанна Богослова. Здесь Христос изгнал из человека легион бесов, превратил их в свиней и утопил в озере. Недалеко отсюда находится село Капернаум.

Близ этого села протекает большая река, она вытекает из озера Генисаретского (Мелехского) и впадает в Тивериадское озеро. Озеро Генисаретское очень большое, круглое, в длину и ширину по сорок верст, рыбы в нем множество. Поблизости находится город, который называется Генисарет, поэтому и озеро называется Генисаретское.

О городе Декаполиси.

Тут находится другой большой город — Декаполис (Десятиградие). Здесь есть ровное место вблизи озера, где Христос стоял и учил народ, пришедший от Декаполия и поморья Тирского и Сайдского (Сидонского). Об этом месте говорится в Евангелии. Много чудес сотворил Христос около того озера.

О горе Ливанской.

На другом берегу озера, на юго-восточной стороне, стоит очень высокая и большая гора, снега на ней лежат все лето, называется эта гора Ливан. На этой горе рождается ладан (фиммиам) белый. С Ливанской горы стекает двенадцать больших рек, шесть из них текут на восток, а шесть на юг, впадают эти реки в озеро Генисаретское, а другие шесть рек идут к Великой Антиохии. Это место называют Месопотамия, что значит Средиречье. Тут, между теми реками, находится Харран, отсюда вышел Авраам.

Водой этих рек наполняется озеро Генисаретское, а из этого озера течет большая река в Тивериадское озеро и умножает воды этого озера, из него течет Иордан, как уже раньше говорил все верно об Иордане.

Я не смог дойти своими ногами до Ливанских гор из-за страха нападения иноверцев, но рассказали мне хорошо об этой горе христиане, которые там проживают, и не дали идти нам к Ливанской горе. Много иноверцев живет на этой горе. Глазами же своими мы видели и эту гору и места около озера Генисаретского, которое находится в двух верстах на юго-восток от Тивериады.

О Фаворской горе.

Фаворская гора и Назарет находятся в восьми верстах на запад от Тивериадского озера. Только надо подняться на одну гору и на другую небольшую надо взлезать, а весь другой путь приходится идти до Фаворской горы по ровному месту.

Фаворская гора чудно, дивно, несказанно и красиво уродилась у Бога. Она красиво и величественно посреди красивой равнины стоит, как круглый стог. Она красивее всех других гор. В долине около горы течет река. По всей Фаворской горе растет много всяких деревьев: смоковых, рожков, масличных.

Выше всех окрестных гор Фаворская гора, уединенна от других гор, и стоит посреди равнины очень красиво, как умело сделанный стог, круглый и очень высокий, великий окруженностью. Высота горы выше, чем человек может с нее четырежды пустить стрелу, а если вверх стрелять, то и за восемь раз не дострелишь до ее верха. Гора вся каменная, всходить на нее по камням трудно и опасно, приходится руками на нее лезть, путь очень тяжок. Едва мы на нее влезли, с третьего по девятый час добирались до самого верха, хотя шли быстро.

На самом верху горы, к северо-востоку, есть место высокое, как горка каменная, небольшая, островерхая. На этом месте произошло преображение Христа. Здесь создана церковь во имя Преображения, а другая церковь — во имя святых пророков Моисея и Ильи — создана подальше, на север от Преображения.

О месте, где Христос преобразился.

Место преображения прочно ограждено каменной стеной с железными воротами. Вначале здесь находилась епископия, ныне же католический монастырь. Перед этой стеной на верху горы красивая площадка с водой. Это чудное и дивное Божье устройство на такой высоте. На самом верху горы много воды, нивы, добрые сады, деревья плодовые. Видно с нее очень далеко.

О пещере Мелхиседека.

На Фаворской горе есть пещера чудная, ровная, как небольшой погребец, высеченный в камне, с небольшим оконцем на верху пещеры. На востоке в пещере создана трапеза. Дверцы малые, влезать в пещеру с запада по ступням. Перед дверьми растут небольшие смоковницы и различные деревья. В прошлом около пещеры был большой лес, ныне же малые и захудалые деревца растут. В этой пещере жил Мелхиседек. Сюда приходил к нему Авраам и трижды воззвал: «Человек божий!» Мелхиседек вышел, вынес хлеб и вино, устроил жертвенник в пещере, сотворил хлебом и вином жертву, и тотчас же жертва была взята на небо к Богу. И тут благословил Мелхиседек Авраама, который остриг его, обрезал ногти (будто бы был космат Мелхиседек). С этого и началась служба хлебом и вином, а не пресным хлебом. Об этом пророк говорит: «Ты священник на века по уставовленному Мелхиседеском порядку». Эта пещерка расположена вдали от Преображения, на запад, на расстоянии полета стрелы.

В монастыре Преображения нас гостеприимно приняли, мы пообедали, хорошо поспали и, вставши, пошли в церковь Преображения и поклонились Святому Месту, где Христос преобразился, поцеловали это место с любовью и радостью великой; затем, взяв благословение у игумена и монахов, ушли из монастыря и обошли все святые места на этой горе. Оттуда пошли мимо пещеры Мелхиседека к Назарету.

Назарет — на запад от Фавора. Второй раз влезли в пещеру Мелхиседека, поклонились святой трапезе, которую создал Мелхиседек с Авраамом. Эта трапеза сохранилась и донныне. Здесь отдыхают все верные, живущие на этой святой горе, они нам поведали об этом по истине. Мы восхвалили Бога, сподобившего нас, худых и недостойных, видеть эти места и целовать их устами недостойными. Затем сошли долой с горы на равнину и пошли полем две версты на запад к Назарету.

От Фаворской горы до Назарета пятнадцать верст великих, по ровному месту две версты, а три версты по горам, путь очень тяжел, тесен и непроходим. Многие иноверцы арабы устраивают засады в горах (их села расположены на равнине) и бьют пришельцев в этой страшной горе. Невозможно пройти здесь небольшой группе людей, только со многот дружиной можно пройти без страха по этому пути. Мы же обошли без дружины, одни и без оружия прошли по этим местам (а было нас только восемь человек, и то слабых) и благополучно дошли до города Назарета, где было благовещние Богородице от архангела Гавриила и где был вскормлен Христос.

О городе Назарете.

Назарет — городок небольшой, в горах, на склоне, даже не дойдя до него его можно видеть. Посреди городка создана церковь, большая и высокая, с тремя алтарями. Когда войдешь в церковь, то с левой стороны есть небольшая пещерка перед малым алтарем, с двумя небольшими дверцами, одни из них — с запада, а другие — с востока. Влезать в пещеру по ступеням, идущим из обеих дверей. Если влезть в пещеру западными дверями, то на правой стороне создана келья, с двумя небольшими дверцами. В этой келии и жила Богородица с Христом, в этой храмнице и был вскормлен Христос, тут и кровать Его, где Он лежал. Кровать низкая, на земле создана.

О гробе Иосифа-обручника.

В этой пещере, если войти западными дверями, на левой стороне находится гроб Иосифа-обручника, мужа Марии. Тут его Христос Сам, Своими пречистыми руками похоронил. Исходит из стены около гроба вода святая белая, и берут ее на исцеление больных.

О пещере, где сидела Богородица.

В этой пещере, близ западных дверей, есть место, где сидела Богородица и сучила кокнит, то есть багряницу. Сюда пришел архангел Гавриил, посланный Богом к девице Марии...

О доме Иосифа-обручника.

Здесь, где пещера, был дом Иосифа, и все сказанное происходило в этом доме Иосифа, мужа Марии. Над пещерой создана церковь во имя Благовещения. Место это сначала было заброшенным, но католики его обновили и устроили хорошо, здесь находится католический епископ, очень богатый, он владеет этим святым местом.

Здесь угостили нас хорошо и питьем, и едой, и всем возможным. В этом городе мы ночевали. И, хорошо отдохнув, утром встали и пошли в церковь поклониться святому месту. Затем вышли из города и пошли на юго-восток, встретили чудесный колодец, глубокий, с очень холодной водой, сошли по ступеням глубоко вниз к воде. Над этим колодцем создана круглая церковь во имя архангела Гавриила.

О колодце, где архангел принес первое благовестие.

Расстояние от города Назарета до колодца чуть больше полета стрелы. У этого колодца было первое благовестие Богородице от архангела. Пришла она по воду, и, как только почерп-

нула своим водоносом, архангел невидимо возгласил: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!» Мария оглянулась, никого не видит, но только слышит голос. Взяв свой водонос, она идет и думает: «Что значит этот голос, который слышала, но никого не видела?»

Пришла она в Назарет, вошла в свой дом, села за прялку и стала ссучивать кокнит (кошенильскую красную пряжу). Тогда явился архангел Гавриил явно, стоя на вышесказанном месте, сообщил ей о рождении Христа.

От Назарета до села Исавова пять верст.

О Кане Галилейской.

От села Исавова до Каны Галилейской полторы версты. Находится она на людном пути, здесь Христос превратил воду в вино. Тут мы встретились с большим отрядом (крестonosцев), идущим в Акру, пристали к нему с большой радостью и пошли с ним в Акру.

Акра был городом арабским, ныне же им владеют фряги. Он находится на Средиземном море, залив под ним очень хорош; всем этот городок обилен. От Назарета до Акры верст двадцать пять на юг от Назарета.

Пробыли мы в Акре четыре дня, хорошо отдохнули, нашли многие отряды, идущие в Иерусалим, пристали к ним и пошли с радостью и веселием. Пришли в Кайфу, а оттуда к горе Кармилской. В этой горе находится пещера Ильи-пророка. Мы поклонились ей и направились в Капернаум. Оттуда пришли в Кесарию Филиппову (Кейзарю), путь идет по ровному месту около моря, иногда по пескам, до Кесарии. Пробыли в этом городе три дня. Здесь жил Корпиллий, которого апостол Петр крестил.

От Кесарии пошли в Самарию, путь идет влево от города, в горы; верст двадцать от Кесарии до Самарии. На другой день к полудню прибыли в Самарию, шли медленно из-за сильного зноя, в такой зной люди не могли идти пешком. Ночь провели перед городской стеной у колодца Иакова, где Христос беседовал с женой-самарянкой.

О Иерусалиме.

Оттуда пошли своим путем, которым раньше вышли из Иерусалима, и с радостью великой и здоровыми прибыли в святой город. Никакого зла не видели мы на пути, но хорошо дал нам Бог видеть на пути все святые места, где ходил Христос ради нашего спасения. Туда и нас, грешных, сподобил ходить и видеть места и чудную землю Галилейскую своими глазами и обойти всю землю Палестину.

Божьей благодатью и молитвами Богородицы путешествовали без пакости и обошли всю Палестинскую землю. Так называется земля около Иерусалима. Божьей помощью укреплялись во время путешествия, не видели нигде ни поганых, ни лютых зверей и никакого зла. Не чувствовал даже малой немощи, но всегда, как парящий орел, силою укреплялся. И если подобает похвалить меня, то я похваляюсь силою Христа: сила моя в немощи, как говорит апостол Павел. Да что я воздам за все Богу, который дал мне, грешному и недостойному, столько благодати видеть и походить по святым местам и исполнить желание моего сердца,— мне, недостойному и худому рабу? Да простите меня, братья, отцы и господа мои, не пренебрежите худоумием моим, что написал не искусно, а просто о местах святых, о Иерусалиме и о земле обетованной. Хотя и не мудро написал, но не ложно: как видел своими глазами, так и написал.

О свете небесном, как он сходит к гробу Господа.

Мне, худому и недостойному рабу, пришлось увидеть своими грешными глазами, как сходит свет к гробу Иисуса Христа. Многие странники неверно говорят о нисхождении Света Святого. Одни говорят, что Святой Дух голубем сходит к гробу Господнему, другие — сходит молнией с неба и так зажигаются лампы над гробом. Все это ложь и неправда: ничего этого не было видно, ни голубя, ни молнии, но невидимо сходит с неба Божья благодать и зажигает лампы у гроба. Об этом и расскажу поистине все, как видел.

В великую пятницу после вечерней службы натирают гроб Господний, промывают лампы все, вливая в них масло без воды, только одного масла. И, воткнув фитили в оловянные держатели, не зажигают их, а оставляют в лампадах незажженными. Запечатывают гроб в два часа ночи, тогда же гасят все лампы и свечи по всем церквам в Иерусалиме.

Тогда я, худой и недостойный, в эту пятницу в один час дня пошел к князю Балдуину и поклонился ему до земли. Он же, увидев меня, худого, подозвал к себе с любовью и спросил: «Что хочешь, игумен русский?» Он хорошо знал меня и очень любил, был он человеком добродетельным, очень скромным и ничуть не гордился. Я же сказал ему: «Князь мой, господин мой, прошу тебя ради Бога и князей русских, разреши, чтобы я поставил свое кадило на святом гробе от всей Русской земли».

Тогда он милостиво и любовно разрешил мне поставить кадило на гробе Господнем, послал со мною человека, своего лучшего слугу, к эконому церкви Воскресения и к тому служителю, который держит ключ гробный. Эконом и ключарь святого гроба разрешил и мне принести свое кадило с маслом.

Я, поклонившись им, пошел с большой радостью, купил большое стеклянное кадило, налил в него масла честного, принес уже вечером к гробу Господню и упросил ключаря впустить внутрь гроба Господня. Он открыл мне двери, велел снять калиги, босого ввел меня с кадилком и разрешил мне поставить кадило на гробе Господнем. Я поставил своими руками грешными в ногах, там, где лежали пречистые ноги Христа. В головах стояло кадило греческое, на груди было поставлено кадило монастыря Саввы и всех других монастырей. Сохраняется такой обычай — во все годы ставить кадило греческое и монастыря Саввы. Благодатью Божьей тогда зажгли все эти три кадила. А католические кадила были повешены вверх, и ни одно из них не возгорелось. Я же тогда, поставив кадило, поклонившись честному гробу и поцеловав с любовью и со слезами Святое Место, где лежало тело Христа, вышел из гроба с великой радостью и пошел в свою келью.

Утром в великую субботу в шесть часов дня собираются все люди у церкви Воскресения, приходит бесчисленное множество народа от всех стран, местные жители и пришельцы, от Вавилона и Египта, от всех концов земли собирается в этот день множество людей. Все места около церкви и около распятия Христа заполняются людьми. Великая теснота и лютое томление тогда бывает людям. Многие люди задыхаются тут от тесноты людской. Все собравшиеся люди стоят с незажженными свечами и ждут открытия церковных дверей.

Внутри же церкви тогда находятся только одни попы, и ждут попы и все люди, когда придет король с дружиной. Тогда и открываются двери церковные, и люди входят в церковь в великой тесноте, и в гнетении наполняют церковь и палаты. Всех людей церковь не может вместить, и многие люди вынуждены стоять вне церкви, около Голгофы, около Кранисва места и там, где был найден крест (на котором Христа распяли). И все это будет заполнено бесчисленным множеством людей.

Все люди в церкви и вне церкви ничего иного не говорят, только «Господи, помилуй!». Взывают непрерывно и вопят так сильно, как будто стучит и гремит все это место от вопля людей. Тут источники слез проливаются у верующих людей. Если бы кто имел каменное сердце, то и тогда не мог бы не прослезиться. Всякий человек тогда обращается к себе, вспоминает грехи свои и говорит сам себе: «Неужели из-за моих грехов не сойдет Святой Свет?»

И так стоят все верующие люди со слезами и сокрушенным сердцем. Тут и сам король Балдуин стоит со страхом и великим смирением, из глаз его чудно проливаются слезы. Также и воины

его стоят около самого гроба, близ великого алтаря, стоят со смирением.

И когда наступило семь часов дня субботнего, тогда пошел король Балдуин со своими войсками к гробу Господню из дома своего, все шли пешие. Король прислал в придворье монастыря Саввы и позвал игумена и монахов, они пошли к гробу Господнему, и я, худож, пошел с ними.

Пришли мы к королю и поклонились ему. Тогда и он поклонился игумену и всем монахам и повелел игумену монастыря Саввы и мне, художу, близ себя пойти, а другим игуменам и всем монахам повелел перед собой пойти, а войскам своим повелел сзади пойти. И пришли в церковь Воскресения к западным дверям. И множество людей обступили двери церковные, и не могли тогда в церковь войти. Тогда король Балдуин приказал воинам разогнать людей силою, и была проложена среди толпы дорога, как улица, до самого гроба. Прошли мы к восточным дверям гроба Господня, король впереди прошел и встал на своем месте, на правой стороне у ограды великого алтаря, против восточных дверей и дверей гроба. Тут находилось место короля, созданное на возвышении. Повелел король игумену монастыря Саввы со своими монахами и православным попом встать над гробом. Меня же, художого, повелел поставить высоко над самыми дверями гробными, против великого алтаря, чтобы мне было видно в двери гробные. Двери же гробные все три запечатаны, запечатаны печатю царскою.

Католические попы в великом алтаре стояли. И как наступил восьмой час дня, начали вечернюю службу вверху гроба попы православные, были тут и все духовные мужи и многие пустынноики. Католики в великом алтаре начали верещать по-своему. Так все они и пели, и я тут стоял и прилежно смотрел в двери гробные. И как начали читать паремии великой субботы, на первом чтении паремии вышел епископ с дьяконом из великого алтаря, подошел к дверям гробным, посмотрел в гроб сквозь крестец дверей, не увидел света в гробе и возвратился назад. И как начали читать шестую паремию, тот же епископ подошел к дверям гробным и ничего не увидел. Тогда все люди завопили со слезами: «Кирие, елейсон!» — что значит: «Господи, помилуй!» И тогда миновал девятый час и начали петь песнь проходную «Господу поем», тогда внезапно пришла небольшая туча с востока и стала над непокрытым верхом церкви, пошел небольшой дождь над гробом и очень намочил нас, стоящих у гроба. Тогда внезапно и засиял Святой Свет в святом гробе, исходило из гроба блистание яркое.

Пришел епископ с четырьмя дьяконами, открыл двери гробные, взял свечу у короля Балдуина, вошел в гроб, зажег первой

королевскую свечу от Света Святого, вынес из гроба эту свечу и подал самому королю в руки. Встал князь на своем месте, держа свечу с великой радостью. От свечи короля мы зажгли свои свечи, а от наших свечей все люди зажгли свои свечи. Свет Святой не такой, как земной огонь, но чудный, светится иначе, пламя его красное, как киноварь, несказанно светится.

Так все люди стоят со свечами горящими и вопиют велегласно, с радостью великой и с веселием: «Господи, помилуй!» Не может быть такой радости человеку, какая бывает всякому христианину, увидевшему Свет Святой. И если кто не испытывает радости в этот день, то не имеет веры ко всему виденному. Но если люди мудрые, преданные и сильно веруют, то власть посылают это сказание об этой истине и о Местах Святых. Если человек верен в малом, то и во многом верен, а злему человеку, неверному, истина крива. Мне же, худому, Бог свидетель, гроб Господен и вся дружина русская, русские сыны, находившиеся в тот день у гроба, новгородцы и киевляне: Изяслав Иванович, Городислав Михайлович, Кашкичи и многие другие, которые знают меня, худого, и об этом моем сказании.

Но возвратимся на прежнее повествование. Когда свет воссияет в гробе Господнем, тогда прекращается пение и все люди возопят «Кирие, елейсон!», входят в церковь с радостью великой, со свечами зажженными, стараясь, чтобы свечи не потухли. От Святого Света зажигаются и лампы в церквах. Кончается пение вечернее дома, а в церкви у гроба Господня пение кончают только одни попы без богомольцев. Тогда и мы с игуменом и монахами пошли в свой монастырь Саввы, неся горящие свечи. Здесь кончили вечернее пение и разошлись по кельям, хваля Бога, показавшего нам, недостойным, такую благодать.

Утром в святое воскресенье отпели заутреню, поцеловались с игуменом и монахами и были отпущены в час дня. Игумен и все монахи, взяв крест, пошли к гробу Господню, распевая кондак: «Аще и в гроб сниде, бессмертный!» Вошли в церковь, поцеловали гроб Господен с любовью и с теплыми слезами. Насладились здесь благоуханием и кадилом, горящим светло и чудно. Зажглись тогда и три кадила, как сообщил нам эконоом и ключарь. Оба они сказали: «Только три кадила тогда зажглись, а пять кадил, висящих над гробом, зажглись позже». Свет этих кадил не такой, как трех кадил нижних, которые светились изрядно и чудно. Потом ушли от гроба восточными дверями к великому алтарю, поцеловались здесь с православными и были отпущены. Игумен же с монахами вышли из церкви Воскресения, пришли в свой монастырь и здесь отдохнули до службы.

На третий день праздника Воскресения Христа, после службы, я пошел к ключарю гроба Господня и сказал ему: «Я хотел

бы взять кадило свое». Он с любовью взял меня, ввел одного к гробу. Я вошел к гробу и увидел кадило свое, стоящее на гробе и еще горящее Светом Святым, поклонился гробу, поцеловал с любовью и слезами Место Святое, где лежало тело Христа. Я измерил гроб в длину и ширину и высоту (при людях невозможно никому его измерять).

Я почтил гроб Господен по своим возможностям, как мог, ключаря поблагодарил и дал ему нечто малое. Он же, видев любовь мою к гробу Господню, отодвинул доску в головах гроба и, взяв небольшой святой камень, подарил его мне, запретив кому бы то ни было в Иерусалиме об этом говорить. Я, поклонившись гробу Господню и ключарю, взяв кадило свое с маслом, вышел с радостью великой, обогатился благодатью Божьей, унес в своих руках дар святого места и знамение гроба Господня, шел в келью своєю с великой радостью.

Бог мне свидетель и гроб Господен, что я во всех местах никогда не забывал русских князей и княгинь, их детей, игуменов, бояр и детей моих духовных и всех христиан. Но во всех местах поминал их, вначале молился за всех князей, а потом и о своих грехах. Хвалю Бога, что сподобил меня, худого, записать в поминальную книгу в лавре Саввы имена князей русских, и ныне поминаются они на службах с их женами и детьми. Вот имена князей: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давид Святославич, Михаил-Олег, Панкратий Святославич, Глеб Минский. Записал имена только тех князей, каких помнил, о других всех русских князьях и о боярах молился у гроба Господня и во всех местах. Заказывал пятьдесят литургий за здравствующих русских князей и всех христиан, и сорок литургий отпели за умерших.

Пусть все читающие с верой и любовью это описание гроба Господня и всех Святых Мест примут мзду от Бога равно с ходившими в Святые Места. Блаженны те, кто видел и веровал, трижды блаженны те, кто не видел, но уверовал. Верую пришел Авраам в землю обетованную; поистине вера равна добрым делам. Ради Бога, братья и господа мои, не осуждайте мое худоумие и мою глупость. Да не хулите описание ради меня, гроба Господня и ради Святых Мест. Кто с любовью прочтет, тот мзду примет от Спаса Иисуса Христа. И Бог даст мира всем вам во веки веков. Аминь.

ПУТЕШЕСТВИЕ МОСКОВСКИХ КУПЦОВ ТРИФОНА КОРОБЕЙНИКОВА И ЮРИЯ ГРЕКОВА

Московский купец, а есть предположение, что подьячий, Трифон Коробейников, которому приписывалось авторство этого «хожения», был участником посольства Ивана Грозного в Царьград и на Афон, отправленного в 1582 г. с милостыней на помин души убиенного отцом царевича Иоанна Иоанновича. В 1593—1594 гг. Коробейников побывал в Царьграде и в Иерусалиме с дьяком М. Огарковым, посланным опять с милостынею, но уже заздравной, на рождение у царя Федора Иоановича царевны Феодосии.

Но самое популярное на Руси «хожение» Трифона Коробейникова (известно около 400 его списков) на самом деле лишь позднейшая обработка сочинения Василия Познякова (2-я половина XVI в.). Это установил историк И. Е. Забелин.

Публикуя «Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова» в «Сказаниях русского народа» И. П. Сахаров использовал при подготовке текста шесть его списков и отметил, что их «путешествие» сделалось народным.

По приказу Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всяя Руси, и по благословению Дионисия митрополита Московскаго, послание Московских купцов с Москвы и хождение их во Царьград, и во Антиохию, и во Иерусалим, и во Египет, и в Синайскую гору.

В лето 7090, в Марте, Царь и Великий Князь Иван Васильевич, всяя Руси, послал с Москвы в Царьград, и во Антиохию, и во Александрию, и во святыи град Иерусалим, и в Синайскую гору, и во Египет к патриархам, и ко архиепископам, и епископам, и архимандритам и игуменам по сыне своем, по Царевиче Иване Ивановиче, милостину довольну, с Московскими купцы, с Трифоном Коробейниковым, да с Юрьем Грековым, а с ними ездил своею охотою Московский жилец, Федор, крестенной мастер, да с ними ж Государь послал пять сот рублев в Синайскую гору на сооружение церкви великомученицы Екатерины, где лежало тело ея по преставлении на горе ангелы хранимо.

О пути ко Иерусалиму.

Путь от Царяграда ко Иерусалиму. По узкому морю Белому до Мармара острова день ходу. Туту есть, сказывают, потонула трапеза, сиречь престол, сотворснье Царя Константина от драгих камней и от иных вещей драгих. И оттуда идти до Галиполя града два дни, а от Галиполя до широкаго моря Белаго же день ходу. А оттуда ходят в два пути: един путь ко Иерусалиму, а другой путь во святую гору Афонскую и в Сслунь; на правую

сторону идти в Селунь и во святую гору, а на левую идти ко Иерусалиму. И туто есть устье Белаго узкаго моря, где град стоял Троя, и ныне той град разорен, и то место стоит пусто. И оттоле идти до острова Мителена день ходу. И тут стоят три городка, а в них живут Греки и Турки. От Мителена острова до острова Сакиза ходу два дни, по морю: и туто стоит городок Сакиз, и родятся в нем рожки и всякой виноград. А от Сакиза острова до острова Станкова два дни ходу: а в нем городок Станков. А от Станкова острова до острова Родоса три дни ходу, и ту стоит городок, по-Гречески именуется крепость; и ту приставают корабли и наполняются воды пресныя сосуды на проезд, чем питаться; а отпускаются по Белому по широкому морю в кораблях. От острова Родоса широким Белым морем идти до острова Кипрского день; от острова Кипрского до Триполя града день ходу: ту родятся маслична древа много; а делают в том граде масло деревяное и варят мыла Гречское; и ту пристанище корабельное кораблем большим. И оттоле ходят ко Иерусалиму в два пути: един путь Белым морем, и другой путь сухой. Сухим путем ходят на Дамаск град; и оттоле до Дамаскаго града три дня, а ходят на ослятех, а идти по заразам и по горам каменным, а путь вельми труден. И не доходя до Дамаска десять верст, стоит монастырь Греческой Пречистыя Богородицы, что исцелили Ивана Дамаскина руку, что ему отсека злочестивый Царь Лев иконоборец в Дамаске; и от того Пречистые образа исходит миро и до сего дни; а образ Пятница. И не доходя до Дамаска три версты, ту есть юдоль, идеже Авраам отполонил братанича своего Лота от Ходоллогомора Царя. И оттоле идти в Дамаск град; а Дамаск Турки называют Шама, а делают в нем тафту Шамскую. А от Дамаска идти до гор Фаворския 6 дней ходу; а от Фаворския горы идти до святаго града Иерусалима сухим путем 3 дни. То есть от Триполя до Иерусалима сухой путь. А другой путь от Триполя ко Иерусалиму: из больших кораблей садятся в малые суда и в карбасы, а идти до Вифсаиды день ходу, а от Вифсаиды до Яффы града, иж во Апостоле зовется Иоппия, ходу день, или больше. А сей град стоит при море, иж Петр Апостол виде в сем граде плащаницу с небеси висяшу. И тут выходят с моря на берег, и кладутся на осляти, на вьюка, и идут день ходу до Рамы града, иж во Евангелии писано: глас в Раме слышан бысть. И туто близ монастырь Георгия великомученика, иж в Лиде; то Георгисву главу усекнули, а г.ава его тут положена. А от Рамы града идти до села Матвея Евангелиста, ижеде было жилище сго, 5 верст. А от села Матвеева путь идет промеж гор каменных; день ходу ко Иерусалиму. И не дошед ко Иерусалиму святаго града за три версты, и ту ссядают с ослят, и узрят град Иерусалим, и гору Елеонскую, и по-

кланяются святым местам. А приход ко Иерусалиму с полунощ-
ные страны градныя. И присхали при нас Турки посланники ко
святому граду Иерусалиму, в лето 7029 году.

*О святом граде Иерусалиме, и о местех того святого
и Богонаследимаго града Иерусалима сказание, где Господь
наш Иисус Христос ходил своими стопами со святыми сво-
ими апостолы и с Пречистою Богороди ею, то мы грешнии
известно написахом верующим истинно в Господа, Бога на-
шего и Спаса Иисуса Христа, и колько есть мест поклон-
ных во святом граде Иерусалиме, и о окрестных местех
тогож града Иерусалима, повесть творим.*

Град убо Иерусалим стоит на восток, на Сионс горе, на 4
углы, на крест, а в круге его три версты; один угол стоит на
полдень, а другой на полунощь, а третий на восток, а четвертый
на запад. Полуденной угол и восточной града Иерусалима стоят
к долу, вниз ко юдоли, плачевной, а западный и полунощный
града Иерусалима стоят на горе. Внутрь града в полуденном угле
стоит церковь Святая Святых, а владеют ею Турки, и мечты в
ней творят по своему беззаконию. В том же угле врата градныя,
в которыя врата въехал Иисус Христос на осяти; у тогож угла
за градом во рве купель Силоамля; а в полунощном углу, внутри
же града, стоит великая церковь Воскресение Христова, камс-
ная, а в той церкви гроб Господень; длина той церкви 70 сажень,
а поперег 50 сажень; а церковь вельми чудна; а гроб Господень
от мрамора белого камени, длина гроба Господня 9 пядей, а по-
перег 5 пядей, а стоит гроб Господень среди великия церкви, а
верх у великия церкви не сперт, а сказывают — разбили его
Турки. А над самым гробом Господним стоит в той же церкви
приделец каменной, а к церкви же на двое приделано; а вокруг
тоя малыя церкви обито дцками мраморными и узорчатыми, и
внутрь малой церкви обито дцками мраморными же. А гроб Гос-
подень стоит в той церкви на правой руке, к стене, примурован
вверх земли, а покрыто дцкою мраморною, а запечатан семью
печатьми свинчатами, сверху залито, а проверчена дцка сверху
гроба Господня, а именуется печати кустодия жидовсим языком.
А сказывают: тот гроб учинила Царица Елена, а под тем гробом
тот гроб, где Господь наш Иисус Христос положен быть Иосифом
Никодимом, из него же возста и нам живот вечный дарова. И к
тому гробу Господне неходимо бысть никому и вход под землею
закладен бысть камением. Пред дверьми того святого гроба в
предел лежит камень, что Ангел Господень отвалил от двери гроба
Господня, и над ним стоят 4 кандила, и тот камень для бла-
гословения берут на помощь. А внутрь, над самым гробом Гос-

подним, над дцкою, горят 43 кандила, денно и ношно, стекляничныя, с маслом деревяным; а в те кандила старец подливает масло, который приставлен у гроба Господня, а дают ему на масло православные Христиане, и от иных стран присылают вернии, и от иных вер. А верх придельца над гробом Господним аки теремок от камени мрамора; а круг гроба Господня приделаны переходы и кругом. В той церкви большой стоят 7 кандал над самом верху, а едино кандило у терема того. А пред малою церковию гроба Господня стоит служба, престол Болгарский, а над ним кандило горит денно и ношно; и за тем престолом от гроба Господня 6 сажень стоит церковь Греческая, служба Воскресение Христова, а служит в ней патриарх Иерусалимский и Греческий; а поперег тоя церкви 5 сажень, а длина 10 сажень; а среди тоя церкви стоит пуп всей земли покровен камением, подобен человеческому пупу, руками человеческими неделан, сделан Божиим повелением. А от пупа земнаго сажени с две, в той же церкви, есть место огражено камением для народа, высота двух сажень; а среди тоя ограды сказывают: пропасть, как мочно человеку пролести, а накрыта камением же, а пропасть та на камени видится, а в ней темно, а сказывают, что то место после распятия Господня было шествие Господне во ад, а дна той пропасти не ведают. Да в той же церкви от входу, куда ходят на лестницу, на Лобное место, сажень с десять, от того места к долу и полунощной стране, позади алтыря Воскресения Христова место, а стоит на нем престол, идеже на Господа жидове ввели венец тернов. А от того места сажень с пять престол стоит, идеже разделиша воины жидовские ризы Господни. А от того места, сажени с две, ту стоит престол же, где воины жидовские меташа жребий о ризе Господни, якож Давид глаголет: разделиша риза моя себе, и о одежде мой меташа жребий. А от того места есть, сажень 8, место, ту, где Пречистая Богородица во время страсти Господня стояла и плакала по Христе. И на всех тех местах служба и висят кандила скляничныя с маслом с деревяным, горят беспрестани. А от того места, к западной стране, сажень с пять, стоит темница трех ступеней, где сидел Господь наш Иисус Христос от прездзаконных судей и пострада нашего ради спасения; и тамо горят 4 кандила денно и ношно, беспрестани. Да тут же колода каменная, пробиты у ней две дыры, идеже жидове наругались Господу, и клали ноги его в колоду и замкнули замком. И от того места есть сажень 10, и ту стояша ученицы Господни и плакали по Христе во время смерти Господня. А от того места сажени с три к полунощной стране, в той же большой церкви, столб каменной от мрамора белаго, за него же привязан бысть Господь наш Иисус Христос нашего ради спасения от судей беззаконных. От того столба вторая часть в Цареграде, в церкви

Успения Пречистой Богородицы, у патриарха; того же столба третья часть в великом Риме, у церкви св. Апостола Петра. Да в той же церкви, не доходя к лобному месту на лестницу сажень 12, и от того места позади алтаря, на восточную страну Воскресения Христова, в большой церкви, и ту есть у двери лестницы, в пещеру долу, ископана глубока, идти по степенем по каменным 30 ступеней. И ту стоит церковь каменна, во имя Царя Константина и матери его Елены; и тамо горят три кандила с маслом же; а позади тоя церкви, в той же пещере, ископана в земле лестница каменна 7 ступеней: тамо обрете Царица Елена крест Христов, и с ним два разбойника; а стоят на том месте 7 кандил христианских, и едино Латынское кандило с маслом деревянным, и в том месте ветр велик ходит. И ко всем тем местам странники приходят, и целуют и поклоняются тем святым местам.

Одесную страну Воскресения Христова, вшед в большую церковь, идти высоко на гору, лестница каменная, 13 ступеней, и ту стоит гора святая Голгофа, каменна, высока, где распяща Иудеи Господа нашего Иисуса Христа, а сшед с лестницы, налево, под горою святя Голгофы, стоит церковь каменная невелика, а в ней гроб Мельхиседеков, и в той же церкви видят расселину каменную от святя Голгофы. Егда приде ко Господу Иисусу Христу един от воин ко кресту, и виде его умерша и копием ребро ему прободе, и изыде кровь и вода, и укану кровь на гору Голгофу и ту расседя гора каменна от крови Господа нашего Иисуса Христа, и истече кровь тою расселиною на главу Адамову, бе бо глава Адамова сокровена в той горе Голгофе, под каменем, где распяща Господа нашего Иисуса Христа пребеззаконные жидове; и то место гора Голгофа зовется: Лобное место, сиречь Краниево. И в той церкви видят расселину от верху святя горы Голгофы, что от крови Господа нашего Иисуса Христа, знать и до сего дня. А где на святой горе Голгофе крест стоял, на нем же распяща Господа нашего Иисуса Христа, и ту пробита гора до полусажени и то место серебром обложено; а где канула кровь Господа нашего Иисуса Христа на гору ту, и расселина широка полупяди, а глубины никто может поведати. И на той же горе от Лобнаго места к полудню, сажений с пять, и туто место, идеже Авраам Господеви в жертву заклати сына своего Исаака, хотя и указано ягня бысть ему в саду Савекова за древо масличное привязано, и то древо стоит до сего дня зелено, а ломают его странники на благословение, а стоит то древо у тояже церкви; против дверей церковных, яко бы саженей 6 от дверей, от Лобнаго места 15 сажений на полночь место есть в той же церкви, сшед с гроба Господня, снятие со креста Господня Господа нашего Иисуса Христа Иосифом, иже от Аримафеи, и положи Иосиф на том месте, и обвив плащаницю; и то место по-

крыто дскою мраморяною, подобно гробу; и под тем местом поставлены горят восемь панникадил от всяких вер, и от ерстических и Латынских, и горят денно и ношно. И с того камени положиша тело Иисусово во гроб, иже бо иссечен из камени, иже выше писано сего.

А церковь великая престол Греческий и где служит патриарх, основана Царем Константином и материю его, Царицей Еленой, и огражена кругом на четыре стены, а столбов в ней 80. А церковь великую держит патриарх Иерусалимский Софроний с Христианы и Греки; а ерстики от иных вер к патриарху не входят, где патриарх служит, а по обе стороны великия церкви престолы и службы стоят ерстическия, а называются християне, вера их Латынская, Хабежи, Копты, Несторяне, Ариане, Армени, Яковити, Тердеваты, Мурании и прочая их ересь проклятая, а престолов ерстических восемь. А у великия церкви двоя врата: едины замурованы, а другия отворяются, и те запечатлены стоят от Турков, кои на Турскаго Царя Салтана тамгу берут. А у тех врат стоят восемь столбов мраморных: 5 белых, а 2 аспидных темнозеленых. Да у тех же врат приделано к церковной стене место высоко, мусиею утворсно, и позлащенно, а сказывают: ту Царица Елена в пружния времена жидов судила.

О дне Великия Субботы и о Духе Господни, как сходит во огненна образе на гроб Господень.

В день субботный, на кануне Воскрсения Христова Пасхи, заутра пришед Патриарх Сафроний, и мы грешнии пришли с ним же ко вратам в великия церкви, и тут много народу стоящу пришедших от дальних стран на поклонение гробу Господню. Патриарх же седе пред церковию, ту же и мытники, и янычара седят. И пришед Турки ко вратам великой церкви, и отпечатают врата церковныя, и идет патриарх во церковь со християны. А Християне суть Греки, Сирияне, Серби, Ивери, Русь, Ариянити, Воложи; и емлют погинии Турки со всякаго християнина по 4 золотых Угорских, тоже и в церковь пустят; також и мы грешники по 4 золотых дали с человска; а которому Християнину дати нечего, того и в церковь не пустят. Да там же людям, которые дают золотые, тем дают письма, да по тому письму их пуцают, с которых возьмут. А с Латыни, и со фрязи, и с ерстиков емлют по 10 золотых с человска, а золотые Угорские с чернецов не емлют мыта. В той же день субботный придут много Християн от многих земель, а не имущим что давати поганым Туркам странным и убогим и приходящим ко вратам великия церкви, а на вратах учинено оконцо невелико, и зрящим им в оконце внутрь великия церкви и плачутся горцы, дабы пошли внутрь великия церкви видети гроб Христа Бога нашего и сше-

ствии святого Духа на гроб Господень. Вшедшу же патриарху в церковь, и мы с ним внидохом, и приходом ко гробу Господню и помолихомся, у старого престола Воскресения Христова, и приходом, где лежит камень, иже отвали сего Ангел Господень от гроба Господня. И над ним стоят образы, и помолившися образом, целовахом же мы недостойнии тот камень, и паки внидохом внутрь предела ко гробу Господню. Тут же радости и трепета наполнися утроба наша, како узрехом живоносный гроб Господа нашего. И начахом дивитись Христову человеколюбию, како ны допустил со грехи нашими дойти до святого града Иерусалима и видети и целовати гроб своего человеколюбия. Видехом некоторых с нами идущих поклонитись гробу Господню, и паки много скорби бывают от беззаконных Турков и от Аравитян на море и на суше. В той же день, великия субботы, завтра, внидут поганные Турки, наглые санчаки и янычара, в великую церковь, к гробу Господню, и погасят вся кандила горящая по всей Великой церкви и по пределом и над самим гробом Господним, ни единого не оставляют с огнем. У патриарха же и Христиан обычай имеют, что в домах своих в великой четверток погашают огонь, и от тех мест не бысть у них огню ни у кого, дондеже огонь снидет с небеси на гроб Господень, и от того огня взимают и разносят в дома своя, и держат тот огонь во весь год. А дела от четвертка до Воскресения Христова не делают ни какого, разве Богу молятся. И церковь малую Турки запечатуют своєю печатью, и над гробом Господним стражи поставят у дверей гробницы, а патриарху со Христиане предадут старую трапезу. Патриарх же со Христиане во свою церковь идет к Воскресению Христову, и тамо молятся Богу со слезами и ждут знамения Божия с небеси. И за два часа до вечера, придет аки солнце в великую церковь, в непокровенное место большой церкви. Над гробом Господним сделано от низу до плеча церкви пошло аки широко, а вверху поуже, а верх не покрыт, подобно аки колпак на главе без верха, и станет луч от солнца на кресте, иже бе внутрь великия церкви крест на гробнице, на приделе, над гробом Господним. И узрев патриарх тот луч Божественнаго знамения, и взем Евангелие и крест, и хоругви, и свечи без огня, и пойдет патриарх в боковыя двери, сиречь в сторонния, от старья трапезы, ко гробу Господню, и за ним паки христиане, и епископы вернии, и иные многие, и за ними игумен Армянский со Армены, и за ним идут Готфи, Хабези, Марунии, Несторияне, и прочая ересь проклятая со своими попы. И пришед патриарх со христианы ко гробу Господню, и обыдоша трижды в круг придела гробницы, молящися Богу со слезами, иноком же и инокиням и всем христианом плачущимся горце и вопиюще к Богу: Господи, сподоби нас видети

благодать своего человеколюбия и не остави нас сирых. Патриарх же, ходя круг гроба Господня, пояше стихеры: днесь ад стена, вопиет — нам же всем плачущимся и не могохом удержатись от слез. Пришед же патриарх ко дверем церковным ко гробнице, и повел Турком предел над гробом Господним отпечатать. Патриарх же оттверзе двери гробницы, и узревше людие вси благодать Божию шедшую с небеси на гроб Господень во огненне образе, огню ходящу по гробу Господню по дце мраморяной всякими цветы, что молния с небеси, а кандилом всем стоящим вверху гроба Господня без огня. И видевше вси людие таковое человеколюбие Божие возрадовавшеся радостию великою зело, и испущаху многия слезы от радости. Патриарх же Софроний вшед един в предел гроба Господня имуща во обоих руках свещ много, и приступль ко гробу Господню, и держа в руках свечи вскрай гроба Господня, поиде яко молния на патриарши руки и на свечи. И абие загорешася свечи на патриаршеских руках пред всеми людьми. И нас сподоби Господь Бог видети туто ж. Патриарх же изыде из придела от гробницы имуще в обоих руках свечи горящия великие пуки, и изнесе огонь из придела Господня, и ста патриарх на высоком месте, бе бо ему на то учинено. Народ же окрест его стояще, и от его руки взимаху огонь христиане, и зажигают по всей церкви и по святых местом, и свечи и кандила. И понесоша тот огонь по домом своим для благословения, и держат тот огонь во весь год в домех своих. А которая свечи с огнем изнесет патриарх от гроба Господня, и тот огонь в патриаршеских руках не жжет человеческих рук, разве свеща. А как возмут христиане от патриаршеских рук свещу и огонь: все от него горит. А Латыняне и все еретицы и их игумены и попы взимают огонь на гробе Господни от Христианскаго кандила и все кандила зажигают. А патриарх им из своих рук свечи и огня не дает и от них удалятся и совету с ними не творит. А абие пойдет патриарх со христианы по святым местам, со слезами Богу молящися, и потом входят во святую свою церковь к Воскресению Христову. И абие чтец начнет паремии чести, и потом начаста все по ряду пети Божественную литургию. И по Божественной литургии сядет патриарх во церкви со христианы, и вкуси мало хлеба и мало вина с водою, и нам грешным вкусившим хлеба мало и вина с водою. И потом начаша чести деяния Апостольская.

Церковь же великая делом мудра добре: вся мусиею утворена и златом подписана; а гроб Господень не покрыт дсками мраморяными и ни чем не подписан.

О вере еретиков.

Дивно же вздохом в ту ночь во церкви сретиков бесящихся и неистовство их. Арменове ходят: один от них ходит пред владыкою большой их поп, а звонит в колоколец, а диякон ходит пред тем их владыкою с кандилом и кадит сго. А ариане также творят как и Армени. Хабежи ж ходят кругом гроба Господня, и есть 4 бубны велики у них, и ходяще круг кругом гроба Господня и бьяше по тем бубнам, скакаше и плясаше, яко скомрахи; а инии назад пяты идяще и скакаше. И дивихомся человеколюбю Божию: како терпеть? Не могий бо человек на торжище такова безчиния видети. А Копты по своей вере пение как козлы гласуют, и бьют, ходя около предела гроба Господня, молотком в бильцо, или в камень, аки в трещетку. Се же видехом во церкви, кругом гроба Господня бесящихся и неистовство их, о том мы же грешши почудилися великому человеколюбию Божию: како терпеть нам грешным и нашему бесчинию?

И абие пред зарею, облечется патриарх во святительскую одежду и исполнив всю церковь воня благоухания со смирно и фимиам, патриарх возмет крест честный, и возгласит велегласно: Христос воскрес! Певцам же поющим тож и пояху все по ряду по обычаю утреню и по всей великой церкви, и по приделом начнут пети заутреню, и по времени Божественную литургию. И идет патриарх из церкви и христиане с великою радостью и празднуют неделю всю, радуясь и веселясь духовно, а не телесно и ни пьянством. А церкви погании Турки замкнут и запечатуют. Патриарх же оставляет внутрь великия церкви священника черного да с ним диакона и пономаря, да не останет трапеза старая без Божественного пения. А приносят им пищу от патриарха и подают в церковь в окно, что на великих дверях церковных. А за стеною великия церкви придела на патриаршеская келия, и в той келье пребывают те люди неисходимо. А на десной стране, исходя из церкви, стоит колокольница велика и высока, на 4 столпах камнных мраморных, да под тою колокольницею стоят три церкви: храм Воскресения Христова, а одесную страну Якова брата Господня, а ошую храм святых 40 Мученик, иж в Севастии. А двор патриаршеский приделан к тем местам. А по левую страну великаго притвора есть придел на месте, где показа Ангел Господень место Аврааму вознести Богу жертву, и закла сына своего Исаака. А патриарх ходит к Божественному пению к тем трем церквам, что у колокольни. Да на той же стороне, от указанного места, стоит темница на осуждение повинным. В той же темнице сидел Пророк Иван Предтеча от безбожнаго Царя Ирода. А от великия церкви на восточную страну, пошед мало, ввержением от лука стрелити дважды, стоит церковь чудна вельми и высока, по-Еврейски зо-

вется: ероя, и по-Русски: Святая Святых. Егда созда святыи град Иерусалим повелением Царя Салима, и совокупися царское имя со градским именем, и приложиша граду тому имя: Иерусалим. Соломон же созда ту церковь повелением ангела Господня, и здаша Иудеи ту церковь 45 лет. Егда прииде Господь наш Иисус Христос во святыи град Иерусалим, и рече им на сонмище пред тою церковию о церкви тела своего: разорю церковь сию и тремя деньми созижду; а Иудеи же не разумеша, что рече им Господь наш Иисус Христос, бе бо им не дано разуметь свяше. И реша к себе Иудеи: как же может разорити церковь сию и тремя деньми создати и, создана бо бысть 45 лет. В той церкви прият праведный Семион на руку Христа и глаголя: ныне отпускаеши раба твоего владыка — весь до конца. И от тоя церкви близ, на восточную страну, к горе Елсонстей стоят врата железная, великия, старого Иерусалима, затворсны и неведомо ни кому и не отверзаются доднесь. И в те врата въехал Господь наш Иисус Христос от Вифании на осли с горы Елсонския. Дети же Еврейския резаху ветви от дрв и постилаху по пути, и от тех врат до церкви пояху пред ним: благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних Царь Израилев. И приехал Господь наш Иисус Христос к той церкви на осли. И пред тою церковию лежит камень дикой, широк, на 4 угла, и въехал Господь наш Иисус Христос на тот камень, и позна камень создателя своего и ста камень под осли яко воск мякоч, и вообразишась стопы его осли 4 в той камень до полупальца, знати и до сего дни. И из той церкви Господь наш Иисус Христос изгна торжники, продающа овцы и вола, и голуби, и птицы вся. Иисус вся продающая испроверже и пенязи рассыпа, и рече им: «Нетворите дому отца моего домом купли». В туж церковь введена бысть Пречистая Богородица, трию лет суща, хранима бысть и питаема от руки Ангеловы до 12 лет. Пред тою церковию вне церкви и врат стоит смурована церковь не велика. А в ней стоит мерило праведное, сотворена премудрым Соломоном, кабы скалы висят две чаши великия железны черны, на железных цепях, а валки без меры от одной свещи невеликия ставится на земле.

Церковь святая святых, создание Соломонова, разбиена бысть до основания Царем Титом Римским; едино осталось ее мерило праведное невреждсно ничем. А ныне на том месте погании Турки учинили свою мечеть, а христиане тамо не входят, разве кто даст поминок янычарам, и они его пустят потом, да видит мерило праведное. О той же церкви пророк рече: «Боже приидоша языцы в достояние твое, и оскверниша церковь святую твою». По левую сторону тоя церкви, под горою, дом святых праведных Иоакима и Анны, и в том доме сотворена церковь во имя их. Да есть ту пещера, где родися святая Богородица, и из

тоя пещеры два оконца вверх, а сказывают, что единым оконцем вниде Ангел Господень ко Анне благовестить о зачатии и рождестве Святой Богородицы, а другим оконцем выиде Ангел Господень; а до того сказывают, тех оконцов в пещере не бывало, а живут в том дому Турки, а христиане приходят помолитись, и погании Турки емлют с них поминки, тож и в церковь пустят. А в том дому стоит древо Дафин, на нем же святая Анна видево гнездо птичье, и молитву творяще под ним, и стоит то древо и до сего дня цело. И близ их дому место глаголемо Вифезда, пять притвор имуща, купель с водою, иже Ангел Господень возмущаша воду, и ныне в купели воды есть не много, а купель та яки яма стоит, или прудок невелик; а дом Вифезда пять притвор разбита до основания, а владеют тем местом Турки. И близ того места есть рок Иеремии пророка, иже в кал был ввержен, возле градной стены. А от дому святых и праведных Иоакима и Анны, пошед на гору мало, есть дом Пилатов, в нем же судили пребеззаконные Иудеи Господа нашего Иисуса Христа, судию всего мира. И в том дому и доднесь суд есть, судить санчак градских людей. И пошед от того дома мало, на другой стране улицы под горою, дома Анны и Каиафы засыпаны землею. Егда Господа нашего Иисуса Христа распяши Иудеи и по распятии Господа нашего Иисуса Христа повелеша крест Христов и разбойничьи сохранить в гору, и разумеша, что будут взысканы о кресте Господни, и помышлиша своим злосердием, хотеша утаити Божество, но не возмогоша, и повелеша на ту гору землю сыпати и сор со всего града, и засыпаша ту гору. И Божию волю, егда прииде Царица Елена от Царяграда во Иерусалим на взыскание честнаго креста, и известно уведево о кресте Господни, и повелела ту гору очищати, и тою землею засыпаша дома их.

О доме Давидове.

От западных страны града стены, у градских град великих, в них же входят от Египта и от Лиды, дом Давида пророка и царя, возле градскую стену; а круг дома ров копан, как у города, и вымурован, а через мост камень веден, а на мост из дома во врата великия, как градския, а в тех вратах пушки лежат и сторожи, а Христиан в тот дом не пускают, а стоят у того двора Турки и янычары. А величество дому того от лука стрелы ввержением два поперег, а хором в нем нет, разве одна палата. Из нея же виде Давид Вирсавию во вино град мьющусь; а тот вино град от дома Давидова ввержением от лука выстрелит, и доднесь он стоит цел и невредим. А у палаты сделаны Давидовы два окна, а в ней окно одно в пределе палаты. И нас сподобил Господь Бог быти грешных в том дому и в палате; о том дому речет Божественное писание: «в доме Давидове страх велик: ту бо пре-

стол поставленным судятся племена земная и вся языцы». А ныне в том доме несть страха в нем, и нам же вопросившим о божественном писании у патриарха Иерусалимского Софрония, патриарх же отвеща: егла будет пришествие Сына человеческого судити живым и мертвым, тогда в том дому все божественное писание совершится. От того же дома Давыдова, от Западных страны, близ дома есть поток сух под градскою стеною, под дом Давыдов пошел, а имя тому потоку: юдоль плачевная; тут же хочет поити река огненная в день страшного суда.

О горе Сионе.

На полуденную страну нынешняго града за стеною, а внутрь града старого, стоит гора Сионская велика, на той же горе церковь велика святой Сион, мати церквам, Божие жилище. На той горе монастырь Венецейскаго Царя, и живет в нем игумен и мнихи, а держали ту церковь Венецияне, а ныне ту церковь держат Турки. На той же горе был дом Заведсов, отца Ивана Богослова; в том дому тайную вечерю сотворил Иисус со ученики своими, и нозе им умы, а окаяннаго Иуды не презре. В том же дому Иван Богослов возлеже на перси Христу. На той же горе, у Ивана Богослова в дому, жила по распятии Господа нашего Иисуса Христа пресвятая Богородица. Егда Иисус Христос, стоя на кресте, глагола матери своей: жена — се сын твой! И потом глагола ученику: се мати твоя! И от того часа поят ю ученик в дом свой. На той же горе прииде Иисус по воскреснии своем ко учеником дверем затворенным, и ребра свои показа и Фому уверивый. На той же горе, в том же дому бысть шествие Святаго Духа на святых ученики и апостолы. На той же горе собравшись апостоли на представление Божией матери. На той же горе был гроб Давыда Царя и сына его Соломона. На той же горе гроб первомученика Стефана. На том же Сионе есть пещера, где Царь Давид псалтирь сложил. И от того места ввержением камня, на том же Сионе отсек Ангел Господень руце жидовину, прикоснувшемуся гробу святых Богородицы. От великия церкви святаго Сиона, на левую сторону, ввержением от лука стрелы, Галилея малая: тамо первые явись Христос по Воскреснии из мертвых. И та вся святая места на Сионе.

О монастырях.

Внутрь святаго града Иерусалима 7 монастырей стоит и дондсь, а пение божественное в них совершается не во всех: многие пусты стоят от поганых Турков. Первый монастырь Пречистыя Богородицы Одигитрии, второй монастырь великомученика Димитрия, четвертый монастырь великомученика Георгия, пятый монастырь святаго архистратига Михаила. В том монастыре жи-

вут старцы Саввина монастыря, и в том монастыре трапеза была каменная велика и высока; погании Турки разбиша верх у тоя трапезы, и многа лет стояша без верха. Старцы же Саввина монастыря Моисей да Кестодий приидоша в Московское царство, ко Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу вся Руси и ко святейшему митрополиту Макарию, и малиша Государя дабы им убогим, что дал на сооружение трапезы. Царь же и митрополит не презре моления их и повел дати им на сооружение трапезы. Они же приемша от православнаго Царя милостыню, отъидаша во Царьград радуясь, и вдаша Турскому Царю злат много, дабы им убогим повелел у трапезы верх создать, и даша им грамату к санджаку. Санджак же повелел им у трапезы верх сделати. Они ж велик труд подъяша своими руками сделала верх у трапезы. Санджак же прииде да видит верх у трапезы, и дьявольским навождением разъяришась яростию великою на старцов, и повеле им верх у трапезы разбити опять. Они же убогие плакашесь горце, и приидоша к великому архистратигу Михаилу и сотвориша со слезами пение всенощное во храме его. В ту же ночь прииде к санджаку во храмину, где он почивает с женою своею, человек незнаем, и взя его от ложа, и поиде с ним; стражиже санджаковы и люди не видеша его и того человека во двор выходяща и из двора исходяща с ним. И на утрие обретоша Санджака пред враты мертва лежаща изbodenна мечем. И испытавше известно о нем, како изыде Санджак из двора ночью, а не виде его никтож, и нападе на поганых страх велик, и реша они к себе окаяннии: те де калугери для ради своея трапезы пришед, убили его; идем к калугерем сим, и аще, что обрящем у них оружия, любо железно, и мы побием их всех. И пришедши к ним в монастырь святого архистратига Михаила, и обретоша мало калугеров в церкви стояща и молящась, и искаху у них оружия и ни обретша ничтож и не сотвориша ничтож калугером зла. И Божисю благодатию не смеше трапез прикоснуться, стоит цела и доныне. Шестый монастырь святыя великомученицы Екатерины, седьмой монастырь Анны матери пресвятыя Богородицы. И иных 6 монастырей: монастырь преподобнаго отца нашего Евфимия великаго, монастырь великомученицы Фсклы, монастырь святого отца Харитона, монастырь Воскресения Христова, монастырь святых 40 мученик, иже в Севастии, монастырь святого апостола Иякова брата Господня по плоти.

А стена стараго града Иерусалима округ была 6 поприщ, разбита до основания вся; а круг нынешняго града Иерусалима 3 поприща. На полунощную страну стоит монастырь воздвижения честнаго креста, на нем же Христос распят бысть. От того монастыря на полунощную страну 5 верст — тамо есть гора, а в ней есть пещера, коли бежала Елизавета, жена Захариина, со

Иваном Предтечю от Ирода Царя; и в той пщере есть источник, от того источника питалась Елизавета, а сотворен тот источник Божиим повелением, а не копан ни кем. Да за восточным градным углом, того ж града Иерусалима стоят два древа смоковых, а стоят и до сего дня зелены, а сказывают: под теми дресвы спали два пророка.

О селе Скудельнице.

От града же поприще на западную страну, над юдолию плачевною, на горе стоит село Скудельнице, погребение странным, что откуплено кровию Господа нашего Иисуса Христа, о том писание Божественное глаголет егда преда Иуда Господа нашего Иисуса Христа пребеззаконным Иудесем на 30 сребренник, и тогда Господь наш Иисус Христос вольную смерть подьять ради нашего спасения от беззаконных Иудей; и тогда завеса церковная раздрася надвое, солнце помсрче, и каменис распадеся. И нападе на беззаконнаго Иуду велик страх; и рече в себе Иуда; согреших, предах кровь неповинную, и в церковь поверже сребренники и шед удавися. Пребеззаконныс Иудеи реща к себе: не достоин нам тех сребренников положить в корвану, сиречь в казну, понеже цена крови есть, и купи ими село Скудельнице в погребение странным. А которые православныс християне приходят от всех стран, от востока и запада, поклонитися гробу Господа нашего Иисуса Христа и святым местом, и которому пришельцу иные страны прилучитя отйти ко Господу, и тех Християн кладут в селе Скудельнице том; аще будет инок в котором монастыре, пришлец с иныя страны, а случитя ему отойти к Богу и того из монастыря приносят. В том селе ископан погреб каменной в горе, кабы пщера; и двери малыс учинены, и в том погребе приделано как бы закрома два, а кладутся християне в том погребе без гроба на землю; а егда положат християнина праведнаго или грешнаго, и лежит тело его 40 дней цело и мягко, и смраду от него нет, и егда исполнитя 40 дней, об одну ночь тело его земля будет, а кости его наги будут. И пришед тот человек, которой в том селе живет, землю ту сберет лопатою, во един загром, а в другой загром кости. А кости целы и до сего дня, а земля аки голуба. И егда кто от православных християн придет помолитя, и не велят ни кому из того села на мощи имать ничтоже; аще которой человек возьмет что втай от тех мощей, и егда придет корабль на море, тогда корабль на море не может идти, и учнут Турки обыскивати христиан, и а еще что найдут от тех костей, и свергнут того человека в море совсем, а корабль пойдет своим путем. И не взимают от того села ничтоже, понеже не повелено ес. А от Иерусалима до того села поприще едино. А от Скудельница села близ той же юдоли

плачевныя, на полуденную страну, ту стоит дом святаго и праведнаго Иова и до сего дни, да кладенец сго же в камени приделан на двое, а воды в нем нет и донине, и пошла та юдоль под лавру святаго Саввы освященнаго и в Содомское море, и тою подолью сказывают: хочет течи рска огненная в день страшнаго суда. И на том же потоке Силуамля купель, где слепец, умывся, прозре; Силуамля купель под горою каменною, а вход к ней учинена лестница каменная велика, как в походной погреб, а ступеней в ней 8, а под конец лестницы самая купель Силуамля, аки кладязь, в грудь человеку глубока. И приходят многие люди, одержими всякими недуги различными, и погружаются в той купели и здрави бывають; а идет из той купели вода сквозь каменную гору разселиною каменною, а за горою ручей велик воды, и на тот ручей приходят от Иерусалима платье мыть. А от града Иерусалима до купели поприще сдино. Мыж вопросиша о той купели откуда есть?— И поведаша нам людие: егда возврати Господь от Вавилона пленение, и прииде Иеремиа пророк, и весь плен с ним на тот поток, и жаден бысть Иеремиа и весь плен с ним, и помолися Иеремиа Богу, и даст ему Господь в той час в купели воду. А реки и кладезя во Иерусалиме не бысть, бе бо место безводно, токмо купель сдина Силуамля. А воду из тоя купели Арабы возят на Иерусалим на верблюдах, да продают ту воду, а которые люди убогие, и те питаются дождевою водою. А дождь в Иерусалим приходит в Семна дни, с Сентября месяца и до Рождества Христова, а зимою и летом дождя нет. А егда падет дождь на храмах их, а храмини у них учинены плоския, верхи у всех храмов в кождо дому, и приведены застрехи в кладязь; а кладези есть сечены в камени, в земли, а земля каменна, и в тех кладезях стоит вода во весь год и не портится; а вода у них дождевая бела, а не желта. А вышед из града во врата, и мало пошел от ворот, что к селу Гевсимани, и в полугоре лежит камень, а на том камени убили Иудси первомученика Стефана, и кровь его излиясь на камени и изсяде камень; поток тоя крови знати и до сего дня на память православию; а смлют тою кровь с камением на помощи христиане для благословения.

О селе Гевсимани.

На том же потоке, мало повыше града, как мочно из лука стрелити, по конец юдоли плачевныя, стоит село Гевсимания, святых праведных богоотец Иоакима и Анны, и нарицается Богородичен дом, а в том селе церковь в земли стоит, с землею ровна, каменна, во имя святых Иоакима и Анны; а вход внутри церкви из дому учинен, лестница каменна ступней 46, а на половины лестницы стоит гроб святых богоотец Иоакима и Анны, и внутрь церкви посреди стоит предел не велик, каменн, а в нем

гроб святыя Богородицы иссечен из камени белаго, а над гробом три кандила горят день и ночь; а входят в тот приделец и поклоняются святому месту и гробу и целуют человек по пяти и по шти. А от того места, и над тем престолом, у верха церковнаго окно велико кругло, и про то окно сказал нам патриарх Иерусалимский Софроний, что тем окном, по Господню повелению, взято тело Богородицы из гроба, идеже Бог весть. И вышед из церкви, на правой руке, близ церкви пещера невелика, подписана была вся, а над дверьми написан Спасов образ; в той пещере предал Иуда Христа пресбеззаконным Иудеом. И оттоле поидохом на другую страну юдоли плачевной, на Елеонскую гору, прямо от тоя пещеры ввержением камени, стоит древо зелено и до сего дни, а имя ему маслина. Там творяще Христос молитву со ученики своими отцу своему в тайне. На том же месте есть дол, а на том долу творяше молитву, яко же рече божественное писание, псалом 83: во юдоли плачевна, на месте, идеже положи Бог и благословение даст. И паки Иисус в ту пещеру прииде ко ученикам своим, и обрете их спяща, и пришед рече им: понеже обещаетея со мною умрети, и ныне невозможесте единого часа со мною победети; един бо от вас бдит, хочет мя предати беззаконным Иудеом. И отиде от них помолитися в другое место, идеже есть юдоль плачевна; и помолився, паки прииде в туж пещеру ко учеником своим, и обретеше их спяще, и рече им: «спите и почивайте, дух бо бодр, плоть же немощна». И оттоле моло поидохом на Елеонскую гору, туже лежит камень, с него же Христос на жребя всяде.

О Елеонской горе.

От того поидохом на святей верх Елеонския горы. От Гевсимании до верху Елеонския горы, яко бы полверсты, а от Иерусалима верста едина. Гора не вельми высока, красна и предивна; а на ней растет виноград и дресева различная и масличная; а на самом верху есть место, где Христос стоял со ученики своими. И вопрошиша его ученики о кончине века сего. Он же рече: не может сего ведати ни Сын человеческий, и никтоже, токмо един Отец. На том же верху стоит церковь велика, Вознесение Христова. И в той церкви, пред царскими дверьми лежит камень плоск — с того камени вознесся Христос пред ученики своими на небеса, и на том камени вообразишась стопы Христовы и ныне одну ступень Христова знати и до сего дня. Мы ж грешнии целовахом ту ступень, и иные странники от Христиан приходят и целуют.

О Гробе Пелагеине.

А с полуденную страну тоя горы Елеонския стоит церковь, а в ней гроб святыя Пелагеи, бывшей прежд блудницы; а владеют тем местом Турки, и стоит та церковь за печатью Турских лю-

дей; а преж того странники приходя, грехи свои исповседали у того гроба.

О Вифании.

Бе же Вифания от Иерусалима 15 поприщ. От тоя горы Елеонския до Вифании, идеже преподобный Лазарь умре, яко бы три версты; и ту Господь воскреси его; и ту стоит церковь Воскресения Христова, другая Лазаря, а в ней гроб Лазарев, и сестры его Марфы и Марии. От Вифании до камени, где Христос сидел и глаголал ученикам: «Лазарь, друг наш, успе, да возбудим еро». И от камени на восток от реки Иордана, день ходу, где Христос родился.

О реце Иордан.

Река Иордан быстра и глубока, и вода в ней бела и мутна; а широта ее дважды рукою камнем ввергнуть. И против того места, где Христос крестился во Иордане рекс, стоит гора Иермон. С тоя горы Иермон Дух Господень свидетельствовал о Иисусе во образе голубине: «сей есть сын мой возлюбленный, о нем же благоволи». С тояж горы Иермон взят бысть Илия Пророк на огненне колеснице на небо. И от тоя рески Иордан на запад монастырь, церковь Ивана Предтечи. И от того монастыря на полуденную страну, вниз по Иордану, яко 5 верст, монастырь преподобнаго Герасима, ему же лев поработа. А где Господь наш Иисус Христос постился, и от тоя же реки к западу 7 верст до пустыни, и в той пустыне есть гора высока каменна, едва можно взыти на ту гору младому человеку. И в той горе есть пещера, а в пещере камень, подобен столу, и на том камени сидел Христос и постился 40 дней и 40 нощей, и прииде к нему диавол искусити его, и рече Господу: рцы каменю сему, да будут хлебы. И рече Господь: да не искусиши Господа твоего; не о едином хлебе будет жив человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. И прокля Господь диавола. И ту расступись гора каменна, и диавол пропаде сквозь землю, и до ныншняго дня в том месте пропасть. А от Господня места до той пропасти 2 сажени.

О Вифлиеме.

От Иерусалима же на полуденную страну до Вифлиема 7 верст; а в нем церковь велика, Рождество Христово; а где родился Господь наш Иисус Христос, и то место в пещере, под олтарем, сойти аки в погреб по лестнице, ступений 7; а ясли, где родился Христос, иссечены из камени, мрамора белаго. Из тоя пещеры близко двери в другую пещеру, в той пещере, сказывают: Ирод Царь избил младенцов и с матерьми за Христа, а от матерних сосец млеко течаше на землю, а земля в той пещере

бела и мягка. А от Иерусалима идучи к Вифлиесму, на полудороге, стоит монастырь святого пророка Илии, иде же закла 50 жрец, лживых пророк. И близ того монастыря, с перестрел, на дороге, на камени место вообразилось, идеже уснул Илия пророк, и то место яко воск, и знать до сего дни. И приде к нему Ангел Господень, и возбуди его, и принесе ему опреснок пырян и корчагу воды. И от того места кабы верста, место на подrome, сиречь в подоле, гроб Рахилин, матери Иосифа прекраснаго, где продан бысть от братия своей, и сгда веден Измаильтяны, плакася на гробе том. На той же горе из Иерусалима, не доходя места Ильи пророка, стоит древо маслично и зелено до сего дни, а сказывают: сгда изыде Богородица непраздна в Вифлиесм родити Господа нашего Иисуса Христа, и от труда изнеможе, и опочи под тем древом маслиною; и то древо и доднесь зелено. И приходят странники, и то древо ломают для благословения. Да от Иерусалима на полуденную страну верст 20 до монастыря великия лавры святого Саввы освященнаго. А в том монастыре святого Саввы освященнаго церковь большая Пресобращение Господне, иныя многия церкви; келия святого Саввы освященнаго вытесана в горе каменной, не велика, как можно человеку сести, а стати в ней нельзя; и в той келье исходит миро из потолка, мягко и бело, аки ладонная мука; и то миро старцы дают вместо мощей для благословения христианом. А стои монастырь на край юдоли плачевной, которая пошла от Иерусалима в море Садомское, а идти тою юдолю плачевною до моря до Содомскаго, иде же погубил Господь Содом и Гомор за беззакония их, на 50 верст. А из моря Содомскаго исходит смола горячая черная и сера горячая, аки глыбы; а животного в себе море Содомское ничего не имеет; а пити тую воду ни кому не мочно, потому что та вода всяко животное в себе уморяет. А море не велико: обходу круг того моря 5 дней. И ту смолу смлют и мажут виноград, на котором червь появится, и тою смолою те черви уморяют; а серу смлют и продают купцам, а купцы тою серою конопатят корабли, которые ходят по Черному морю.

И жихом мы грешны на святом граде Иерусалиме 7 недель, и обходим вся святая места, и благословихомся у патриарха, и поклонихомся святым местам и святому граду, и поидохом с патриархом Иерусалимским Софронием во Египет. А ходу от Иерусалима до Египта 13 дней, а приходом во Египет к святейшему патриарху к Сильвестру, и благословихомся у него, и рскохом ему: Благоверный и Христоролюбивый Царь, Государь и Великий Князь Иван Васильевич здравствует о Христе; тож и благоверная Царица, и Великая Княгиня Мария, и благоверный Царевич Феодор Иванович здравствует о Христе. Мы ж от митрополита рскохом ему: Дионисий митрополит великаго града

Москвы и вся Русии велел тебе челом ударити, святейшему папе, патриарху Сильверсту, и поклонихомся ему. Он же вста и сотвори молитву и поклонясь до земли, и рече: Бог да простит Царя, Государя и Великаго Князя Ивана Васильевича вся Русии, и его благоверную Царицу Марию и его благовернаго Царевича Феодора Ивановича, что пребеззаконных жидов, аки волков, отгнал от стада Христова. И рече нам: и мы, братие, нарицаемся христиане, и имени ради Христова терпим от них великую нужду. И нача плакати вельми. Мы же, братие, зряще на пречесный его образ, не возмогохом удержатись от слез, и молихом его со слезами, дабы нам на пользу изрек свои христианския нужи. Он же, посиде мало, нача нам толком сказывати. Был де во Египте Царь некто Чиркизской, имя ему Гаврило, а неверием сый Турчанин, вельми зол на христианы, злсе нынешних Турков, и имеяше у себя врача жидовина хитра суца. Дивно же бо поведати о древнем папе и патриархе Иоакиме Александрийском, и о его терпении. Той врач жидовин восхоте всех Христиан во Египте погубити и искоренити, но не возможе злыя своя мысли изложити и совершити, и пришед ко Царю, Египетскому Гаврилу, и глагола ему: Царю! живут у тебя Христиане во Египте, и не достоин им жити на той земле, зане погани суть, и неправая их вера. И вели им свою Турскую веру держать, или нашу жидовскую. И рече ему Царь: аз бы их до вечера потурчил, да есть у них патриарх старец, а сказывают его свята; и аз того блюдусь. И рече ему жидовин: не блюдиася ты, царю, того старца; дай мне в руку, и яз ему дам зелия такого поллошки испити, и он в полчаса жив не будет. Царь же рече ему: аще сего старца предаси смерти, то всех христиан потурчу, или смерти предам их. И повел Царь патриарху быть к себе. Патриарх же прииде пред Царя. И рече ему жидовин: старче! Остави свою веру, и веруй в турскую, или в нашу прямую веру Жидовскую; а ваше непрямая, христианская вера. Патриарх же отвеща к Царю: мы ваша турския веры не хулим, и жидовския не хулим же; а наша прямая православная христианская вера добрая. Жидовин же рече патриарху: правда ли в ваших книгах написано: аще что смертно испиют, не вредит их? Патриарх же рече: истина есть, правда написано. Жидовин же реч: аще то правда написано у вас: можешь ли у меня испити смертное зелие за свою веру? Патриарх же рече: готов есмь за Христа моего умерети и за православную веру. Давай что хочещи в сий час. Врач же жидовин рече Царю: Царь, дай мне до такого же дни сроку, и аз дам ему смертное зелие. А прение у них было в Воскресение Христово. Царь же повел патриарху в таков день быти пред собою. Патриарх же призвав, пришед в дом свой, всех христиан, и сказа вся, что ему прение было пред Царем со врачом жидо-

вином. И рече им патриарх: отцы и братия! помолитесь Богу и Пречистой его Матери, дабы сохранен аз был от беззаконного жидовина за православную веру. Иду прежде вас к небесному Царю, Иисусу Христу, и умолю о вас небеснаго Царя, и восприимите сугубые венцы от руки Господня; аще и муку примите, но будете новии страсотерпцы в нынешнем роду; а не мозите, братия, отступите от православныя веры, и примите скорбь мою на радость. Они же, падоша на нози его, со слезами глаголюще: владыко! не остави нас, дабы и мы ту ж смертную чашу пили, которую ты имаши пити. Не мни, владыко, яко бы нам отрешись истинныя веры Христовы; аще ты смерти предан будешь, то не един от нас изыдет из царскаго двора, смерти не вкусив. И пришедши в дома своя затворишась на всю неделю, не исхождаше из домов своих, и молишась Богу со слезами. Патриарх же всю неделю пребываше в посте и молитве, и мало сна приимаше. И паки прииде Воскресение Христово, и иде к заутрени, к Чудотворцу Николаю, и ста на своем обычном месте, и скорбяше о том, како ему пить смертное зелие, и вельми смутись о том. И на 9 песни о посохе стоя, и въздрема мало, и видя чрез сон из алтаря исходящу жену в белых ризах, и две юноши с нею. Жена же прииде к нему к месту, к патриарху, и рече ему: старче, не бойся, дерзай; аз есть с тобою. Он же возре и видя священника пред собою стояща с кандилом. И прииде патриарх ко иконе пречистыя Богородицы, и падоша, поклонися до земли со слезами и прослави Бога. И в той же час отъиде от него скорбь, и прииде на сердце его радость велика. Он же отпел утреннюю, и служил сам патриарх Иоаким литургию, и причастися Божественных Таин, и многие христиане, мужи и жены, взимают от святыя его руки Божественных Таин, готовяхуся на смертный час с патриархом. Патриарх же благослови их своими руками и прослезился пред ними, и моля их, дабы не отверглись Христа истиннаго Бога; они же со слезами и воплем великим возопиша и целовахуся радостно и обещахуся ему едину с ним смертную чашу пити, и кровь свою за Христа пролияти. Патриарх же радости наполнись, и иде пред Царя во всей святительской одежде на смертный час, и христиане идоша с ним, мужи, и жены, и малыя дети. До царскаго двора 3 версты ходу от церкви святаго Николая, и много народу в след идоша, Маркияне, Арабы, Латыни, Копты, Маруни, Арияне, Несторияне, Яковиты, Тетродиты, и всех вер людие видети, что над христианы будет. Патриарх же со христианы в палату пред Царя прииде. В палате же многие люди, паши и санджаки, и туто окаянный жидовин. Кубок же стояше на окне полон отравнаго зелия. Патриарх же в палату вшед, три поклона сотвори на восток и глаголя: Царю!

вели дати повеленною тобою; готов смь за Христа моего умерети и смертную чашу пити. Царь же отвеща: не с нами тебе прение было о вере, не мы тебе даем ту чашу пити. Жидовин же взял кубок, принесе к патриарху полн отравнаго зелия, вверху кубка исполнено пеною. И рече жидовин к патриарху: возьми сию чашу и пей; аще будет правая вера ваша, и ты будешь жив, и цел, неврежен; аще не будет правая вера ваша, и ты смерти вкусишь. Святейший же патриарх, прииме чашу, прослезися в той час, и сотвори молитву, и знамена крестом чашу, и дунова, и абие отступил пена, и показашь в чаше вино красное. Христиане же на царском дворе кликнуша со слезами: владыко! помилуй род христианский, и начаша зваши: Господи помилуй! Патриарх же испи чашу до дна и абие показася ему вино сладкое, хорошее, и неврежен бысть патриарх весь цел. И рече патриарх: Царю! вели мне дати мало воды. И просветися лице его яко солнце, и вси начаша дивитись о красоте лица его. И пронесоша ему воды мало. И влияша воду в кубок, и пополоскав мало, и принесе к жидовину и рече ему: аз от твоея руки, от добрыя веры, пил есмь смертное зелие, а ты от моего руки, тобою хульные, недобрыя веры, испей воды. Жидовин же не хотяше пити. Патриарх же рече ко Царю: дай нам, Царю, суд праведный с жидовином; мы от его руки пили, что он за неделю делал, а я пред тобою воды ему налил на зелие, а он не пьет. И народу ту много предстоящу, и кликнуша вси народи на того жидовина. И Царь повел ему пити, и паки понудиша его великою нуждою. И испи ту воды жидовин мало; и абие нача тело его пухнути, он же побеже из палаты в дом свой. Царь же посла за ним янычарина, да видит, что будет над ним. И паки от полдороги прииде ко Царю янычарин и рече: Царю! окаянный жидовин зле живот свой испроверже; разсея утроба его и излилась. Царь же рече: старче! проси у меня, что хочши, а на меня гнева не держи. Кто тебе злое пити давал, той и погиб. Патриарх рече: аз, Царю, повеленное тобою сотворил. И рече патриарх: Царю! дай мне тех христиан, которые живут во Египте, чтобы их аз ведал и судил, и приставы бы твои по ним не ходили, и чтобы им продажи не было. И Царь же отдал ему христианы, и грамату повел ему дати. Патриарх же Иоаким поиде от Царя; христиане понесоша его на руках своих и прославиша Бога и сотвориша трапезу велию и честну странным и убогим. И Турки от того часа начаша чтити христиан и боятись патриарха вельми. Святейший же патриарх прииде в келию свою, и испадоша ему зубы от лютаго зелия един по един без болезни. Старец же ему по вся дни хлеб мягкой и белой печаше и опресноки мягки, и тем его кормяху. И после того злаго зелия бысть патриарх во Египте 16 лет. И прииде Царь Сулеман турский ко Египту с войском из Царягра-

да, и взя Египет лета 7022, и того Царя Гаврила, что зелие давал пити, повели его обвесити в железных вратах в царском платье, по конец большого торга. А слышали о святем патриархе, что сидел на патриаршестве 85 лет, а пострижен был 12 лет; а во Иерусалиме у гроба Господня служил 3 лета. Дивно же нам поведа патриарх Сильверст о бывшем святем патриархе и о церкви святого Николая, что во Египте. Той же де Царь Чиркизской беззаконный повеле у бывшего патриарха Иоакима церковь отнати и претворити в баню. Патриарх же начи скорбети и помолись во церкви святого Николая со християны. И в туж ночь явись Царю святой Николай и взя его рукою за горло и стисну, и глагола ему: почто еси велел в дому мосм баню сотворити? аще не велиши дома мого христианом отдати, то в другую ноци приду и погублю тя. И в той час посла Царь и не веле той церкви трогати, и отдал ю патриарху. Патриарх же служит в той церкви и доныне.

Наутро же повеле наш патриарх схати с собою в старый Египет, а до старого Египта 3 версты. И паки приидохом в старый Египет с патриархом. Во старом Египте большая церковь святого великомученика Георгия и монастырь девич, а в церкви написан на правой руке образ великомученика Георгия, за решеткою медяною; многи ж знамения и исцеления бывають от того образа, и исцеляше Турок и Арабов и Латынян, не токмо християн, но и всех безвозбранно; другая же церковь пресвятыя Богородицы. В старом же Египте были церкви християнския св. мученик Сергия и Вакха и Успения Пречистыя Богородицы, и св. мученицы Варвары; а ныне теми церквами владеють еретики Копты; а в церквах у Коптов образы и алтари есть, а крещения у них нет; образуются по ветхому закону. А старый Египет ныне пуст, не много в нем живут старых Египтян, а Турки и Христиане не живут, а город был каменн и ныне развалился; токмо одне ворота стоят целы, что в них ехала Богородица со Христом и со Иосифом из Иерусалима. И прибыхом во Египте с патриархом 4 дни. И оттоле поидохом в монастырь св. Арсения. А от Египта до монастыря св. Арсения, что царския дети учились грамоте, Онорий и Аркадий, 7 верст; а стоит монастырь на горе высокой и на камени, и во той горе есть пещеры каменны, где старцы живали отшельники; а монастырь был вельми красен и кельи муровныя предивны, добре высоки, а ныне пусты стоят от Арабов. И служил патриарх Божественную литургию у Николы чудотворца со всем собором, и наряжался патриарх все по обычаю нашему, и верху сану положили на него другую епитрахиль, и как понесли перенос, и патриарх, стояще в церковных дверех царских, вышел из алтаря с сажень, и поклонился телу Христову низко, и прият тело Христово с великою радостью, и с верою

несе во алтарь. И по за амвонной молитве повел тропари говорить, и по молебне говорити: «благословлю Господа на всякое время»,— и отпуск по обычаю.

О походе в Синайскую гору.

Подохом с патриархом Иерусалимской Софронисм в Синайскую гору, и наяком верблуды до Синайския горы: по золотому дали с человека провозу, и по два человека седоша на верблуду по сторонам, и корм свой и воду в мессах кожаных на верблуду положихом: яко боле 10 пуд тягины, а хлсба по кентарю сухаго на человека; а кентарь три пуда наших тянет. А ходу до Синайския горы пустынею три дни; а пустыни не как наши в Руси; в тех пустынях нет ни лесу, ни травы, ни людей, и не видехом ничто, точию един песок да камень. И на четвертый день видехом Чермное море, то место, где Моисей провел Израильския люди 660 тысяч, сквозь Чермное море, а Фарона погрузи в море со всем воинством его. Верху ж воды по морю 12 путей знати. Море бе сине, издалеча видети. И как к морю пришед, ино море стоит по обычаю лазорево. Арабы ж кормят верблудов сухим бобом, а воды име не даваху пити три дня. И от того места, где вышли сыны Израилевы из моря, якобы 5 верст, и обретохом 12 источник. В том месте сынове Израилевы возропташа на Моисея, яко не бысть у них воды, что им пити. Моисей же повел им стати кождо с своим колсном; они же стаха, кабы на дву верстах. Моисей же пришед во станы их и удари жезлом и прокипе вода и даст им Бог 12 источников воды. Дивно ж повсдати о тех источницех. Гора же бяше велика, песчана, песок же велик, якобы до полу ноги погружатись в песку; на самой же горе источник кипит верху, а протекши с горы сажени с две, да опять в землю пошел. Все те источницы Моиссесвы тако тскут, прошед сажень да понырли в землю. И ту ссми идохом три дни, и взыдохом на великую гору; и на той горе, возроптали сынове Израилевы на Моисея, яко не бысть у них воды. Моисей же удари жезлом в гору, и поиде река из горы. И о той реке пророк Давид написал: дает безводным реки. Таж река иде, поныря под землю якож источники. И оттоле поидохом 3 дни и обретохом на дороге камень велик близко Синайския горы, в Хориве, что Моисей источи 12 источников воды сыновом Израилсвым. И ныне знати на том камни, откуда вода шла.

О Синайской горе.

И приидохом во пречестный монастырь Синайския горы. И священницы и вся братия, и архиеписком и игумен Синайския горы со кресты за полпоприща от монастыря встреча Патриарха, и принесоша к патриарху крест серебрян на блюде. Он же взем

у игумена, сам знаменся, и архиепископа, и игумена и всю братию благослови. К нам же прииде игумен и целова нас, захлипа слезами и глаголаше: благодарим Господа Бога, сподобившаго видети православнаго Царя посланники. И потом начаша нас братия обнимати и целовати, с великою любовию и слезы изливаху от радости. Мы же грешнии, не могуци удержатись от слез. И ведехом старцы старых многолетних, украшенных сединами яки подобни ангелом и поидохом в монастырь. Патриарху же вшедши в церковь, и пришед к нему игумен старой Синайския горы, и целовахуся с патриархом игумен, и обоимше руками друг друга, плакаху на долг час. Мы ж яко в рай внидохом в церковь. Церковь же вельми чудна Преображение Господа нашего Иисуса Христа, вымощена мрамором белым да синим, а камень мерной на оброну, да крашен красками разными, а мощно узорами, якобы камка узорчата. Мы ж поклонихомся святым образам и поидохом на правую страну алтаря; а алтарная стена в груди человеку возделана широка. На той же стене против престола стоят мощи святыя великомученицы Екатерины: гробница сделана из мрамора белаго, на гробнице же узоры вырезаны вельми предивны, а длина ее полусажени. Мы же молившись святой великомученице Екатерине, где преж сего были мощи ея, и дали на сооружение церкви великомученицы 500 рублев.

О купине неопалимой.

В той же церкви за алтарем придел над Неопалимою Купиною, где Моисей видел святую Богородицу со младенцем во огне стоящу неопалиму. В той придел к Неопалимой Купине вход из надворья. Над верховьи вырезано 12 праздников, а промж их вставляваны рыбий зуб. А входят в ту церковь люди в великой чистоте, и ризы своя измыв, или в новых ризах, а прешед к церковным дверем да ноги вымыв и босым иди в церковь, или в суконных чулках, а в сопогах не входити. И внидохом мы грешнии помолитись и видехо место покрыто камнем мраморяным, камень полсажени на 4 углы; над тем камнем престол стоит и служба Божественная совершается; в нем же вделаны два камени велики, что опалила Неопалимая Купина. И те камени целовал патриарх, а близко к ним не ходил: одаль их встав, да излег по земли, как можно целовати достать. И мы грешнии тако же целовахом. А над Купиною горят три кандила неугасимых, а на правой стране, на полотне написано Моисеово лице и видение святых отец в Синае и в Раифе избивенных мощей их. И вышел мало из того придела, прямо в стене вделаны мощи святых отец, избивенных в Синае и Раифе. А в большой церкви 12 столбов из горы иссечены от единого камени, а паникадил 8.

О Синайском монастыре.

В Синайском монастыре всех церквей и приделов 25, а во всех Божественная служба совершается. А монастырь стоит между двух гор, а келей в нем 300, все каменные; а ограда каменная же; а на вратах градных две пушки лежат; а братий в нем 90; потому мало, что им великое насильство от беззаконных Арабов. А тех Арабов дал благочестивый Иустиниан на монастыри 400 семей; а ныне их добре много, а живут вокруг монастыря и по пустыни; и приходят те арабы на всякой день по двести человек, и все те емлют оброки свои с монастыря: муку пшеничную, и соль, и масло, и лук. Егда же старцы корма не дадут, и они старцов камнем бьют за монастырем. И видели ссми великое насиле от тех Арабов старцом Синайския горы, и како они могут терпеть от них великое насиле. А старцы в том монастыре к Богу добре подвижны.

О кладязе Моисеови.

Среди же монастыря студенец Моиссов, сиречь кладезь, что Моисей овцы своя напоил, и над тем кладязем стоит древо шипок, что Моисей насадил, и доньне стоит в муру, сиречь в камени; а студенец вельми глубок, и с того студнца весь монастырь питается водою. А налево, против студнца церковь Василий Кесарийский, а ныне в ней турки себе мечеть учинили. И пребыхом в монастыре 4 дни и поидохом с патриархом на святой верх Синайския горы. Игумен и вси старцы рано отпев Божественную литургию, а на святой верх на ночь въздохом: бе бо проход нужен вельми; в Синайскую гору по камени идти. И видехом на горе воду, что старцы Синайские горы молитвою извели из горы каменны, а ныне та вода по камнным трубам идет, и монастырский виноград напоет. А оттоле пошед, стоят 3 церкви: 1 церковь Илия Пророк — над тем местом, где Илья пророк постился 40 дней, и вранове ему пищу приношаху; а вранове ту живяху не велики добре; 2 церковь Елисей пророк, 3 церковь св. мученицы Марины. И оттоле пошед по святым верхом, лежит камень велик зело. Егда Илия пророк пошел на святой верх, ангел Господень заложил ему дорогу тем камнем; а от того камени нужен восход на гору, гора стала тут истомна, учинена лествица каменная; ту патриарха едва возвели, а патриарх не мог сам взыти для ради старости. И въздохом на святой верх, и ту стоит церковь Пресображение Господне; и в той церкви возле алтаря лежит камень велик. Егда Бог сниде к Моисею на святой верх, и ста Моисей при том камени, и камень Моисея пустил к себе, и покры главу его, и под камением глагола Моисей с Богом, и закон от Бога прият — скрижали каменны, написаны перстом Божиим; и ту видел задния его, и

просветится лице его яко солнце. Мы же поклонимся во церкви святым образам, и то место целовахом, где Моисей стоял, и ту есми видели темницу каменну, где Моисей постился и молил Бога 40 дней и 40 ночей; и пресбыхом ту день, да ночь. Гора ж та вельми высока, облака небесныя ходят по воздуху ниже горы, и трутся по горе; а ветр на горе вельми велик и студен. И поидохом с горы и пресбыхом ночь на дороге у монастыря, где Илья пророк постился. Патриарх же игумен, и священники на том верху литургию Божественную служили. И пресбыхом на Синайском монастыре 3 дни и поидохом на гору святых великомученицы Екатерины. Мало отошед от монастыря лежат два камени по розну: на тех же каменех на столбе Моисей змию медяну вознес; ту ж и жилище было Израильтяном; ту сдяхи их змси; и пошед мало, видехом ту же горне меж двема камени иссечен, во что Израильтяне главу тельчию слили; и до сего дни знати на камени том. Приидохом в сад монастырской: в саду две церкви — церковь 40 мученик и преподобнаго Антония Великаго: сад же бо вельми предивен и велик, и много в нем винограду миндалю, и груш, и яблук; груш же мы не видели таких сладких ни в ком царствии. По одну сторону Синайская гора, а по другую сторону св. Екатерины гора. Туж пресбыхом ночь; на утрис же рано, за 4 часа до свету с фонари поидохом на гору св. великомученицы Екатерины; трудно же бяше ийти вельми; горы ж тамо каменны есе; и възодохом на гору о полудне. От Синайския горы до Екатериныны горы 5 поприщ. Видехом на горе врх горы место аки гробницы, где лежали мощи св. великомученицы Екатерины 300 лет: и то место знати и до сего дни; а где два ангела встретили тело ея, помолихомся святому место и целовахом: а церкви на том месте нет; а прислал Царь, Государь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси с Москвы с нами в Синайскую гору епископу и архимандриту на сооружение церкви великомученицы Екатерины, где мощи ея лежат, 500 рублей денег, и велел на том месте церковь воздвигнути во имя великомученицы — Екатерины. А приехали в Синайскую гору в лето 7092 году, и того лета по повелению Царя, Государя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руси, и по благословению патриарха Иерусалимскаго Софрония, епископ Синайской и архимандрит, в Июне месяце, на той горе, над тем местом, где мощи великомученицы Екатерины были, заложили церковь во имя ея при нас; а тогда не делали потому, что на горе воды пооскудело; а идет в Синайской горе и во Иерусалиме дождь и снег с Семсна дни летопроводца до Рождения Христова; и в те поры, в тех местах кладязи и погребы наполняются водою, и ту воду люди копят, которые ту живут и питаются ею во весь год. И оттоле поидохом с горы и възодохом в другой сад монастырской: в том саду святых апо-

стол Петра и Павла, в кельи старцы ту живут. Как приидохом в монастырь Синайской, и приспе праздник великомученицы Екатерины. После всенощнаго бдения о мощех святыя великомученицы Екатерины, патриарх отпечатывает гробницу с мощами св. Екатерины, и целоваху мощи святыя сам патриарх, и мы грешнии целовахом главу святыя мученицы Екатерины; мощи же ся собрани в гробницу и покрыты хлобчатою бумагою да с верху решеткою железною. Благоухание же велико исходит и добровонно от мощей ся, и от бумаги, что покрыта. Тоя бумага даша патриарх християнам на честь для благословия, а мощей святыя не какоже не даст патриарх, понеже бо не повелела святая мощей ни кому крянути. И сотвориша праздник честен.

О Иване Лествичнике.

На утрие же придохом, где Иван Лествичник постился 40 лет, и на пути видехом темницу, от Синайския горы идучи, где Иван Лествичник приходил и видел падших и кающихся со слезами, нежели отпадших. От темницы приидохом на место Ивана Лествичника, и видехом жилище его под каменем мало и темно. От монастыря 4 версты до Лествичникова жилища. И оттуда видел святой Иван на святом верху лествицу до небеси, и о ней восходящих иноков, и премлющу иноков самому Христу за руку. Всех дней пребыхом в Синайском монастыре 20 дней.

В той Синайской горе видели есмя птицы, что наши куры таковы велики, а те птицы послал Бог с небеси Израильским людем, егда они жили в Синайской пустыне 40 лет. О том пророк Давыд написал: «птицы пернаты нападоша посреди стана их, и окрест жилищ их; ядоша и насытишася зело». А мясо тсх птиц сладчае всех мяс.

О птице Строфокамиле.

Туж около Синайскаго монастыря водится птица Строфокамил, высотой человека в плеча, а глава у ней аки утичьа, а у ног копыто на двос, а ноги долги аки у журавля; крылы у нея аки кожаныя, ходит по землс, а летает мало; а бьет человека, кто се раздражнит, ногою и копытом, а бист аки каменем.

И на остаточном дне приидохом в церковь помолитись, и тамо показа нам патриарх мощи, которыя в Синайской горе в монастыре: животворящее древо, цветом недобре черно, кабы серо хотело быти, с невеликой черснок; и потом показа нам три кости ручных св. чудотворец бессребренник Козьмы и Дамиана, мощи и св. Апостола Луки, да часть камсни, которой был привален,

ко гробу Господню, принесен от ангела Господня; и иных мощей часть невеликая; а подписи загладились, не весь котораго свя-таго. И паки целовахом мощи святяя мученицы Екатерины. А монастырь Синайской стоит между двух гор каменных, не видети монастыря ни на которую сторону ни наполверсты.

О Раифе граде.

Божиею помощию седохом на верблюды и поидохом с патриархом к Раифе, и идохом три дня до Раифы; дорога вельми нужна, промеж гор каменных, разве ездят на верблюдах, а на ином ни на чем не ездят; а источников водных добре много по той дороге. Присидохом в Раифу, а в Раифе грски живут и сирияне, вера православная христианская. До Раифы от Индии три месяца ходу морем. Раифа ж городок каменн, невелик; а турков в нем нет, все христиане живут, токмо один санджак да 4 янычарина.

О кораблях.

Корабли же в Раифе на Черном море разделаны без железных гвоздей, щиты веревками финиковыми, а конопачены серою горячою, а не смолою, а гвоздия железна и потому в кораблях нет, что в море камени магнита много, и тот магнит привлекает к себе железо. Видехом же на Черном море корабли из Индии пришедша, и привезли гости два вола индийские черны; промеж рог сядет человек у них, а длина рогов их пять пядей, вокруг рога три пяди. А церковь в Раифе Успения Пресвятыя Богородицы; стоит та церковь в монастырском дворе Синайския горы, и в той церкви лежат мощи святяя Марины вельми чудны, и поклонихомся святым местом и мощем; и поидохом на место, где Моисей даровал из горы каменная 12 источник, а те 12 источников текут беспрестани денно и ночью и до сего дни; вода ж в них горячая течет; а повыше тех источников течет источник, имя ему Мерра, а вода в нем холодна и горька добре; а от тех фиников, что Моисей насадил, от корени их сад великой расплодился, а тот сад святяя гора Синайския. А от Раифы до Моисеевых фиников две версты, а до монастыря св. Ивана Раифскаго 3 версты; а монастырь разбит от поганых Турков до основания.

И поидохом от Раифы до Египет, и от Раифы до Египта, идохом с патриархом десять дней, и во Египте у патриарха Иерусалимскаго Софрония взявше благословение и поидохом радующеся ко Царюграду, а от Царяграда к Российскому царству. И Божиею милостию доидохом здрави без пакости.

В. Г. ГРИГОРОВИЧ-БАРСКИЙ

(1701—1747)

Василий Григорьевич Григорович-Барский, которого именовали еще и Василием Киевским, родился в семье купца. Учился он в Киево-Могилянской академии, куда поступил тайком от отца при поддержке ректора (в ту пору им был Феофан Прокопович). В 1723 г. из-за болезни Григорович оставил Киев и отправился в Львов, где под вымышленной фамилией Барского поступил в класс риторики иезуитской академии. Обман открылся, из академии пришлось уйти. С детства мечтая о дальних странствиях, в апреле 1724 г. он пускается в путь и его странствия продолжаются до конца жизни.

Пешком Григорович-Барский отправляется в Рим, посетив Каиау, Пешт, Вену, Бари (где находились мощи Николая Мирликийского), Венецию, затем с острова Корфа добирается до острова Хиос, посещает Солунь и гору Афон. Из Солуни он 10 сентября 1726 г. отплывает в Палестину, где находится до 5 декабря, потом попадает в Египет, где живет восемь месяцев в Каире (1727—1728), и снова едет на Синай и в Палестину (1729). В 1729—1731 гг. Григорович-Барский живет в Триполи, изучая греческий язык под руководством иеромонаха Иакова. В 1734 г. в Дамаске он пострижен в монахи под именем Василия антиохийским патриархом Сильвестром, и шесть лет живет на острове Патмос, продолжая изучать греческий язык и литературу. В 1743—1744 гг. живет в Константинополе, а в мае 1744 г. отправляется на Афон, но к середине 1746 г. он вновь в Константинополе, откуда через Болгарию, Румынию и Польшу возвращается 2 сентября 1747 г. в Киев.

На родине Григорович-Барский тяжело заболел и в том же году умер. В стихотворной эпитафии на его надгробии говорилось, что он «...через перо свое уверил // О маловедомых в подсолнечной вещах...»

В своих странствиях В. Г. Григорович-Барский делал зарисовки, снимал планы, вел путевые записи, которые сам подготовить к печати не успел. Впервые, правда со многими вольностями публикатора, они были изданы В. Г. Рубаном по указанию Г. А. Потемкина под заглавием: «Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки Албова, уроженца киевского, монаха антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 г., им самим писанное» (СПб., 1778).

В первое свое посещение Святой Земли Григорович приплыл в Яффу в 30 сентября 1726 г. прибыл в Иерусалим, где встретил Новый год. Он обошел окрестности Иерусалима, был на Иордане и на Мертвом море, посетил Вифлием, несколько раз побывал в лавре св. Саввы и в Фомин понедельник 1727 г. опять отбыл в Яффу. Во второй раз в Иерусалим он попал 23 марта 1729 г., провел в нем Пасху, затем, осмотрев окрестности Вифлеема, отправился в Яффу, откуда 15 мая в Птоломиду, вновь посетил Назарет, прошел всю Галилею до источников Иордана, был на Фаворе и Кармиле, осмотрел останки Каны Галилейской и закончил путешествие по Святой Земле 31 июля.

Записки В. Г. Григоровича-Барского как бы продолжают еще не забытую в начале XVIII века традицию древнерусских «хожений» и представляют собой содержательный литературный памятник, о котором писали П. И. Павликов, Н. И. Надеждин, митрополит Евгений и др.

Из книги «Странствования Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г.»

О ПРИШЕСТВИИ МОЕМ К СЯТОМУ ПРЕПРОСЛАВЛЕННОМУ И БОГОМ СОБЛЮДАЕМОМУ ГРАДУ ИЕРУСАЛИМУ

По многотрудном и жестоком морском же и горном прешествии, сподобил мя есть преблагий Бог, купно с прочими христианскими поклонниками, dospети святого града Иерусалима месяца Септеврия последнего числа, в день пятка, в самый час полудня. Бисть же (яко же прежде рех), сгда взийдохом на последнюю велику гору, тогда шествовахом равным путем, мало ниспущаючимся, помежду красными маслинными садами, яко три поприща, и устретаху нас издалуче, исходяще за град, многие христиане, от духовного и мирского стана, и даяху всякому целование любезное, с многим приветствием и осязанием рук, глаголюще: «добре пришли есте братия» и елика таковая; и елико приближахомся, толико вящие нас устретаху и провождаху. Егда же аз узрех стены града, возрадовался зело и забых телесной немощи, дадох же абие Славу Богу, яко сподоби мя по желанию моему достигнути тамо. Видех же крепкое и лепое каменное здание ограды, искусным художеством стросное и немноглетное, и от всякаго похвалы достойное, и почудихся отчасти. Та же вси внийдохом врати Давидовыми, никим же воспящасмы, ниже бо стражие бяху, ни воины, но токмо многие граждане, изшедшии в сретение. Тогда иноки тамошние, по обычаю свосму, всех нас, не токмо мужей, но и жен, отведша в первоначальный монастырь Патриярший, идеже в то время патриарха не бисть, но отшел бе в страну Греческую, прошения ради милостыни на откупление Гроба Христова. Архиепископ же, именуемый питроп, вместо его тогда обладающий, повеле всем дати гостинные келии к упокоению, и бисть тако. Препочившим же нам яко час един, званны бехом в трапезу иноческую, идеже представиша нам два варения постна и маслинные плоды, бе бо тогда пяток, напояху же и вином, от рук своих подавающе всякому, хотящому пити, и наситихомся доволно и благодарихомь Бога. По трапезе поведоша нас иноки високо по степенех верху келий, созирати многая здания и полати, и видехомь стросные монастыря того зело лепое и расположение премудрое. Многие бо келии и входи, и

исходи имать, и покрови верху зданий низкие и утасные, иже от земли не зряся; суть же сотворение от пепела, с водою растворенна, сице же искусным художеством, яко злившия в составление едино держатся крепко и твердые суть, аки камень, и гладкие аки ток, от них же вода стекающе дождевная в время зими и собирается в студенцы, пития ради. Здание монастыря оного есть высокое и сице тесное, яко нигде же праздна места имать, но все келия. Устроен же есть чудесно на две части: первая убо часть стоит от единия страни улицы и присовокуплена есть к великой церкви, идеже Гроб Господень, вторая же на другой странне улицы; обе же части мостом каменным крепкимъ совокупленны суть высоко прехождения ради, а под мостом низу по вся дни ходят людие семо и овам и торжище собирается, или, яснее рекше, монастырь стоит сюду и сюду, посреде же путь к торжищу, или улица. Оттуду ведоми бежом еще выши по каменных ступенех на покров церкви великой Воскресения Христова, идеже созирахом внутрь окнами и видехом строение и украшение се зело прекрасное, и желаше же душа моя крепко, да мя сподобит Бог дойти внутрь. Тогда показоваху нам иноки главы церковные, кая над каковым пределом стоит. От них вси суть от самого камня здание гладким и лепим делом, едина же паче всех болша, от древа составленна и вне ценю покровенна, а сверхи дыру имуща велику, и сия есть над Гробом Христовым. Но о сем последи чти в описанию великия церкви. Еще же и инная здания многа далече и близу стояща, показоваху нам перстами, яко то церковь Соломонову, дом Давидов, гору Елеонскую и проча, о чесом последи изявити потшуся. Последи идохом в церковь монастыря того, именуемую святого Константина и Елены, и слушахом тамо вечерни, идеже иноки поют чинно и лепо, с всяким благоговением и страхом Божиим. Храм того ради в имя святого Константина есть созданий, понеже он баше ктитор и великой церкви и монастырю Патриаршему и вся он созда. Стоить же присовокупленный к стене великия церкви Воскресения Господня, от онюдуже на стране левой есть окно, и зрится Гроб Христов и прочие места внутрь. Церковь она, аще и мала есть, но строснем гладким и лепотнымъ зиждема и внутрь побеленна варом чисто, без всякого иконописания. По стенах же суть многообразны повшсенны иконы, украшения ради, а намесние образы, обоюду царских врат стоящие, вси суть сребром позлащенным покровенны, кроме лиц. Столп токмо един имат внутрь, им же поддержится, не может бо вместити больше, малости ради своей. Подножие зело гладким, искусным делом сочиненно от таблиц мраморных троякого вида: бела, черни, и червленна. Что же рску о седали-

щи, или троне патриаршем и о прочих столцах и наложцах? Воистинну многия похвалы достойна суть, понсже вся дробным и избранным художеством, биссерным чреповнокожем, или, просте рекше, перловою матицею и иными драгими костьми от рыб морских насажденна и украшенна суть. Егда же, по выслушании вечерни, изыйдохом от церкви, абис биша в било и званны бахом в трапезу вечеряти и представиша нам подобные снеди, якоже и в час обеда, служаще и частующе вином. Тогда насытившися, благодарихом Бога и разийдохомся вси по келиях своих. Заутра же в субботу, месяца Октоврия 1 дня, в тойжде вишшереченной церкви бихом на утрени и слушахом правила даже до «Бог Господь». Наченшужесе чтению Псалтири, по повелению намесника патриаршего, дадоша нам всякому свещи, поведоша нас неколико иноков вниз многими степенми каменными, даже до земля, и изведоша нас вне монастыря пред врата Великия церкви, именуемая по греческу *Αγία Πорта*, еже есть святые врата, и сотворише вси по три поклонения до земля, лобизахомся. Святая же порта имат обоюду по три столпы мраморные, белые, от них же одесную посреде стояй между двема просядесе до полу тако, яко персту человеку влазити, и сотворше поклония, лобизахом еге по повелению предъвожающего нас инок, иже именуется мерхадзи, еже есть имий свое послушание, повеленное от питропа, водити по всех местах поклонников. Оттуду прешедше неколико степеней, ошуюю стоит столп светлочервленый, наподобие порфира, не в стене церковной, но на уединении при едином притворе, иже вне церкви стоит. Тамо такожде поклоняющесе, лобизахом еге, и абис предводяй нас рече вину почитания столпов тех сице. Бисть не пред многими леты, егда Армене закупиша бяху от Турчина Гроб Господень в самообладание и обладаша лет неколико, последи же оклеветанны бяху, яко не снисхождаше к ним огонь от небес в великую субботу, якоже обиче Греком молящимся снисходити. И приспешу празднику Воскресения Христова, снийдошася властелины Турецкие с прочими многими Махомедани созирати и увести истинну. Бяху убо Армене внутрь при Гробе Господнем молящи, а патриарх со Христиани своими вне церкви изыйде и ста при оном вишшереченном уединенном столпе, плача и моляся Господеву, да прославит веру их православную, а Армен проклятых да обличит лжу и ненависть. Бисть же егда Армене моляхуся, кричаще над Гробом Христовым и ничтоже ползоваху, ее, Божию волю, от столпа онаго изыйде огонь, иже есть при святых вратах, и прескочивши к другому столпу, при нем же стояше патриарх, и зажде его пламенем зелним, и абис патриарх зазже свеща свои, и огонь невидим бысть. Такожде и вси людие

зажигаша свечи и прославиша Бога, показавшего им таковое чудо. Армени же посрамишася. Видев же сие един от знаменитых Турчин, велия (рече) вера есть христианская, и верова в Христа. Абие же от иных Махомстан похищен бисть испален, в очесех всего народа, пред церковию. Арменам же оттоле болш не попустиша владети, но паки в руце Грском дадоша. Виджь, любимый читателю, вери православния силу! виджь чудеса Божия, прославляющаяся в ней, враждующим на обличие! Оттуда, мало поступивше, внийдохом в едину тесну келию, идеже Мария Египетская плакашеся зело, того ради, яко сила Божия возбрани ей внийти в врата церковные и поклонитися Гробу Господню. Оттуду пойдохом в монастырь святаго Авраама, идеже вшедши в врата, идохом помежду зданиями на гору многими степенми, и прийдохом в едину церковь невелику, но лепу, яже при стене великия церкви стоит. Тамо стоит мсто пред царскими враты, сребром окрест, в подобие блюда, окованно, идеже баше иногда Савеков сад и Авраам хотяше сина своего заклати Богу на жертву, но Бог, видя усердие его, не попусти ему сего сотворити, но яви ему овна, и лобизахом место оное с благоговением и честью. Оттуду возвращающи в великий монастырь Патриарший, поведоша нас на место оное, идеже явися Христос Марии Магдалине, яко вертоградарь с копаницю, идеже такожде поклоняхомся и лобизахом место святое. Таможде абие пойдохом в церковь святаго Иякова, Брата Господня, иже первый епископ в Иерусалиме бысть, и тамо в оной церкви первый и ветхий трон его бяше. Оттуду повратихомся в монастырь темже путем, имже и первее изыйдохом, и идохом паки в церковь и слушахом до конца утрени и по окончании разийдохомся в своя келии. Просветившужеся дню солнечным сиянием, паки в томъжде храме святаго Константина слушахом святой литургии, последи же творяху коливо за усопших, и по отпетии церковном, таможде неотходно седшим всем раздаяху и вина по чаши всякому. Таже абие всех путников и новопришельцев, духовных же и мирских, еще же и жен, отведоша в умивалницу и молыша всех свести чинно, и бысть тако. Начать же пети певец некую стихиру лепим и умиленным гласом, стоящи посреди умивалницы, изийдоша же шесть иноци, два носяще медницу шероку и сосуд с теплой водою и лентие, третий же препоясан завесою, такожде от другия странни, и наченше от перваго даже последнего всем умиша нози. Чин же сицевъ бисть: един держаще готово лентие бело к отиранию ног, второй нося сосуд с теплою водою, с неким благоуханным зелием уваренную, и поливаше подставивши медницу под ноги путника, третий же преклонь колени на землю, взявши первее десную ногу, потираше мылом и омываше согрешенную водою и отерши лентисм лобизаше, аще бяше инок,

он омивающаго главу, мирянина же сице без лобзания оставляше, такожде и шуюю ногу омиваше подобне, токмо не лобзаше, довлест бо и единожды. Сядяшу же и мне тогда в чину прочих путешественников, аще и на последнем месте, приступивше, умыша и мои грешные нозе с облобызанием. Тогда аз, не терпящи толь великаго смирения их и добродетели, испустих от очес моих слезы, бяху бо и иные прослезившиися, и сего ради не можах удержати тока зениц моих. Егда уже умыша всем нози, тогда носиша пред всякаго хадзся воду чисту и умыша вси, един по единому, руце сами себе, абие един последоваше нескую воду, благоуханиями растворенну, носяя и кропляше космуждо на руце, и потиряху сю лица своя. Последи же дадоша по чаше кафе, и бисть пиющим приветствоваше краткою беседою намесник патриарший всех поклонников, похваляючи благос произволение путешествия их на места свята и жслаючи, даби Бог сподобил вся та с страхом, благоговением и верою посетити и лобызати и елика такова. По мале же времени званны бехом в трапезу, и представиша нам ядь лучшую, нежели вчера, бе бо день суботный, и чествоваху довольно вином. Насытихомжеся в славу Божию и благодарихом. Последи, изшедши оттуду, поведе нас паки верху церкви великия, якоже и вчера, войжде инок, мерхадзий, или предитеча поклоническ, многая нам перстом показоваше здания внутрь и вне града места святыя и довольно с нами беседова, что изывитися имать послезде. Последи приспешу времени, обичне идохом и слушахом вечерни в предреченном святаго Константина храм; таже последовательне званни бехом в трапезу и разыйдохомся. За утра же в день неделный. Октоврия второго числа, по выслушании ношного правила, егда просветися день солнечным сиянием, повелением намесника патриаршего созванны бяху вси хадзес в газофилакию, еже есть в скарбницу монастырскую, и дадоша милостыну в корван Гроба Христова всяк противу силе своей, елико кого Дух Святый наставил бе. Тогда же и Махомстане приидоша в монастырь, по обичаю своему, взятя ради мзды за отверзение врат великия церкви, они бо в руце своей держат и никого же от пришелец попустят внийти тамо, дондеже установленну дань от него не возмут; взимают же токмо от мирских, от иноков же ничтоже, не токмо от иерусалимских, но и от чуждых, понеже многу дань дает в год монастырь Патриарший на царя Турецкаго за монастыри, иноки и всякие потребы, и сего ради волен вход им есть на вси святыя места без всякаго поплащения. Тогда убо мирстии поклонники вси дадоша по седмь талярсей и взяша Турецкие печати, по обыкновению тамошнему, да в время вхождения в церковь покажет в врате оную и без воспящания впущен будет, уготовляхуся бо того вечера хадзес внийти внутрь, бисть бо уже

день третий гощения в монастыре и к тому больше держати не обикоша их тамо иноци. Приблизившуся убо вечеру, приидоша бесурмане с ключами и отверзоша святые врата, идеже егда впустиша нас, оставиша вратам отверзтым быти яко полчаса, поклонения ради народа Иерусалимского, последоваша бо тогда по нас людие многы от жителей тамошних, ибо Иерусалимнян ради никогда же не отверзают церкви, но егда наймут хадзее, тогда и им вольно нийти. Обаче стоят Агаране во вратах и стсрегут, и никого же от чуждых попускают внийти, аще кто прежде им не дал мзды и не имат от них знамения печати, и не может никто же тамо внийти хитростно, без поплащения. Тогда, егда внийдохом во святые врата, абие мерхадзий, предводяй, показа место, идеже Пресвятос Тело Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, снемши Иосиф с Никодимом с Креста, обвиша плащеницю. Последи повезде нас к Гробу Господню и поклоняхуся вси хадзее с верою и страхом, когго поклонения и аз недостойный сподобихся. Оттуду не хотяше повести к прочим святым местом, но повезде нас в храм Воскресения Господня пред начальный престол, посреди церкви стоящ, и тамо показа нам на подножии церковном пуп, или посредством земли, о нем же воспоминается в Писании Божественном, яко спасение содея посреде Земля Христос Бог роду человеческому, еже место с любовию и поклонением лобизахом вси. Тогда абие начаша Греческие иноки пети вечерню и к тому, не исходяще оттуду, слушахом. По вечерни ведомы бехом степснии камнными на гору Голгофу и поклоняхомся месту, идеже Крест водружен стояще с распятым на нем Господом нашим Иисусом Христом. Таможде видехом гору проседшуюся каменную в время Страстей Христовых, о чесом пишется в Евангелии, яко земля потрясся и камения распадошася. Таможде лобизахом место оное, идеже положивши Крест на земли и распростерши на нем Христа Спасителя нашего, прибиша железными гвоздями. Оттуду изведше ни на низ, покажаху нам пещеру под горою, идеже Адам погребен бисть и кровию Христовою освятишася кости его. Оттуду водимы бехом к прочим местам святым и лобизахом я вси с многим поклонением и любовию, а именню сии суть: Камень, на нем же посадивши Христа, тернов венец возложиша нань; яма, идеже святая Елена Животворящий Крест Господень обрете; место, на нем же о одежде Христовой метаху воины жребия; темница, идеже Христос затворен бяше; камень с двема дирама, идеже Христови нози провлечени беху и заключении; столп, к нему же Евреи привязавши Христа, бияху розгами, и прочие места, о них же последи подробну известитися имаши. По обхождении же мест святых, звании бехом от начальствующего в церкви инока на трапезу, идеже введши нас в едину гостинницу, представи ве-

черу честну, якоже и в монастыре Патриаршем бысть, и учреди ни ястием и питием довольно. Последиж, по обычаю их всегдашнему изнесен блюд велик, среброкован, позлащен и на нем книгу лежащую и хартию, и чернило, и моляше милостыни на потребы церкви, и даяху вси по силе своей, елико кого Бог наставлял, и вписоваху имена свои в книги церковные, поминания ради. Таже, по окончании всего, в той же гостиннице дадоша постели к спанию, и яже хотяху спаша, прочии же хождаху по церкви и рассмотреваху строения и места святыя, с ними же и аз, и чудихомся лепотному, премудрому и пространному зданию ея, и последи спяхом вси. О полунощи же, по всегдашнему обычаю своему, иноки, тамо пребывающие, биша в било древяное и возбудиша всех на пение церковное, и наченше от полунощницы вся по ряду, даже конца утрени с всяким благолепием и благочинием, таможде при великом олтаре совершаху набоженство. Тогда бившу славословию великому, якоже подобает в день недельный, священник служащий изнесе от олтаря на сребрном, позлащенном блюде крест, яко полторы пяди величеством, такожде среброкован, в нем же бяше посреди часть честнаго древа от Креста Христова, величеством яко два пальца человечии в широту, и лобизахом вси с достождождною честью и поклонением. Последи же слушахом службы Божой на горе Голгофе, отправованной при оной дири, идеже Крест с Христом стояше. Таже наставшу дню и воссиявшу солнцу, приидоша Турки и отверзоша врата святыя, и поклонившиися паки Гробу Господню и прочиим святым местам, изыйдохом, давши славу Богу. Тогда аз славях и благодарях Бога Вседержителя о всех, яже видах и слышах, и всегда благодарю Его, яко сподоби ме толь пресвятис и преславниа посетити и лобизати места. Оттуду паки в монастырь Патриарший возвратихомся и приспевшу времни трапезою угощенни бехом; по трапези же, по повелению наместника патриаршего, разведоша иноци хадзев по монастырях на временное пребывание. Обычай бе там странным, не токмо духовным, но и мирским по монастырях жити, донележе обходят вси места святыя и совершат поклонение. И изыйдоша того дне от Патриаршего монастыря вси на иные места, идеже кому возлюбися, обычай бо и постановление от давних лет есть тамо, яко не угощевают странных, токмо три дни, последи же сами кормляться в монастырех сидяще, гостинниц бо кромешних их ради несть, а в монастырех келий суть много праздных, а иноков мало обитающих. Расшедшим же ся тогда всем, мне повеленно бисть удержати еще тамо чрез несколько дней, имех бо себе теплая заступника и ходатая она вишшеписанна два протосингела Иерусалимска, с ними же вкупе еще от моря творих шествие к Иерусалиму, от них же с единым еще путешествуя в земли Ве-

нецкой, познахся в граде Киркере, идеже суть мощи Святителя Христова и Чудотворца Спиридона, с другим же в Македонии в Солуню. Тии убо ведоущи мя убога и немогуща от своего мешца кормитися, имяеху о мне попечение, Господы их спаси. И тако за их ходотайством и милостию питропа, или намесника Патриаршего, преселиша мя в монастырь святаго Архистратига Христова Михаила, идеже совокупивши мя в дружество с другим, такожде оскудне имущимся хадзесем, или поклонником, иже бяше от странни Сербския, от града Сегедина, именем Стоян Савин, дадоша обем едину келию, временнаго ради пребытия, и повелеша на всяк день пищу взимати от великаго монастыря. Прейдохом убо в монастырь Архангельский Октоврия 5 числа, в среду, и хождах аз на всяк день дважды, в полудни и вечер, к монастырю Патриаршему по пищу, отонюдуже хлб, варсения и вино и вся яже братия ядыху, то и нам даяшся. За что, глаголю? Да умножает щедр и милостив Господь всяких благ изобилом обитель ону и живущих в ней до скончания вска. Ми же пребивающе с прочими тамо многими хадзсями, творяхом, на нсже приходом в Иерусалим, хваляще и благодаряще Бога и благодетелей своих.

А. Н. МУРАВЬЕВ

(1806—1874)

Полузабытый ныне Андрей Николаевич Муравьев был плодовитым и известным литератором, поэтом, крупным религиозным писателем, автором многих книг, среди которых и сборник стихотворений «Таврида» (М., 1827), и такие серьезные труды, как «Письма о богослужении Восточной католической церкви» (СПб., 1836), «История Российской церкви» (СПб., 1838), «Сношения России с Востоком по делам церковным» (СПб., 1858—1860) и множество других сочинений, ряд которых не раз переиздавался и переводился на иностранные языки. Но наибольшую известность получили две его книги — «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» (СПб., 1832), сделавшее имя автора известным всей читающей России, и не менее замечательное «Путешествие по Святым местам Русским» (СПб., 1836). Эти «путешествия» и отклики на них и предопределили тот литературный образ, а отчасти и репутацию, автора, которым старался соответствовать и сам Муравьев, гордившийся о себе в стихотворении «Паломник»:

Я принял крест, я посох взял,
Меня влечет обет священный...

Романтизированный образ молодого паломника очертил в своей рецензии «Путешествие к Св. местам» А. Н. Муравьева» и А. С. Пушкин, писавший о нем: «Он посетил Св. места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя».

Начинавший литературную деятельность как поэт, Муравьев получил хорошее домашнее образование. Его наставником был известный литератор С. Е. Раич, кстати, воспитатель М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева. С 1823 по 1827 г. писатель в военной службе, в 1831 г. назначен столоначальником Азиатского департамента, в 1833 г. — секретарем за обер-прокурорским столом в Синоде, а с 1842 по 1866 г. снова служит в Азиатском департаменте, после чего уходит в отставку и доживает свои дни в Киве.

С 1836 г. Муравьев член «Общества любителей российской словесности», с 1837 — Российской академии наук.

После первого путешествия в Святую Землю в 1829—1830-х гг. и выхода его знаменитой книги он углубленно занимается изучением библейской истории и истории Святой Земли. Результатом этих занятий стали и драматические сцены в стихах «Битва при Тивериаде, или падение крестоносцев в Палестине» (отрывок из которых был опубликован в пушкинском «Современнике») и обширная «История священного града Иерусалима от времен апостольских до наших» (Ч. 1—2. СПб., 1844) и другие труды. Впечатлениям от второго посещения Святой Земли посвящено немало страниц его «Писем с Востока в 1849—1850 гг.» (Ч. 1—2. СПб., 1851).

О своем участии в литературной жизни А. Н. Муравьев оставил любопытные воспоминания («Мои воспоминания»; М., 1913).

Из книги «Путешествие ко Святым местам в 1830 году»

ИОРДАН

На следующее утро спешил я воспользоваться тишиною, которая тогда царствовала на берегах Иордана, часто тревожимых набегами Бедуинскими, чтобы посетить священную реку и Мертвое море, прежде возникнут новые грабежи и беспокойства. Пять французских путешественников и два английских, которых я застал в Иерусалиме на обратном пути их из Египта, присоединился ко мне вместе с г. Еропкиным, дотоле не видавшим Иордана. Несколько поклонников и монахов греческих и русских пешком устремились вслед за нами; даже одна женщина русская пустилась позже нагонять нас по горам, но ее ограбили бедуины. Так сильно было общее рвение погрузиться в воды Иордана; ибо в течение десяти лет, от начала войны греческой, малочисленность поклонников не позволяла им посещать святой реки. В прежние годы до 10 000 богомольцев всякого возраста и звания разбивали шатры свои близ Исрихона на третий день Пасхи под предводительством драгомана Патриаршего и самого Мусселима, который выезжал со стражею охранять их за условленную цену; но бедность духовенства лишила ныне поклонников столь утешительного странствия.

Все были готовы к бою и некоторые из нас имели еще при себе вооруженных слугителей. Я взял с собою монаха Феоктиста, который с позволения наместника оставил на время рясу иноческую для странной полувосточной, полудуховной одежды. Всего любопытнее было слышать его воинственные речи о прежней полковой жизни, ибо, почувствовав на себе оружие, он ожил духом и как бы перенесся на родину. Важно садясь на лошака, в чалме и туфлях, в полукафтани и куртке, опоясанный полотенцем с двумя пистолетами, он никак не мог пригнать себе по ногам коротких веревочных стремян и, негодуя на сбрую арабскую, бранил помогающих ему стражей.—«Я бы послал этих бусурманов,— с досадою говорил он,— на ординарцы к командиру нашей конной гвардии и он бы научил их порядку, а здесь им воля!»

Я просил у Мусселима двух только всадников, хорошо знающих места; напротив того, из видов корысти, он прислал мне четверых, нигде не бывавших, так что я принужден был в последствии взять еще одного от Аги Исрихонского, для обратного пути через монастырь Св. Саввы; но и тот вел нас дальними и неверными дорогами. Главная же моя ошибка состояла в том,

что я не успел в первые два дня подготовиться к сему путешествию, и, доверяясь несведущим, не просил себе проводника от монастыря католического. Таким образом, не могу я сделать верного описания тех малых остатков древности, которые мне встречались на пути к Иерихону.

Немного далее Вифании есть колодезь, близ коего, по темным преданиям палестинским, любил отдыхать Спаситель с Апостолами, отходя в пустыню иорданскую. Дорога от него идет дикими и голыми ущельями, где еще сохранились слабые признаки крепости Адонима, на границе колен Иуды и Вениамина, там где, как говорят, сбылась притча об ограбленном самарянине, ибо в Палестине утверждают, что почти все сии притчи были основаны на происшествиях, которых самая мещность еще сохранилась. Сие ущелье и донныне благоприятствует разбоям, как и вся почти дорога к Иерихону. Еще далее видны на крутизне малые следы неизвестных развалин, под которыми простирается дикий и неприступный овраг, примыкающий к пустыне иорданской. В древности он был населен бесчисленными отшельниками Лавры великого Евфимия, которая находилась около сих пропастей, по соседству горы искушения, где сорок дней постился Спаситель и где доселе есть еще на скалах остатки неприступной церкви; но арабы не могли мне указать священной горы сей, хотя я близко от нее проехал. Она отстоит не более двух часов от Иерихона.

Здесь оканчиваются горы и с их вершины открывается один из богатейших видов Палестины: долина иорданская. Два диких хребта, как две неприступные стены, тянутся от севера к югу, вдоль всего течения реки и вокруг Мертвого моря, и со всех сторон представляя взорам пустынный обзор голых вершин своих, подпирающих небо Аравии и небо Палестины, в одной и той же долине вмещают они и реку благодати, и море проклятия; так смежны милость и казнь! Посреди сей долины, некогда славной розами и пальмами Иерихона, тесный Иордан быстро мчится в обширном русле, изрытом его зимними волнами. Густые ивы, склоняясь над рекою, скрывают вблизи ее течение, которого живописные изгибы далеко видны с вершины гор, вместе с широкою пучиною Мертвого моря. Так впервые представляется взорам Иордан и его пустыня.

При самом спуске в сию долину, близ малого ручья, быстро текущего из подошвы гор, стоит еще на крутизне башня, быть может, та, которую воздвигла подле монастыря Св. Феоктиста Императрица Евдокия, для свидания с великим Евоимием, и здесь должна была находиться обитель сих знаменитых отшельников, ибо летописи указывают ее около потока на пути к Иерихону. Немного далее, уже на равнине, видны остатки ка-

менного моста, принадлежавшего или новому Иерихону, воздвигнутому императором Адрианом близ развалин древнего, когда оный был совершенно разорен в последнюю войну иудейскую, или, быть может, знаменитому дворцу и замку Царя Ирода, Иродиону, положение коего соответствовало сему месту. Мост сей отстоит менее часа от нынешнего Иерихона или Риха, цветущего садами; но в местах столь диких трудно угадать следы веков отдаленных.

Было еще довольно рано, ибо мы прошли не более семи часов от Иерусалима, однако же решились провести ночь в селении, на дворе Аги Иерихонского, которому огражденная башня служит жилищем и вместе защитою от набегов бедуинских. Сии последние, кочуя за Иорданом, часто персплывают его на борзых конях. Они славятся своею дикостию и зверством между всеми коленами арабов, и грозны неожиданными набегами путникам и стадам; ибо все хищники палестинские, как и все похищенное ими, находят верный приют в стране заиорданской, меж дикими горами Аравии. Не посетив, таким образом, горы искушения, я не успел сходить в Иерихоне к тем знаменитым водам, которые обратились из горьких в сладкие, по молитве пророка Елисея, и много замечательных мест были для меня утрачены в столь тягостном пути.

На другой день, еще до солнца, мы поспешили к Иордану, отстоящему за 2 часа от Иерихона, ибо предполагали в тот же день пройти еще 9 часов на обратном пути от реки, чтобы ночевать в лавре Св. Саввы. Скоро спустились мы в обширное русло реки, которого глиняный слой совершенно размывает сбежавшими волнами, и в некоторых местах оседает под ударами копыт. Только в весеннее время Иордан наполняет его своими водами до осыпающихся берегов, но обыкновенная ширина реки не превышает десяти сажень. По объему русла, простирающегося версты на две с правой стороны, можно полагать, что река изменила свое первоначальное течение и отступила к горам Аравии, где берега гораздо круче и русло теснее. На прибрежной крутизне, влево от дороги, виден вдали монастырь Св. Герасима, еще довольно сохранный и оставленный гресками, по причине разбоев бедуинских. К нему стекались прежде поклонники, идущие на Иордан; но теперь только христианские арабы Вифлеема однажды в год приходят туда накануне Богоявления и, отслужив обедню на престоле из камней, посреди самого Иордана, в торжестве возвращаются в Вифлеем, исполнив священный долг, давно забытый христианами Иерусалима.

Некоторые предполагают, что близ монастыря сего (хотя он стоит на краю широкого русла) совершилось крещение Спасителя; но я напрасно старался в том удостовериться в Иерусалиме.

Путешествия на Иордан немногие завлекают по своей опасности, и потому никто не может указать места Богоявления, зная о нем только по слуху. Иные говорят, что оно находится против монастыря Предтечи, которого едва заметные развалины остались от нас вправо, так что дорога, избранная арабами, как самая кратчайшая и удобнейшая по спуску к потоку, лежала между двух монастырей. Но обитель Предтечи кажется мне слишком отдаленною не только от реки, но и от руслу ее, чтобы могла она быть основанною в память крещения, хотя предания и говорят, будто Елена велела воздвигнуть храм над местом сего события. Быть может, сии развалины принадлежат какой-либо из обителей, которыми процвела пустыня в память проповеди Иоанна. Католики утверждают, что монастырь сей был razорен после долгой осады, выдержанной против неверных его монахами, а быть может, и рыцарями Св. Иоанна Иерусалимского, от чего арабы страшились оставить подобную крепость в пустыне. Сии обломки слывут латинскими; хотя уже многие века ими владеет одна пустыня. Но как все сии подробности о монастырях узнал я уже по моем возвращении, не посетив сам их остатков, то и не могу сказать наверно, чтобы не было другого монастыря Предтечи на самом месте древнего селения Вифавара, близ которого крестил Иоанн. Я желал бы, чтобы кто-нибудь исследовал лучше места сии, руководствуясь моими догадками.

Довольно долго проходя по зыбкому руслу реки, мы наконец услышали шумное журчание Иордана, еще не видя его за густым кустарником, посреди которого он стремится. В одном только месте изгиб реки, обнимая небольшой луг, открыл жаждущим взорам ее быстрые волны, прозрачно бегущие по мелким камням и освежающие зелень навесных берегов. Я три раза погрузился в поток и три раза увлеченный его бурным, весенним стремлением, с трудом мог удержаться за длинные ветви нависших ив. Так рожденному в снегах севера суждено было утолить жажду свою чистыми струями Иордана и в знойной пустыне палестинской омыться его священными водами, которых память навсегда сладостна сердцу.

Ага Иерихонский, расставив по высотам стражей, из опасения бедуинов, не позволял медлить поклонникам на Иордане; но, не смотря на его клики и угрозы, каждый стремился погрузиться в священные волны, каждый спешил зачерпнуть немного воды в принесенные меха и сосуды, и взять камень из середины реки, и срезать себе длинный тростник или ветвь ракиты на память Иордана, чтобы унести их на родину вместе с пальмою своего странствия. Сопутствовавший нам греческий инок читал над рекою тропарь праздника Богоявления: «Во Иордане крещающуся тебе Господи тройческое явися поклонение...» и кондак его:

«Явился еси днесь вселенней и свет твой, Господи, знаменася на нас, в разуме поющих тя!» И при звуке сей молитвы, повторяемой на берегу и в водах, оживленный Иордан представлял в тени кустов своих торжественную картину крещения, истинно величественную, какою она бывала в первые времена христианства, когда целые народы выходили искупленными из родной им реки.

Мы продолжали путь наш вдоль течения реки, медленно подвигаясь по зыбкому руслу, которого белые и песчаные берега представляли взорам странные призраки башен и монастырей. Но когда Иордан крутым изгибом отклонился к востоку, мы отделились от русла и устья его, направляясь прямо к Мертвому морю. Море сие ничто иное как продолжение речной долины, которую оно наполняет всю, до самой подошвы гор, своими горькими и тяжелыми водами; вкусом оно гораздо солонее морских, а неподвижностью вполне заслуживают название мертвых. Берега местами неприступны от ила; кое-где малые ручьи стремятся в озеро и огромные остовы деревьев раскинуты вдоль помория, низменного только со стороны Иордана, ибо с трех других оно ограждено неприступными утесами. Летом конные арабы переходят это море вброд, во всю широту, в которой нет 10 верст; длина же его не более 40. Жители Востока утверждают, что вечный смрад из него исходит и что нет ничего живого ни в волнах его, ни окрест; они даже дали одному из утесов имя жены Лотовой. Я же не чувствовал смрада, и не мог сам удостовериться в истине рассказов о безжизненности сей пучины. Один только сильный морской запах выпарялся из ее лона и красный, раскаленный пар поднимаясь над неподвижною поверхностью вод, поглощал в себе лучи солнца. Багровым шаром тяжело висело оно на дальнем краю сей влажной могилы Содома, напоминающей грозным своим покоем горнее мщение.

Пустыня иорданская! где растворившееся небо свидетельствовало о Сыне человеческом, где горы, возбужденные гласом вопиющего в пустыне, уготовили стези свои прежде нежели исправилось сердца смертных, где быстрый Иордан, дрогнувший при погружении в него Богочеловека, с трепетом помчал свои освященные волны, и где на вершине горы искушения Спаситель победил духа тьмы и соблазна:— пустыня Иорданская! все в твоём пространном объеме исполнено величия необычайного; все носит отпечаток событий, в которых земля была только поприщем, а действовали неземные. И все ныне пусто и безмолвно в сей некогда столь одушевленной долине... В соседних горах утихнул отголосок, вторивший сладким речам Иоанна и горнему гласу: «Сей есть сын мой возлюбленный, о нем же благоволих!» — Земля оглохла, а небо закрыло уста свои над Иорданом.

ВИФАНИЯ

Еще одна гробница и всех торжественнее после Христовой, не была посещена мною по смутам арабским, воскресная гробница Лазаря, отстоящая только за один час от Иерусалима, по другую сторону горы Масличной; но я не хотел оставить Св. града, не поклонившись месту величайшего из чудес Спасителя, и за три дня до отъезда, пользуясь восстановлением тишины, пошел в Вифанию.

Развалины аббатства, основанного королевою иерусалимскою Мелизендою, некогда обширного, судя по остаткам, и поныне лежат над селением Арабским Вифании, на каменистой высоте. У подошвы ее тесная расщелина в скале служит входом в глубокое подземелье. Узкая и крутая лестница многими ступенями, пробитыми в утесе, сводит в малый квадратный вертеп, внутри которого стоял Спаситель, когда он громким гласом воззвал: «Лазарь, гряди вон!» и несколько ступень ниже — та могильная яма, где пробужден был мертвый зовом сокрушителя смерти и вышел обвитый саваном к новой жизни, как некогда пеленами при рождении. «Разрешите его и пустите идти!» — раздалось еще во мраке сего вертепа, исполнившегося позором смерти и поруганием ада.

Какая победа! и кто победитель? Не он ли сам, ликующий ныне над упрямденною могилою, чрез немногие дни облскается тем же белым виссоном смерти, ложится в столь же тесный гроб, и не подобный ли камень, здесь им отваленный от чуждого гроба, там заключает его собственный? Но какое чудное торжество готовится за печатью того камня! Первенец жизни погрузится сам в адскую челюсть смерти, чтобы на вски сокрушить ее в собственных ее недрах. Плотию во гробе как человек, душою же как Бог в потрясасмом им аде, с разбойником в раю и на престоле с Отцом и Духом, — так в один и тот же миг ликует во гробе непримиримый враг смерти, как Лазаря зовущий нас: «Грядите вон!»

И вместе с сим мощным явлением Божества, с столь ярким излинием силы и духа, какое утешительное сострадание, какая нежность при совершении чуда! Иегова прослезился о земном своем брате; при виде близких, при звуке воплей, смущается кроткий дух его; идущий воскресить плачет сам, как слабый смертный, как бы один из безутешных. Под брэнною оболочкою нашею не чужд он чистейшему из наших чувств — нежной, высокой дружбе. Но мы верны ей только до гроба, а он и за пределами гроба; будучи пришельцем в мире, будил он усопших, чтобы насладились еще на земле его дружбою. Седящий одесную славы, он радостно встречает земных своих братий, он предла-

гаст им вечный союз дружбы за немного веры и любви. Кости и прах в других могилах, в Вифании — жизнь, нетление, горная дружба с Лазаревым другом!

Так в течение трех недель посетил я все обители и поклонился всем святым местам. Мне оставалось только три дня пробыть в Иерусалиме, и хотя сильно влекло меня на родину, однако же мысль, что я навсегда покину великие следы подвигов Христовых, смущала сердце. В последний раз хотел я проститься с Иерусалимом и обнять его взорами с Масличной вершины. Еще до зари оставив за собою спящие твердыни, одиноко поднялся я на Элеон. Там на скале плача, где плакал Господь о Сионе, погруженный я в созерцание весеннего утра, в земле некогда обтованной. Все было тихо окрест по чину Иосафатовой долины. Робкие козы паслись промежду ветхих олив и их дикий пастырь, медленно спускаясь за ними в плачевную юдоль, изумленный оперся на длинное копьё свое при виде странника; мы встретились взорами и он удалился.

Солнце, встающее из-за Элсона, мало-помалу осветило пред мною очаровательное и вместе грозное зрелище Св. града — обнесенный зубчатою стеною, он весь лежал пред очами на скате горы, издали, как бы вновь созданный и без следа развалин. Обширная, зеленая площадь Соломонова храма живописно отделялась от стесненных позади ее зданий, из груди коих возвышались два купола Св. гроба, крепость Давида и несколько минаретов и башен. С левой стороны, вне ограды, мечеть Тайной вечера венчала Сион: еще южнее, чрез овраг Гесны, гора соблазна восставала над деревнею Силоама и монастырь пророка Илии мелькал вдали, посреди маслин, на высотах, ведущих к Вифлему. С правой стороны города, позади рассеянных садов и утесов, село пророка Самуила ограничивало горизонт, на высоком хребте Силома, где так долго хранился кивот завета. У ног моих извивалось иссохшее русло Кедрона, по зеленой долине Иосафата, усеянной гробами евреев. Могила Авессалома и вертеп Гефсиманский стояли гранями на двух краях сей вещи долины.

Такая дивная картина развивалась восхищенным взором, и пламенно бы я желал всегда иметь ее хотя мысленно пред собою. Я бы желал выразить то необыкновенное волнение, которое овладело духом, когда в одном великом зрелище предстали мне оба завета: все пророчества Ветхого, и их событие в Новом; все клятвы и благословения, попеременно висевшие над роковым градом, доколе не сбылись наконец судьбы его, доколь благодать, однажды излившаяся на мир из сего таинственного кладезя, не положила вечной печати безмолвия на его иссякшее устье, отколе некогда вытекало столько видений. Псалмы, гремевшие во дни славы Сиона, плачь Иереми, оглашавший его падение, сия самая,

таинственная юдоль плача, где начались страдания Спасителя и где во глазе трубном придет он судить вселенную... о, кто найдет в таком хаосе предметов и воспоминаний, в такой буре взволнованных чувств, довольно мыслей и глаголов, и что, кроме слез, может облегчить сердце на том месте, где плакал Бог!

Если же, не отвлекая взоров от сего очаровательного вида, обнять мыслью весь ряд веков, славно и гибельно протекших над Иерусалимом, — какое обширное поприще разовьется для высоких дум! какая чудная судьба восстанет над ним из мрака протекшего, огненным клеймом своим отмечая каждое звено сей длинной цепи столетий! Которому из градов вселенной дан был подобный удел — быть святилищем трех различных религий? и в каждой из трех какие бурные приливы и отливы веры и неверия, то облакающие полнотою славы Иерусалим, то обращающие его в пустыню. Участь его чужда земного. Он стоит не на распутии племен; не мимо его течет река торговли; его ближе море мертво; скалы служат диким щитом ему от алчности завоевателей. Но в его собственных недрах зародыш благ и зол — вера и неверие.

На высоте Мории недостает жрецов для бесчисленных жертв, псалмы гремят в дыму благоуханий, слава Иеговы потрясает исполненный ее притвор храма, и царство Соломона во всем своем блеске, Тадмор и Офир его дальние грани. Но на соседних горах начинаются трибща идольские; рощи и потоки Гесенны посвящены богам чуждым... и, как буря, восстают пророки, в устах их гибель Иерусалиму, над ним уже исполненный кубок гнева. Но Иосафат, но Иезекия, но Иосия сокрушают идолов, посыпают пеплом себя и народ, и отсрочена месть. Манассия дополняет последнюю каплю гнева, и весь кубок излился! — Сион и Мория пусты. Обрелся завоеватель дикой Иудси; она же, проникнув недра Навуходносорова царства, на него обратила горнес мщенье. Киrom сокрушены железные веревы Вавилона; но сей новый владыка Востока от чрева матери был уже назван Исаию и, как бурный конь, узнающий голос всадника, смиряется пред глаголом пророчеств. Сион цветет верою во дни его пресмников. Грозным потоком стремятся Александр на мир ему обреченный, но он не страшен Св. граду; Даниил уже предвидел его течение и победитель Персии у ног первосвященника. Антиох борется со святынею, — он попран. Помпей водружает орлы римские на стенах града; но храм Иеговы стоит ожиданием последней, искупительной жертвы.

Совершились семьдесят недель Данииловых, и она является миру. Обуявшие первосвященники приносят ее по всем обрядам книги Левита и неведомо узаконяют. Они избирают ее чистою, без всякого пророка, венчают тернием вместо цветов, обремсня-

ют всеми клятвами и за воротами города закаляют за грехи целого народа. В последний раз принята их жертва Иеговою. Отселе храм обращается в призрак, из призрака в прах, и как прах рассеивается все племя Иудейское. Тит и Адриан мстители за кровь праведного. На пустоте Сиона стоит его судьба и железным перстом пишет на пепле царства конец пророчеств Моисея:— ту клятву грядущего расточения, которою он связал первые камни своего здания.

Все ветхое миновалось. Мгла неизвестности над Иерусалимом. Две религии вместе истлевают на развалинах храма Иеговы и капищей римских, и новая вера быстро подымается посреди общего разрушения. По манию Елены, новый ликующий Сион радостно возвышает чело, гимнами оглашается пустыня, вся Палестина как один храм, воздвигнутый православию; но она перестала быть обставанною, уже вся земля наследие Бога. Протекли первые шесть веков христианства, среси и распри раздирают церковь, и как тяжкий искус, как мстительный вихрь, подымается из песков Аравии новый, враждебный закон, сокрушая Восток именем Магомета; Иерусалим становится его святынею. Тогда житейские бедствия пробуждают христиан к подвигам духовным, мечь агарянский зовет их на бой. Две веры во всем пылу своем хотят измерить силы свои в кровавой борьбе. Одна, действуя в полноте своего духа, скликает к битве Восток; другая, отклонясь от мирной цели, обращает крест свой в крестообразный меч и движет весь Запад. Иерусалим избран поприщем для их поединка и по тщетным порывам падают поборники Христа.— Другой, более светлый Иерусалим им назначен; судьбы же земного они не в силах изменить. Чуждый, одинокий свидетель рождения и падения царств, он стоит притчею народов, на распутии их вер, славным протекшим облеская настоящий позор свой, и во свидетельство векам грядущим та же железная судьба пишет на челе его конец пророчеств Христовых: «Иерусалим будет попираем языками, до времен скончания языков!»

Наступил день отъезда и с сжатым сердцем пошел я рано утром в Гефсиманию слушать литургию над гробом Богоматери, где я так радостно молился в день Благовещения; но хотя я сбирался в отечество, невозвратная потеря святилищ палестинских раздирала мне душу. В последний раз перешел я обратно поток, у горы Масличной, в последний раз прошел крестною стезею по Иерусалиму. Покамест все укладывали в мой келии, я ходил прощаться с духовенством; Наместник благословил меня в путь и, надев мне на шею малый крест, на серебряной цепи, с частицею животворящего древа, сказал: «Отныне будьте рыцарем Св. гроба».

Я просил отворить храм Воскресения. И там ожидали меня прощание с игуменом и братию, товарищами моего заключения; но самое горькое было с великим Гробом. Я целовал его на вечную разлуку, как давнего друга, которого обнять из столь далеких краев устремился. Но я однажды достиг его и отсел уже другая цель звала меня — отчизна! На Голгофе, прикинув чело и устами к месту водружения креста, молился я о моем счастливом возвращении и еще раз слышал Евангелие креста над престолом страсти. Трудно было расстаться с сими заложниками нашего спасения, по чувству земной к ним любви и по слабости человеческой, которая невольно предпочитает для молитвы поприще священных событий, как бы ожидая на оном особенного внимания неба, за одно лишь усердие потрудившейся плоти. Слабость прощательная, если вспомнить, каким сладостным утешением вознаграждает одна мысль сия за все бедствия долгого пути.

Уже все было готово; вьючные лошаки и конь мой ожидали меня во вратах Яффы, вместе со стражем арабским, которого дал мне Мусселим до Наблуса с письмом к градоначальнику. Некоторые из монахов греческих и все поклонники русские обоюдо пола провожали меня за городские ворота, где со многими слезами и целованиями мы расстались. Я возвращался на родину, они — в Иерусалим; но у них и у меня разрывалось сердце, как будто бы каждый из нас следовал не своей избранной цели и готов был взаимно поменять ею. В таком странном борении чувств, совершенно противоположных, вспомнил я, какая горькая участь ожидала сих поклонников, под игом арабским, среди нищеты и гонений, и подивился силе их духа и смирению, с каким они обрекли себя служению святыни, заживо погребаясь в чужбине, хотя много близкого их сердцу оставалось на родине, ибо каждый, наделив меня письмами, просил сказать своим, что он еще жив и за них молится. Глубоко тронутый спешил я исторгнуться от их прощаний, и грустно поехал к северу вдоль стены Иерусалимской. Но едва удалился на несколько шагов от последней городской бойницы, — меня встретили молебным пением все священники арабские Иерусалима и на распутии благословили гимном. Поблагодарив их за усердие, спустился я по каменистой горе в малую ложину к северу от Иерусалима и стал подыматься на высокую гору по дороге к Дамаску.

Был вечер; солнце, близкое к закату, косвенными лучами в последний раз озарило предо мною Св. град, бросая тень его куполов и мечетей на соседние уступы террас. Башни его исполинскими призраками ложились на землю, лицом к востоку, как бы для вечерней молитвы. Ярко сияли на Элсоне мечеть Вознесения и Вечери тайной на Сионе, и Соломонова храма на Мории. Глу-

бокая долина Иосафата уже оделась мраком, скрывая тайны своих мертвых, но светел был на горах путь к Вифлесеу. Въехав на вершину горы, я остановился, чтобы еще раз поклониться Иерусалиму и насытить душу его священной картиною. Долго и грустно смотрел я на два светлых купола гроба Господня, и не мог оторвать от них влажных взоров. Тих был последний вечер над Иерусалимом. Забыв свои кровавые приступы и частые падения, он мирно отходил к покою, как бы уже примиренный с Иеговою. Торжественная тишина сия была последним впечатлением Сиона на мое сердце, и пораженный ее неизглаженным величием я не слыхал, как все окрест меня утихло... ни топота копыт, ни крика проводников,— все удалились. Одиноким, низко поклонился я Св. граду, и быстро умчал меня конь из его очарований!

НАБЛУС

Я настиг спутников; их было двое, кроме двух служителей наших греков, мусселимова стража и трех арабов, которым принадлежали лошаки. Игумен Вифлесема Ниоонт в качестве драгомана следовал за мною по Сирии до берегов Анатолии, и престарелый г. Еропкин, воспользовался миром, чтобы после двухлетнего пребывания в Иерусалиме возвратиться на родину; но его истощенные силы и множество вьюков затрудняли ход наш в стране горной и дикой, где должно путешествовать в большом числе вооруженных, чтобы защищаться в случае нападения, или совершенно налегке, для быстрого бегства; а я напротив один был вооружен посреди слабых и беззащитных и только впоследствии почувствовал свою ошибку. Князь же Мустафин, несмотря на убеждения наши, предупредил нас отъездом с некоторыми из поклонников русских; но он не нашел желанного корабля в Яффе, где не всегда можно заставить хорошие суда после Пасхи, и, пустившись на малом арабском судне в Царьград, слишком 40 дней влачил на море самую бедственную жизнь.

Уже смеркалось, когда в виду селения арабского, лежавшего на каменистых высотах, прошли мы мимо малых, неизвестных развалин, к которым стекаются враждебные друг другу колена арабские, как на сборное место для брани, иногда продолжающейся несколько недель, по совершенному их назначению. Около четырех часов считается от Иерусалима до Христианского селения арабов Рамы, где мы должны были провести ночь. Оно лежало несколько влево от настоящего направления на эль-Бир, древний Михмас (отколе, по преданиям, возвратилась Мария искать в Иерусалиме отрока

Иисуса); но по ненависти Мусульман к имени Христианскому, опасно было искать другого ночлега. Мы долго шли во мраке, по отлогим высотам, когда наконец привестный лай собак открыл нам селение Рама. Дикие назарси громкими воплями приветствовали нас в тесных улицах, где сидели на пороге жилищ своих и проводили в дом священника — каменный высокий сарай с камином. Он встретил нас гостеприимно, но мы не могли укрыться от любопытной толпы, которую тщетно старались выгнать. Старшины селения пришли курить и пить кофе с нами, и мы уже спали, когда они все еще продолжали свою беседу. Рано утром пустились мы в путь.

Горы становились гораздо выше, по мере приближения к Наблусу, от которого отстоит Рама за 11 часов. Трудная и узкая дорога иногда глубоко спускалась на дно долин, богатых оливами, иногда подымалась на каменистые хребты, около селений арабских, которые, как крепости, прилегли к вершинам гор, защищаемые местностью от частых, взаимных набегов, или от хищности Пашей. Ключи водные, малые огороды и сады из маслин и смоковниц, вот все их приволье на утесах; но дикий вид их весьма живописен.

Часто встречались нам самые жители, в пестрых чалмах и синих рубашках, с ружьем и кинжалом. Смуглые лицом, смелые поступью, они гнали перед собою вьючных ослов на соседние базары и мрачен был их мирный «салам», коим приветствовали проводников наших, но он не относился к франкам, и только огненный, враждебный взгляд косвенно падал на нас из-под их нависшей чалмы. Иногда в самых тесных ущелиях один или два вооруженных араба сидели на отвесных утесах, над самую дорожку, как бы желая пресградить путь; но они равнодушно на нас смотрели, облокотясь на длинные ружья. Это были скитающиеся бедуины, и я не знаю, что их удерживало от нападения, ибо мы не могли ни защищаться, ни их настичь на высотах, и нас только ограждало присутствие Мусселимова стража.

В полдень отдыхали мы на дне долины, близ малого ключа, бьющего из скал, около уединенной развалины ныне служащей оградой масличному саду, но которая в древности была замком или монастырем, судя по объему ее основания. Два пустынных бедуина, остановясь близ вьюков, хотели непременно быть участниками нашего полдника; они так жадно и пристально смотрели нам в глаза, что мы вынуждены были утолить их голод; но они без малейшей благодарности приняли от нас пищу, как бы законную дань путников. Тогда же приблизился к нам араб вифлеемский, идущий из Наблуса; он спрашивал знакомого ему игумена: в мире ли селение его с Иерусалимом и не опасно ли для него будет пройти близ стен города? Узнав, что я

русский, он приветствовал меня со знаками уважения и, положив руку на сердце, сказал по-италиански: «Бсйзадей московский! я христианин и католик; скажи мне, скоро ли придет Царь наш освободить святую землю? Мы все его; о да избавит он нас от ига языческого?» Трогательно и лестно было слышать в диких ущелиях Иудеи сие простосердечное воззвание араба к царю русскому, к сей единственной, вечной надежде Востока.

Далее, еще около трех часов продолжают каменистые, пустынные горы иудейские, усеянные дикими кустами. Наконец открывается посреди их узкая, длинная долина, оживленная частыми селами и обработанными полями. Она простирается к северу до Наблуса, который лежит в цветущем ущелии, примыкающем с левой стороны к сей долине. Положенье его очень живописно, между двух высоких гор, на быстром потоке, который струится чрез весь город, окруженный стенами и масляною рощею. Роскошная тень садов и ключевые воды дают месту сему особенную прелесть в глазах диких жителей горного края. К северу круто над ним подымается вершина Гевала; на скате же южной горы Гаризима, столь знаменитой в писаниях долгим становищем колен израильских и незаконным храмом самаритян, есть еще остатки древнего Сихема; его заменил в средние века Неаполь, или Наблус, по восточному выговору сего имени. За полчаса от него показывают славный студенец Иакова, вокруг которого впоследствии создана была церковь, в память беседы Христовой и самарянынею; но я не мог утолить его живыми струями благочестивой жажды.

Хотя слышал я в Иерусалиме о буйстве арабов Наблуса, которые считаются самым диким племенем Палестины, и хотя наместник католический советовал мне идти в Назарет дольнюю дорогою, чрез Раму и пашалик Акрский; однако же я предпочел горную, как самую краткую, и поздно уже раскаивался в своей неосторожности. Солнце садилось, когда мы достигли Наблуса; но едва вступили в городские ворота и приблизились к главной мечети, которая по красоте и обширности своей являет зодчество Византийское, как внезапно толпа детей всякого возраста встретила нас ругательствами. Шум и вопль беспрестанно умножался с числом их; они преследовали гиауров с пронзительными криками, которые легко могли бы возжечь ярость дикого племени; теснота улиц, полных народом, не позволяла ускорить хода и в таком поругании должен я был следовать чрез весь город, до другого края, где ожидал нас ночлег в доме арабского священника.

Но и там я не нашел покоя; народ толпился на дворе и в дверях. Я послал скорее письма к Мусселиму, родственнику иерусалимского; но его не было в городе. Между тем навестили

меня старшины арабские Наблуса и вслед за ними наместник градоначальника. Прочитав фирман мой, он предложил свои услуги; я просил изгнания толпы, жалуясь на бесстыдство детей, и он отвечал мне, что велит их всех заключить в темницу. Я улыбнулся его ложной угрозе и просил только проводника на следующий день; но он объявил, что прежде необходимо испросить для меня свободный пропуск у горного шейха, живущего по дороге к Назарету и обещал немедленно к нему послать гонца. Все сие однако же было только притеснением с его стороны; ибо вскоре прислал он просить у меня подарка за свои труды. Я отвечал ему, что фирман освобождает меня от всякой подати местному начальству. Тот же посланный возвратился с известием о приезде Мусселима и с ласковым словом от наместника, что с сей поры он уже не начальник, а только первый слуга и потому имеет право на денежное награждение. С презрением я отказал; но он прислал еще в третий раз сына своего, прося утешить чемнибудь хотя отрока, и мой спутник дал ему несколько левов. Поздно вечером пришел ко мне страж Мусселима, который видел меня в Иерусалиме, с поздравлением о благополучном прибытии в Наблус и с письмом к шейху селения Джинин, где мне надлежало провести следующую ночь; я приказал благодарить градоначальника и просить у него проводника до Назарета и несколько стражей для спокойного выезда из Наблуса. Довольно рано утром в сопровождении оных вышли мы за городские ворота; но другие неприятности ожидали меня в сей тягостный день.

Хотя я очень желал посетить развалины Самарии или Свасты, отстоящей только за два часа от Наблуса, ибо еще в Иерусалиме много слышал о мраморных остатках ее знаменитого храма Предтечи, на месте его темницы, однако же неудовольствия, которым подвергся в Наблусе, заставили более помышлять о скорейшем выходе из столь диких мест, где ежечасно могло пострадать от буйства черни имя русское.

На вершине горы Гевала внезапно скрылся от нас проводник, чтобы отвести заводную лошадь шейху ближнего селения, и если бы не поклонники, которые на обратном пути в Дамаск выехали в одно время с нами из Наблуса, мы бы совершенно потеряли дорогу по диким ущельям, ибо саисы наши ее не знали. Когда же, утомленные зноем, спустились мы в глубокую долину, чтоб зачерпнуть воды из колодца, нас обступили несколько горных бедуинов, вместе с жснами наливавшие около него меха и водоносы. Франкская одежда сделала меня предметом их любопытства и они требовали, чтобы я показал им оружие, ибо им казались удивительными пистолеты мои с пистонами и особенно длина сабли. Я тщетно уверял их, что

на Западе обнажать оружие служит знаком вражды, они настаивали и хотели удержать мою лошадь. Тогда игумен Вифлесема, предвидя их буйство, дал мне тайный знак и речами отвлек к себе внимание бедуинов; я воспользовался сим мгновением, чтобы исторгнуться из их толпы.

Несколько далее нагнал нас коварный проводник в виду укрепленного селения, которое, находясь на высоком утесе, целый год отражало упорную осаду войск Абдаллы Паши Акрского и заставило их наконец удалиться. Мы продолжали следовать горами до большого селения Джинин, лежащего у самой их подошвы, при начале роскошной и обширной долины Эдрелонской, которая отделяет горы Самарии от гор Галилейских. Там следовало нам провести ночь, и поклонники расположились станом вне селения; но шейха, к которому мы имели письмо, не было дома и народ, привлеченный моею западною одеждою, с шумом толпился вокруг нас на улицах, напоминая отчасти гостеприимство Наблуса. Никто, однако же, не хотел впустить к себе в жилище; один только христианин случился в толпе и, отводя в сторону игумна, тихо сказал ему: «Шейха нет; а народ в волннии; присоветуй удалиться Бейзадею и следовать до Назарета; на поле остановиться опасно, ибо вся сия толпа, под предлогом любопытства, нахлынет в шатер ваш, чтобы найти случай что-либо похитить, и закидает камнями, если станете изгонять. Так пострадал уже здесь консул франкский из Саида; он был сам ранен и потерял одного из людей своих».

Положение наше было самое затруднительное; день склонялся к вечеру, кони и лошаки утомились, а до Назарета еще оставалось семь часов хода и саисы не хотели идти далее. Но игумен, по долгому пребыванию в Вифлессе, зная хорошо язык и нравы арабские, выручил нас своею хитростию и благоразумием. Он умел посорить проводника нашего с саисами, убедив его идти до Назарета, ибо не нашел в Джинине шейха, которому должен был сдать нас благополучно; и саисы принуждены были покориться, ибо перевес был на нашей стороне. Но по несчастию, отойдя за два часа далее, увидели мы в поле самого шейха и, опасаясь, чтобы он из корыстолюбивых видов, не пригласил нас обратно в Джинин, избежали его встречи. Коварный проводник, пользуясь сим случаем, не хотел более нам сопутствовать и тем принудил бы остановиться, если бы хитрый игумен, обещанием наград не возбудил против него саисов, упрекая их в боязни и рабской покорности к воле проводника. Раздраженные, они решились, вопреки ему, продолжать путь, обещая найти дорогу и без него, и в свою череду проводник принужден был покориться, чтобы не лишиться платы. Но ярость кипела в его

сердце; пользуясь темнотою, он то отставал от вьюков, то со свистом скакал мимо на борзom коне своем, и два раза сбивал нас на Дамасскую дорогу.

Между тем мы по возможности ускоряли путь свой вдоль цветущей долины Эдрелонской, усеянной богатыми селами, и я узнал сквозь сумрак одинокий, величественный Фавор, прежде нежели мне его назвали. Скоро достигли мы подошвы каменистых гор назаретских, и, потеряв ночью настоящий путь, начали подыматься непроходимую стезею по скалам, так что саисы должны были часто помогать лошадкам переступать с камня на камень. Около часа мы уже скитались по сим утесам, не зная где мы и куда идем; уныние и усталость совершенно овладели нами, когда внезапно встающая луна озарила, не в дальнем от нас расстоянии, лежащий в малой долине Назарет и высокую стену монастыря католического, которым начинается город. С невыразимою радостью устремились мы в желанную обитель, предаться отдыху после 15 часов хода или лучше сказать бегства.

А. С. НОРОВ

(1795—1869)

Авраам Сергеевич Норов — человек незаурядной биографии и разнообразных литературных дарований.

Не закончив учебу в Московском университетском пансионе, Норов поступил прапорщиком в гвардейскую артиллерию, участвовал в войне 1812 года. Под Бородином потерял ногу и попал в плен. После войны, проведя год в имении, он опять служит, в 1823 г. став полковником. С 1827 г. он в министерстве внутренних дел, где постепенно продвигается по службе, и с 1849 г. — сенатор. В 1854—1859 гг. — министр просвещения.

Еще в 1818 г. А. С. Норов был принят в Вольное общество любителей словесности, в 1821 — в Общество любителей российской словесности. С 1840 г. он член Российской академии, а в 1851 стал действительным членом Академии наук по отделению русского языка и словесности.

Любовь Норова к литературе и истории, к изучению языков (он знал — английский, испанский, итальянский, французский, древнегреческий, латынь и древнееврейский) определила его общественную и литературную деятельность. Он выступает как поэт и переводчик (особенно увлеченно переводя итальянских поэтов), как прозаик, критик, историк, библиограф.

Большой известностью пользовалась крупнейшая библиотека Норова, к которой, в частности, обращался А. С. Пушкин. Немалую часть библиотеки составляла литература, посвященная Святой Земле и библистике.

К заслугам А. С. Норова нужно отнести его плодотворную деятельность во главе Археографической комиссии, которой, например, под его редакцией было издано научно подготовленное «Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII в. (1113—1115)» (СПб., 1864).

Литературное имя А. С. Норову принесли его путевые очерки.

В 1821—1822 гг. он путешествует по Европе, посетив Германию, Францию, Италию, Сицилию, и позднее издает «Путешествие по Сицилии в 1822 г.» (СПб., 1828). В 1834—1836 гг. он совершает свое первое путешествие в Малую Азию, Палестину и Иерусалим, в 1839 — в Египет и Нубию (см. его «Путешествие по Египту и Нубии»; СПб., 1840), в 1860 г. вновь едет в Палестину.

Литературный талант, глубокое религиозное чувство, огромная эрудиция и научная обстоятельность определили успех его «Путешествия по Святой Земле в 1835 году», вышедшего тремя изданиями (СПб., 1839, 1844, 1856).

В стихотворении «Памяти Авраама Сергеевича Норова» П. А. Вяземский точно определил значение книги о Святой Земле в жизни и творчестве писателя:

*В сей край паломник наш, как в отчий дом вступил;
Сей край он с юных лет заочно возлюбил;
К нему неслись его заветные стремленья;
Он изучал его в трудах долготерпенья.
Но глубже верую его постиг...*

Из книги «Путешествие по Святой Земле в 1835 году»

ИЕРУСАЛИМ

Да возглаголют вси и да исповедятся Ему
во Иерусалиме. Иерусалиме граде святыи!..
Языки многи от далече придут ко имени
Господа Бога!

Книга Товита, XIII. 8, 9, 11

Священные горы Иудеи отделены от Рамлы обширною равниною; они еще синели в далеске. Мы летели на резвых конях. Провожавший нас наездник, вдруг отстранился от нас во весь опор на встречу к завиденным им, двум путникам; выхватив пистолет, он со всего насакаку выстрелил, как бы в одного из них, пулею, и закружился со своим конем, пересская дорогу; одетый в монашеское облачение путник,— это был настоятель Греческого монастыря в Рамле,— отвечал улыбкою и ласковым движением руки этому приветствию араба, удивившему нас. Мы обменяли с настоятелем несколько слов, поблагодарив его за найденное в его монастыре гостеприимство, а он звал нас к себе на обратном пути.

Мне казалось, что я стал дышать свободнее, когда мы начали подниматься на торжественные крутизны Иудеи. На первом скате, налево от дороги, видна деревенька Амоас: арабы-христиане принимают ее ошибочно за Евангельский Эммаус. Въехав на горы, мы скоро поравнялись с древними развалинами местечка *Латрун*, где, по преданию, родился распятый одесную Спасителя преступник, которому один вздох отверз двери Рая. С крестным знаменем мы промчались мимо и конечно, не один из нас, воскликнул мысленно: «Помяни мя, Господи, во царствии Твоем!»

Ущелья гор делались ежеминутно теснее и живописнее; благоговение роз и незнакомых мне белых цветов, разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистым скатам. Часа через три пути, мы въехали в узкий дефилей, самой дикой наружности; он задержал наше стремление. Горы Иудейския носят на себе отпечаток чего-то необыкновенно-вдохновительного. Вскоре, несколько ветхих маслин и фиговых деревьев обозначают границу земель Рамлы и Иерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталых лошадей наших, у колодезей. Мы просхали, не останавливаясь, мимо живописно разбросанного на обрывистой скале, местечка

Кариат-Енеб,— недавно разбойничье гнездо *Абугоша*; тут видны готическая развалины церкви во имя Св. Иеремии. Часы быстро летели и я сгорал нетерпением увидеть Святой город. Горы начали становиться диче и обнаженнее; но лиловый отлив скал, смешанный с зелеными полосами мхов, приятно оттенял их. Путь в иных местах был едва проходим для лошадей. Поднимаясь с горы на гору, я был в беспрестанном ожидании открыть Иерусалим, но горы продолжали вставать предо мною, переменяя прежнюю окраску свою на красноватую. «*Горы окрест его*», сказал Давид, говоря о Иерусалиме. Я начал приходить в уныние, что не увижу Святого города при свете дня,— я далеко опередил своих спутников; в самое это время встретился мне прохожий араб,— и конечно, пораженный написанным на лице моем грустным нетерпением, поравнявшись со мною, закричал мне: «*бедри! бедри!*» — *скоро! скоро!*— Такое предвидение поразило меня удивлением: я ему сказал все, что я знал по арабски нежного, за радостное известие. Я поднимался на высоту,— вдруг предстал Иерусалим! Я кинул повод лошади и бросился на землю с сладкими слезами. Я узнал гору Элеонскую по ее священным маслинам;— вздохи стесняли грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также повергнулись на землю. В немом восторге, и не сводя глаз с этого священнейшего места земного шара, мы спустились уже пешим по разметанным камням. Небо было облачно,— покров печали облегал Иерусалим... Вожакий сказал мне, что если мы сядем на лошадей, то с захождением солнца, близкого уже к горизонту, ворота Иерусалима затворятся; это меня испугало,— я убоился, чтобы Святыня не скрылась от меня по грехам моим — и я поспешил в лоно святого города, вкушать полную чашу блаженства, совершив свой обет.

Мы въехали в укрепленные Вифлессемские или Яфские ворота, и очень скоро, сошли у дверей Патриаршей обители. Это было Марта 31 числа. Сын далскаго севера, я не менее того, вступил в Иерусалим, как в свою родину, близкую сердцу моему. После долгого пребывания с неверными,— радостно было мне среди братьев, под кровом икон нашей церкви. Я едва верил, что нахожусь близ Гроба Христова, и поспешил в Храм, но двери его, строгие мусульманами, были еще заперты. Митрополит пригласил меня идти вместе с ним к заутренне.

Среди тишины темной ночи, я приступил в первый раз к величественному преддверию Храма Гроба Господня. Обе половины огромных ворот были открыты настежь. Бесчисленные огни свечей блистали перед большими стенными иконами, изображающими снятие со креста и погребение Спасителя. Тотчас при входе, в ложе привратника, я увидел сидящих, поджавши ноги, турок, с трубкой во рту и играющих в шахматы;— мое

сердце сжалось грустию: толпа расступилась перед нашим янычаром, — и в нескольких шагах от нас лежал на помосте камень, одетый желтым мрамором, и окруженный большими свечами, — это тот самый, на котором благообразный Иосиф облекал в плащаницу, снятое со креста тело Иисусово. «Господи!» сказал я невольно, пав ниц со слезами; «страдания Твои еще не прекратились! Крещенные во святое Имя Твое и искупленные Тобою, владеют этим миром, а нечестивые стерегут святилища Твои!» Но христиане не должны смущаться, что такие великие святыни находятся в уничижении языческом. Спаситель мира, подвергнув Себя на земле всем страданиям человеческим, оставил и святыни Свои под теми же законами природы, которым подвергалось Его Божественное тело. В смятении чувств, я не помню, как я дошел до Гроба Спасителя. Тут я дышал свободнее; отдельный придел скрывает погребальный вертеп Господа. Там я пролил слезы покаяния, и первая молитва моя была за давших мне жизнь и за близких сердцу моему. Не могу описывать, — и как выразить восторг, умиление и горечь христианина-грешника у Гроба Спасителя, и наконец на Голгофе, у отверстия, где стоял крест, и у расщелины распавшейся скалы!

Началась заутреня. Не только что помост Храма был весь закрыт народом, но — все приделы, все хоры, все галереи и даже некоторые карнизы имели своих богомольцев или зрителей. Нынешний год, для всех христиан, — Пасха приходилась в один и тот же день. Зрелище этой необъятной толпы, чьи лица резко изображали представителей всех частей света, поразительно! Глухой шум слитых голосов сначала удивляет и беспокоит европейского христианина, привыкшего к благочестию храмов Божиих; но при виде непоколебимого и ни чем не развлекаемого благочестия многих истинно молящихся людей — этот шум, кажется шумом бурной стихии. Возжжение свечей с принятием вай, вдруг обнаружило несметное число наших единоверцев. Весь ход направился с хоругвями и с пальмовыми ваями в руках, от греческого алтаря, сквозь царские двери, прямо ко Гробу Христову, который находится на противной оконечности Храма. С разрешения Митрополита, те светские лица, которые находятся в алтаре, должны следовать за духовенством через царские двери, чтоб охраниться от толпы; с трудом покорился я этой необходимости. Впереди священного хода шел мусульманский привратник храма — и с криком, разгонял бичем напирющую толпу. Вот как изображено смиренное шествие Искупителя в Иерусалиме! Я утешал себя зрелищем усердия богомольцев; многие с вершин карнизов или колонн простирали руки, а матери, своих младенцев, — чтобы коснуться краем развсавшихся хоругвий. Эта картина была достойна Иерусалима!

Тогда исходите к нему Иерусалима и вся Иудея, и вся страна Иорданская, и крещаяся во Иордане о него, исповедующе грехи своя.

Евангелие от Матфея, III, 5, 6.

Настала Страстная неделя. В Иерусалиме с давнего времени, первый день этой недели определен на путешествие к Иордану, для омытия себя водою Искупления, в приуготовление к принятию страшных таинств, и уже после того, заключаются в Храм Гроба Господня, до дня Христова воскресения. Я отлагаю подробное описание Храма до этого времени. Я последовал за несметною толпою христиан к священной реке.

Еще накануне этого дня Иерусалим вышел из обычной тишины своей, и представлял вид многолюдного торгового города. Движение толпы было необыкновенное. Ряды навьюченных верблюдов и лошадей тянулись со всех концов улиц и шум отправлявшихся не утихал во всю ночь. Мы выехали не рано, вместе с драгоманом греческого монастыря. Путь наш пролегал по Страстной улице чрез Гефсиманские ворота. С стесненным сердцем я ехал на хорошо убранном коне, среди шумной толпы пеших и конных, беспечно попиравших путь глубоко-трогательный, навеки освященный! И я дал себе внутренний обет, не проходить по этому пути отныне, иначе как пешему.

На высотах, господствующих над Иосафатовою долиною, сидел под маслиною Муселим Иерусалимский, некогда известный грабитель христиан. Окруженный своею свитою, он курил трубку, запивая кофеем и глядел на несущуюся толпу мимо горы Элеонской, по дороге к Вифании. Путь этот от Иерусалима до Иордана, так много следимый священными стопами Спасителя, будет мною описан после, во всей подробности, когда я пройду его в уединении, среди пустынной тишины, приличной великим воспоминаниям.

Не смотря на пестроту разноплеменной толпы, покрывавшей всю дорогу так далеко, как только мог следовать глаз,— я был поражен тою дикостию гор, которая начинается от высот Вифании до самой долины Иерихонской. Здесь раздавался *глас вопиющего в пустыне*.

Под горным сводом, противу развалин той гостиницы, где, по преданию, происходила сцена благого Самаритянина, мы во второй раз встретили Муселима Аbugоша, который также направлялся со своею свитою к Иордану, для охранения поклонников от бедуинов; он опять сидел на ковре за трубкою и кофеем, и убедительно просил нас отдохнуть с ним; мы исполнили его

желание. Увидев в руках моих ландкарту и узнав ее употребление, он спросил, можно ли на ней видеть место его рождения, — *Кариат-Енеб*, — которое встречается на пути от Рамлы в Иерусалим? Надобно было видеть его удивление, когда я ему показал, где оно находится; он обращался ко всем, чтоб разделить свое удовольствие и похвалиться значительностью этого места. При отторжении Сирии от Турецкой империи, когда армия Ибрагима завладела уже главными местами Сирии, Абугош, видя, что дела Мегмета-Али берут перевес, послал к нему заблаговременно, в залог повиновения, своего сына; он кажется доселе находился в Акре; это самое удержало Абугошу Муслимовское место в Иерусалиме. Брат его родной, носящий с ним одно имя, живет в *Кариат-Енебе*, принадлежности Абугошской; он называет себя начальником гор Иудейских, и ему не поверяют другого владычества, кроме этого мнимого. Сын его покушался на жизнь Ибрагима, и уже приставил ему пистолет к груди, но пистолет его осекся — он был тотчас изрублен самим Ибрагимом; это происходило во время иерусалимского бунта, в горах Иудейских. Однако же, Ибрагим послал шубу отцу, велел сказать ему, что он знает, что сам Абугош не причастен поступку сына.

С последних уступов гор Иудейских разворачивается обширная равнина Иорданская во всем пустынном величии. С востока она замкнута стенами диких гор Аравийских, а с юга недвижнью плоскостью *Мертвого* моря. Изгибистое течение Иордана далеко обозначалось к северу, лентою дерв и кустов, очень заметно среди запустения. По всей равнине волновались, как наскомыс, толпящиеся паломники; поминутно вставляли шатры в разных направлениях, или вспыхивали костры. Это был народ израильский — и к горю, едва ли не большая часть из него — поклонники *золотого тельца*! Но зато как разительно отличалось от них малое стадо верующих: старцев с посохом в руках, юношей и дев, обремененных ношею родительскою, матерей с грудными младенцами. Их не ожидали шатры и ковры, и вина ливанские!

Мы отклонились от шума и разбили наш шатер в кустарниках, на берегу быстро бегущего потока. На противоположном берегу стояла полуразрушенная башня, окруженная несколькими арабскими хижинами. Это часть Иерихона! Отклонясь от приглашений я сидел вдвоем с моим соотечественником, художником Е...м, при заходящем солнце, на берегу Иерихонского потока, мы глядели попеременно то на горы Иудейские, среди которых отличительно рисовалась гора *Искушения* или *Сорокадневная*, то на цепь гор Аравийских, где таится гора *Навав*, откуда последние взоры Моисея устремились на

Землю Обетованную и на этот мир! Здесь нас застала роскошная ночь Востока. Мы давно беседовали в темноте, в тихой задумчивости, как вдруг, озаривший нас свет факелов и неистовые крики вывели нас из мечтаний. Шумная толпа стремилась вслед за четырьмя полунагими вооруженными бедуинами, которые защищались один от другого мечами и щитами; это было не что иное, как игры диких жителей пустыни: узнав об европейских путешественниках, они нашли нас в темноте ночи и пришли нас потешить. Тут загорелась жестокая битва при звуке тимпанов; искры сверкали от ударов мечей, наше любопытство было удовлетворено, и хорошая пригоршня пиастров рассеяла наконец эту толпу. Нас посетили два английские путешественника, только что прибывшие от Синайской горы через Петру Аравийскую и Хеврон, и заняли нас своєю беседою. Путешествие Лаборда хорошо ознакомливает теперь с Петрою; путь туда теперь менее опасен, но только под поручительством бедуинов того племени, их можно всегда найти в Эль-Арише и в Суэйсе.

На пути к Иордану мы совершенно отклонились от прочих поклонников, потому что мой соотечественник С-в, с которым я встретился в Иерусалиме, имел с собою купленных им в Египте двух невольников, которых он желал при этом случае окрестить в святых водах. Нас сопровождал Иерусалимский священник.

Мы направились к Иордану на рассвете: в продолжении более двух часов мы ехали по дикой ирровой пустыне, белесоватой почвы, имея перед собою высокий оплот гор Аравийских. Все пространство на восток и на юг от Иерехона названо в Библии собственно: *пустынею Иерехонскою*; здесь, укрывавшийся от Навуходоносора, Царь Седския был захвачен в плен. На этом пространстве, между Иерехоном и Иорданом, должно поместить *Гилгал*, где воздвигли израильтяне жертвенник в память чудесного пересхождения через Иордан. Место, где был Гилгал, показывали еще Котовику в начале XVII столетия, а игумен Даниил в начале XII столетия, видел тут монастырь и церковь во имя Архистратига, явившегося на этом месте Иисусу Христу пред взятием Иерихона. В этой церкви, говорит наш игумен, заключались те двенадцать камней, которые были взяты со дна Иордана двенадцатью коленами Израиля. Бл. Иерониму, также указывали на эти священные камни. Расстояние от Иерихона до Иордана, по сказанию Иосифа Флавия, простирается на 60 стадий; это более 10 верст. Мы выехали к рытвине, образованной высохшим потоком, и к обнаженному холму, увенчанному развалившимися стенами. Это были остатки монастыря Иоанна Крестителя — и вслед за ними, открылись густые кусты, рисующия берег Иордана. Полагают, что здесь было место крещения нашего Спасителя, и что оно обозначено этим мона-

стырем, построенным еще до Юстиниана, в незапамятное время. Сердце мое билось сильнее, когда мы приближались к луговому берегу,— и наконец сошли с коней под тень густых ив и олеандров, при говоре листьев и невидимо журчащих за ними струй... Берег в этом месте обрывист; разнообразные ивы и тростники, сплетенные вместе с олеандрами и опущенные свежим плющем, свисли с обоих берегов над быстро несущимися водами благословенного Иордана. Воздух дышал утренними бальзамическими испарениями; этот ландшафт радовал душу. Вокруг нас,— безмолвие обширной пустыни, ограниченной горами Иудеи и Аравии. Сидя под навесом густых ив и тамаринов, и глядя то на ясное небо, то на бег Иордана, я читал первую главу Евангелия от Св. Марка и подобную ей, главу Св. Иоанна. Между тем, совершалось крещение наших египтян. Вскоре и я удостоился погрузиться в святые воды.

Не без вероятия можно предполагать, что израильтяне, предводимые Иисусом Навином, перешли через Иордан в землю обетованную, в самом том месте, где определено было свыше, креститься Спасителю мира; это место обозначено было Кивотом Завета, когда Иордан, подобно Чермному морю, раздвигся перед ним. Полагают, что двенадцать камней, взятых со дна Иордана двенадцатью коленами Израиля и поставленные в память этого события, суть те, к которым обратился Иоанн Креститель, когда он сказал Фарисеям и Саддукеям: *«Бог может из камней сих произвести чад Аврааму»*.

Весьма замечательно, что имя *Вифавары*, которая находилась по ту сторону Иордана, противу места крещения Спасителя, происходит от еврейского слова, значащего: *место прехождения*. Арабы называют место где был построен монастырь Св. Иоанна Крестителя; *Куср ель Иегуд* т. е. *замок Иудеев*. Иоанн Мосх говорит, что Иоанн Креститель, во время своего пребывания в пустыне Иорданской, обитал в пещере, возле одного места, называемого *Сансас*, по ту сторону реки, на расстоянии одной мили от берега.

Елисей и Илия возобновили чудо Иисуса Навина, перейдя Иордан по суку, а Нааман Сирианин в знамение будущего освящения этой реки, был исцелен ее водами от проказы.

Иордан вытекает от подошв Анти-Ливана, в стране Трахонтийской, из небольшого озерка, которое по своей круглости прозвано *Фиалом*, и из вертепа *Паниум*, близ города *Панеада*. Протяжение Иордана есть то самое, которое назначено Всевышним в область Израилю от *Дана* до *Цоара* или *Сигора*, то есть до южной оконечности Мертвого моря. Он называется по-еврейски *Иарден*; из этого некоторые писатели заключили, что имя его происходит от соединения двух источников *Иеор* и

Дан, и что этот последний получил свое название от близ лежащего Финикийского города *Дана*; но доказано, что название Иордана гораздо древнее названия города Дана, и что это слово означает по-еврейски течение или реку; и так как во всей Палестине нет другой реки, равняющейся с Иорданом, то он и прозван был общим именем реки. Протская по обширной и вообще весьма плодородной долине, называемой *ель-Гор*, он проходит сквозь два озера, *Самохонитское*, теперь *Ель-Гауле*, и *Тивериадское*, можно также сказать, что он протскает и сквозь Мертвое море, и некоторые полагают, что до ужасного истребления гневом Божиим Иорданского пятиградия, Иордан впадал в Чермное море, чрез долину носящую также название: *ель-Гор*, которая идет от самого Чермного моря. По этому, предполагаемому древнему руслу Иордана, пролегает, как думают, путь израильтян из Египта в Палестину. Ширина Иордана вообще не более 60 футов; глубина, летом, от 7 до 8 футов: а зимою от частых дождей он выступает иногда из берегов; так было и во дни Иисуса Навина при переходе Израильтян. Обыкновенная высота воды доходит до 4-х сажень. Иордан изобилует рыбою, но в нескольких шагах от устья своего в Мертвое море, вода его делается горька, а берега сглаживаются. Вода Иорданская имеет вкус приятный; летом она прозрачна, а зимою, осенью и весною возмущена по причине наносимой земли быстрым течением. Арабы, со всем оружием, паше и на конях, смело спускаются с нагих хребтов каменной Аравии со стадами и табунами роскошествовать по несколько дней на луговых и тенистых берегах Иордана. Не редко они находят в его тростниках, других гостей своей родины, львов и тигров, привлеченных туда жаждою и стадами, и тут возгорается кровавый бой; длинное ружье, копье и кинжал, никогда не оставляют этих Моавитских пастырей. Пророк Иеремия живописно говорит о львах, тревожимых в кустах Иордана его разливом. Арабские писатели сохранили его библейское имя и называют его: *ель-Урдун*; в простонародии: *Эшь-Шериах ель Кебир*.

Мой товарищ оставил меня, отклонясь к Мертвому морю, а я, решившись еще раз подробнее осмотреть эту вдохновительную пустыню, тихо направился в обратный путь к Иерусалиму, невольно углубленный в задумчивость дикостию места. Недавно покрытые несметною толпою равнины Иорданския опять пришли в обычное запустение; пожженный на далекое пространство ковыль, обозначал снятый лагерь Израиля...

Мы достигли подошвы гор Иудейских по ближайшему направлению, но не в том уже месте, откуда мы с них съехали, а ближе к Мертвому морю, чем к Иерихону. Мы долго достигали

вершины, не раз оглядываясь на несобъятное пространство Иорданской пустыни, на горы Аравии, на блестящую поверхность Мертвого моря, — и когда вся эта картина закрылась от меня стенами гор, — знойная, безжизненная десь предстала передо мною. Мы выехали сквозь узкий дефилей, на большую дорогу, к развалинам гостиницы благого Самаритянина, где мы накануне отдыхали с Абугошем. На скалах этого дефилея, несколько вычеканенных крестов обратили мое внимание: полагают, что это то самое место, где по преданию, благой Самаритянин нашел ограбленного и израненного путника: местность совершенно оправдывает это предположение. Томимые усталостью и зносом, мы сошли отдохнуть под свод скал, но не найдя в наших *джарах*, ни капли воды, принуждены были опять садиться на усталых лошадях, чтобы достичь скорее источника, на расстоянии более часа отсюда. Тут нагнали мы несколько отсталых поклонников, жадно пьющих из водосема; вообразите мое удивление, когда я в одном из этих поклонников, одетом в красную рубашку, узнал русского крестьянина, Московской губернии, Дмитровского уезда, села Рогачева — соседа моего родительского дома! Наша встреча и свидание были конечно не менее трогательны, как встреча Энея с Андромахою по разорении Трои.

Я возвратился в Иерусалим, в мирную монашескую обитель, до захождения солнца.

СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ

Той же язвы бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем: язвою Его мы исцеляхом.

Исаия. LIII. с. 5.

Поклонники, желающие говеть, заключаются на всю страстную неделю во храм Святого Гроба. Я возвратился с Иордана во Храм. Вся дорога от греческого монастыря и площадь храма были заняты продающими четки, кресты и перламутровые образа; большая часть этих продавцов, — жители Вифлемеа. Все пространство огромного здания храма было уже наполнено несобъятною толпою народа, собранного *от четырех ветров*. Нил, Тибр, Дунай, Волга, Евфрат, — имели своих представителей у Гроба Искупителя мира. Все галлерей от купола до низу, все отделения, все ходы, все ступени крылец, имели своих разноплеменных жителей всякого возраста: от грудных младенцев до согбенных летами старцев. Дикая племна заиорданских

и дамасских арабов, составляли главную часть поклонников; их умножение, к утешению христианства, нынешний год было очень заметно. Взор европейца оскорбляется множеством чалмоносцев; но это христиане коптские и абиссинские. Все церковные службы совершаются ночью, как во времена гонения христианства: но это устроено более для того, что при таком стечении народа, живущего во время страстной недели во храме, благоговение во время дневного Богослужения было бы беспрестанно нарушаемо людьми, не принадлежащими тому исповеданию, которого церковь совершает служение; а во время ночи,— они отдыхают. Келья, в которой я жил, была над святою Голгофою, и примыкала к хорам церкви греческой и армянской. Службы разных исповеданий почти не прекращались во всю ночь и следовали одна за другою. Я засыпал при протяжном пении латинцев, или под звуками тимпанов сириан и абиссинцев. Благовест Греческого собора в медную доску, висящую на хорах, пробуждал меня на молитвы.

Но, как торжественны краткие минуты совершенного успокоения всех поклонников! Какие мысли рождаются при виде этой толпы человек, объятых сном и простертых по всему помосту и по всем ступеням Голгофы, под сению спасшего их Креста! «Спите прочее и почивайте!» Как трогательны среди этого общего успокоения, рыдания отклонившегося из толпы уединенного инока или поклонника, и поверженного перед крестом Голгофы или у Гроба Искупителя! Но, наступающий слишком рано, для души молящегося, день,— превращает молебный *Дом Отца Небесного в дом купли!* Вся галлерей за Греческим соборным алтарем до Католической церкви, делается торжищем съестных и питейных припасов, где с трубками и с кофейными чашками в руках, расхаживает народ при громких беседах,— и это не только стражи мусульманские, но даже и некоторые христиане!

Я имел утешение видеть здесь трех русских иеромонахов и пользоваться их беседами. Первый, старец Паисий, с давних лет переселившийся в Иерусалим, занят хозяйственной частью и угощением русских поклонников; второй, отец Антоний, ведет также уже несколько лет келейную жизнь в самом храме; третий, с которым я познакомился еще в Каире, прибыл сюда с Афонской горы, как поклонник. Эти два последние инока служили для меня попеременно обеды у Гроба Господня и на Голгофе,— на родном языке. К ним присоединилось несколько русских богомольцев, и они составили небольшой, но довольно стройный хор певчих, и нередко латинские монахи приходили слушать это незнакомое им пение, пленявшее их слух; оно переносило меня мыслями в далекую родину.

В среду, перед обедней, совершастся во храме елсосвящение, в память того предсмертного миропомазания Спасителя, которое, так трогательно, совершила в Вифании, в доме Лазаря, Мария, сестра Марфы.

В великий четверг, после обедни, был исполнен смиренный обряд Умовения ног, на площадке противу храма, в виду стекшихся со всех сторон жителей Иерусалима; толпа покрывала все террасы, и даже карнизы соседних зданий. Арабы поднимались туда с улицы, с необыкновенною ловкостию; некоторые по веревкам, а другие по развитым чалмам, спущенным от тех, которые были на верху. Один из престарелых греческих епископов, изображавший Святое лице Спасителя, осененный хоругвями, восседал на коврах, на верхней ступени того крыльца, которое пристроено к приделу Св. Елсны. Остальное духовенство, изображавшее Апостолов, расположено было по нисходящим ступеням. Несмотря на толпу полудикого народа, обряд совершился с благоговением, и весь народ был окроплен святою водою умовения.

Чтение XII-ти страстных Евангелий на утрени в великий пяток, на Голгофе, на самом месте страданий Спасителя,— повергает в прах молящегося грешника! Я не мог никогда без трепета пройти по Голгофе; даже мраморный помост, покрывающий ее священные камни, кажется слишком свят, чтобы носить наши грешные стопы!

В великую пятницу, после тихой вечерни греков, во время которой святая плащаница оставалась в алтаре, по причине толпы,— начались скромныя шествия сириян и коптов на Голгофу: а потом пышное шествие армян. Я не имел времени следовать за этими обрядами, тем болсе, что я был незнаком с языками этих народов; но я находился при службе католиков. Обряд их, в этот великий день, трогателен. Процессия следует от католической церкви через весь храм. Монахи Францисканского ордена, по два в ряд, в черных рясах, с местными свечами в руках, следовали за большим распятием, и, остановясь на короткое время у алтарей *разделения риз и колонны поругания*,— шли, тесными толпою, к подошве Голгофы, при грустном пении: «*Stabat mater dolorosa*», и покаянного псалма. Медленно и затрудняясь на каждом шагу от тесноты, достигала процессия вершины Голгофы, и несомый крест был водружен на том месте, где некогда возвышался Крест Спасителя! Тут, один из братьев, произнес на итальянском языке простую, но трогательную проповедь о страданиях Спасителя. Каждое слово его, на кровавом поприще нашего искупления, глубоко ложилось на сердце человеческое! Присутствующие, всех исповеданий, поверглись на колени; невольное безмол-

вие водворилось на несколько времени... С окончанием проповеди кончается и духовный обряд Латинской церкви, — и, к сожалению, принимает вид материального зрелища. Тут совершается механический процесс, снятия со креста, искусственного изображения Иисуса. Руки Спасителя обвязываются прежде всего белою пелною; потом один из братьев выколачивает молотком и вынимает щипцами гвозди, целуя их, показывая толпе, и положив на серебряное блюдо, — оттирает губкою рану; по снятии пелены, руки Иисуса падают как руки мертвого тела. По окончании этого обряда, изображение Иисуса, облаченное плащаницею, переносится к католическому алтарю Голгофы и полагается на то место, где возлагали Иисуса на крест. Толпа, забывши внезапно страшное место, на котором она находилась, стремится с шумом за зрелищем. Нельзя было воздержаться от негодования на некоторых из зрителей, которые осмелились взойти на алтарный амвон самого места распятия Иисуса, чтоб лучше видеть происходивший обряд. Я употребил то влияние, которое мог иметь, чтоб отстранить этих безумцев.

От католического алтаря Голгофы нисходит процессия к камню миропомазания, — изображение Спасителя окропляется ароматами и переносится в часовню Святого Гроба.

ДОРОГА ОТ МЕРТВОГО МОРЯ К ОБИТЕЛИ СВ. САВВЫ. ОБИТЕЛЬ СВ. САВВЫ. ФЕКОЛ. ВИФЛЕЕМ

И воста Давид оттуду, и седе во узинах
Энгадды.

Первая книга Царств, XXIV. 1

Мы оставили берега Мертвого моря в 8 часов утра, направляясь к пустыне Св. Саввы. Через час мы достигли подошвы гор. Поднявшись на первую высоту, мы проскакали по узкой отдельной скале, образованной как мост; внизу в глубоком ущелии видно русло иссохшего потока, который должен быть поток Кедрский, хотя мой драгоман говорил, что это другой, текущий зимою от самого Назарета; не знаю, на чем он основывает рассказ свой. Несколько вооруженных бедуинов, укрывавшихся от раскрутства, показывались как привидения на темях гор. Топот наших лошадей далеко вторился по излучинам гор и призывал их на добычу, но вид кавасов Паши скоро их рассевал. Вправо от нашего пути заметна была одна из гор увенчанная сантонским памятником. Мусульмане воображают, будто здесь погребен Моисей, — не

переходивший Иордана. В этом месте находится, как сказывают, слой камня черноватого цвета, с глянцем, он горит как смола и имеет противный запах, его можно тесать и употреблять на строение, как лаву. Арабы делают из этого камня талисманы, в уверенности что он предохраняет от чумы. Достоин замечания, что многие из древних египетских талисманов (амулетов), найденных около пирамид, сделаны из этого камня находящегося только в окрестностях Мертвого моря. Натуралист Гаселькюист говорит, что это кварц в виде аспидного камня,— один из редчайших минералов встречаемых им в путешествиях. Скоро за сим начинается большая нагорная равнина; в конце ее видны на крутой горе развалины; (мы досхали до этой горы через три и три четверти часа от Мертвого моря). Там был некогда монастырь очень многолюдный; он разрушен Хозросом и 14 т. братьев были здесь умерщвлены; говорят, что кости их видны еще поныне на вершине. Арабы рассказывают, что эти кости, будучи несколько раз уносимы поклонниками, появлялись опять на своих местах. Судя по местоположению, это кажется тот монастырь Св. Евфимия, где покоились его мощи, и о котором говорит игумен Даниил.

Отсюда начинаются грозные и тесные ущелия, ведущие к пустынной обители Св. Саввы. Был полдень; разженные скалы дышали на нас как из печи. На отвесных высотах этих скал видел я тот род крастелей, о которых упоминается в Библии и которыми питались израильтяне в пустыне; они очень малы, долгошеи и бегают по скользким стенам скал, как по земле; цвет их коричневый, вот что я мог разглядеть. Мы не могли по ним стрелять; потому что наши ружья заряжены были пулями.

Мы погружались более и более в ущелия и въехали наконец почти в непроходимый дефилей. И мы, и лошади, были изнурены; здесь скалы состояли из белого меловатого кряжа, отражение солнца было ослепительно, тут же мы нашли обширную пещеру и возле нее высеченный в скале четверосторонний ров, вероятно для дождевой воды. Эта пещера, где после обитали отшельники, принадлежит Ветхому Завету; в ней укрывался Давид *во узинах или дефилеях Энгадди*, сюда же был завлечен Саул, и здесь Давид, имея во власти жизнь цареву, не хотел, внимая внушению сердца своего, и прещению совести, посягнуть на помазанника Божия, но отрезал только полу одежды. Здесь же совершилось их примирение. Эта знаменитая пещера укрыла и нас под своею сению. По кратком отдохновении, мы продолжали путь.

Отсюда по труднейшим горным стезям, на которых лошади наши беспрепятственно обрывались, мы спустились в долину, называемую в простонародии: *монаший базар*: Уади-ель-рагиб. В

первые века христианства, когда эти дебри были населены многочисленными отшельниками, эта долина была в положенные дни сборным местом. Мы поднялись отсюда опять на горы; тут открывается ужасное ущелье, называемое *Расуль-Уади*; это не что иное, как русло потока Кедрского. Вскоре, обогнув скалу, является пустынная обитель или Лавра Св. Саввы.

С первого взгляда, здания этой обители составляют одно целое с дикою горою, из которой они образованы,— по одинаковому цвету камней. Четверосторонняя башня венчает тмю главной скалы; другая башня, подобная ей, стоит ниже. Обитель обнесена высокими стенами; прочия здания, с плоскими террасами, сходят уступами в дикое ущелье. Здесь увидел я впервые в Палестине, на куполе, утешительное знамение креста,— оно укрыто пустынею! Единственный вход в обитель находится всегда под крепким затвором, по причине частых набегов бедуинов. Никого из братии не было видно на стенах; мой передовой наездник подал сигнал пистолетным выстрелом; тогда один из отшельников появился на высоте башни, и звоном колокола возвестил прибытие странников. В обители были предупреждены о моем прибытии, чрез иерусалимскую братию. Меня встретил настоятель и препроводил прямо в главную церковь, где я отслушал молебен. Иконостас и стены украшены очень древним византийским письмом. Все очень ветхо и бедно; несколько древних греческих рукописей, творений церковных учителей, расставлены тут же по полкам, но большая часть их находится в келье смежной с церковью. Из церкви мы прошли на паперть или в притвор, где в кругу братии я был угощаем кофеем, пока для меня приготовили комнату. Я не ожидал в таком грозном уединении найти спокойный приют, украшенный кругом широкими диванами; это было для меня истинная нега после утомительного пути, но зато эта комната, определенная для путешественников, есть единственная роскошь строгой обители.

Св. Савва процветал в конце V и в начале VI века при Юстиниане. При нем не было здесь ничего кроме нескольких вертепов, где сначала он жил со Св-м Ксенофонтом, а потом обитало малое число его сподвижников. Сюда же усидинились от мира и здесь были погребены преподобные Евтимий, Кирилл Монах и Иоанн Дамаскин; доселе показывают их кельи. Святой Кирилл, современник Святого Саввы, передал нам его жизнь. Император Юстиниан защитил впоследствии пустынную обитель стенами и башнями, узнав о святой добродетели Саввы. Чрез несколько времени, все пространство безжизненных горных ущелий, от Мертвого моря до Вифлесема, где даже не обитали звери,— заселилось сонмом отшельников; их существование не было даже подозреваемо свирепыми властелинами Палестины.

Рассказывают, что когда Селим II-й Император Турецкий завоевал Палестину, монахи Лавры Св-го Саввы, узнав о назначении новаго Сангиака в Иерусалим, пришли к нему, для приобретения себе его покровительства, с бедными дарами состоящими из овощей и плодов; удивление властителя Иерусалима было чрезмерно, когда он увидел перед собою облаченных в одинаковую одежду до тысячи смиренных пустынников, о которых он никогда не слыхал. Этот варвар, приняв дары, выбрал из всего числа братий только двадцать, которым дозволил возвратиться в пустыню, а все остальные, были тут же умерщвлены его стражею. Игумен Даниил упоминает об одной пустынной обители, называемой Рува и находившейся на полдень от Лавры С. Саввы, близ Мертвого моря; об этой обители: *Рувā ѓрѣмъ*,— говорит Фока и ставит ее на русле потока Кедрского по близости от Мертвого моря; он же говорит о находившемся близ Рувы монастыре Св. Харисона (Харитона). Этот монастырь едва ли не тот самый, о котором пишет Даниил, помещая его на берегу Иордана; должно понимать: в пустыне Иорданской, которой принадлежат и северные берега Мертвого моря.

Главное место обители есть небольшая площадка, посреди которой устроена осмиугольная часовня с куполом, на том месте, где в недрах скалы, покоились мощи Св. Саввы; они были перенесены, по сказанию некоторых писателей, в Венецию,— но здесь мне сказывали, что они находятся теперь в Антиохии. Во внутренности часовни, весь купол занят изображением нерукотворного образа Спасителя. Под этою каменною площадкою иссечены погребальные пещеры для монастырской братии. Вход туда обозначен подъемным камнем с отверстиями. По ту сторону площадки есть еще другая церковь о двух приделах. Она древнее той, о которой я говорил, как по свосму построению, так и по письму образов. Там, за железною решеткою, показывают груды костей и черепов убитых пустынников. Три чудотворные черепа лежат особо, снаружи. По некоторым преданиям здесь также хранилась рука от мощей Св. Иоанна Крестителя. Вправо от площадки, когда стоишь лицом к оврагу, виден скромный садик с одною пальмою и несколькими кустарниками, разведенный на нанесенной сюда земле; он примыкает к отвесной скале, на которой возвышается полуразрушившаяся третья башня, при которой устроена церковь Св. Симеона Столпника. В этой скале показывают молитвенный вертеп Св. Саввы и другой, где была его опочивальня; далее, иныя пещеры, где некогда были сожжены и задушены дымом здешние отшельники от неверных. На каждом шагу грустные воспоминания о мученичестве малого числа из тех избранных, которыми держится мир, стесняют здесь сердце.

Возвратимся мимо часовни. Св. Саввы в притвор главной церкви. Оттуда, как из центра, идут пути в разные подразделения обители, следуя уступам скал, вдоль, вверх и вниз. Эти пути ведут с крылец на крыльца, то по коридорам, то по террасам мимо пещерных людей. Тут же на двух или трех террасах, встречаются рассадники нескольких лекарственных растений или овощей; земля туда также нанесена. В угловом рассаднике, примыкающем к ограде, рисуется одинокая пальма, которая, по преданиям, растет от корня пальмы посаженной самим основателем этой удивительной обители. В среднем коридоре сохранилась очень древняя часовня или церковь, посвященная Святому Иоанну, остатки ее альфресков, в особенности при входе, замечательны по хорошей живописи; они состоят из нескольких круглых образов Спасителя, Богоматери и святых, в малом размере. Тут же, несколько древних греческих надписей на стенах. Поднимаясь выше, по направлению скалы, достиг я наконец главной башни, венчающей скалу, она называется Юстиниановой. Мы вошли в нее через железную дверь; стены башни необыкновенно толсты. Братия показали мне в ней потаенную лестницу и сход в пещеры, где они могут укрываться в чрезвычайных случаях. Вид с высоты башни, на мертвую дикость огромных гор и на глубокое ущелье, — ужасен. На высоте этой башни, обыкновенно находится сторожевой монах; отсюда проведена вниз веревка к колоколу, для сигналов. Во время возмущения противу Ибрагима Паши, иноки этой обители были несколько месяцев в осаде у диких племен арабов. Теперь, главныя их притязания оканчиваются по большей части, требованиями некоторого количества съестных припасов, хотя обитель очень не богата ими, но у братии приготовлено для таких случаев несколько корзин с хлебом, которые они спускают вдоль стен, на веревках. Со всем тем, магомстанам строго воспрещен от правительства вход в обитель Св. Саввы, под опасением значительной денежной пени, которая бываст обращена в пользу мечети Омаровой в Иерусалиме.

К немалому удивлению, я нашел в этой башне, нестройную груду рукописей и книг. С дозволения настоятеля я занялся их разбором с большим любопытством. Я уже сказал, что в этой самой церкви хранится несколько рукописей; там находятся только те рукописи и книги, которые заключают в себе известнейшие творения святых отцов или, — церковно-служебные; там они в порядке; но эти, — отброшенные, и обреченные тлению, пробудили мое сожаление и я принялся немедленно за работу. Удивление мое превратилось в радость, когда я нашел тут несколько рукописей словенских, на пергаменте, на бомбицине и на бумаге, я начал откладывать то, что находил примечательного.

Из словесных я выбрал все рукописи сколько было; число их дошло до 15-ти книг, из которых две печатные; к ним я прибавил 9 рукописей греческих. Древность их была для меня несомненна; последствие оправдало мой выбор. Уверясь в бесполезности этих книг для монастыря, я наконец приобрел их, с благословения Митрополита Иерусалимского, и конечно любители отечественных древностей и библиографии, не без любопытства, прочтут описание этих приобретений¹. Небольшая библиотека, хранящаяся в церкви, заключает в себе несколько драгоценных рукописей, оне все греческие и письмо многих из них, принадлежит VIII, IX и X векам, а может быть и древнейшим. Из моих рукописей, в числе греческих, древнейшие, две IX-го века, а из Словенских XIII-го и XIV-го веков.

К притвору главной церкви прилегал трапеза. Мне отраднo было разделять скромное брашно с братьями. Изображение Иисуса Христа находится в главе стола, где уже никто не садится, — и Его спасительные глаголы раздаются во все время трапезы из уст одного из отшельников.

Нижняя часть обители расположена по наклону скалы в ущелье, и оканчивается там, где скала спускается отвесно к высохшему руслу потока Кедрского. Оттуда не иначе можно сойти на дно ущелья, как по приставной лестнице. Тут есть источник, истинное сокровище для пустынно-жителсея, если б он не иссякал от чрезмернаго жара. Бродящие арабы и хищные звери приходят к нему утолять жажду. Едва ли не самый этот источник указан в Библии под названием Айн-геди, т. е. *источник коз*. Мне рассказывали, что один шакал так сдружился с братисю обители, что приходил есть из их рук. Русло потока Кедрского только зимою освежается малым количеством воды. По ту сторону ущелья, против самой обители, видны на скалах несколько пещер; мне показали те, в которых некогда обитали Св. Савва и Ксенофонт; доступ туда труден, оттуда обитель представляется во всей своей пустынной красоте.

Жизнь отшельников обители Св. Саввы называли некогда жизнью ангельскою, и ныне она исполнена самоотвержения; их кельи, иссеченные в скалах, в знойные дни лета раскаляются как печи; тогда иноки ложатся спать посередине пола, не касаясь стен, и принуждены бывают обливать их водою, если нет недостатка в воде; источник часто иссякает или бывает недоступен по причине нападений бедунов, тогда им остаются одне дождевые водохранилища, и эта вода едва достает для братий. Раскаленные стены скал не простывают и ночью, равно как и каменные плоскости террас, так что иноки окружены постоянно удушливою

¹ См. Журнал Министерства Народнаго Просвещения 1836 г., кн. IX и XII.

атмосферу. Их искусственные рассадники пополяются этим воздухом; мы видим из жизни Святого Иоанна Молчальника, что существование этих скудных растений приписано молитвам Св. Саввы. Иноки снабжаются съестными запасами из Иерусалима, который отстоит отсюда на 16 верст. Вот некоторые подробности, сообщенные мне одним из монахов обители С. Саввы (отцем Моисеем) об образе жизни здешних иноков. Они встают за час до заутренни и приготавливаются к ней молитвою. Заутренняя начинается в полночь и продолжается до четвертого часа. Через два часа отдохновения начинается литургия и кончается к восьми часам утра, а по праздникам позднее. После литургии иноки собираются на паперть и им подают по чашке кофею и по сухарю, весом в два золотника, также по пяти или шести смокв или по горсти изюму; за сим расходятся по кельям, на покой или на частную молитву. В два часа, звонок сзывает к трапезе, там, перед каждым иноком ставится небольшая чашка с вареной чечевицей без масла и несколько слив которые один раз в неделю заменяются *ревитом* или горохом с маслом, а изредка соленою рыбою. Пять дней в неделю бывают по одной трапезе, а в субботу и воскресенье полагается и ужин; в эти два дня, во время мяседа подают сыр, масло и яйца, или вместо их рис. После обеда, служащий иеромонах благословляет каждого, — и расходятся по кельям. В пять часов ударяют в било к вечерне, которая продолжается два часа. Через час отдохновения, повечерья, и расходятся на покой. В мясосды, приобщаются святыям тайнам через две недели; а во все четыре поста, каждую неделю. Великим постом, в первую и страстную недели, бывает только одна трапеза в среду, и состоит только из вареных фруктов. Для поддержания здоровья дозволяется некоторым инокам ходить на прогулку к Мертвому морю и на Иордан для собирания целебных трав. Некоторые из иноков подвизаясь на духовные труды, проникают в пустыни, по ту сторону Мертвого моря, в кочевья бедунов, из которых многие христиане, но токмо по имени, не имея настоящего понятия о вере Христовой. Иноки обители Св. Саввы привлекли многих из них к православной церкви. Один из членов Римской церкви путешествовавший в 1674 г., свидетельствует также о том, он говорит между прочим что был знаком с настоятелем обители Св. Саввы, по имени Даниилом, получил от него первое настоящее географическое начертание южной части Мертвого моря, где глубоко вдавшийся мыс образует как бы другое малое озеро, соединенное с главным озером каналом, который можно проходить вброд. Показание Даниила подтвердилось новейшими изысканиями.

Всей братии здесь тридцать человек; половина из них греки, а другая половина — русские; я имел утешение слышать здесь

обедню, частью на родном языке, потому что все священники здесь греки. Русские иноки жаждут иметь своего священника, чтобы хотя изредка слышать богослужение на своем языке.

Женскому полу воспрещен вход в эту обитель по завету самого Св. Саввы, который не допустил сюда даже своей матери.

Из гостеприимной обители Св. Саввы я направился в Вифлеем. Дорога ведет туда по чрезвычайно высоким горам; высочайшая из них гора *Моитар*; вид оттуда обширен, он простирается с одной стороны на Иорданскую пустыню и Мертвое море, а с другой на Иерусалим с его окрестностями.

Через час езды от обители Св. Саввы, открылся нам вдали Вифлеем, и мы подъезжали к горе, покрытой развалинами. Тут находился библейский город Фскоа, основанный, так как и Вифлеем, Ровоамом. Здесь обитал пророк Аввакум. Это есть отечество той мудрой жены, которую Иоав послал к царю Давиду для умиловления разгневанного отца противу его сына Авессалома, в чем она и успела. Отсюда отправился Амос пророчествовать на Ираиля и как думают здесь погребен. В окрестных горах много пещер, из которых иные замечательны по их чрезмерной глубине. В одну из них, — по преданиям, — уклонились волхвы, когда им Ангел повелел не возвращаться к Ироду. На развалинах *Фекоа* был некогда основан монастырь Св. Феодосия; эта обитель могла не иметь икон для моления; оттуда видны: Вифлеем, пустыня Иорданская, Иерусалим и гора Элеонская; места рождения, крещения, животворной смерти и вознесения Спасителя. Святой основатель обители, конечно, выбрал это место с намерением. Здесь погребена была Княжна Полоцкая игуменья Евфросиния (в мире: *Предислава*) в 1173 году. По ребрам гор видны еще следы водопроводов, которые направлены к развалинам.

Отсюда прекращается мертвенность дикой дщри и начинают засеивать; они принадлежат здешним бедуинам, которые разбежались от Шерифа Паши за Иордан. Тут открылась нам обширная долина, окруженная горами Вифлеемскими; она идет к самой подошве той горы, на которой стоит Вифлеем и занята отчасти пашнею, и пастбищем. Мирный и сельский вид этой долины напоминает трогательный рассказ книги Руфь — эти поля были свидетелями дочерней нежности Руфи к престарелой матери, здесь она собирала колосья падавшие от богатых жатв ее будущего мужа Вооза. От ее рода произошел Давид также пасший здесь стада отца своего, — и, чрез несколько столетий после, здесь, хоры Ангелов возвестили пастырям Рождество Иисуса сына Давидова, Спасителя мира, и воспели торжественный гимн: «Слава в вышних Богу и на земле мир! в человецех благоволение!» Место явления Ангелов доселе принадлежит пастухам Вифлеемским; оно засажено несколькими древними оливами и обнесено каменною оградю. Я снял этот вид со спуска от *Фекоа*.

Подъезжая к пастушеской огорожде, я был встречен наездником, посланным ко мне навстречу от арабов-христиан, из пастушеского селения, лежащего на скате горы Вифлесской. Они узнали издали моего Якуба. Искусный наездник, провожая меня, ратовал беспрестанно передо мною на своем борзom коне, делая на всем скаку самые крутые повороты по дороге, усеянной камнями. Мы слезли с лошадей у ворот пастушеской огорожды.

На священном месте явления Ангелов, существуют развалины церкви времен Св. Елены. Остаток алтаря еще сохранился, там, на двух больших обломанных капителях утверждена мраморная плита, на ней католики совершают иногда обедню. Сверх того здесь есть подземная церковь греческого исповедания; она принадлежит пастухам, ключ от нее находится у них, и они сами провели меня туда. При входе лежал плуг, а другой был привешен к ближней маслине. Я прочел 2-ю главу Евангелия от Св. Луки и потом сошел помолиться в церковь. Она столь бедна, как и ее обладатели, иконостас едва держится от ветхости.

По указанию Блаженного Иеронима, здесь Иаков пас стада свои; тут вероятно была и башня или *столп Едер*, где Иаков разбил шатры свои после погребения Рахили.

Я направился в Вифлеем, окруженный толпою здешних пастухов, и должен был проезжать мимо их селения; их шейх, который тут находился, просил меня убедительно отдохнуть у него; я не мог не согласиться на его дружественное приглашение. Селенье пастушеское занимает один уступ горы Вифлесской; дома их прислонены к скалам, или прикрывают подземелья и пещеры, что объясняет образование вертепа Рождества Христова. Я просил шейха остаться на вольном воздухе: мы расположились под огромною маслиною, которая служит сборным местом для здешних жителей; нам изготовили кофе, сарачинское пшено и яичницу, и уже готовились заколоть самого тучного барана, но я предупредил эти гостеприимные хлопоты, поспешив отъездом и отблагодарив моих добрых хозяев.

В нескольких шагах от монастыря Вифлесского показывают вертеп, где по преданиям, Пресвятая Богородица укрылась с младенцем Иисусом на несколько дней, до бегства своего в Египет, при слухе о жестокостях Ирода; он называется — *млечным*. Матери Вифлеемские при потери молока своего ходят сюда молить Пресвятую Деву о подании им помощи для вскормления своих младенцев. Здесь есть католический придел, прежде тут была церковь св. Николая.

В Вифлееме я был дружественно принят отцем Иоанникиосом. Поклонясь великой святыне Рождества Спасителя, я возвратился тем же днем в Иерусалим.

ОТЪЕЗД ИЗ ИЕРУСАЛИМА

Иерусалим, граде Святой, накажет ты за дела сынов твоих, и паки помилует сыны праведных! Исповедайся Господеву благо, и благослови Царя веков, да паки скиния Его созиждется в тебе с радостью... Блажени любящие ты, возрадуются о мире твоём: блажени, елицы скорбеша о всех наказаниях твоих, зане о тебе возрадуются видяще всю славу твою, и возвеселятся во вск.

Книга Товита, X 111.9.10.14.

Близок был мой час разлуки со святым Иерусалимом! Как ни больно мне было оставить эту святыню, но обстоятельства меня принуждали. Горизонт Сирии более и более становится мрачен: новые бунты арабов приводят все в движение и варварское правительство волнуется кровью! В добавок ко всему, вот целый год, как я не имею ни одной строки от близких моему сердцу: забыты ли ими дальний путник? нарушено ли их благоденствие? Обе мысли грустны. Путешествия на Восток, все еще тяжки, и очень тяжки; и напрасно думают в Европе, будто владычество Мегмета Али сделало здесь пути легкими. Огненный климат, чума и варварство здесь царствуют, и надобно с ними бороться беспрестанно. Я теперь изучил Иерусалим и его окрестности как возможно точнее, я стараюсь запечатлеть в памяти своей все что так трогает душу мою, каждая тропинка, каждый камень останавливают мое внимание, я невольно прилепляюсь ко всему, что вижу. Каждый шаг на земле Иерусалима освящен и оставляет неизгладимые впечатления. Один из латинской братии, рассказывал мне на днях, простодушный и трогательный анекдот. Когда-то, поклонник просил у одного священника иерусалимского, чтоб он дал ему на дорогу горсть святой земли.—«Друг мой,— сказал ему священник,— есть ли кругом Иерусалима место, которое не было б свято? Кровь небесного Икупителя и мучеников, освятила на вски этот слой,— с сим словом он наклонился, взял горсть земли,— и кровь заструилась по руке его». Евреи считают самый прах земли ханаанской чистым.

Последние дни моего пребывания в Иерусалиме, я еще более ознакомился с достопочтенными отцами Греческого монастыря. Храм Гроба Господня редко открывался; уже нельзя было иметь утешения посещать его так часто как прежде; всякий раз должно было испрашивать ключей у стража мусульманского. Почти ежедневная прогулка моя была по улице Страстного пути к горе Элеонской, а оттуда вдоль потока Кедрского и вокруг города,

возвращаясь в Яфские ворота. Молитвы и глубокие думы неразлучно сопутствуют вас на этом пути.

Накануне моего отъезда из Иерусалима, я слушал обедню на Голгофе. С трепетом, но с сладкими слезами умиления и признательности к моему Спасителю, я пал на страшном месте нашего искупления и перед живоносным Гробом. Как выразить прощание грешника с сими двумя великими святынями, которые служат живым напоминанием о Том, кто заключает в Себе все его надежды жизни земной и небесной!.. Тут, меня наградили сокровищем неоцененным; для меня раскрывали железное решетчатое окно, за которым видна скала Божественной Голгофы, и меня благословили небольшим отломком от нее. С ним, понес я весь Иерусалим с собою! С стесненным сердцем, глядя я на затворяющиеся передо мною железные врата Храма... Я направился в келью митрополита Мисаила; там священный старец благословил меня на путь и на всю жизнь нагрудным крестом, в котором заключалась частичка *Честного древа*. О! как утешительно мне было крестное благословение в самом Иерусалиме! Сверх того, митрополит подарил меня за своим благословением и за своею подписью, тем русским Евангелием, которое я брал из библиотеки патриаршей, которое сопутствовало меня по всем святым местам Палестины и читано было несколько раз на Гробе Господнем и на Голгофе. В тот же день митрополит удостоил посетить меня со своим причетом. Отец Анфимос, руководству которого я так обязан, подарил мне рукопись; это пророчество Агафангела столь знаменитое на Востоке. Иеромонах, чина Василия Великого, Иероним Агафангел, процветал в XIII столетии. Он имел видение в 1279 году, в Мессине. Изложение этого видения, им самим писанное, любопытно; оно во многих местах удивительно, но слишком темно и запутано. К рукописи Агафангела приложено слово о *будущем* иже во Святых Отца нашего Мефодия, архиепископа патарского. Мне сказывали, что некоторые другие предсказания о Востоке существуют в монастырской библиотеке, на острове Патмос — эта библиотека есть одна из драгоценнейших на Востоке.

В самый день моего отъезда из Иерусалима, меня ожидала обедня в Гефсимании, у гроба Пресвятой Богородицы. В праздник Покрова Божией Матери я предпринял путь свой из России на Восток, под ее же милосердным покровом отправлялся я в обратный путь из Иерусалима.

Рано по утру оставил я дом Патриарший, направляясь по Страстной улице к Гефсимании и лобызая в последний раз места, освященные страданиями нашего Искупителя. При входе в погребальный вертеп Божией Матери, братии встретили меня со свечами. Толпа Христиан наполняла уже подземный храм; в его

таинственном сумраке и на священном мраморе Гроба Матери Спасителя нашло взволнованное сердце мое молитвенное утешение.

Старцы-братия провожали меня в путь; с ними, медленно поднялся я опять к стенам Иерусалимским; там, у врат Овчих, ожидали меня лошади. Там обнял я моих друзей, там сел я на моего коня, взглянув еще раз, на Гэфсиманию, на гору Элеонскую, на Иерусалим,— слезы брызнули из глаз моих,— я быстро пустил коня своего по направлению к пещере Иеремии, воскликнув из глубины души: «Да созиждутся стены Иерусалимския!»

Я промчался мимо лагеря Шерифа Паши, которого шатры облегал еще святой город,— я выехал на Яфскую дорогу, по которой, я несколько времни тому назад так радостно спешил к Иерусалиму! «Иерусалим, град градов, святая святых, владыко народов, достояние Патриархов, кормилец Пророков, учитель Апостолов, колыбель нашего спасения, отечество Господа, камень веры, избранный и освященный Богом; место где стояли стопы Его, чествуемый Ангелами и всеми народами поднебесной!» Так восклицал в восторге при виде Иерусалима, один епископ, сподвижник крестоносцев.

Будущность светла для Иерусалима: «Сице глаголет Господь: Обращуся к Иерусалиму щедротами, и Храм Мой созиждется в нем, глаголет Господь Вседержитель,— и мера протянется во Иерусалим еще... Еще прелиятися имут грады благими и помилует Господь еще Сиона и изберет еще Иерусалима!»

Н. В. ГОГОЛЬ

(1809—1852)

Николай Васильевич Гоголь побывал в Святой Земле в феврале 1848 г. Еще в январе он пишет В. А. Жуковскому из Неаполя: «Так как теперь предстоит мне путешествие в Иерусалим, то хочу тебе исповедаться; кому же как не тебе?» И в дальнейшем о своем паломничестве подробнее, задумчивее всего он рассказывает в письмах к Жуковскому. Ему он признается: «Съезжу в Иерусалим (чего стало даже и совестию не сделать), поблагодарю как сумею за все бывшее. Помолюсь, да укрепится душа и соберутся силы...»

О маршруте своей поездки он сообщил в письме С. П. Шевыреву в марте того же года: «С помощью генерального нашего консула в Сирии Базили, моего старого товарища по школе, путь в Иерусалим, через Сидон и древний Тир и Акру, а оттуда через Назарет совершил».

В письмах к В. А. Жуковскому впечатления от паломничества выражены кратко, но так проникновенно, по-гоголевски выразительно, с такой искренностью, что делают эти немногие страницы великого писателя о Святой Земле воистину драгоценными.

Из писем В. А. Жуковскому

1

1848. Байрут. Апреля 6.

Пишу к тебе, бесценный и родной мой, несколько строчек из Байрута, за несколько часов до отъезда с пароходом в Смирну и Константинополь. Уже мне почти не верится, что и я был в Иерусалиме. А между тем я был точно, я говел и приобщался у самого гроба святого. Литургия совершалась на самом гробовом камне. Как это было поразительно! Ты уже знаешь, что пещерка, или вертеп, в котором лежит гробовая доска, не выше человеческого роста; в нее нужно входить, нагнувшись в пояс; больше трех поклонников в ней не может поместиться. Перед нею маленькое преддверие, кругленькая комнатка почти такой же величины с небольшим столбиком посередине, покрытым камнем (на котором сидел ангел, возвестивший о воскресении). Это преддверие на это время превратилось в алтарь. Я стоял в нем один; передо мною только священник, совершавший литургию. Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами гроба. Его голос уже мне слышался в отдалении. Голос же народа и хора, ему ответствовавшего, был еще отдаленнее. Соединенное пение русских поклонников, возглашавших

«Господи, помилуй» и прочие гимны церковные, едва доходило до ушей, как бы исходившее из какой-нибудь другой области. Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моления не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщения меня, недостойного... Вот тебе все мои впечатления из Иерусалима<...>

Твой Н. Гоголь

2

28 февраля (1850). Москва

Почувствовав облегчение от болезни, в которой пробыл недели полторы, принимаюсь отвечать. Друг, ты требуешь от меня изображений Палестины со всеми ее местными красками в таком виде, чтобы они могли послужить в пользу твоему «Вечному Жиду». Знаешь ли, какую тяжелую ты мне задал задачу? Что могу сказать я, чего бы не сказали уже другие? Какие краски, какие черты представлю, когда все уже пересказано, перерисовано со всеми малейшими подробностями? Да и к чему эти бедные черты, когда всякое событие евангельское и без того уже обставлено в уме христианина такими окрестностями, которые гораздо ближе дают чувствовать *минувшее* время, чем все ныне видимые местности, обнаженные, мертвые? Что могут сказать, например, ныне места, по которым прошел *скорбный путь* Спасителя ко кресту, которые все теперь собраны под одну крышу храма, так что и св. гроб, и Голгофа, и место, где Спаситель показан был Пилатом народу, и жилище архисрея, к которому он был проводим, и место нахождения животворного креста — все очутилось вместе? Что могут все эти места, которые привыкли мы мерять расстояниями, произвести другого, как разве только сбить с толку любопытного наблюдателя, если только они уже не врезались заблаговременно и прежде в его сердце и в свете пламенеющей веры не предстоят ежеминутно перед мысленными его очами? Что может сказать посту-живописцу нынешний вид всей Иудеи с ее однообразными горами, похожими на бесконечные серые волны взбурившегося моря? Все это, верно, было живописно во времена Спасителя, когда вся Иудея была садом и каждый еврей сидел под тенью им насажденного дерева, но теперь, когда редко-редко где встретишь пять-шесть олив на всей

покатости горы, цветом зелени своей так же сероватых и пыльных, как и самые камни гор, когда одна только тонкая плева моха да урывками клочки травы зеленеют посреди этого обнаженного, неровного поля камньев, да через каких-нибудь пять-шесть часов пути попадетс я где-нибудь приклеившаяся к горе хижина араба, больше похожая на глиняный горшок, печурку, звериную нору, чем на жилище человека, как узнать в таком виде землю млека и меда? Представь же себе посреди такого опустения Иерусалим, Вифлесм и все восточные города, похожие на беспорядочно сложенные груды камней и кирпичей; представь себе Иордан, тощий посреди обнаженных гористых окрестностей, кое-где осененный небольшими кустиками ив; представь себе посреди такого же опустения у ног Иерусалима долину Иосафатову с несколькими камнями и гротами, будто бы гробницами иудейских царей. Что могут проговорить тебе эти места, если не увидишь мысленными глазами над Вифлесмом звезды, над струями Иордана голубя, сходящего из разверстых небес, в стенах иерусалимских страшный день крестной смерти при помрачении всего вокруг и землетрясении или светлый день воскресенья, от блеска которого помрачится все окружающее, и нынешнее и минувшее? Право, не знаю, что могу сообщить тебе такого о Палестине, что бы навело тебя на благодатные мысли и побудило бы тебя вдохновенно приняться за перо и свою поэму. Я думаю, что вместо меня всякий простой человек, даже русский мужичок, если только он с трепетом верующего сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку святой земли, может рассказать тебе более всего того, что тебе нужно. Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика *черствость* моего сердца. Друг, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от святых тайн, стоявших на самом гробе вместо алтаря, — и при всем том я не стал лучшим, тогда как все земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное. Что могут доставить тебе мои сонные впечатления? Видел я как во сне эту землю. Подымаясь с ночлега до восхождения солнца, сядились мы на мулов и лошадей в сопровожденьи и пших и конных провожатых; гусем шел длинный поезд через малую пустыню по мокрому берегу или дну моря, так что с одной стороны море обмывало плоскими волнами лошадиные копыта, а с другой стороны тянулись пески или беловатые плиты начинавшихся возвышений, изредка поросшие приземистым кустарником; в полдень колодец, выложенное плитами водохранилище, осененное двумя-тремя оливами или сикоморами. Здесь привал на полчаса и снова в путь, пока не покажется на вечернем горизонте, уже

не синем, но медном от заходящего солнца, пять-шесть палм и вместе с ними прорезающийся сквозь радужную мглу городок, картинный издали и бедный вблизи, какой-нибудь Сидон или Тир. И этакий путь до самого Иерусалима. Как сквозь сон, видится мне самый Иерусалим с Элсонской горы, — одно место, где он кажется обширным и великолепным: поднимаясь вместе с горою, как бы на приподнятой доске, он выказывает весь, малые дома кажутся большими, небольшие выбеленные выпуклости на их плоских крышах кажутся бесчисленными куполами, которые, отделяясь резко своей белизной от необыкновенно синего неба, представляют вместе с острями минаретов какой-то играющий вид. Помню, что на этой Элсонской горе видел я след ноги Вознесшегося, чудесно вдавленный в твердом камне, как бы в мягком воске, так что видна малейшая выпуклость и впадина необыкновенно правильной пяты. Еще помню вид, открывшийся мне вдруг среди однообразных серых возвышений, когда, выехав из Иерусалима и видя перед собою все холмы да холмы, я уже не ждал ничего — вдруг с одного холма, вдали, в голубом свете, огромным полукружьем предстали горы. Странные горы: они были похожи на бока или карнизы огромного, высунувшегося углом блюда. Дно этого блюда было Мертвое море. Бока его были голубовато-красноватого цвета, дно голубовато-зеленоватого. Никогда не видал я таких странных гор. Без пик и остроконечий, они сливались верьхами в одну ровную линию, составляя повсюду ровной высоты исполинский берег над морем. По ним не было приметно ни отлогостей, ни горных склонов; все они как бы состояли из бесчисленного числа граней, отливавших разными оттенками сквозь общий мглистый голубовато-красноватый цвет. Это вулканическое произведение — нагроможденный вал бесплодных камешков — сияло издали красотой несказанной. Никаких других видов, особенно поразивших, не вынесла сонная душа. Где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилсе другой; в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дни, позабыв, что сижу в Назарете, точно как бы это случилось в России, на станции. Повсюду и на всем видел я только признаки явные того, что все эти ныне обнаженные страны, и преимущественно Иудея (ныне всех бесплоднейшая), были действительно землей млека и меда. По всем горам высечены уступы — следы некогда бывших виноградников, и теперь даже стоит только бросить одну горсть земли на эти обнаженные камешки, чтобы показались на ней вдруг сотни растений и цветов: столько влажности, необходимой для прозябенья, заключено в этих бесплодных камешках! Но никто из нынешних жителей ничего не заводит, считая себя кочевыми, преходящими, только на время скита-

ющимися в сей пораженной Богом стране. Только в Яффе небольшое количество деревьев ломится от тяжести плодов, поражая красотой своего роста.

Друг, сообразил ли ты, чего просишь, прося от меня картин и впечатлений для той повести, которая должна быть вместе и внутренней историей твоей собственной души? Нет, все эти святые места уже должны быть в твоей душе. Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествие — и все святые окрестности восстанут пред тобою в том свете и колорите, в каком они должны восстать. Какую великолепную окрестность поднимает вокруг себя всякое слово в евангелии! Как беден перед этим неизмеримым кругозором, открывающимся живой душе, тот узкий кругозор, который озирается мертвыми глазами ученого исследователя! Не вознегодуй же на меня, если ничего больше не сумел тебе сказать, кроме этой малой толики. Мне кажется, если бы ты сделал то же с библией, что с евангелием, то есть всякий день переводил бы из нее по главе, то святая земля неминуемо бы предстала бы тебе благословенной Богом и украшенной именно так, как была *древле*.

<...>

Твой весь Н. Гоголь.

ИНОК ПАРФЕНИЙ (ПЕТР АГЕЕВ)

(1807—1878)

Инок Парфений, в миру Петр Агеев, родился в Молдавии, в Яссах, в семье старообрядцев, и, по собственному признанию, «находился в расколе более тридцати лет» (до 1837 г.). Рано осиротев, он жил с приемными родителями, а достигнув совершеннолетия, отправился в странствия по святым местам. Выйдя из раскола, через несколько лет, на Афоне, где он пребывал с 1839 г., постригся в монахи. В 1855 г. Парфений рукоположен в иеромонахи, и в следующем году назначен строителем Берликовской пустыни. В 1858 г. Парфений устроитель Гуслицкого Преображенского монастыря, а затем его игумен и часто выступает как церковный писатель, обличитель раскола.

Заканчивая свое «Сказание о странствии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, в предисловии, датированном январем 1855 г., он говорит о своем труде: «Написал же все сие без пристрастия, по совести, где сам ходил своими ногами, что видел собственными своими очами, или что слышал от людей всякого вероятия достойных...» В том же году книга вышла и вызвала немало откликов, зачастую восторженных. О ней писали С. М. Соловьев и П. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин и А. В. Дружинин. Высоко оценил книгу Парфения Ф. М. Достоевский, восхищаясь «наивностью изложения», и использовал ее в работе над «Бесами», «Подростком» и «Братьями Карамазовыми». Записки Парфения интересовали Л. Н. Толстого, П. С. Лескова. И. С. Тургенев в письме А. В. Дружинину писал: «Это великая книга... Парфений — великий русский художник и русская душа».

В Святой Земле Парфений пробыл полгода в 1845—1846 гг.; во вторую свою поездку в Афон и Палестину он пробыл в ней дольше — с октября 1870 по май 1871 г. (см. «Второе мое странствование во св. град Иерусалим и во св. гору Афонскую в 1870—71 г.»; «Душеполезное чтение». 1872, № 5. С. 70—93; № 6 С. 159—171).

Умер Парфений в 1878 г. в Троице-Сергиевой Лавре. Уже после его смерти архимандритом Никоном в журнале «Душеполезное чтение» (1898—1900) был опубликован пятый том «Сказания о странствии».

Из книги «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле пстрижника Святые Горы Афонския инок Парфения»

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИЕРУСАЛИМ И ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

1. По благословению духовного моего отца, иеросхимонаха Арсения, отправился я в Иерусалим из св. Горы Афонской, сентября 23 числа, 1845 года. Сначала не было попутного ветру.

2. В четвертый день прибыли в остров *Митилин* и стояли там восемь дней, за неблагоприятным ветром.

3. Оттуда в третий день пришли в остров *Сакис*, или *Хиос*, и во град, также нарицаемый. И стояли тамо восемь дней, по причине неблагоприятной погоды. В течение сих дней часто посещали святые церкви, особенно Митрополию, которая освящена во имя св. Мученик Мины, Виктора и Викентия. И смотрели на развалины Хиоса: видно, что велик и прекрасен был град, а ныне славен развалинами, ибо пострадал, в 1821 г. от безбожных турок. От Хиоса отправились попутным ветром и бежали два дня и две ночи, и оставался в левой стране недалеко остров Самос, а в правой стране — острова Патмос, Кой, Родос и прочие.

4. Случился противный ветер, и мы пристали к острову *Кастолоризу*, близу самой Азии, в Ликийской стране; от Мира града, отечества Спасителя Николая, было только три часа ходу, как сказывали нам, т. е. пятнадцать верст, и тамо стояли за ветром.

5. Отправившись оттуда, на третий день прибыли в остров *Кипр* и тамо стояли за ветром; оттуда отправились прямо уже в Палестину. И шли два дня морем, а на третий увидели Израильские горы, обетованную землю, святую Палестину. О, какой неизреченной радости все исполнились! Было нас в корабле до ста человек, и все, мужи и жены, от радости проливали слезы, малые же дети прыгали и скакали, и руками плескали, и громко кричали: «О, святая земля, святая земля!»

6. Октября 25 числа, часа за три до вечера, стали мы подходить близко к *Яффе*, древней Иоппии, сильным ветром. Смотрим: во граде на крышах стоит множество народа. Это были все поклонники, прежде нас пришедшие и смотревшие на нас,

как мы будем попадать на берег. Потом мы вдруг увидели, что от берега отплыли множество малых лодок, и к нашему кораблю устремились; наши же матросы, собравши все паруса, только один парус на мачте покинули. Встр разыгрался, море воскипело, а пристани доброй нет; и мы были все вне себя, ово от радости — что кончили морской путь, ово от страха, — како мы можем попасть на берег. Потом подъехали к нам много малых лодок; люди в них арабы полунагие, которых мы никогда не видывали, они бросились к нам на корабль с обших сторон и начали поклонников хватать и в лодки бросать яко зверие, ни на что невзирая, ни на слезы, ни на старость; возьмут четверо одного и бросят прямо в лодку, не дают взять с собой никаких вещей; да и лучше делать было невозможно, потому что море разыгралось, и корабль с боку на бок валяется, и лодки их заливают. А от Российского консула приказано было, чтобы как можно народ скорее переправить на берег. Я вижу, что и до меня такожде дело доходит, и не стал дожидаться, покуда меня схватят, а взял свою сумочку и скорее сам бросился, да взял одного поклонника, четырехлетнего мальчика, ибо отец с матерью просили побережь его. И так, нагрузивши лодку в одну минуту, отсунулись от корабля. И много приняли страха: лодка — небольшая, волны — яко горы, а мы уже были полумертвы и лежали все ниц лицами. Потом поднял я голову, вижу: уже близ берега, въехали за камни, и тамо тихо, — и пристали к пристани. И тут Российский консул всех принимает и располагает нами, Восточной Церкви христианами, и препровождает в греческий монастырь, который тут же, недалеко от пристани, находится; и давали комнаты — сколько где можно поместиться. И здесь мы проживали три дни, и ходили в церковь. Здесь служба совершается более на арабском языке. И здесь мы благодарение воздавали Всевышнему Господу Богу, что сподобил вступить на святую обетованную землю, где сам Спаситель, во плоти, ходил Своими пречистыми ногами; и позабыли все страхи и ужасы, которые претерпели мы на море; только еще не получили мы совершенной радости, что еще не имеем в очах своих возлюбленного и многовожделенного града Иерусалима.

Октября 28 числа, утром, пришел консул и объявил, чтобы русские были готовы в дорогу. Спустя немного времени, приходят арабы и берут сумки у всех, которые сами не могут нести. И мою взял араб, а я пошел вслед за ним, и вышли на улицу; тут стояло множество верблюдов, коней, ослов и маргарчиков (по-русски — лошаков); и брали всяк себе по силе, — кто верблюда, кто коня, а другой осла, а иной магара. Я взял для себя осла и поехал, помышляя о вшествии Господа Иисуса Христа во святыи град Иерусалим на жребяти осла.

7. Выехавши из Яффы, древней Иопнии, ехали зелеными садами и огородами, где овые плоды собирали, овые садили, овые плоды цвели, а другие поспедали. Отъехали верст семь; осталось в правой руке, в стороне, селение *Луда*, отчество св. Великомученика Георгия.

8. Еще отъехали верст семь, присхали в город Ремлю, по древнему Рама (*глас в Рама слышан бысть*). Тамо мы въехали в монастырь св. Великомученика Георгия, и отвели нам гостиницу. Мы пошли в церковь и поклонились св. иконам; тамо хранится часть столба вдовицына¹, и мы его лобызали; в алтаре хранится одна древняя икона Святителя Николая. Потом представили нам трапезу, после которой мы спокойно спали. Поутру, часа за два до свету, все встали; приехали наши извозчики, и мы сели и отправились в путь; еще оставалось нам ехать до Иерусалима сорок пять верст, за тем пораньше и встали. Верст пятнадцать мы ехали по ровному полю и по весьма хлебородной земле. Потом посхали на горы, и верст пятнадцать взбирались все на гору, по оstromу камню; более шли пешие, нежели сидели.

9. Потом взошли на гору, и паки спустились версты две, и взошли в село *Еммаус*, где Господь беседовал с Лукою и Клеопой, и познался им в преломлении хлеба. Здесь есть жительство и церковь, которая построена Царицею Еленою, ныне же стоит пуста. От Еммауса до Иерусалима ехали с горы на гору, потом поднялись на одну весьма высокую гору, имели надежду с нее увидеть св. град Иерусалим, но, однако, не получили желасмого; а нам столько сие было желательно, что казалась одна сажень за версту. Наконец, открылись нам горы заиорданские и св. Гора Елеонская.

10. Еще немного проехали, и вдруг открылось нам многовожденное наше сокровище — св. град *Иерусалим*, из-за которого много мы претерпели скорбей по морю и по-суху. Теперь мы увидали его явственно своими очами, и какой неизреченной радости исполнились! Смотрим: из Иерусалима, из Патриаршего монастыря вышли монахи и послушники нас встречать, версты за две; и много нас приветствовали; такожде и других множество поклонников вышли вне Иерусалима нас встречать и все нас приветствовали, и даже самые турки — воины, которые во вратах на страже, и те нас приветствовали.

11. Вошли во св. град Иерусалим Давидовыми вратами, подле Давидова дома, и пошли налево, по улице, ко вратам Патриаршего монастыря; и вышли братия нас встречать; овые

¹ Чет. Мин. 23 апр. Чудеса св. Великомуч. Георгия Победоносца.

нас повели, овые нашу одежду взяли, и привели нас на гостиницу, и угостили по обычаю греческому.

12. Заблаговестили в маленький колокол к вечерни, и мы пошли в церковь Патриаршую — во имя царя Константина и Елены; и вшедши в церковь, увидели множество икон российских, высокого греческого писания, в окладах ссеребряных, и множество лампад по обычаю иерусалимскому, чего мы еще отроду не видали, и много удивлялись иерусалимскому благому обычаю. Из этой церкви есть три окна ко Гробу Божию. Вечерню пели весьма чинно: стихиры все пели с канонархом. После вечерни позвали всех нас в трапезу, и была трапеза порядочная, подали и вина по три чаши. После паки пошли на гостиницу, и спали спокойно.

13. С полуночи заблаговестили к утрени, и мы пошли в церковь. Полунощницу читали кротко, не спешно, также и утреню. Шестопсалмие читал один из Архисерсв. Когда начали читать кафизмы, позвали нас в особую, на то уготованную горницу: посреди ее стоял стол и горело шесть светильников; и посадили всех по чину, а женам сказано быть в другой комнате. Приказали нам всем разуться, и пришли три монаха, стали нам омывать ноги: один мыл, другой воду подавал, а третий белым платом отирал и ноги наши целовал, а прочие пели стихиры *умовения ног*; а потом омыли и руки, по локти, благоуханной розовой водой. Женам только руки омывали. По отправлении этой церемонии, паки пошли в церковь. Каноны не читали, но пели с канонархом по-афонски, и читали Пролог. После утрени, без расхода, начали Литургию. По Литургии пошли на гостиницу и сделали нам угощение. Потом позвали всех в *Синодик*, для записывания имен своих и родных в помянники, и пожертвовать, кто что может, в общую патриаршую казну на искупление святых мест и на прочие расходы патриархии. Там заседал сам Святейший Патриарх Иерусалимский, Кирилл; с ним — Митрополит Заиорданский, Мелетий, и еще четыре Митрополита, и соборные старцы, и призывали каждого по одному. Позвали и меня, и я пошел с великою скорбью и со стыдом, потому что не имею, что пожертвовать. Подошедши и сотворивши три поклона, положил два рубли, а сам, поклонившись, заплакал и сказал: «Простите меня, Святейшие Владыки! Рад бы больше положить, но не имею». Но Митрополит Мелетий ответил мне по-русски: «Отче, не скорби! Мы и этим довольны, ибо твои два рубля приемлются как вдовицы две лепты. Поклонись Патриарху и поцелуй его руку; получи от него разрешительную себе грамоту да иди с Богом». Я же поклонился Патриарху, поцеловал его руку, получил от него разрешительную грамоту и вышел, радуясь, что много меня Преосвященный Мелетий Митрополит утешил и ус-

покои. После трапезы мы прохаживались по крышам всей Патриархии и по церкви Божия Гроба, смотрели на весь Иерусалим и на Святых, смотрели и во внутрь ко Гробу Божию и весьма раскалялись сердцами, ожидая, когда придет время, что сподобимся прикоснуться своими устами.

14. После вечерни повели нас ко *Гробу Господню*, и пошли вниз по ступеням. В самом низу есть место, где явился Иисус Марии. Там церковь *Иакова брата Божия*, первого Епископа Иерусалимского, там лежит *камень* из св. Горы *Синайския*.

15. Вышли на площадь ко св. вратам великого *Воскресенского храма*. На той площади, на правой стороне, к армянской церкви, видны на мраморе следы ног Омира турчанина, уверовавшего во Христа. Близу самых св. врат, на левой стороне, стоит средняя колонна, мраморная, с трещиной, из которой изшла благодать, т. е. святой свет, и которая от всех почитается, и все ее целуют, как православные, так и неправославные и армяне. О сем происшествии хочу здесь немного написать — как о нем православные христиане восточные единогласно говорят, да и самые турки утверждают. В стене есть мраморная плита, вся исписана, и говорят, что самое это происшествие написано, но мы читать не можем, потому что писано сирскими буквами, на арабском языке, и я только слышал, но не читал, а происшествие было, якобы, такое: «Во едино время, когда греки были до конца отягчены турецким игом, богатые армяне вздумали покуситься на то, чтобы отсторонить греков от Гроба Божия и вытеснить из Воскресенского храма, собрали великую сумму денег и подкупили Оттоманскую Порту и все иерусалимское начальство, уверяя неверных, что св. свет сходит не ради греков, но ради всех христиан, и, ежели, мы, армяне, будем там, — то же получим. А турки жадны до денег, податливы на подкуп, и потому сделали по армянской воле и утвердили, чтобы армянам одним получать св. свет. Армяне весьма возрадовались и писали по всем землям к своим единоверцам, чтобы шли больше на поклонение, что их воля, и сошлось их многое множество. Наступила Великая суббота: армяне все собрались в храм, а греков бедных турецкое воинство выгнало вон. О, какой неизреченной горести и скорби исполнились греки! Едино было им утешение — Гроб Спасителя, и от того их отлучили, и св. врата для них затворили! Армяне — внутри церкви, а православные — на улице, армяне веселятся, а греки плачут, армяне торжествуют, греки горько рыдают! Православные стояли против св. врат на площади, а кругом стояло турецкое воинство, караулили, чтобы не было бунту. Как сам Патриарх, так и все стояли со свещами, имели надежду — хотя от армян в окно получить благодать. Но Господь восхотел другое устроить и показать истинную

веру Своим огненным перстом, и утешить Своих истинных рабов — смиренных грешков. Уже пришло время, в которое сходит благодать, но ее нет, армяне испугались, начали плакать и просить Бога, чтобы послал им благодать, но Господь не услышал их. Уже полчаса прошло и более, а св. света нет. День был чистый и красный. Патриарх сидел к правой стране. Вдруг ударил гром, и на левой стране средняя колонна мраморная треснула, и из трещины вышел огонь пламенем. Патриарх встал и зажег свои свечи, и от него зажгли все православные христиане. Тогда все возрадовались и возвеселились, а православные арабы от радости начали прыгать и скакать и кричать: «Ты еси един Бог наш Иисус Христос; едина наша истинная вера — православных христиан!» И начали бегать по всему Иерусалиму и сделали по всему граду шум и гам. Они и доднесь творят этому память, прыгают и кричат кругом Божия Гроба, хвалят единого истинного Бога, Иисуса Христа, и ублажают православную веру. Воины же — турки, кругом стоявшие на страже, видевши сие чудо, весьма удивились и ужаснулись. Из числа их один, именем Омир, стоявший у Авраамисва монастыря на страже, тотчас уверовал во Христа и закричал: «Един истинный Бог Иисус Христос; едина истинная вера — православных христиан!». А сам прыгнул вниз к христианам, вышины более 15 аршин, и ноги его ступили на твердый мрамор, как на мягкий воск, и доднесь видны два следа его, изображены, как на воску; хотя неправославные и стараются их заглядеть, но я еще своими очами видел и своими руками осязал. И колонна с трещиной опаленная стоит. Воин же Омир, спрыгнув, взял свое оружие, железом воткнул в камень, как в мягкий воск, а сам беспрестанно прославлял Христа. За сие турки отсекли ему голову, а тело его сожгли; кости же его греки собрали, положили в раку и поставили в женском монастыре *Великой Панагии*, где и доднесь источают благоухание. Армяне внутри у Гроба Божия ничего не получили, остались с одним стыдом. Паша Иерусалимский и прочие турецкие начальники весьма вознегодовали на них, хотели их всех изрубить, но убоялись Султана; только наказали тяжко: говорят, давали каждому есть разной нечистоты при выходе из храма.

16. Потом турки отворили нам святые врата во святую, небеси подобную, церковь, основанную над самым Живоносным Гробом Господа нашего, Иисуса Христа, и над самую горою Голгофою, где были пригвождены на кресте грехи наши. О, какой я радости исполнился, увидев святой град Иерусалим, небеси подобную церковь Воскресения Христа Бога, нашего и Живоносный Гроб Спасителя нашего Бога, что видеть имел неограниченное сердечное желание с самого малолетства! И просил я Господа,

да не отвержет меня грешного, но да примет во святой Свой храм. Со страхом и трепетом пошли мы во св. врата, в самую те, в которыя не могла взойти Мария Египетская¹. Взошедши во храм и отойдя от врат двенадцать шагов, стали у св. места, где было повитие плащницею, по снятии со креста Господа Иисуса Христа; кругом его — двенадцать подсвечников с большими восковыми свечами, по четыре аршина вышины, и девять неугасимых лампад со елсем, все в фонарях, дабы не задувало ветром, потому что приходится против самых врат. Мы же со всех сторон пали на тот камень, где лежало тело Господа нашего Иисуса Христа, его лобызали и слезами омочали. Пошли к западу и там лобызали другое св. место, где стояла Персвятая Богородица, когда распинали Иисуса Христа; там горят три лампы неугасимых. Потом пошли к северу, между столбами, и взошли в храм Гроба Божия, и зашли с восточной страны, ибо у Гроба Божия врата на восток, и нам приходилось к нему идти с востока на запад. Двери к нему — наподобие царских врат. По обе стороны дверей Гроба стоят по шесть подсвечников со свечами необыкновенной величины и толщины; над дверьми Гроба стоят три иконы Воскресения Господня: внизу — армянская, писанная на доске; пред нею неугасимая лампада — серебряная, с одним стаканом; вторая икона, средняя,— православных, великая, вырезанная по цветному камню, самой высокой греческой работы; пред нею великая серебряная лампада — неугасимая, с четырьмя стаканами, а в праздники вешают золотую; третья, верхняя икона,— католиков, писанная на полотне, и пред нею неугасимая лампада об одном стакане.

17. Потом нам сказали: «Иззуйте сапоги с ног ваших, ибо место, куда хотите идти, свято есть». И мы все разулись и скинули с ног, кто что имел, и пошли босыми ногами, а кто имел новые чулки,— те в чулках; мало наклонили свои главы и пошли с великим страхом и ужасом. Взошли во внутренний притвор, тамо посреди стоит часть того камня, который был привален к дверям Гроба Господня и на котором сидел Ангел Господень и благовестил женам мироносицам; и мы его лобызали; здесь горят пятнадцать лампад неугасимых. Оттуда к западу — еще двери, весьма низкия,— это к самому Гробу Господню, и мы наклонились пониже и взошли во внутрь: на правой руке, к стене, находится живоносный Гроб Иисуса Христа, Бога нашего; и мы от радости и от ужаса не знали, что видим,— гроб ли, или самого Иисуса Христа, во гробе лежащего. И мы его лобызали и много слез проливали и благодарили своего Творца и Владыку, что сподобил нас видеть своими очами и лобызать сво-

¹ Чет. Мин. апр. 1. Житие Марии Египетския.

ими скверными устами живоносный Гроб возлюбленного Сына Божия, Иисуса Христа, нас ради грешных пострадавшего и в сем Гробе положенного; и просили Его благоутробие простить нас, грешных, хотя и последних, но принять нас, как и первых. Тамо горят сорок пять лампад неугасимых и много свеч. Над живоносным Гробом стоит икона — востание из Гроба Иисуса Христа, вырезанная по цветному камню, также и другие; от неправославных стоят иконы, писанные на древе. Там стоит гробовой монах неотступно, православного исповедания, а другие христиане не имеют права поставить своих. И тамо помолившись, вышли теми же дверями на восток, и паки обулись.

18. Оттуда пошли на гору Голгофу. Гора Голгофа — от Гроба на юго-восток, расстоянием в сорок два аршина, а вышиною гора Голгофа шесть аршин; и мы пошли по каменной лестнице, в осьмнадцать ступеней, и, как взошли на верхнюю ступень, увидели страшное и поразительное зрелище: к востоку стоит крест с распятою плотию Иисуса Христа, искусной самой работы, греческого живописания, в совершенном виде человека. На кресте прибиты титла, написанные тремя языками: еврейски, гречески и римски. Стоит близ того места, где стоял настоящий крест Спасителя, только на поларшина далсе к востоку, и пред крестом стоит подсвечник о седми свещах; по правую страну креста стоит изображение Божией Матери; пред ним стоит подсвечник с тремя свечами, а по левую — изображение Иоанна Богослова, и пред ним — подсвечник с тремя свечами. Еще висит хрустальное паникадило и болсе ста лампад, болсе двадцати — неугасимые. Пред крестом стоит престол, на котором православные совершают Литургию. Под престолом дира, обложенная сребром, где стоял Крест Христов. По правую сторону престола, на поларшина, — другая дира; сделалась во время Христова страдания, когда тряслась земля и камения расседались и из пречистых рук и ног Его текла пречистая кровь на главу Адамову; и та дира — продолговатая, задвигается сребряною доскою. Потом нам сказали: «Иззуйте сапоги с ног ваших и поклоняйтесь месту, идеже стояте нозе Спасителя нашего Иисуса Христа». Мы все скинули сапоги с ног своих и пошли поклоняться св. месту, обгаренному кровию Владычнсю, сии словеса глаголюще: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим» и «Поклоняемся на месте, идеже стояте нозе Твои, Господи». И потом лобызахом самое то отверстие, где стоял крест Христов; потом лобызахом второе отверстие, где из пречистых рук и ног Его текла пречестная кровь; из обоих отверстий исходит благоухание. Еще на Голгофе, от креста к югу, — второе святое место, где распинали Христа и пригвождали ко кресту; тамо горит девять лампад неугасимых;

владеют этим местом католики. Еще, поправсе, за стеной, — место, где стояла Богородица с Иоанном Богословом, когда Христос висел на кресте и сказал: «Жено, се сын твой», а ученику: «Се мати твоя». Там горит одна лампада неугасимая, там и придел Царицы Елены, а держат это место католики. Вся гора Голгофа, где заведывают православные, расписана иконным стенным писанием греческой работы. Над самым крестом, в куполе, изображен Бог-Отец, смотрящий на страдания возлюбленного Сына Своего; пониже Его — Дух Святой, от Отца исходящий и на Сына почивающий; вокруг Них изображены все небесные воинства, смотрящие на страдания Царя Небесного, и от страха лица свои закрывающие. Кроме того, написаны небесные светила: солнце лучи свои сокрыло, луна в кровь преложилась, и все звезды во мраке облеклись, не терпя зрети своего Создателя на кресте висима. По углам написаны четыре Евангелиста, держащие в руках разгнутые страстные Евангелия, яже о распятии Христовом. По стенам изображены все страдания Христовы и написаны разные тропари и стихири, тому месту приличные. Напротив креста, на стене, написано: «Спасение соделал еси посреде земли Христи Боже, на кресте пречистей руце Твои простерл еси, собирая вся языки зовущис: Господи, слава Тебе». На кафедре, где читают Евангелие, написано: «От Сиона изыде закон, и слово Господне из Иерусалима.» И многое другое написано из пророчеств, псалмов и из Евангелия. Пол на горе мраморный. Помолчившись и облобызавши святые места, мы много от радости плакали и благодарили Господа Бога, что сподобил нас быть на лобном месте, на самой горе Голгофе, где сам Спаситель мира висел на кресте и пролил пречистую кровь Свою, и загладил наше греховное рукописание. Потом сошли на запад, по той же лестнице, по которой взошли.

19. Сошедши, пошли направо коридором, и тамо недалеко есть придел: посреди стоит престол, под престолом стоит столб, на котором сидел Христос, когда надевали на Него терновый венец. Столб окружен железной решеткой, и мы просунули руки и осязали столб и лобызали свои руки. Там в стене, за стеклом и за железною решеткою, сохраняется и терновый венец: горят две неугасимые лампы. Заведывают сим местом православные. Пошли далее и повернули направо во врата, и сошли вниз по лестнице двадцать восемь ступеней, и взошли в великий храм Честного Креста. На сем месте воскрес мертвец, когда наложили на него обретенный в земле Господень крест; там есть место, где стояла св. Елена, когда откапывали крест, и смотрела вниз, где нашли животворящий крест; и там в окне горят три неугасимые лампы. Храм сей прекрасен, и в нем множество лампад; верх поддерживают четыре мраморные колонны; храм — с одним ку-

полом. Прежде владели сим храмом кабешши, т. е. абиссинцы-ефиопы, ныне же заведывают им армяне. Пошли еще вниз, сошли двенадцать ступеней и взошли в другой храм, и там к левой стране придел франков, а в правой стороне, под самородным камнем, в самом углу лежал крест Христов; сим местом заведывают православные, там горят неугасаемые лампы. А где лежал крест, на том месте лежит мраморный камень, и мы, лобызавши св. место, вышли назад, по тем же лестницам, паки в великую церковь, в коридор.

И пошли направо, и там есть место, где воины разделяли ризы Христовы и метали жребий. Там — придел и горит неугасаемая лампада, заведывают сим местом армяне. Далее — придел во имя Логгина Сотника, который исповедал Христа так: *воистину Божий Сын бе Сей*. Еще там есть в стене, за железной решеткой, камень с горы Голгофы, с кровию Христовою; пред ним горят две неугасаемые лампы, заведывают этим местом православные. Пошли далее и пришли в придел, называемый Темница, где хранится тот самый камень, с двумя дырами, в котором был забит Христос, вместо колоды, егда сидел в темнице; он лежит под престолом за железною решеткой, и над ним горит неугасаемая лампада; заведывают этим местом православные, и мы лобызали железную решетку, потом просунули руки, осязали дыры и потом лобызали руки. Далее взошли в храм Богородицы. Когда Сын Ее, Иисус Христос, висел на кресте, — Она на сем месте стояла с женами мироносицами, горько плакала, а жены Ее держали под руки. По правую сторону — престол Успения Богородицы, по левую сторону — престол в память того, когда Господа нашего, Иисуса Христа, били привязанного у столба; горят там три лампы неугасаемые, заведывают сим местом православные. Поклонившись, паки вышли назад в великую церковь. И потом пошли направо во врата и взошли вовнутрь храма, и тамо, на правой стороне, есть решетка и отверстие; в том отверстии есть трость, а внутри стоит часть столба, к которому привязывали Христа, когда мучили Его подле Пилатова дома; мы концом этой трости осязали этот столб, паки ее вынули, и лобызали конец трости. Там под престолом есть место, где по воскресении явился Христос Марии — возлюбленной Матери Своей. Сей храм — порядочный, много в нем неугасимых лампад, и множество лампад и свеч, которые зажигаются по праздникам: ибо это соборный храм католиков, называемых франками. Потом вышли обратно, и тамо на полу, на мраморе, есть два круга и горят две неугасимые лампы: одно место, — где стоял Христос; а другое место, — где стояла Мария Магдалина, егда рече ей Христос: *Марие, не прикайся Мне*. Там к востоку — придел франков, а к западу, на хорах, — их орган. По-

том между столбами паки взошли во храм ко гробу Божию, к самой кувуклии; потом пошли к западу, мимо гроба Божия, и пошли во врата и взошли во храм,— это церковь сирианская. Потом пошли в пещеру, и тамо два гроба — Иосифа и Никодима, и горит одна неугасемая лампада. И мы паки вышли теми же вратами во храм Гроба Божия. Позади гроба Божия, к самой стене Кувуклии, есть придел коптов. Зашли с восточной страны и паки поклонились живоносному Христову гробу.

20. Гроб Христов стоит посреди самого храма. Над ним сделана кувуклия, наподобие часовни: в длину девять аршин, а в ширину семь аршинов; внутри с двумя комнатами. В притворе лежит часть камня, отваленного от дверей гроба, а внутри — самый гроб Христов. Вокруг же его храм круглый, поддерживаем осьмнадцатью столбами, сделанными из тесаного белого камня. Каждый столб — квадрату три аршина, между столбов — двенадцать аршин квадрату. На самой середине стоит кувуклия, а в ней — гроб Христов. Верх над кувуклией не покрыт, но оставлено великое круглое отверстие, от коего освещается весь храм; ежели бывает дождь, то прямо на кувуклию идет. Позади столбов — в три ряда хоры, на которых помещаются кладовые, ризницы и гостиницы, и келли; в нижних двух этажах занимают большую часть православные, копты, кабши, часть — армяне и католики; в верхнем этаже занимают армяне и католики. Тамо и армянская соборная церковь. Вокруг по аркам висит множество лампад, а по столбам стоит много икон от христиан, разных исповеданий, и пред ними повешены лампады. Грски сказывали, что прежде весь храм изукрашен был иконным писанием, из мусии, еще Царицею Еленою. Но мы уже не сподобились сие видеть. В 1808 году, во время великого пожара, вся мусия осыпалась, и ныне только подштукатурено. В самом куполе сделаны кругом хоры, для народа. Ход на них из Патриаршего монастыря. Кругом Божия гроба на кувуклии вырезана надпись по камню: «Да похвалят языцы и людие Христа Бога нашего, волею нас ради крест претерпевшего, и во аде тридневновавшего: и да поклонятся Его из мертвых воскресению, им же просветишася всего мира концы». На углах написаны разные стихиры, тому месту приличные, Христову гробу и воскресению. Напротив дверей гроба Божия, на восток, врата в Воскресенскую соборную церковь, которой празднуется обновленис сентября 13-го числа. Между врат церкви и дверей гроба Божия, вверху, висит множество великих лампад в четыре ряда, франкских и греческих, в честь гроба Божия. Посреди стоит великий франкский аналой. Над самыми церковными вратами висят в три ряда греческие лампады; на каждую ночь все зажигаются. Над воскресенскими церковными вратами, напротив гроба Божия, на арке написано:

«Радуйся и веселися, Невесто Царя Великого, созерцающая светло твоего Жениха красоту, паче злата сияющую, и паче солнца облиставшую.»

21. Потом отворили нам врата Воскресенского храма. Храм велик и прекрасен, и богато убран; пол разнораморный, посреди есть амвон, который означает средину всего храма и якобы луп земли. Храм имеет три иконостаса: один на восток к алтарю, второй на юг, а третий на север. На восток иконостас мраморный, удивительной работы; в четыре ряда иконы: внизу местные великие, российской работы, над ними праздники дванадцатые; потом вырезано по мрамору: «Светися, светися, новый Иерусалиме: слава бо Господня на тебе возсия. Ликуй ныне и веселися, Сионе: Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о востани Рождества Твоего». Повыше поделаны арки, и в них стоят иконы св. Апостол, резбленные и писанные, высокой греческой работы; пред всякой иконой лампада. Потом паки вырезано по иконостасу: «Радуйся, Сионе святой, Мати церквей, Божие жилище: ты бо приял еси первый оставление грехов воскресением». Потом паки арки, и в них Пророки, подобно Апостолам, резбленные и писанные, и пред каждым лампада. На самом верху стоит великий крест; по одну сторону стоит Богоматерь, а по другую — Иоанн Богослов: обе иконы резбленные и писанные. Еще по сторонам стоят по три Ангела, резбленные и вызлащенные, держат в руках по подсвечнику. Позади икон, против каждого яруса, к алтарю поделаны хоры: на нижних хорах против Апостолов повешены билы, доски медные, железные и деревянные, в которые ударяют ко всякой службе. На сих хорах, над царскими вратами, где становится икона Спасителя посреди Апостолов, сделана кафедра; по великим праздникам читают на ней Евангелис, и всегда сказывают с нею проповеди. Алтарь же возвышен на шесть четвертей, а престол еще возвышен на три четверти. Престол велик, и широту продолговат. Позади престола, подле него, стоит большой крест удивительной греческой древней работы, шестиконечный; сделан от трех дрв, а титла написаны на хартии; пред крестом стоит дароносица. Над престолом сделан удивительный балдахин, поддерживаемый четырьмя столбами; между столбов кругом престола повешены золотканные занавеси: ибо во время Литургии престол завешивается. Балдахин же внутри весь исписан: вверху написан Спаситель с небесными воинствами; пониже весь исписан разными молитвами из служебника, читаемыми на Литургии; снаружи написаны семьдесят Апостолов и прочие священномученики, а вокруг написаны разные молитвы и стихи из богослужебных книг. По левую сторону престола, к стене, стоит жертвенник, и над ним сделан балдахин, подобно как и над престолом, весь ис-

писан. И еще написано пониже сице: «Два днесь Пресущественнаго рождает, и земля вертеп Непреступному принесит: Ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют: нас бо ради родися Отроча младо, превечный Бог». По правую сторону престола также сделан якобы другой жертвенник, над коим также балдахин, и называется малая трапеза; на ней стоят двенадцать малых подсвечников, которые носят во время крестных ходов перед хоругвями на встречу Патриарха. Здесь хранится святая вода и всенощные хлебы. Вокруг в алтаре написаны двенадцать Апостолов и много Святителей, и пониже сводов кругом написано сице: «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя: осанна в вышних. Благословен Грядый во имя Господне: осанна в вышних». В алтаре множество лампад, более пятидесяти, и многие из них неугасаемые. Кругом подле стен возвышено на три ступени; здесь стоят не служащие священники, диаконы и монахи; мирянам же в алтаре стоять не позволяют. На горнем месте стоит мраморная патриаршая кафедра; во время Патриаршего Богослужения становят и другие архиерейские кафедры. Из алтаря двое врат: на правую сторону — на Гору Голгофу, а на левую страну — в ризницу. Царские врата — резбленные и вызолоченные, с четырьмя Евангелистами и с Благовещением. Наверху стоит двуглавый орел. Клиросы сделаны весьма тесные, потому что посреди их врата. На правой стране, за клиросом к столбу, стоит великая резбленная и вызолоченная патриаршая кафедра. Напротив ее, на левой стране, — вторая кафедра, подобно первой, патриаршего заместника, Митрополита Петры Аравийской¹. На обеих странах между столбов сделаны великие резбленные и вызлащенные иконостасы, и в три ряда иконы: внизу Святители, повыше Пророки и Преподобные, а сверху по седьми икон на стране, великих, самого высокого российского писания, на греческий образец; присланы и пожертвованы Российским Императором, Александром Павловичем, после пожара; изображены все страдания Иисуса Христа; пред каждой иконой повешена лампада. Повыше икон стоят по седьми Ангелов на стране, резбленных и вызолоченных, и в обеих руках держат по подсвечнику, куда в праздники становятся свещи. Поверх иконостасов поделаны хоры; во время Пасхи много вьмещается народа. Кругом подле

¹ Сего Митрополита русские поклонники обычай имеют называть *св. Петр*. Также именовали и прежде его бывших заместников Патриарха Иерусалимского, Митрополитов Петры или Заиорданских. По сие имя *Петр* несть настоящее их имя, а так называются от страны, в которую они поставляются в Митрополиты, и именуемой *Петра*. Настоящие же имена их — другие: нынешний называется Мелетий, а прежде его был Михаил.

стен стоят монашеские места (формы), возвышенные против полу на три ступени. В сем греческом храме четверо часов: двое в алтаре, и двое в храме, у задних столбов. Посреди храма висят три великие паникадила, по пятидесяти свечей: одно, среднее, — чистого серебра, а два посеребренные; все пожертвованы Российскими Императорами, а более — Николаем Павловичем. И еще множество хрустальных, медных и сребряных лампад, вмещают по десяти и по пятнадцати светильников; еще на всех четырех странах висит по железной цепи, на каждой по двадцати пяти лампад. В торжественные дни зажигают более четырех сот лампад, и еще множество зажигают свеч кругом, у икон, в два ряда, и сто пятьдесят свечей на паникадилах. Имсет сей храм пять врат: одни к западу — ко гробу Божию, вторые к северу — ко храму Богородицы, третьи на юг — к Голгофе и повитию пеленами, и двое врат на гору Голгофу. В храм Воскресения Христова из иноверных никого не пускают. И врата греки только отпирают тогда, когда есть Богослужение; и мы егда взошли во храм все, — врата заперли, потому что еретики начали делать свои литии кругом гроба Божия и на Голгофе и по прочим св. местам; и греки опасались, дабы православные новые поклонники, не видевшие сего, не стали вкупе молиться или смотреть на них: греки весьма блюдутся еретиков. И мы ходили по св. местам, имея в руках свечи горящие. Потом, мало посидевши, слышим: начали звонить в колокольчик, и позвали нас всех в трапезу, и мы пошли мимо горы Голгофы вверх по лестницам и взошли выше Голгофы, и пришли в трапезу, и сели все на места, мужи за столом, а жены за другим, и читали жертвенник; пища была весьма прекрасная, и по три чаши вина. Мы весьма хорошо поужинали, и благодарили Господа Бога, своего Создателя, что сподобил нас потрапезовать у Своего живоносного гроба, над самой горой Голгофой. Потом повели нас вниз, под гору Голгофу, там храм Иоанна Предтечи, и горит неугасаемая лампада; позади престола есть окно и железная решетка, и тамо внутри горит неугасаемая лампада; там, рассказывают, и глава Адамова; и точно, видна трещина, где от креста текла кровь Христова: ибо здесь видна самая настоящая гора Голгофа. В этой церкви, на правой стране, есть гостиная келья: в ней записывали мы имена своих родственников и благодетелей для поминовения у гроба Господня и сделали пожертвование, каждый по силе своей. Потом паки зазвонили в колокольчик, и мы все пошли на Голгофу, и там читали повечерие, и пели канон, на глас, с канонархом. Потом сам игумен сказывал проповедь о том самом обстоятельстве — как Авраам приносил своего сына в жертву Богу, и как сам Христос за нас грешных на сем месте изливал кровь Свою. Потом и к нам произнес: «Вы, пришедшие от востока и от запада, и от

края северного, поклониться на сем святом месте, приносили себя почти такожде на жертву Богу; ибо предавали себя дальнему пути и морским пучинам и разным злостраданиям; посему и вы не лишитесь мзды своєю за труды свои».

По окончании повечерия повели нас на гостиницу, которая напротив гроба Божия, на хорах, и мы положили свою одежду, а сами паки пошли по св. местам и ходили до полуночи. На Голгофе читали акафист Кресту и Богородице. Ирмосы пели нараспев, а концы у акафистов припевали. Такожде и на гробе Божиим читали акафист Иисусу Сладчайшему. И так препроводили ночь до полунощи. Какой тогда был сон? Мы о нем и позабыли от радости: во одном месте поют, в другом читают; одни ходят, другие молятся, а иные сидят и разговаривают. И ночь нам показалась веселее всякого дня. Сто пятьдесят лампад горело неугасаемых и еще много свеч; и много по всему храму часов, и часто ударяют; всех восемь часов: у греков четверо; у франков двое; у армян двое. И нам в ту ночь казалось, что не на земле мы, а в горнем Иерусалиме: тамо, кто хочет, поет и читает; и сие никому не запрещается, даже к тому побуждают. Когда мы опасались петь, тогда нам сам игумен сказал: «Тебе подобает песнь, Боже, в Сионс, и Тебе воздастся молитва во Иерусалиме».

В шестом часу, т. е. по-русски — в двенадцатом часу, начали ударять в деревянное било, на полунощное пение, — прежде православные, а потом армяне, а после франки. Мы, православные, собрались все в Воскресную церковь и начали полунощницу весьма кротко, не спеша. Потом начали утреню: кафисмы читали не спеша; каноны все пели на глас, с канонархом; по шестой песни читали Пролог. Когда начали читать Пролог, тогда иеромонах взял из алтаря антиминос, положил на главу и понес на Божий гроб, а пред ним шел диакон со свещью; и начали на Божиим гробе совершать проскомидию: тогда было 1-е число ноября месяца.

22. Когда начали петь великое славословие, тогда с двумя подсвечниками пошли все братия с пением ко гробу Господню и стали кругом Божия гроба, лицом к западу, ко гробу Божию: мужи по левую страну, а жены по правую страну; и у дверей гроба зажгли четыре великие свечи. Мы, смотря на гроб своего Спасителя, Иисуса Христа, весьма умилялись и много слез проливали, что видим гроб Того, Кто сотворил небо и землю, видимая же и невидимая, прежде век от Отца рождает, и в последние лета от Девы воплотился, — видим гроб Того, Кто грехи наши на кресте пригвоздил, во ад сошел, врата адовы сокрушил, смерть попрал, диавола и всю силу его упразднил, — видим гроб Сладчайшего Господа, Иисуса Христа, в Котором вся наша

жизнь и спасение,— видим гроб Того, Которого ради оставили мир и вся яже в мире, родителей, сродников и друзей, и все имение, Которого ради пошли в тесный и прискорбный путь иноческого жития, да Его единого приобретаем, Сладчайшего нашего Иисуса Христа. Ныне явственно телесными своими очами видим живоносный гроб, где лежало пречистое и обожженое Его тело, и из которого изиде, яко жених от чертога. По отпущении утрени, начали читать часы, а на Божием гробе совершалась проскомидия и читали помянники. В третьем часу по полуночи началась и Литургия. «Святыи Боже» пели протяжно. Апостол читали по-русски дневный и Святым. Евангелие читали двояко: диакон — по-гречески, а иеромонах по-русски — то же Евангелие: ибо на гробе Христовом во весь год ежедневно читаются Воскресные Евангелия, которые приличны гробу Христову, даже хотя и праздник случается. Когда же пришло время великому входу, тогда два мальчика, в стихарях с ораями, в руках имуще великие свечи, и один монах с подсвечником и все монахи пошли наподобие крестного ходу и громогласно пели: «Яко да Царя всех подыдем, Ангельскими невидимо доносима чинми. Впереди шли братия; за ними монах с подсвечником, а потом мальчики со свечами, а за ними диакон с Агнецом, а потом священник с потиром: поминали всех православных христиан. И обошли кругом кувуклии гроба Божия. И паки теми же вратами пошли вовнутрь ко гробу Божию. На самом Божием гробе на камени постилается пелена, посреди гроба кладется антиминос. На том же гробе у главы совершается проскомидия. На антиминосе совершается вся Литургия. В притворе же, на камени, отваленном от дверей гроба, на нем же сидел Ангел Господень, кладется серебряная дека и постилается пелена, и на нем всю Литургию стоит св. Евангелие. Я сподобился — три Литургии внутри у гроба стоять, и своими очами все видеть. Не знаю, с чего взяли некоторые и написали, якобы только на Божием гробе совершается проскомидия, а Литургия служится в притворе на камени. Я этого не видал, но как на гробе совершается проскомидия, так там и Литургия служится, только проскомидия — у главы, а Литургия — нареди.

По окончании Литургии, паки священник взял антиминос, и пошли все со свечами и с пением в Воскресную церковь. И тамо вынесено было честное и животворящее древо креста Господня,— часть очень порядочная. И мы, совершивши по три поклона земных, прикасались своими скверными устами ко пречистому и животворящему древу креста Господня, а священник раздавал антидор. Взявши антидор, мы спшили приложиться к живоносному Христову гробу, покуда не заняли неправославные. И когда приложились,— позвали нас на гостиницу, и сделали нам уго-

щение. Но приложиться ко гробу всех не допустили, потому что сейчас заняли армяне. Армяне почти всю свою службу пропели сидя. После армян заступили католики и играли в свой бездушный орган. И тако проводили мы всю ночь. Армяне и католики не на самом гробе служат, но приносят доски, для того устроенные, и подмащивают на Божий гроб выше на поларшина, потому что Божий гроб стоит низко и покрыт двумя мраморными плитами, одной сбоку, а другой сверху. На верхней деке, на середине, поперек есть язвина, подобно как пропилено пилой. Но пилой там действовать было не можно, потому что края не пропилены, а подобно как перстом проведено, только самая середина. И говорят о сем так: «В одно время сие освященное и дражайшее для христиан святилице хотели турки взять в свою Омарову мечеть; но пришли, увидали ее раздешуюся, удивились и оставили». А где было повитие пелснами, на том месте лежит красноцветный мраморный камень, шириной в аршин, а длиной в десять четвертей, возвышен на одну четверть. Вокруг вырезано по камню сие: «Благообразный Иосиф с древа снем пречистое тело Твое, плащаницею чистою обвив, и вонями во гробе нове покрыв положи». Благодарим Господа Бога, что сподобил нас поклониться святым местам, во храме Господа нашего, без всяких препятствий и без пошлин! Нет нигде никакой стражи, и гроб Божий никогда не затворяется, не так как было прежде: все святые места были под стражей и за печатью, и взымались с поклонников пошлыны. А ныне благочестивейший Российский Император, Николай Павлович, ктитор и попечитель Гроба Господня, от всего турецкого притеснения свободил, и все св. места отворил; и Гроб Христов всегда стоит отворен, и никого подле него нет, кроме монаха. Хотя и в турецких руках, но воли им нет. Когда рассвело,— паки отворили святые врата великого храма, и повели нас паки в патриархию, и там представили паки трапезу. Потом из патриархии повели нас на квартиры, по разным монастырям: российских подданных мужей — в Феодоровский, жен — в Екатерининский, а нас, афонских монахов,— в Архангельский монастырь, принадлежащий к Лавре Саввы Освященного, и дали нам одну келию на шесть человек. И мы перенесли свою одежду и расположились и ночевали на своих квартирах.

23. Поутру рано дали повестку, чтобы новые поклонники шли в Гефсиманию, ко гробу Божия Матери. Мы пошли и приложились прежде ко гробу Христову. И пошли от горы Голгофы по страстной крестной улице, которая была обагрена кровию Владыки нашего, Господа Иисуса Христа, во время вольного Его страдания; по этой улице нес Он Свой крест на Своих плечах, от двора Пилатова до горы Голгофы, и на главе Его был

терновый венец. И шли мы от горы Голгофы одной улицей, где был прежде базар, и сидели там сапожники, и шили сапоги. И когда Господь шел со крестом,— они над ним смеялись. Ныне в этих лавках никто не сидит и не торгует, но в них всякая нечистота. А базар и теперь близко; улица и постройка из тесаного камня, со сводами,— самая древняя. Потом мы прошли Судные врата, которыми выводили осужденников на смерть. Потом шли мы прямой улицей — все вниз. Потом пришли мы на одно место: на правой стороне, на стене, есть знак, того места, где было второе падение под крестом Иисуса Христа; здесь взяли Симона Кириная пособлять Иисусу Христу нести крест до Голгофы. Ибо сам Иисус Христос не мог более нести ово от тяжести древа, ово от великих ран, и еще на главе Его был терновый венец, так что и не видно было лица Его от крови каплющая. Близ того места, из задних врат, вышла девица и дала Спасителю полотенце отереть пот и кровь с лица Его. Когда он отер лицо Свое, то сотворился нерукотворенный образ, в терновом венце, который хранится в Риме и по сие время. Хотя в наших православных писаниях и не имеется свидетельства о сем, однако, на стенном писании сие чудо изображается у грков на горе Голгофе, а у франков — в темнице, против дома Пилатова, в страданиях Христовых. А девицу жида сожгли после; показывают и пещь, и христиане становятся там свечи. А Симон Киринейский ехал на базар со своими детьми, Александром и Руфом, потому что здесь идет поперечная великая улица, из дамасских врат, прямо на базар. И Симону случилось тогда тамо ехать; его взяли помогать нести крест, а сыновья его поехали на базар. Такое в Иерусалиме устное предание. Евангелист согласно сему пишет: *«Задаша, мимоходящему Симону Кириею, грядущему с села, отцу Александрову и Руфову, да возьмет крест»*. И мы, лобызавши то место, пошли далее; повертели налево; и тамо есть место, и на нем лежит круглый камень. На том месте была встреча Господа, когда нес крест, с возлюбленную Его Материю, пречистою Девкою Богородицею. Она от Пилатова дома прошла прямым переулком, потому что по большой улице было тесно, ради множества народа и воинства. А Ей еще хотелось посмотреть возлюбленного Своего Сына и Бога. О, какое Ее тогда пронзило скорбное оружие, когда увидела возлюбленного Своего Сына, всего уязвленного и окровавленного, несущего Свой крест и идущего на распятие! На повороте, на угле, на правой стороне, лежит камень, и на нем есть знак. На том месте было первое падение под крестом Иисуса Христа, там мало и отдыхать. Там была црковь, ныне обращена турками в баню, и мы, лобызавши то место, пошли далее, и дошли до Пилатова дома. <...>

78. Пришли во град *Лаин*, где Господь воскресил сына вдовицы. Мы остановились вне града, и там на траве расположились ночевать; пошли в город на базар, и купили себе хлеба, и кому что потребно. По край города — фонтан воды, очень великий и прекрасный. Когда стало смеркаться, — пришел к нам градоначальник, и сказал нам, что здесь страна дикая, и ночевать на поле опасно; и предлагал, чтобы мы лучше пошли на хан, т. е. на гостиницу: тогда бы и нам и ему не было страха. Мы его послушали, пошли и ночевали на хану. Христиан в городе нет. Поутру вставши, мы пошли по ровному полю, засеянному хлебами: земля вся — добрая, камня отнюдь нет, и поле столько ровно, что на сорок верст нет ни горы ни долины. Это поперек от града *Наина* до гор *Назаретских*, а в длину от самого *Средиземного моря* до реки *Иордана*; только в правой руке к *Иордану* стоят две горы. Посреди долины стоит гора *Ермон*. Мало поближе к горам *Назаретским* стоит св. гора *Фаворская*. Обе горы стоят сами по себе, к другим горам не прикосновенны. *Ермон* вершину имеет острую; *Фавор* же имеет вершину плоскоокатистую, наподобие купола, покрытую небольшим лесом. Мы пришли на половину долины, почти напротив *Ермона*, и нашли болото, и стали отдыхать; поели хлеба, и паки пошли.

79. Уже близко вечера подошли к горе великой, крутой и каменной. На этой горе стоит град *Назарет*. Показывали нам место, куда привели Иисуса, да Его низвергнут; Он же, прошед посреди их, был невидим.

Мы пошли на гору с великим трудом. Когда взошли на верх, — увидели поля, засеянные хлебами, сады и леса; но еще не видели искомого нами *Назарета*. Шли еще половину часа: тогда открылся нам славный град *Назарет*. Како можно назвать его не славным? Воистину, славный и преславный св. град *Назарет*! В него с небесных кругов послан *Архангел Гавриил* — благовестити *Деве* зачатис. Как он не славен, когда в нем возрос и воспитался сам *Спаситель* всего мира, *Иисус Христос*? Стоит *Назарет* на прекрасном месте, на открытом воздухе, на скате к полудню. Мы прошли мимо града прямо в православную церковь, которая стоит вне града, на источнике, откуда *Божия Матерь* носила на Своих плечах воду. И доднесь всего *Назарета* жены оттуда носят воду, овяя на головах, овяя на плечах, кувшинами. Отперли нам церковь, и разослали нам рогозины, и мы расположились. Потом пошли в град, каждый за своей потребой; и пришедши начали вечерню. Потом каждый по своей силе сделал пожертвование. Потом пропели *Божией Матери акафист* с каноном. Церковь очень прекрасная и великая: три престола в ряд, иконостас деревянный — высокой резьбы, только не вылащенный; икон очнь довольно, все — высокой греческой работы;

и много лампад. На левой стороне есть небольшой придел, и в нем, в алтаре, источник Божия Матери. В великой церкви в задней стене сделана перегородка для жен. Назаретская же церковь бедна; ибо содержат ее только сами обыватели, а посторонних доходов нет; православных поклонников в Назарете очень мало бывает, потому что от Иерусалима далеко, и путь труден; а места святые — больше в руках франков; только и посещают русские, и то редко. Сказывали нам, что уже четыре года и русские не бывали, потому что Консул не пускает; а прочие роды отнюдь не ходят. Русские каждый год ходили бы, да не пускают; и мы уже самовольно пустились, и то немного нас. На другой день поутру служили арабы утреню и Литургию. Напившись воды от источника Божия Матери, пошли в Назарет, в дом Иосифа обручника, и приложились к святым местам: к первому — где стояла пречистая Дева Мария во время Благовещения, ко второму месту — где стоял Архангел Гавриил. Мы спросили франков: не позволят ли нам что пропеть? Они дали нам волю. Мы воспели: «Днесь спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление: Сын Божий Сын Девы бывает, и Гавриил благодать благовестует. Темже и мы с ним Богородице возопиим: радуйся, Благодатная, Господь с тобою!» Потом: «Повеленное тайно, присм в разум, в крове Иосифове тщанием предста Безплотный, глаголя Неискусобрачней: приклонивый схождением небеса, вмещается неизменно весь в Тя. Его же и видя в ложеснах Твоих, присмша рабий зрак, ужасаюся звати Тебе: радуйся Невесто невестная!» тропарь акафиста. Потом — кондак: «Взбранной воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои Богородице. Но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся Невесто невестная!»

Над этим местом сделан престол; позади престола есть дверь; внутри показывают и прочие комнаты дома Иосифова; там есть кухня — где Божия Мать готовила пищу. Еще есть комната — где была колыбель Иисуса Христа. Но все сии комнаты от времени обветшали, и их, видится, никогда не поправляли; а сделан весь дом из дикого камня, и стоит среди великой и прекрасной церкви. Поверх дома сделан главный престол, и стоят там два великие органа: каждый из них несравненно больше иерусалимского; потому что здесь полная воля франкская. В Иосифов дом сходят вниз по ступеням; а к великому престолу восходят по лестницам. Верх расписан стенным писанием. Над домом Иосифовым написано — как Бог отец Гавриилу Архангелу открывает совет Свой преевечный, и посылает Его в град Назарет благовестити Деве Марии зачатие Спасителя. Франки начали играть в органы, а мы пошли вон. Потом пошли в мастерскую

Иосифа древодела: там небольшая церковь. Потом пошли в дом — где Христос обедал с учениками Своими: и доднесь цел тот камень, на котором он трапезовал. Пошли в синагогу — где Христос в юности учил жидов. Всеми этими местами заведывают франки. Град Назарет — порядочный по постройкам и по базарам; жители все — христиане разных исповеданий: православные, католики и униаты.

Народ арабы — весьма услужливы и уважительны.

80. Вкусивши хлеба и хорошенько подкрепившись, отправились в путь на *Тивериадское море*, до которого ходу 8 часов, т. е. 40 верст. Отошли 10 верст, и пришли в селение *Кану Галилейскую*. Взошли в дом — где был Господь Иисус Христос на браке, и воду в вино претворил: в том доме сделана церковь, и сохраняется един от тех сосудов; живет при ней священник православный. Церковь весьма бедна. Жители в селе все — христиане, православного исповедания. Отсюда мы пошли ровными полями: такие растут травы — что и коней не видать. Прошли мимо того места, о котором писано в Евангелии: «*Ста Иисус на месте равна: и народ ученик Его, и множество много людей*» (Лук. 6, 17).

81. Под вечер увидели *Тивериадское море*, и пришли на место — где Господь пятью хлебами пять тысяч народа насытил. Поклонились тому камню — где сидел Иисус Христос, когда благословлял хлеба: камень самородный, и на нем высечены кресты, ради вечной памяти, дабы событие не пришло в забвение впредь будущим родам. Это место от Тивериады один час ходу.

82. Пошли в город *Тивериаду*; но пришли поздно, и нас не пустили. Мы пришли прямо на *горячие воды*, которые пониже города — версты две, и там ночевали. Поутру, в день недельный, пошли в Тивериаду, — некоторые называют и Вифсаидой, — отечество св. Апост. Петра. Мы купили хлеба, а некоторые купили и рыбы, потому что Тивериадское море рыбой изобильно. На базаре было много рыбы. Жители во граде больше жиды. Есть немного и христиан, но римского исповедания. Есть и церковь, но униатская. Град Тивериада был порядочный прежде, и была кругом великая каменная крепость, но ныне вся почти разрушилась, и не осталось почти камня на камне, и жителей во граде очень мало: в 1838 году их земля пожрала со всеми домами. Такое было землетрясение — что земля как море колебалась, и всех почти засыпала. А в городе было тогда собравшихся жидов до сорока тысяч. Пропустили повсюду молву — якобы пришел Мессия, и является в Тивериаде: чрез то там собралось жидов множество из разных стран; наехали, радовались и хвалились — что пришел ими ожидаемый Мес-

сия. Христиане же испугались, думая — не антихрист ли пришел? Но когда жиды собрались,— Господь их наказал, и все почти пропали: от землетрясения самая малая часть спаслась,— они сами нам рассказывали; они знают по-русски, ибо пришли из Польши и из Молдавии. Паки на развалинах начали строить дома и шалаши: но, о чуде! где какое здание или школа жидовская,— и знаку не осталось; только из земли показываются некоторые колонны. Петров же дом и донныне остался цел: здание небольшое, и столько годов не разрушим! Ныне стоит пуст. По истине, исполнились Господни словеса: «горе тебе, Вифсаидо! горе тебе, Хоразине!»

Пониже Вифсаиды, недалко, был славный *Хоразин*: но ныне только место приметно; одне развалины да колонны мраморные из земли торчат; неизвестно — сколько прошло лет, как его пожрала земля. Только сказывал один старый еврей (и сам голдовой качал) о величине града и о красоте его, что было в нем двенадцать синагог еврейских великих, но все пожрала земля; и показывал нам те места: донныне видны из земли мраморные колонны. Славный же *Капернаум*, вознесыйся до небес, ныне уже сошел до ада; мы сами к нему не ходили, но нам евреи сказывали, что мало есть и знаку — где был град; тоже весь земля пожрала. Эти города стояли по берегу Тивериадского моря. Красота местоположения удивительная; всякое преизобилие, такое — что мало по свету сыщешь: рыбы и лесу множество, земля способная к хлебопашеству и садоводству; но когда люди прогневали Господа Бога своего, то все место лежит пусто, покрыто одною травой.

Пришедши из Тивериады с базару, пообедали, и в горячих водах попарились, и в Тивериадском море выкупались. Воды горячие текут из земли большими ручьями по берегу, сажень на сто; вода столь горяча, что никак не может коснуться рука человеческая, почти кипит, и весьма солёная, подобно морской. Тут есть родники и холодной воды, есть и ванна, сделанная ради купания: берут по десяти коп. с человека.

83. В Тивериадском море вода чистая, сладкая и приятная; кругом моря стоят горы. Но оно несть море, а великое озеро,— ибо берега кругом видно,— не круглое, а продолговатое. В нем св. Апостолы рыбу ловили, и освящено оно самим Спасителем, Иисусом Христом: ибо Он сам многожды по нему плавал в корабле. Из Тивериадского моря исходит освященная река, Иордан, и впадает в Мертвое море. Но сколько оно велико в окружности,— того объяснить не могу, потому что кругом его не ходит. На берега из Тивериадского моря много выносит маленьких ракушек, которых всегда набирают поклонники, для памяти

и благословения. И я набрал немного — да буду помнить, что был на море Тивериадском.

Того же дня мы отправились в путь, но уже другою дорогою, прямо на Фаворскую гору. Когда поднялись от моря, то недалеко, в левой руке, осталась гора Блаженств; но мы на нее не заходили, а поспешали, чтобы ночевать на горе Фаворской; однако, запоздали, и не могли взойти на верх, а ночевали в полугоре, на зеленой траве: был небольшой лес, и мы расклали большие огни, и спали спокойно.

84. Поутру, вставши, оставили на том месте конец с извозчиками и сумки свои, и поспешили взойти на св. гору Фаворскую, насладиться ея красоты; шли не дорогой, а кто — как попал. И как стало солнце всходить, — мы взошли на гору, и нашли то самое место — где преобразился Господь наш Иисус Христос пред ученики Своими.

Мы от радости много плакали, и запели тропарь: «Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху. Да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный, молитвами Богородицы. Светодавче, Слава Тебе!» Потом пропели кондак: «На горе преобразился еси, и якоже вмещаху ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видеша: да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное, мирови же проповедят, яко Ты еси воистинно Отче Сиянис». Потом прочитали акафист Иисусу Сладчайшему. Прежде на сем месте была великая церковь; а где Господь стоял, — был алтарь, и стоял престол; ныне только осталось основание. Место — прекрасное; гора стоит яко свеча на свещнике. На восток, до самого Иордана, прекрасное широкое раздолье, покрыто зелеными травами; видны река Иордан и заиорданские горы. На юг тоже — широкая долина, до самых гор Самарийских. Посреди раздолья стоит гора Ермон. К юго-западу простирается широкое раздолье, до самого Средиземного моря и до горы Кармила; к западу — раздолье до гор Назаретских; к северу — раздолье до самого моря Тивериадского: видно и море Тивериадское; за морем видны высокие горы, покрытые снегами. Овыс говорят, что это горы Ливанские, а другие утверждают, что Ермонитские. На горе Фаворской — место пространное, и довольно земли удобной и мягкой; и видится по постройке, что много было монастырей. Были и огороды и великие цистерны, т. е. широкие колодези дождевой воды; и много есть пещер, таких — что можно в них жить. Гора покрыта вся лесом, но небольшим. Воистину, сия гора от начала мира на то сотворена, чтоб совершить на ней Господу нашему таковое таинство, открыть на ней Свое Божество, и показать славу Свою всему миру. И Давид

Пророк в радости и веселии воспевает: «Фавор и Ермон о имени Твоем возрадуется». Ныне же св. гора Фаворская стоит пуста и необитаема. От подошвы до верха один час ходу, т. е. пять верст. Мы поклонились св. месту, полюбовались на св. гору Фаворскую, поели хлеба и попили воды, и пошли вниз к своим сумкам. Потом отправились в путь, и у самой подошвы Фавора прошли мимо селения *Деворы*; а ночевать пришли во град Наин, и ночевали вне града на траве; но только всю ночь беспокоили нас арабы.

85. Поутру, воставши, к вечеру пришли во *град Самарию*, и зошли прямо в христианскую церковь. И дали нам для отдыха гостиницы. Мы ходили на базар, и прохаживались по всему граду. Град велик и прекрасен, и торговля порядочная: второй град по Иерусалиме; народ пригожат на лицо, но весьма груб.

Показывали нам *сад Навуфеев*, за который Пророк Илия обличал Царя Ахава и Царицу Исзавель. В сем граде была столица Царей Израильских; в сем граде был Симон волхв. Град Самария преизобилен водой: почти в каждый дом проведена вода, и поделаны фонтаны. Улицы в граде хотя узкие, но прямые; христиан во граде немного, но церковь прескрасная, и много гостиниц; а христиане — весьма обходительные, хотя и одного рода с прочими жителями, но другого свойства: живут яко овцы посреди волков. Против Самарии, на севере, на горе, есть небольшой монастырь: ныне стоит пуст. Сказывают, что тело Иоанна Предтечи туда принесено из Ссвастии, и там погребено; но мы туда не ходили.

86. Поутру, воставши, пошли в путь, и два араба, христиане, пошли нас провожать. И привели нас на тот колодезь, — где Иисус Христос беседовал с женой самаряныней. Колодезь есть: но турки почти весь сверху завалили; а воды в нем много, и достать можно малой посудиною; и вокруг него много развалин: должно быть, прежде был монастырь. На запад от колодезя, на горе, был самарянский град *Сихарь*, откуда жена пришла черпать воду. Ныне град Сихарь разрушен: только видны некоторые развалины, и стоит одна башня; так сказывали нам провожатые наши самаряне. Апостолы ходили покупать хлеба в самую Самарию. Ныне Самария называется Напруз. Самарийская долина поперек пересекла горы от Иордана до Средиземного моря; долина — богатая: частые по ней селения, много садов и водяных мельниц.

Потом мы пошли в путь, и зашли ночевать в сторону, в христианское село, и спали в церкви: церковь — великая, весьма древняя, но весьма бедная. На другой день, к обеду, пришли в Иерусалим, радуясь и веселясь — что благополучно спутешеств-

вовали. А возвратились мы во св. град чрез девять дней, на пятой неделе, в четверг.

На пятой неделе, в субботу, на похвалу Пресвятые Богородицы, было великое торжество в Гефсимании, на гробе Пресвятыя Богородицы. Утреню и Литургию служил сам Патриарх, собором. Весь храм украшен был множеством свечей белого воску. Такое было торжество — что лучше сделать почти невозможно. Но нам сказывали живущие в Иерусалиме русские монахини, что на праздник Успения Божия Матери несравненно более бывает торжество, ибо и тогда бывает великое стечение народа, а наипаче палестинских жителей. Поют Божией Матери погребение, и носят плащаницу — как носят в Великую Субботу. Видел я и плащаницу, которая сохраняется на гефсиманском подворье. Такое же в Гефсимании было торжество и на праздник Благовещения Пресвятыя Богородицы: тоже служил Патриарх, собором.

87. Пришедши из Гефсимании от Литургии, на Благовещение, и пообедавши, пошли за Давидовы врата для прогулки; и случилось там близ врат такое происшествие. Один молодой араб застрелил из ружья молодого христианина, поклонника, родом болгарина, одной вдовицы единородного сына, осьмнадцатилетнего. Были две вдовицы — родных братьев жены: у каждой осталось по малолетнему сыну. Матери их вскормили и вырастили, и обучили их золотых дел мастерству, и обручили им невест; но они, как благодарные юноши, захотели прежде брака сходить во св. град Иерусалим, в девстве своим и в телесной чистоте поклониться живоносному гробу своего Спасителя, Иисуса Христа, и прочим св. местам. Матери от них не отстали, но с ними захотели путешествовать. И не было в Иерусалиме из всех поклонников прекраснее их; все удивлялись красоте лиц их, благородию и кротости. Матери смотрели на них и радовались. Были они как родные братья, на одно лицо, и всегда вместе двое. В день Благовещения Пресвятыя Богородицы, как прежде сказано, пошли оба они на прогулку; и как только вышли за Давидовы врата, — выстрелил один араб из ружья, — нарочно ли, или ненарочно, Бог весть, — и убил из двоих единого, хотя и не до смерти; но раненый на другой день помер. О, как много бедная мать вдовица плакала, и горько рыдала о возлюбленном своем сыне, которого воспитала во вдовстве своем! Смотря на нее, горько рыдающую, весьма многие плакали. Мертвый лежал три дня, пока происходило следствие; и она, горькая мать, беспрестанно сидела над ним и плакала, и простила убийцу своего сына. Полагали — что и сама помрет; но осталась жива.

88. Шестую неделю поста мы постились; под субботу Лазареву пошли ночевать в храм к гробу Божию, чтобы там

причаститься Св. Таин. Вечером на Голгофе прочитали пове-
черие; потом мы хотели к причащению читать правило; но у
франков началась лития; у них тогда была великая Суббота, и
они шли с крестом на Голгофу. Мы захотели подождать — пока
они пройдут, и наши православные, русские и греки, стояли на
Голгофе, также чтобы посмотреть на их процессию и обряды.
Наших было очень мало; греков не более человек пятидесяти и
с певчими. Франков же было более пятисот, да у них же было
человек пятьдесят воинства. Пришедши на Голгофу, франки
прежде на своем месте пели и читали, а потом пришли на наше
место — где стоял крест Христов. Наши монахи сняли лампы,
которые им мешать могли, отнесли подсвечники, и очистили ме-
сто; только оставили на престоле одну одежду. Франки за нашим
престолом оставили свой крест, и стали говорить, чтобы сняли
и одежду с престола. Греки им отвечали: «Этого сделать невоз-
можно: ибо одежда никогда не снимается, и фирман не позволя-
ет; а вы постелите сверху свою пелену». Когда франки усилива-
лись снять пелену, греки же не давали,— пришел франкский
архибискуп, и безобразно сдернул с престола пелену. Там стояли
близко два консула: русский и греческий. Греки тотчас зашуме-
ли, и бросились вон, в коридор, принесли с кухни много дров,
и пошла на Голгофе драка и война. Греки били дровами, а
франки свечами, а после и они принесли дров. Турки было
бросились разнимать, но и у них ружья поотнимали; и они
бросились спасать Божий гроб и Воскресенский храм: ибо тогда,
к вербной неделе, все было украшено серебром и золотом. Мы же
не знали — куда бежать, от страха оцепенели. Русский консул
своих спасает, и препровождает в трапезу; мы, человек двадцать,
попали в Воскресенскую церковь, и от страха не знали — куда
деваться, не то в алтарь, не то под престол. Шум, крик, вопли
восходят до небес, наипаче на Голгофе; все христиане бьют
тревогу: наши во все доски, также армяне и франки и копты.
Воинство же стояло кругом Божия гроба, рука по руке, с
оружием, и около врат Воскресенского храма, дабы не было по-
хищения. Драка распространилась по всему храму; Патриарх
Франкского с Голгофы сбросили; но хорошо — что упал на лю-
дей, а то бы убили досмерти. Пришел Митр. Мелетий, и начал
увещевать, чтобы оставили драку; но ему сказали: «Ты, Влады-
ко, ступай в свое место; а мы все здесь за веру свою помрем;
ибо нас мало, а еретиков много». Владыка, делать нечего, сел с
турками. Драка продолжалась больше часа, пока пришло
турецкое воинство, и сам Паша: тогда всех наших по одному
разобрали, и по гостиницам позапирали; мы же, немного
русских, ушли в храм Богородицы. И нас воины хотели взять и
запереть; но мы сказали, что мы москвы, и нас оставили. Потом

с час продолжался совет: рассуждали Архиепископы, Паша и Консулы. Я в то время успел прочитать правило ко причащению. После совещания, Паша, Владыки и Консулы, пошли по своим местам. Франки снова начали литию и кончили на Божием гробе; потом воины выгнали их всех вон, а сами ушли; врата церковные заперли, и наших всех впустили. И паки начали ударять в било к утрени. Утреню правили в Воскресенской церкви; потом Литургию служили на Божием гробе, и я сподобился быть здесь причастником Св. Таин Тела и Крови Христовой. Гора же Голгофа вся полита была кровью; и всю утреню четыре человека мыли ее водой; трех человек убили досмерти: такого страха я не видал от роду моего.

89. Утром отворили врата, и мы вышли. И пошли все поклонники на Елеонскую гору, тамо, где вознесся Господь, под полотняною палаткою служил Литургию Митрополит Мелстий, всем собором.

90. После Литургии пошли все поклонники в Вифанию ко гробу праведного Лазаря, которого воскресил Господь от мертвых. Вифания от горы Елеонские — недалеко, не больше двух верст. Под неделю Ваий вечерня была торжественная: приходил сам Патриарх, с церемонией — подобно как и на день Святит. Николая. На вечерни была лития и благословение хлебов; но Патриарх ночевать ушел в патриархию; а вечером пришло воинство к христианам каждого исповедания, по сту человек. И было во храме все украшено златом и серебром, превосходнее паче первых недель: ибо у православных и у армян и у коптов б ла неделя Ваий, а у франков была Пасха; почти всю ночь на Божием гробе было служение. К утрени пришел Патриарх, и утреня была торжественная. Стояли все с ваиями (вместо вербы — с финиками): каждый заготовил себе в субботу. Ранняя Литургия была на Божием гробе: служил сам Патриарх всем собором в Воскресенском храме. Всю Литургию стояли все роды с ваиями; я стоял Литургию в алтаре; на Литургии читали три Апостола и три Евангелия, по-гречески, по-арабски и по-русски; и была великая проповедь. После Литургии был великий крестный ход, несравненно торжественнее первых ходов. Все священники и мирские несли ваия (финики) со свечами, и еще носили великую ветвь масличную, украшенную. Воистину, такое было торжество — что прежде никогда не видал, да и после едва ли увижу! Когда начали выходить из церкви, — дали всем повестку, что неимущии, пешие, кому угодно, — могут идти сегодня в Иерихон при экипаже.

91. Мы вознамерились после обеда при экипаже идти на Иордан. Вышли за гефсиманские врата, и узнали, что уже ушли с экипажем, и мы не успели с ними; а собралось нас человек

двадцать пять, мужи и жены. Один араб нашелся якобы провожатый, посланный от патриархии для провожания нас, дабы догнать обоз. Мы ему поверили, и пустились с ним в *Иерихон*, который от Иерусалима сорок пять верст; место было — самая дикая пустыня, наполненная разбойниками. Провожатый наш был на коне верхом, и схал с нами до полпути, а потом от нас усхал, оставив нас одних. День уже был к вечеру, а дороги никто не знал; и мы увидели, что находимся в опасности. Пошли на гору, к тому месту, о котором упоминается в словах Господа: «Человек некий сходяще от Иерусалима во Иерихон, и в разбойники впаде». (Лук. 10, 30). И мы на том же месте попали в разбойники, которые и раны на нас наложили, и едва жизни не лишили. Только стали мы подниматься на гору, — увидели, что с горы навстречу едут к нам, на конях верхом, четыре человека, арабы синие, полунагие, вооруженные ружьями, кинжалами и пистолетами. Как только подъехали к нам, то, яко львы лютые, начали нас бить ружьями из рук без пощады, и гнать вперед. Опасность была великая: вечер уже близко, а Иерихон еще далеко; кругом дикая пустыня; и мы бежали, един другого предваряя; только и помышляли, что кто-нибудь из нас лишится жизни. Когда взошли на самую гору, то увидели развалины: неизвестно — что это было, гостиница ли, или какой монастырь; только стены еще до половины стоят. Там еще другое увидели страшное зрелище: стояла великая толпа полунагих диких арабов, овые на конях, а другие — пешие. Нас остановили, и между собой переговорили; потом спросили нас по-турецки: какие мы люди и какого роду? Мы сказали, что мы московы, русские. Они нас кругом обступили, пешие спереди, а конные сзади и с боков, все вооруженные, и погнали нас, как овец беззловивых, а задних били. Не знали, куда нас гнали, только бежали мы с горы на гору, а уже начало смеркаться. Каждую минуту ожидали страшного часа смертного; призывали в помощь единого Всевышнего Бога, Царя Небесного; к Нему свои душевные очи возводили, и зывали: «О, Господи Боже наш! Ты буди помощником нам днесь в скорбях, обретших ны зело! Аще что Тебе согрешили, — прости нам, и прими к Себе в сей дикой пустыне души наши, в день входа Твоего в Иерусалим!» Впрочем, при общем великом страхе, мое сердце не испугалось, и я часто прочим говорил: дерзайте, не бойтесь! готовится нам помощь Божия, и сотворит Господь с нами чудо. Но мне отвечали: откуда нам теперь помощь? До Иерихона далеко, а из Иерусалима теперь никто не поедет. Но от человек и человеческого разуму помощи ожидать было невозможно и неоткуда; а от Бога вся возможна, — и помощь была готова. Взошли мы на высокую гору, и вдруг, впереди нас, под горой, недалеко,

увидели мы многое множество народа. Это были поклонники, прежде нас выехавшие из Иерусалима: у них под горой упал верблюд с экипажем, и они болсе часа стояли, многожды поднимали, а он паки падал. Увидевши их, мы великой радости исполнились; пали на землю, и воздали благодарение Всевышнему Богу. Воистину, близок Господь в помощь призывающим святое имя Его! А враги наши посрамились, и возвратились тщи; якоже пчелы от дыма, так они от нас рассыпались, и ни одного не осталось ни сзади ни спереди. Между тем наши спутники увидели нас, а провожатые к нам прискакали, и нас спрашивали: все ли живы? И весьма тому удивлялись, что остались мы живы, и даже ни в чем не обижены; удивлялись же потому, что хотя самих их было и много, но были под великим страхом; ибо часто арабы и на обозы нападают; а к этому времени нарочито приходят из-за Иордана: знают, что поклонники приходят в Иерусалим с деньгами. Они же не только за деньги, но и за одежду убьют человека: ибо они почти нагис.

92. Когда мы пришли в *Иерихон*,— было уже темно; поставили кругом нас цепь часовых, и мы ночевали благополучно. Поутру расставили полотняные палатки, и сделалось подобно городу, при источнике вод иерихонских, который прежде был вредоносен, но св. Пророк Елисей исцелил его, всыпав водонос соли. (4 Цар. 2, 19—22). Кругом много лесу, наипаче много тех древ, от которых питался Иоанн Предтеча, называемых акриды; есть и другие, подобные им, от которых также можно питаться. В половине дня, в понедельник, показалось с горы от Иерусалима блестящее оружие, послышался барабанный бой и музыка, и открылось многое множество народа, до двадцати тысяч человек. Одного воинства тысяча, да провожатых арабов до тысячи.

А поклонники были — иные на верблюдах, иные на конях, иные на магарах, иные — пешис. Большая часть были православные поклонники, не только чужестранцы, но и палестинские жители; много было из патриаршего монастыря. Сам Патриарх в сей год к Иордану не приходил. Было много христиан других исповеданий. Пришедших распорядили всех по палаткам; и сделалась большая ярмарка и торговля разными съестными и питейными припасами.

93. Теперь скажу о достопаечном обстоятельстве. Бог казнит не только самих грешников, но и землю, которую они населяют и оскверняют. Так, Господь пожег огнем, потопил водой и погрузил в землю содомские и гоморрские города; и донныне стоит на том месте *Мертвое море*, столько горькос, что не имеет в себе никакого животного. В окружности его, где были сады и огороды, не может расти ни трава ни древо, чему мы были са-

мовидцы. От самого Мертвого моря до самого источника иерихонского два часа ходу; местоположение — прекрасное и ровное, и земля — самая добрая: нет ни песку, ни камня, еще и напаяется водою, источником иерихонским и рекою Иорданом, когда бывает наводнение; как сказал праведный Авраам Лоту, своему племяннику; страна Содомская, яко рай Божий, блага и плодородна и напаяема водою. (Бытие, 13, 10.). Ныне же страна содомская — плача достойна, и смотреть на нее скучно: нет на ней ничего растущего и зеленого, нет ни травы, ни дерева, даже нет песку и камня, а только какая-то изгарь. Еще растут какие-то деревья, похожие на смородину, или на малую яблонь, или на баклажан; лист на них полубелый, посыпан подобно как солию, и плоды приносят похожие на небольшие яблоки, полукрасные; когда раздавишь его, то ничего не обрящешь, кроме смраду. Называют их *содомскими яблоками*. По другой же стране источника иерихонского — подобно раю: трава зеленая, покрыта разными цветами — так что и коней не видать. А где был славный град Иерихон, ничего на том месте не обретается, только мало заметен фундамент стен иерихонских. Пониже Иерихона есть развалины *монастыря св. Пророка Елиссея*; а повыше, под горами, есть небольшое селение, которое ныне называют *Иерихоном*.

94. Во вторник, на Страстной неделе, часа за четыре до света, начали бить в барабаны, стрелять из пушек и тревожить народ. Целый час дали собираться: запалили огни и военные фюнари. Мы пешие пошли вперед, но нас провожать не пустили, пока все собрались. Потом начали палить из пушек, забили в барабаны, заиграла музыка, и пошли в путь по ровному месту; кругом нас — воинство и огни. Потому рано пошли, что от Иерихона до Иордана три часа ходу, т. е. пятнадцать верст. Отошли один час, да остановились; мало постояли, и паки пошли; один час отошли, и паки остановились; развели огни, и постояли довольно долго: потому что боялись рано допустить народ к Иордану, дабы иные не потонули. Мы же очень скучали, и минута казалась нам за час. Когда начало светать, тогда нас пустили по своей воле. Мы, пешие, один другого предваряли, верховые также. Куда тогда девалась наша старость? Обновися, яко орля, юность наша. Пустились все бежать, сколько у кого было силы. Старики, седые бороды, уподобились младым отрокам, с ноги на ногу прыгали. Старые жены, хотя и не могли прыгать, но и те, подхвативши свои одежды, аще и со слезами, обаче бежали, сколько силы есть, дабы скорее и прежде всех прибежать к Иордану.

95. Как только подбежали к *Иордану*, то кто в чем был, в том и бросились в воду. Мы искупались до большого народа; и

я со дна Иордана взял немного камней, благословения ради. Сам Бог повелел Иисусу Навину взять двенадцать камней из Иордана, ради памяти — что переходили реку Иордан по суку. И я взял того ради, что был и купался в Иордане. Купались мы на том самом месте — где Иисус Навин переводил Израиля. А где св. Иоанн Предтеча крестил Господа Иисуса Христа, то место выше; и тамо купаться такому множеству народа неудобно, потому что берег очень крут. Иордан река ширины саженой пятьдесят, но только весьма быстрая, и от быстроты мутная и глубокая в ярах. На том месте, где купаются, сажени на две можно ходить от берега. А где на прочих местах купались, тамо держались за ветви деревьев; овыи и переплывали, но с великим трудом, ибо очень велика струя, и заплескивает. По обим сторонам растет лес прекрасный и трава великая. Иордан течет из Тивериадского моря, а впадает в Мертвое море. Искупавшись еще в Иордане, пошли обратно в Иерихон, каждый по своей воле. Когда возвращались от Иордана, и прошли один час, то недалеко, в левой руке, видны были развалины *монастыря св. Герасима*; еще до половины стены стоят, а в правой руке, на берегу Иордана, видны развалины *монастыря св. Иоанна Предтечи*, Крестителя Господня.

96. Пришедши в Иерихон, пообедали — кто что имел; овые купили. Недалеко от Иерихона, к западу, стоит *гора Сорокодневная*, на которой Господь постился сорок дней и сорок ночей. Близу ея были монастыри, и дондесь видны развалины их; в горе же множество пещер и монашеских келий, с малыми церквами, и дондесе видно стенное иконное писание; но ныне до конца место запустело: в некоторых келиях живут полудикие арабы. Двое русских вошли на верх горы; но егда стали спускаться с горы, то на одного арабы напали, и убили бы, ежели другой скоро не увидал, и не закричал. Арабы подумали, что много русских, бросили его, и сами убежали. Перночевавши в Иерихоне третью ночь, в среду поутру с полунощи поднялись, и пошли в путь при огнях и при музыке и при ружейных выстрелах; но только ночью по горам и по камням идти весьма трудно от множества народа: дорога узкая, только просхать одному коню верховому, а народу много тысяч, и потому шли не по дороге, а прямо по камням, на полверсты ширины и версты на три длины; вокруг же нас скакали арабы, на своих легких конях, и отбивали разбойников. Хотя шли мы ночью, но от множества огня и фонарей идти было светло, и шли мы по пустыне, подобно Израилю, Моисеем водимому.

97. В среду, в половине дня, стали подходить к Иерусалиму. Иерусалимские же жители, оставшиеся дома, христиане, турки и евреи, мужи и жены, вышли нас встречать от Иерусалима до

самой Вифании. По обеим сторонам дороги стоял и сидел народ. Христиане поздравляли нас с обмытием грехов в Иордане и с чистыми телом и душою. И был во всем Иерусалиме как великий праздник. Да и воистину был праздник: было самое великое стечение народа из всех стран и из вся Палестины. Наступали для христиан самые великие праздники и торжества. Приближалось время радости и скорби. Радовались о том — что наступают великие праздники и торжества, получим новую благодать небесного света, и будем праздновать пресветлый праздник, св. Пасху, в св. граде Иерусалиме. Скорбели сердцем о том — что приходит время всем друг с другом разлучаться. Жили полгода, со всеми познакомились. А наипаче страшили нас те горькие минуты, когда надобно будет расставаться нам с св. градом Иерусалимом, разлучаться со святым и живоносным Христовым гробом и с прочими святыми местами. Пришедши на квартиры, пообедали, отдохнули, и потом пошли ночевать во храм ко гробу Божию. Утренняя в четверток была торжественная; ранняя Литургия была на Божием гробе; служил один Архисерей собором; на Литургии много было причастников.

98. Поздняя Литургия была в Патриархии; служил сам Патриарх. Умовение ног было на площадке, против святых врат храма Гроба Божия. Сделан был амвон на три ступени; кругом — перилы, по углам — колонны, на колоннах — великие свечи. Амвон устан был коврами. На середине стоял стол позлащенный; по сторонам стояло 12 стульев; на стене к востоку поставлены были иконы, и пред ними горели свечи; к той же стене сделана была кафедра для чтения Евангелия. Пришло сто человек воинства, и стали кругом кафедры. На площадке, на Авраамиевом монастыре, на Гефсиманском подворье, на Патриаршем монастыре и на храме Христова Гроба стояло множество народа. Мы стояли на храме Христова Гроба. Смотрим: из Патриаршего монастыря идет Патриарх во всем облачении, с двенадцатью священниками, сопровождаемый Архидиаконами. Впереди его шли двенадцать мальчиков в иподиаконском облачении, с подсвечниками и со свечами, потом певчие, потом диаконы с кадилами; за ними шли священники, потом семь диаконов с кириями; за ними шел Патриарх, и обеими руками благословлял народ; за ним шли Архидиаконы в рясах. Взошедши на амвон, Патриарх сел на своем месте, и прочим священникам приказал сесть по чину. Архидиаконы стояли внизу и смотрели. Началась по обычаю тайная вечеря и чтение Евангелий: читал один архимандрит на кафедре. Всем священникам были наречены имена Апостольския, и даны были выписки — кому что говорить с Патриархом. И была по чину вся *тайная вечеря*. И какие были выразительные разговоры! Кто понимал язык, те все слезно плакали; и я немного понимал, и

не мог удержаться от слез. Прежде по уставу совершилось умо-
вление ног: омывал ноги священникам и целовал их сам
Патриарх. Потом и прочая часть вечера. Читалось первое страст-
ное Евангелие. Когда начали читать: «Бе же един от ученик Его
возлежи на лоне Иисусове, его же любляше Иисус: поману же
сему Симон Петр спросити, кто бы был, о немже глаголетъ?
Напад же той на перси Иисусовы» (Иоан. 13; 23, 24, 25): тогда
принял один священник под именем Иоанна на перси Пат-
риарху, — и глагола Ему: «Господи, кто есть?» Патриарх ему
ответил: «Той есть, ему же Аз омочив хлсб подам. И омочь хлсб,
даде Иуде Симонову Искариотскому». (26). И прочее все, что
говорил Господь Апостолам, и что Апостолы говорили Господу и
спрашивали Его, о том священники, вставая и подходя к
Патриарху, с ним говорили, и спрашивали его по Евангелию, и
Патриарх им отвечал — как написано в Евангелии. По вечера
сошел Патриарх с тремя священниками с амвона долой: священ-
ники сели, и наклонили главы, якобы спали. А Патриарх отшел
от них, и пал на колени, и молился со слезами, и трижды вста-
вал и подходил к священникам и возбуждал их, якобы спящих;
они же сидели, и главы наклонили. Потом были ектении и от-
пуск. Продолжалась сия церемония, тайная вечеря, более двух
часов. Вся тайная вечеря была в настоящем виде.

Пред вечером во всех монастырях было *освящение елея*, и
всех поклонников соборovali маслом, — везде сами Архиереи. В
тот вечер храм Гроба Божия не отворяли, и ночевать никого не
пустили. Но русския благородные жены упросили Патриарха и
Консула, чтобы отправить стояние на Голгофе половину по-
русски. Патриарх уважил просьбу, и уже поздно вечером с фо-
нарями отперли святые врата, и впустили в храм одних русских.
Повечерие прочитали на Голгофе, и пели Кресту канон весь
нараспев, по-гречески. Потом греки легли спать, а мы русские
пошли в пещеру — где Царица Елсна обрела крест. Там прочи-
тали двенадцать Евангелий страстных и синаксар, и другие
приличные тому дню словеса, и пропели акафист честному
Кресту.

99. Когда начали ударять в било на утресню, — мы пошли все
на Голгофу, и началась утресня по уставу. Евангелия читали —
шесть по-гречески и шесть по-русски. Антифоны и каноны пели
нараспев, правый клирос по-гречески, а левый по-русски; и
продолжалось стояние шесть часов. Часы царские все прочитали
и пропели на Голгофе по-русски. Утром врата церковныя не от-
воряли, и была в храме тишина и безмолвие. В двенадцатом часу
дня пошли кадить святые места по два диакона. Прежде кадили
два диакона православных. Потом пошли кадить два диакона
армянских, в митрах. Потом пошли два диакона коптов, тоже в

митрах. Католики не кадили. У них диаконы одежду носят странную от всех вер. Потом ходили все с литиями. В первом часу пополудни отворили св. великие врата церковныя. Народ бросился в храм без порядка, и произошел в храме великий шум: бросились себе места захватывать. И мы заняли себе места. В одну минуту наполнился весь храм народом.

100. Через полчаса, вдруг, около Божия гроба сделался шум, и закричали арабы необыкновенным голосом: схватились человек пятьдесят, встали один другому на плечи, в три человека, подняли руки на небо, и все закричали. И начали бегать кругом Божия гроба, а потом по всему храму; и бегали и кричали до самой вечерни. Потом пришло тысяча человек воинства турецкого, подле св. врат сделали гауптвахту, и по всему храму расставили часовых. Потом пришел Патриарх со славою многою; и была ему великолепная встреча. Вечерня была торжественная; но плащаницу с Голгофы не сносили, по опасению беспорядка. После вечерни паки арабы принялись за свою работу, паки начали бегать и кричать. Я спрашивал тех, которые знают, по-русски: что они приговаривают? Мне сказали, что они хвалят едину православную веру, прочие же исповедания укоряют, яко лживые и душе пагубные. К армянам приходят, и их укоряют — что хотели сами получить благодать, но вместо того наелись нечистоты. Франков укоряют — что не верят благодати, и не принимают святого света от гроба Господня, но сами высекают огонь. Еретики же сии дают воинам деньги, чтобы били арабов, и отгоняли от них. Потому арабы все — в крови и в поту; уже спустят с плеч свои длинные рубахи, и ходят полунагие; кто их бьет,— не скорбят, но свое дело делают. Когда бегают кругом гроба Божия и по Воскресенскому храму,— все одни слова говорят. Мне растолковали, что они говорят сис: «Един Бог Иисус Христос! Едина вера православных христиан!» — Потом носили плащаницу христиане всех исповеданий, армяне, копты и сириане. Прежде всходили на Голгофу, потом сходили ко Снятию, а после обходили по трижды Божий гроб, а потом уходили в свои приделы. Тако проводили ночь до заутрени, среди беспрестанного шума и гама; и был в храме как бы базар, или ярмарка. До сего времени поклонники рассеяны были по всему Иерусалиму; а таперь все христиане, из разных стран, собрались в один храм к гробу своего Спасителя, Иисуса Христа. Народом наполнены были все хоры, все галереи. Все просят, все требуют по своему обычаю. Всюду теснота, всюду от тесноты драки; языков друг друга не понимают, а турки войны беспрестанно разномяют. Можно сказать, что теперь вместил небеси подобный храм в себя всю вселенную. Тако проводили ночь до заутрени.

101. Потом начали в доски благовестить к утрени, а арабы шуметь перестали. Сам Патриарх начал утреню по уставу, и роздали всем православным свечи. Всю кафисму «Блажени непорочнии» пели нараспев, в Воскресенском храме. Читать Евангелие пошли на гору Голгофу. Прочитавши Евангелие, подняли плащаницу и понесли в Голгофы, с хоругвями и с фонарями; было множество духовенства: кроме диаконов, священников, игуменов и архимандритов, шесть Архиепископов и Патриарх, и множество певцов. Когда снесли с Голгофы,— обошли Снятие трижды. Потом положили плащаницу на том месте — где Иисуса Христа повивали пеленами, и мазали миром на погребение. Здесь говорена была великая проповедь. Потом понесли плащаницу на гроб Иисуса Христа, и обнесли кругом гроба трижды. Потом внесли вовнутрь гроба, и положили плащаницу на самом гробе. Все духовенство стало вокруг кувуклии Христова гроба. И пели весь канон «*волною морскою*» и стихи нараспев одно духовенство. Весь народ держал в руках свечи. Там же пели и *хвалитные* и великое *славословие*, и читали Евангелие; там кончили утреню и часы. После плащаницу убрали в свое место, а гроб турки запечатали. После службы, паки арабы начали свою работу, купцы и старики, поскидали свои чалмы, схватились одни с другими, и все начали кричать и прыгать. Когда рассвело,— начали огни и лампы гасить, и нигде не оставили ни единой лампы горящей. Турки отворили гроб Божий, и внутри погасили все лампы. Потом пришло турецкое начальство, и сам Паша; кругом Христова гроба стало множество воинов вооруженных. И во храме все переменилось: все приуныли, а арабы приохрипли и изнемогли. В храме теснота и духота необыкновенная. Вверху на всех хорах в четыре ряда набито народу; и на всех иконостасах и в куполах полно людей; все держат в обеих руках по тридцати по три свечи, во образ Христовых лет. Огня нигде нет.

102. Патриарх с консулами взошел на передний иконостас. А Мелетий Митрополит Заиорданский с прочими Владыками сидели в алтаре, приунывши и головы повесивши. В храме распоряжаются магометане, с военным оружием; арабы бегать уже перестали, но стоят, поднявши руки на небо, и умиленные гласы испускают; христиане все плачут, или непрестанно воздыхают. И кто бы мог тогда удержаться от слез, видя столь множество людей со всех стран вселенной, плачущих и рыдающих, и от Господа Бога милости просящих? Но радостно было видеть, что теперь и нехотя прочие христиане православную греческую веру и православных христиан уважают, и на православных, яко на пресветлое солнце, взирают: ибо все надеются получить благодать святого света токмо от православных. Пришли в алтарь

Армянский Патриарх с двумя Архисерсами и Коптский Митрополит, поклонились Митрополиту Мелетию и прочим Владыкам, и просили, чтобы, когда получат благодать святого света, уделили и им. Митрополит Мелетий со смирением ответил, и велел им молиться Богу; и они пошли в свое место. Потом были сняты царские врата, и повешены другия, с отверстием. Не можно описать — что тогда было во храме: якобы ожидали все второго пришествия Царя Небесного; на всех напал страх и ужас; сами турки приуныли. Больше в храме ничего не слышно, как только воздыхания и стон. И Митрополит Мелетий слезами омочал свое лицо. Потом сам турецкий паша с прочими начальниками пошел вовнутрь ко гробу Божию поверять — не осталось ли где огня. И когда вышли,— гроб запечатали. Но туда еще прежде отнесли великую лампаду, налитую до самого верха елеем, и в нее пущена великая свистильня, и поставили лампаду посреди Христова гроба. Уже кругом кувуклии христиан близко нет, одно турецкое начальство. А с хор спущено было на веревках множество железных решеток с пуками свеч. Когда пробило восемь часов, по-русски — два часа с полудня; тогда начали готовиться к крестному ходу. Архисерсы, священники и диаконы, облачившись во всю священную одесжду, взяли все по тридцати по три свечи без огня. Потом подали из алтаря, чрез царские врата, двенадцать хоругвий, и взяли — кто мог. Воины очистили путь. И пошли за хоругвями певчие. Потом из алтаря, в царские врата, пошли, по два в ряд, диаконы, священники, игумены и архимандриты, потом Архисерсы, а позади всех Митрополит Мелетий; и пошли прямо ко гробу Господню. Обошли его кругом трижды, поюще: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах: и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Кончивши ход, все духовенство скоро пошло в алтарь и с хоругвями; остался один Митрополит Мелетий у дверей гроба, в руках турок. Турки его разоблачили, и сами начальники всего его обыскали. Потом надели на него подризник и омофор, и отворили Божий гроб, и впустили его вовнутрь. О, какой тогда напал страх и ужас на всех там бывших! Все рыдали и воздыхали, и просили Господа Бога, да не лишит Своей благодати, небесного Своего света. Прошло несколько времени, не знаю — много или мало, ибо были все вне себя от какого-то страха,— только вдруг около Божия гроба воссиял свет; вскоре свет показался и из алтаря, в царские врата, в отверстие. И текли яко две огненные реки,— одна от запада, от Божия гроба, а другая с востока, от алтаря. О, какая тогда в храме сделалась радость и ликование! Сделались все яко пьяны, вне себя, и не помнили — кто что говорит, или кто куда бежит. И поднялся по всему храму великий шум: все бегают, все восклицают с веселием и благо-

дарением, а наипаче арабские жены. Сами турки, магомстане, пали на колена, и кричали: *алла, алла*, т. е. *Боже, Боже*. О, странное и преславное видение! Весь храм обратился в огонь: больше во храме ничего не видно, кроме небесного света. Вверху и внизу и по всем хорам разлился святой свет, и сделался после по всему храму дым. И пошел народ со светом, большая половина, вон; и понесли по всему Иерусалиму, каждый в свой дом, и по всем монастырям.

В великой церкви началась всерния, а потом Литургия Василия Великого. Служил один Митрополит, собором, и хиротописал одного диакона. Литургию народ стоял со свечами.

Митрополит Заиорданский когда входит вовнутрь гроба,— обретает великую лампаду, стоящую на Христовом гробе, саму о себе возжегшуюся, а иногда при нем нечаянно загорится. Но только сам он никогда не видал — как она загорается. В Иерусалиме я от многих слышал, которым сам Митрополит сказывал по откровенности, сие: «Иногда я взойду, а она уже и горит; тогда и я скоро вынесу, а иногда взойду, а лампада еще не горит; тогда я паду на землю от страха, и со слезами начинаю просить милости от Бога. Когда встану,— лампада уже горит, и я зажигаю два пука свечей, выношу и подаю». Митрополит выносит свет в притвор, и вкладывает пуки в железные фонари, и подает от гроба в отверстия, для того устроенные, правой рукой — православным, а левой — армянам и прочим. Православных арабов целая толпа стоит подле отверстия. И как только Митрополит покажет святой свет,— один араб схвативши бежит прямо в алтарь; а оттуда, в царские врата, раздают народу; а подле отверстия едва только успеет один запалить свечи. Митрополит же паки обращается ко Христову гробу, и еще зажигает два пука, и выходит из дверей гроба. Арабы же самые сильные стоят у дверей гроба, и его дожидают. Только он выйдет, держа в руках по тридцати по три свечи горящих,— арабы, взявши его на свои руки, несут прямо в алтарь. Народ весь бросается к нему: всем желательно прикоснуться к его одежде. И едва, с великим трудом, могли его донести до алтаря; и посадили его на стуле: он просидел всю Литургию, яко вне себя, наклонив главу; очами не смотрел и устами нечего не провещал; и никто его не беспокоил. Когда унесли его от гроба,— народ бросился вовнутрь гроба прикладываться, и я сподобился приложиться. Весь Христов гроб был мокрый, якобы дождем вымочен; но я не мог узнать — от чего это. Посреди гроба стояла та великая лампада, которая сама зажглась, и великим светом горела.

По Литургии, каждый пошел в свое место, и один другого поздравлял с получением новых благодати святого света.

103. Вечером все мы пошли ночевать во храм, ко Христову

гробу. Когда же пришли в храм,— увидели дивное и преславное зрелище: весь храм, а наипаче Божий гроб, неизречно украшен разными серебряными и золотыми иконами и фигурами, а наипаче множеством серебряных и вызлащенных лампад, горящих великим светом; обставлен множеством свечей белого воску, но еще не заженных. Весь храм увешен был лампадами: где прежде была одна лампада, там десять: хотел я пересчитать, но не мог. Везде тихо и спокойно. Врата церковные оставлены были не затворенными на всю ночь. Воины на площади развели огни. И была та ночь веселее всякого дня: куда ни пойдешь, всюду радость найдешь; и не только сия радость во храме Христова Гроба, но и по всему Иерусалиму; всю ночь по улицам ходил народ толпами; всюду горели огни, и все монастыри были отворены. Самые турки сделались веселы и кротки, и толпами шли посмотреть в храм Христова Гроба.

Только одни жидаи заперлись в своих домах, не терпя видеть света истины, и коснея в своей злобе. Франки же, хотя и враги Восточной Церкви, но и те с нами торжествуют. В храме же хотя и стоят воины кругом Христова гроба, но ко гробу Христову подходить никому не возбраняют. Так проводили вечер до девяти часов. Потом, за три часа до полуночи, начали благовестить к утрени в разные доски, разными переборами, самым торжественным образом. Пришел Патриарх со всем своим собором, и была ему самая церемониальная встреча.

Потом начали утрению. Канон — «волною морскою» пели весь нараспев, по стихам и по клиросам, с ирмосом на четырнадцать; пели два часа. В то время зажигали по всему храму свечи и паникадила; в самых куполах зажгли не одну тысячу лампад. Мы, монашествующие, стояли все в алтаре. Потом Патриарх и Митрополиты, Архиепископы и Епископы, архимандриты и игумены, священники и диаконы, и весь причет церковный, облачившись во всю священную одежду, взяли двенадцать хоругвий. Хоругви были богато украшенные; жертвованы древними греческими и грузинскими Царями и показывали их. Позади Патриарха несли одну хоругвь три человека, шитую одним золотом, с изображением Воскресения Христова, российской работы, пожертвованную московскими купцами. Потом роздали всем большие свечи белого воска. Также и по всему храму зажгли свечи и паникадила. Гроб Христов казался якоже один огненный фонарь. От больших свечей в руках каждого сделался весь храм в огне, и осветились церковные куполы подобно солнцу. Бывшие в крестном ходу взяли Евангелия, иконы, кресты и заженные свечи, и пошли из алтаря Воскресенского храма в царские врата, прямо к гробу Христову, поюще: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах: и нас на земли сподоби чистым

сердцем Тебе славить!» Когда обошли Христов гроб трижды,— все духовенство остановилось против двери гроба. Потом сам Патриарх прочитал воскресное Евангелие, которое читается к вечеру в субботу на Литургии: от Матф. зач. 115. Потом, взявши кадило, пошел вовнутрь, и покадил Божий гроб; вышедши, покадил кругом всю кувуклию и всю братию. Потом с архиереями пошел вовнутрь к Христову гробу, и там покадивши, возгласил: «Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице, всегда, ныне и присно, и во веки веков». Владыки возгласили «аминь». Тогда сам Патриарх со всеми архиереями, внутри над самым гробом, воспели: *«Христос воскрес из мертвых, смертью оправ, и сущим во гробах живот даровав,»*— и пропели сие трижды. Пели не по-русски, а по-гречески, т. е. «Христос анести эк некрон фанато фанатон патисас, ке тис эн тис мнимаси зоин харисаменос». Потом пели певцы; и все вокруг Христова гроба стоящие пели многожды. О, какая тогда у всех была радость, и кто от радости мог не плакать, видя гроб своего Спасителя, Иисуса Христа, пред очами своими стоящ празден, и самого Его воскреша из мертвых? Кто мог не благодарить своего Создателя — что сподобил праздновать св. Пасху, Его славное из мертвых воскресение, в св. граде Иерусалиме, вокруг самого Его гроба, и на самом том месте — где совершилось таинство нашего спасения? Какое перо может описать нашу неизреченную радость, или кто может ее объяснить устами? Какой язык может ее рассказать? Только разве тот ее понять может, кто вкусит той радости в чистоте своего сердца. Как нам было не радоваться, и не веселиться? Собрались мы от четырех концов вселенныя, христиане разных исповеданий, разные языки, все собрались в один храм; все стоим вокруг гроба своего Спасителя, и все прославляем Его славное из мертвых воскресение. Поистине, ныне вся исполнишася света; тогда канон Пасхи сделался нам весь открыт и явственен. Ибо что поем, то и своими очами видим. И с какими чувствами мы восклицали к Сиону, на котором стояли: «Возведи окрест очи Твои, Сионе, и виждь: се бо приидоша к Тебе, яко Богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада Твоя, в Тебе благословящая Христа во веки». (Песн. 8. ст. 2. Кан. Пасхи). *Воистину для нас была священная и всепразднственная сия спасительная ночь, и светозарная светоносного дне, востания сущи провозвестница, в ней же безлетный Свет из гроба плотски возсия* (Песн. 7).

Потом была ектения. Когда начали канон петь,— пошли в великую церковь; а на Христовом гробе один священник с диаконом начали раннюю Литургию. В великой же церкви канон Пасхи весь пели нараспев. После утрени без расходу начали и

Литургию. Служил Патриарх с полным собором, в самом великопепном и торжественном виде. Апостол читали на трех языках: на греческом, на славянском и на арабском. Евангелие читали на разных многих языках: на славянском читали трое, прочие на еллиногреческом и на греческом, на грузинском, на сирском, на арабском, на египетском и на абиссинском; читали с переборами в доски. Литургию все стояли со свещами. Мы утреню и Литургию стояли в алтаре.

Когда окончилась Литургия,— начало светать. Все православные пошли в патриархию, и там во вратах давали каждому по два яйца красных. Потом все пошли по своим местам.

104. Впрочем, дали всем православным поклонникам повестку, чтобы в первом часу по полудни шли в патриарший монастырь к вечерни. И мы пришли в церковь патриаршую: она убрана и украшена была множеством лампад и свечей. Роздали всем в руки по великой белого воска свече, и стояли всю вечерню со свещами. Вечерня была самая торжественная. На вход шло больше ста священников и множество диаконов. Впереди диаконов с кириями; за ними несли двенадцать рипид. Шли позадь всех столбов. Евангелие читали, подобно как на Литургии, много человек на разных языках с перезвонами. После вечерни было всем поклонникам угощение.

Потом отворили храм Христова гроба, и пошли все поклонники приложиться к гробу Христову. Там было плачевное зрелище: все плачут, все рыдают; все гроб своего Спасителя, Иисуса Христа, обнимают, и горячими слезами обливают: потому что пришло время с ним разлучиться, и на веки с ним расстаться. Плач и рыдание, по всему храму; а наипаче жены громкие гласы и вопли испускают. И на всех св. местах лежит народ, и встать не хотят. Так всем грустно и скорбно разлучаться с Иерусалимом, и расставаться с живоносным Христовым гробом.

105. В понедельник, поутру, когда вышли мы от Литургий,— уже по улицам и пройти стало нельзя. Всюду наполнено верблюдами и ослами, и арабами извозчиками. Все суетятся, и отправляется каждый в свою страну. Во вторник еще больше отправилось. Мы же в среду выехали. Взяли двое одного верблюда, на котором и отправились из Иерусалима, как и прочие, со многими слезами. Иерусалимские жители и сами Архиереи выходят ежедневно за Давидовы врата провожать поклонников. А Митрополит Мелетий всех благословляет. Мы выехали, едва помня себя от горести и от печали, что навсегда удаляемся из св. града Иерусалима, и что в другой раз увидеть его не имеем надежды. Но еще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя, еще не помяну тебе, еще не предложу Иерусалима, яко в

начале веселия моего. Наконец закрылся от очей наших св. град Иерусалим! Тогда мы возопили ко Господу: «Господи, Господи! аще и извел еси нас из земного сего рукотвореннаго Иерусалима, в котором плотию Своею пострадал Ты; но не лиши нас Твоего Иерусалима небесного, нерукотворенного, в котором царствуши во веки бесконечные. Аще Ты и закрыл от телесных наших очей Свой живоносный гроб; но, о, Господи, Владыко человеколюбче! открой нашим душевным очесам самого Себя, да видим Тебя разумно, и да утешаемся Тобою, нашим Создателем! О, Господи! виждь, како мы любим Твой живоносный гроб. О, Господи! сподоби нас возлюбити Тебе самого от вся души, и от всего сердца нашего, и от всего помышления нашего, да всегда пред Тобою ходим, во вся дни живота нашего, да Тебя, нашего Владыку, ни в чем не прогневаем! И скажи, нам, Господи, путь, в оньже пойдём; и научи нас творити святую волю Твою: яко Ты еси Бог наш. Аще куда нас поведеши: сам предиди пред нами; потому что без Тебя и Твоея помощи не можем благос творити ничтоже. Господи! аще посылаеши на нас скорби и смущения: сам даруй нам крепость и терпение. Аще нас утешаеши: даруй нам кротость и смиренномудрие, да не превознесемся, и да не возгордимся. Но молимся Тебе, Господи: не пошли нам скорби выше сил наших, избави нас от лукаваго и от всех дел сго».

Ехали мы полями: пшеница уже поспевала, и зачинали ее жать. Ночевать пришли мы в город Рсмль; а поутру в четверток приехали мы в Яффу, т. е. в Иоппию. В пяток сели на корабль, и отправились в путь прямо во св. Гору Афонскую.<...>

108. Благодарю Бога моего, яко сподобил мене сходить во св. град Иерусалим, поклониться Его живоносному гробу и прочим св. местам во Иерусалиме и Палестине. За все сие воссылаю славу и благодарение, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во вси веков. Аминь.

Н. В. БЕРГ

(1823—1884)

Николай Васильевич Берг более всего известен как поэт-переводчик, особенно усердно переводивший славянскую поэзию — от сербских народных песен до стихотворений А. Мицкевича и Т. Шевченко. Не менее активно он выступал и как журналист, автор путевых очерков и воспоминаний, как историк. Благосклонные отзывы вызвали его «Записки об осаде Севастополя» (Т. 1—2, М., 1858), участником обороны которого он был. Менее известны «Мои скитания по белу свету», посвященные путешествию в Грецию, Сирию, Египет и Палестину. Они печатались отдельными очерками в различных журналах и газетах: «Из Иерусалима в Кайфу» («Наше время», 1861, № 27); «Десять дней в Кайфе» («Московские ведомости», 1862, № 50); «Иордан и Мертвое море с русскими поклонниками» («Библиотека для чтения», 1863, № 12); «Из Яффы домой» («Русский вестник», 1867, №№ 7, 9). Н. В. Бергом составлен «Путеводитель по Иерусалиму и его ближайшим окрестностям» (СПб., 1863).

ИЗ КНИГИ

«Мои скитания по белу свету»

ИЕРУСАЛИМ

I

Читатель, без сомнения, хорошо помнит свою молодость, свои ранние годы. Это такая чудесная вещь, что забыть ее трудно. Мы разумеем молодость тех, кто теперь не очень молод, но и не очень стар: время лет пятнадцать-двадцать назад. В зимний вечер, в каком-нибудь захолустье, при условиях блаженной памяти крепостного состояния, завернувшая к вам странница, в шушуне и платке (может быть, даже и крепостная молельщица за ваши грехи), рассказывала вам разные разности о своих мудреных похождениях по святым местам: об Афоне, Синае, Иерусалиме... В стереотипных, несколько сказочных, формах лилась ее речь. Вы слышали и о каком-то «Демьяне-городе»¹, где теплое море, сладкая вода, гуся на заре как солдаты стоят... и рыбину вот-эдакую продали там страннице рыбаки за пять копеек»

¹ Дамьетта

(русский счет и русский язык так же упорно сопровождают странницу всюду, как ее русские сухари и русский чашек с чайником). Потом является пред вами Ердань-реска, шатры военных Турок, проводников каравана богомольцев, и кричит один ночью: «Аллага-аллагу, гу-гу!» что значит, по истолкованию странницы: «Слышишь ли, Ахмет: спишь ты, или нет?»

И тому подобное, в том же тоне.

Слышали вы и другие, не песенно-сказочные рассказы; читали описания святых мест, сделанные русскими путешественниками (которых, заметим в скобках, от основания Иерусалима до последней Крымской войны не наберешь и десятка), читали и силились представить себе что это такое в самом деле Иерусалим, Палестина... и все-таки рисовалось что-то неопределенное и туманное. Попасть же туда самому и поверить чужие рассказы собственными глазами казалось трудным, невозможным... И вдруг повеял какой-то новый, благополучный ветер — и все изменилось для русского человека на необъятном пространстве. Стала, например, и как бы придвинулась к России Польша, и уж теперь не так удобно заезжим офицерам рассказывать всякие чедеса о варшавской жизни. Все мы знаем теперь очень хорошо, какая жизнь в Варшаве. Все известно. Пал кредит и привилегированных путешественников старого времени, этих магов, облеченных в особую мантию, напускавших на себя важность, не ходивших как ходят все, а совершавших род торжественного шествия; не говоривших как говорят все, а вещавших и глаголавших.

Что до шушунов и телогреск — их как будто вовсе не стало, потому что... стало очень много. Священные предметы, бывало приносимые ими как бы украдкой, в небольшом количестве, составлявшие такую редкость для наших матушек, а тем паче бабушек, теперь привозятся на парокладах массаами и достаются очень легко. Пройдитесь по Невскому проспекту, около Аничкова дворца и в других местах: вы увидите десятки, сотни крестиков, висящих красивыми нитями и *несомненно иерусалимских*, более несомненно чем те вещи, которые так дорого доставались за иерусалимские нашим матушкам и бабушкам.

Иначе починились и перья самих путешественников. Как тут станешь говорить важно и торжественно, с добавлением всяких страстей: бурь, бедуинских нападений, непомерной грубости турок, оберегающих Гроб Господень, когда этого ничего нет; когда переезд в Палестину совершится для вас почти так же просто, как к Сергию-Троице; когда бывший разбойник Абугош, несколько напугавший (положим) вашего родителя, на полупути от Яффы к Иерусалиму, теперь уже никого не пугает и угостит вас

в своем шатре, под чудесною шелковицей, еще чудеснейшим кофеем и будет на вас так мило и любезно смотреть, так просто-душно смеяться — этот гостеприимный и приветливый хохотун — турок! Ныне и турки Иерусалима покажутся вам совсем не теми Турками, что описаны в древних путешествиях; они отворят вам и дверь заветной мечети Омара, куда ваш батюшка проник бы только переодетый мусульманином; мало этого: приподнимут вам часть завесы еще более заветного для них гроба царя Давида... И что еще откроется и приподнимется, когда железная дорога (уже спроектированная) соединит Яффу с Иерусалимом, и хлынут в Палестину новые волны европейцев!

Да, теперь нельзя чинить перья по-старому!

Перенесемся же в священный град при новых условиях, которые не существовали для наших отцов; в удобной, комфортабельной каюте русского парохода (*Владимира, Олега, Константина*), с маленькою пароходною библиотечкой под руками, где — чего хочешь, того просишь; особенно... всяких иностранных книг, в лучших английских переплетах; слушая подчас на ином пароходе звуки хорошего пиано и, наконец (что в особенности важно для русского байбака), съедая обеды, к каким привык всякий благовоспитанный желудок.

Как совершаются рейсы от Одессы до Яффы, вы знаете. Мы даже не очень давно совершили такой рейс в одной из книжек этого журнала.

Яффа представляет небольшой, но очень древний любопытный городок, существовавший (если верить Геродоту и Помпонию Меле) еще до потопа. Это библейская Иоппия. Стростения лепятся по холму, имеющему правильную форму. Как для кого, а для меня, подплывавшего к Яффе раз пять в жизни, она всегда напоминала южную сторону Севастополя, если смотреть с бывшего четвертого нумера батарси, на северной стороне. Изменяет сходству только чрезвычайное обилие садов, идущих влево. Это все, по преимуществу, лимоны и апельсины, питающие берег на большое пространство.

В Яффе, как везде в восточных портах, едва пароход бросил якорь, с берега полетят к нему десятки лодок, называемых *магонами*. Черномазые, жимолостные гресцы, магонщики, с живыми движениями, крикливые и бесцеремонные, в турецких, сильно оборванных куртках, в таких же шароварах и непременно босиком, явятся кучей на палубе, точно воины, взявшие судно на абордаж; воздух огласился арабскими звуками, с примесью русских и французских; шум, гам невероятный! Если вы только немного зазевались — ваш чемодан очутится неизвестно какими судьбами во власти этих картинных молодцов. Они уже несут его, перебрасывают из рук в руки; пока что, пока вы успели со-

образить в чем дело, — вы видите, что чемодан ваш уже кувыркается в воздухе над волнами, перелетая из магоны в магону, при крике, а иногда и небольших потасовках между собою его похитителей. Потом вы сами подхватываетесь такими же силами и переноситесь в магону, где улегся ваш чемодан, как он же кувыркаясь и делая любопытный для постороннего наблюдателя антраша над водой и над магонами, окружающими пароход.

Не бойтесь упасть, удариться; не бойтесь за чемодан, как бы вы и он ни вертелись и ни крутились в воздухе: ни с вами, ни с ним ничего не случится. Черномазые молодцы знают свое дело. Притом они народ честный. Не прочь слупить *бакшиш* — слово, которое вы услышите на берегу, или уже слышали в других портах, но ничего у вас не украдут. Все ваши вещи, очутившись в их распоряжении, непременно будут доставлены в *русский дом*, или вообще туда, где вы захотите остановиться. Имейте к этим ухарям полное доверие, главное: не сердитесь на них, что они арабы, что они действуют немного не так, как носильщики и лодочники других европейских портов: мы в Турции, а не в Европе.

Нет никакого сомнения, что вам рассказывали довольно много ужасов о переезде с парохода на берег под Яффой. Древние путешественники в особенности любили играть на этой дудке. Непременно — волны, перелетающая с ревом чрез подводный утес. Если гребец не выждал известной минуты, не сноровил: лодка ударяется об утес, вы и чемодан ныряете в море. Это точно может быть, но (что делать) никогда не бывает. Еще раз повторяю вам: яффския магонщики молодцы и, кажется, сумели бы выгрести в столбе воды Ниагарского водопада. Если вы трус (извините за такое предположение), трус вообще, во всех пунктах земного шара, то зажмурьте глаза в пункте, который мы переплываем, и конец. Больше ничего не нужно. Вам покажется, что лодка пронеслась по гладкому месту, без всяких подводных утесов и приключений. На берегу позволяется глаза открыть. Пред вами желтые строения, с плоскими крышами, напоминающая все то, что вы видели до тех пор в Саиде, Суре, Бейруте, Латакии. Новые черномазые, с такими же криками, теснятся на пристани: кто подаст вам могучую руку, кто подсаживает, кто, пожалуй, просто-за-просто возьмет вас на руки и перенесет до удобного, сухого места, как дитя, и осторожно спустит на мостовую времен... не то что Наполсона I, а может быть даже Александра Македонского, идущую немного в гору, и скажет вам в полголоса: «бакшиш!»

Этих «бакшишей» (особенно, если вы глядите путешественником со средствами) будет так много, что «на всякое чиханье не наздравствуешься». Надо идти себе молча вперед и не заме-

чать ничего. Чемоданы и прочее, что вы имсете, понесется за вами вашими магонщиками.

И вот вы в так называсмом *русском доме*, каких теперь довольно много в Палестине, со времсни посещения Иерусалима Великим Князем Константином Николасвичем. Это обыкновенный арабский дом тех мест, в котором вы найдете сносную комнату, постель с пологом от мошек, сильно докучающим там приежим летом, и прислугу, могущую изготовить обед, поставить самовар, заняться, пожалуй, потом и вашим следованием далсе. Но всего лучше поручить себя в этом отношении консулу.

Дело известное: являются лошади или ослы, для вас и для ваших вещей, которые укладываются в особые перекидные мешки, из грубой шерстяной материи, называемые *хуржами*. На третьем коне, или осле, садится проводник, *мухр*, а не то (если вы лицо протезируемое местными властями) *кавас* консульства, описанный мной очень подробно в других рассказах. Вы садитесь большею частию на скверное арабское седло и начинаете нырять по улицам Яффы между желтыми домами известной турецкой архитектуры. Всякаго рода сор, собаки, роющиеся в этом сору; чумарзая баба, под покрывалом, в шароварах и красных туфлях, шлепающих так, что этим звуком оглашается весь тихий переулук; араб в роде того, каких вы видели на пристани, не то на палубе парохода, — в голубой или коричневой куртке, в синих шальварах, на осле, или так, пешком: вот что будет мелькать по временам пред вами, покамест вы поедете улицами сказаннаго, допотопного городка.

Затем предстанет шумный яффский базар, точно клокочущий котел: чалмы, фески, чадры, лошади, ослы, собаки, верблюды, овцы, горы апельсинов и разговор, похожий на ругательства.

Если бы вы захотели остановиться и заняться изучением этого любопытнаго пункта, вы бы не без удивлсния заметили ту же минуту отсутствие всякой полиции, или, может быть, и рассмотрели бы, спустя некоторое время, какос-то подобие полицианта (одного на весь базар), в синем казакине и при сабле, сидящего где-нибудь в кофейнс, на низеньком-пренизеньком табурете, скорчась невероятно и болтая всякий вздор с купцом-хозяином и разными грязными обывателями в чалмах и халатах. Не дивитесь: безмятежный, патриархальный сон еще царствует над этими странами, ушедшими в своих нравах и порядках очень недалеко от той эпохи, когда тут провозились кедры Ливанских гор, купленные Соломоном для Иерусалимского храма. Мало что изменилось с тех пор. География учит нас, что здесь правит султан, то есть правление деспотическое, но это неправда, по крайней мере совсем не то, что думают о деспотическом правлении в Европе. Когда вы всмотритесь в дело, то увидите,

что здесь нет ровно никакого правления; Бог знает что такое. Все управляется скорее само собой, подобно базару, на котором вы действительно приостановились, потому что мухру нужно что-то приладить к своему седлу: он ищет веревочки, долго не находит, и наконец отнимает у кого-то силой, при страшных криках и хохоте окружающих, получив впрочем, в заключение, небольшой тычок, за которым он, разумеется, не гонится. Полиция сидит и разговаривает во все это время с обывателями о политике, о чем случится, ничего не видя. (Политика — любимый восточный разговор). Никто полиции не требует. Она вообще не нужна глубокому Востоку, как не нужны еще многотомные законы, статьи и параграфы, без которых не умсет жить ни одно европейское государство, ни один наш городок; как не нужны турецкие *каиме*, ассигнации, никак в этих местах не могшие привиться, несмотря на все хлопоты турецких властей. Оно точно, говорят: деспотизм; точно, все можно сделать — но за то ступай куда хочешь всякую минуту. Ни застав, ни паспортов. Базар, город, вся Палестина что твой кабинет, разгуливай себе из угла в угол, сколько душе угодно.

Но мы долго засмотрелись на «блаженство» восточного жителя. Карлейль советует не останавливаться долго ни пред чем. А нам нужно двинуться еще и потому, что на нас, как на посторонний элемент, беспокоящий местные взоры, обратила внимание толпа базарных ребятишек, и один уже пустил в нашу сторону коркой апельсина. Воевать с этим народом, при «добрых», патриархальных обычаях допотопного городка, я вам не советую. «Халлинаруах!» скажем по-арабски: «Марш в поход!».

Является площадь с величественными, старыми сикоморами и затем длинная линия низеньких глиняных заборов и оград из колючего кактуса, откуда глядят на нас темнозеленые, густые верхушки лимонов и апельсинов, чуть не круглый год усеянных своими пышными плодами, горящими как жар.

Довольно долго тянутся эти сады, перерываясь в одном месте фонтаном *Абу-Наббут*, что значит по-арабски: «Отец булавы», как говорят, прозвище владевшего тут когда-то бедуинского шейха. Между лимонами и апельсинами взгляд ваш усматривает иногда фиги, абрикосы, даже бананы.

Читатель знает из других наших описаний, что восточные сады, как и все восточное, хороши только издали. Любуйтесь на это золото апельсинов, на величественные гранаты, проходя или проезжая мимо, но не старайтесь проникнуть за ограду, чтобы лично отделить от ветки это золото и съесть. Необходимо поручить такое отделение одному из черномазых, который, вероятно, тут уж где-нибудь и стоит в воротах, дожидаясь бак-

шиша. Но вы сами поломасте о камни ноги: нигде никаких дорожек.

Мимо!.. Открывается равнина бывших Филистимских полей, верст, глазомерно, на 15, на 20. Сюда древний богатырь пускал шакалов с зажженными хвостами.

Вся эта местность до деревни *Язура* напоминает русскому человеку знакомый ландшафт. Вьющийся вдаль дымок над кордоном башибузуков кажется приветным дымом нашей крестьянской хаты на курьих ножках. Маслины, под которыми отдыхал Бонапарт в 1799 году, представляются нашими придорожными ветлами. К тому ж и лист маслины похож на лист ветлы.

Что ни шаг — исторически воспоминания, только вы очень сильно разочаровываетесь, составив себе об этих местах понятие по звучным стихам Тасса и другим поэтическим описаниям; вы ищете «волшебного сада Армиды» в остатках Саронского леса, за деревенькой Лиддой: увы! ничего такого нет и помину. Для вас положительно непонятно, как это такие прелестные вещи, читанные вами в «Освобожденном Иерусалиме», могли случиться в этих грустных местах, лишенных воды и зелени. Какой тут сад Армиды! Все желто, безотрадно на необъятное пространство. Несколько олив, с их седым, как бы запыленным листом, весьма мало оживляют картину.

Мелькнула деревня *Рамля*; потом *Латрун*: по уверению всех «гидов»: древний *Vicus Latronum*, «город разбойников», откуда некоторым хочется произвести и того разбойника, что покался на кресте.

Все это в высшей степени однообразно, похоже скорее на груды приготовленных для стросния камней, а никак не на самые строения. Почва везде каменистая и желтая цветом: за деревней Латрун даже совсем переходит в белую и при солнце бьет неприятно по глазам.

В «Долине Алия» — *Уади-Али* бываст обыкновенно привал. Судьба послала в этом месте путникам две хорошие, развесистые фиги, выросшие на скалах. Чем оне тут питаются, Бог весть. Земли совсем не видно. Кругом на несколько сажень — серый плитняк. Путник потребовал у мухра ковер и дыню, купленную в Рамле, и располагается как бы в палатке, на твердом и ровном полу. Приземистая, широкая фи́га защищает его своими ветвями и листьями от солнца. В это время мухр, пристроив лошадей у какого-нибудь кустика, готовит кофе в «хане», весьма немудром шалаше, при участии его обитателей, двух-трех грязнейших арабов. Вы можете лежать на ковре и смотреть сквозь ветви на небо, не то на каменистую, пустынную окрестность, исполненную своей, пустынной поэзии; на эти, в своем роде, красивые линии начинающихся вдаль иудейских гор и мечтать о чем хо-

чется. Но никак не смотреть на приготовление кофе в хане. Если вы хорошо знакомы с древней еврейской историей, вам легко нарисовать себе почтенные фигуры Маккавеев, воинственно подвизавшихся в этих странах. Только что оставленный нами Латрун, по мнению многих ученых, есть древний *Модин*: столица и местопребывание Маккавеев. Весьма может быть, что там, где мы теперь отдыхаем, где есть, заметим в скобках, старый фонтан какого-то Иова (*бир-Эйюб* по-арабски), иначе пункт, куда поневоле свернет с дороги всякий путник, — может быть, отдыхал, как и мы, один из упомянутых героев древности, например хоть Иуда Маккавейский, разбивший наголову, в двух часах оттуда, под селением *Эммоас*, полчища Сириян...

Идут желтые косомеры за косогорами, местами перебиваемые рядом серых утесов, около которых чернеет инде тощий кустик синдиана, не то темный харуб, приносящий так называемые у нас «цареградские стручки». Колючая, обожженная солнцем, сухая как старое сено трава лепится там и сям по желтому фону гор. Где-то кричит куропатка. Иной раз случается заметить, что целое стадо этих птиц пробежит по ущелью, подпрыгивая по камням, и скроется в ямине. Опять все безжизненно, желто. Солнце палит нестерпимо. Какая-то серенькая линия неизвестных развалин попала под наши блуждающие кругом взоры; может быть, это *Модин* Маккавейский. Все может быть на земле, Бог ведаст сколько раз менявшей с тех пор свой образ.

Вон какая-то черная точка зашвелилась на утесе, там, с полверсты или более от нас, под небесами; точка, не то фигурка, выведенная из-за утеса как китайская тень. Вы всматриваетесь: это фигура длинного, сухого человека с винтовкой в руках. Он тоже нас оглядывает; оглядывает всю окрестность и потом пропал за скалами как призрак. Это *chevalier d'industrie* иудейских гор. Может быть, их тут двое или трое. Они разрешают вопрос: нельзя ли чем поживиться от проходящего, или проезжего? Но близкий кордон баши-бузуков (белый домик с бельведером) и караван разного, пестрого, шумно о чем-то болтающего народа в некотором расстройнии, в горах, мешает их предприятиям. А главное: *не то время*. *Vicus latronum* не даром лежит в развалинах. Подул другой ветер по всей стране. Не столько баши-бузуки, такие же разбойники, сколько всякие этого «ветра» заставляют сухопарых рыцарей пустыни блуждать по горам и лишь всматриваться в караваны и в отдельных путников, но не сметь их трогать. Иной спустился, пожалуй, только за тем, чтобы попросить у вас очень мирно, жалким голосом, *бакшиш*. Впрочем, в Самарии, на горе Гаризин, у меня один такой арабский *chevalier d'industrie* просил бакшиш не очень мирно. Эта история была мною рассказана...

Желто и грустно. Пестрый караван, о котором мы сейчас сказали, выдвинулся из ущелья и немного оживил картину. Старые ослики, потряхивая ушами, семянят своими тонкими ножками и мерно постукивают в сухую, точно ток убитую дорогу. На них восточные фигуры в чалмах, куртках и шаль-варах, загорелые и сухощавые, с необыкновенно-живыми глазами. Все это вдруг остановилось у хана, бормочет, привязывает ослон и начинает пить кофе под навесом каких-то рагулек, прикрытых тростником и ветвями синдиана, нарубленными в горах. Они вселы, живы, пьют и, конечно, ни о чем не мечтают. Вот и нам подается чашка, не очень-то чистая, но зато кофей, заключающийся в ней, несомненно лучшего достоинства, и я советую путнику, занесенному в долину Алия, непременно его отведать, не требуя особенной чистоты в сервировке и помня постоянно, что чистота в нашем смысле есть дело на Востоке невозможное, и с этой стороны европейскому человеку нужно там бороться на всяком шагу со своими привычками и побеждать их, чтобы не остаться подчас голодным.

Напившись кофею, пестрая толпа арабов вскочила на своих ослон, и они опять застучали и засемнили своими тонкими ножками по твердой дороге. Пора и нам.

Ущелья и горы покрыты где синдианом и харубом, где маслинами. Мелькнуло несколько арабских деревень. Вот и *Абугош*, древний *Кирьят-Ярим*, — владение экс-разбойника, о котором мы упоминали выше. В тихий, хороший вечер (каких в Палестине так много) вы непременно увидите этого экс-разбойника под его возлюбленную шелковицей, влево от дороги. Мало видано таких бравых и могучих стариков, как Абугош. Мало видано и таких величественных шелковиц, как его шелковица, под которою он просидел большую часть жизни, куря кальян и разговаривая с приятелями, такими же экс-разбойниками. Это — шелковица всех шелковиц. Это — славные и почтенные разбойники... экс-разбойники, хотел я сказать. Чрезвычайно-длинные ветви шелковицы подперты множеством жердей, так как иначе они повалились бы на землю. Суший шатер — и под этим шатром сидит с десяток восточных фигур, дымя кальянами. Прислуга в отдалении, все однакоже под тем же навесом живаго шатра, варит то и дело кофей.

К Абугошу заезжают все путешественники. Он покажет вам кучу европейских визитных карточек, между которыми есть и русские. Говорят, Абугош для своих подданных, — жителей селения его имени, — не перестает быть маленьким султаном в древнем духе и рубит им, под сердитую руку, головы. Иерусалимский паша писал об этом в Константинополь, спрашивая, что ему делать со старым проказником. Абугоша требовали туда для

«личного объяснения», а потому послал брата, разумеется, не с пустыми руками, — и тем все кончилось. Паше написали какие-то власть имущие, чтоб он оставил старика в покое; и Абугош по-прежнему принимает гостей под своєю шелковицей и, может статься, распоряжается с бритыми башками подданных, как ему придет в его, тоже бритую, голову.

Христианская церковь, средневековой постройки, находящаяся во владениях Абугоша, обращена в кузницу, где вечно, в одном углу, пылает огонь и стучат молотки, приготавливая множество подков, чиния и отбивая медные котлы разных величин и другие тому подобные изделия.

Проехав потом несколько часов по разным скалистым и диким ущелиям, где голым, где покрытым маслинами, — поднимаемся на гору очень грустного вида. Довольно ровная, каменная плоскость идет на большое пространство. Не на чем остановить взгляд. Глыбы серых камней, вьющаяся между ними — одна и та же много веков — дорожка, инде разбсгающаяся на две и на три такие же дорожки, которые где-нибудь снова соединятся в одну. Вдали неясные холмы: таковы, с этой стороны, окрестности святого града; таковы же оне и с других сторон. И от Мертвого моря, и от Хеврона, и от Найлуза, откуда бы вы не подъезжали к Иерусалиму, везде тот же серый, стесняющий душу вид. Вечная грусть почит кругом; и кажется невероятным чтобы тут жили, в этом царстве покоя и смерти, и между тем живут и еще как живут!.. Есть дивная точка, привлекающая и оживляющая здесь все: мы к ней приближаемся...

Влево, на краю горизонта, чертится яснее пологий холм, с белым зданием: это Элеонская гора с мечтью — некогда церковь Вознесения. Правее протянулась дымчатая линия каких-то стен; за ними — два, три белые купола; местами — бледная неопределенная зеленца: **э т о И е р у с а л и м!**

Вы всматриваетесь жадно в дымчатые линии, ищите того величественного, большого города, который привык рисоваться с давних пор, при этом имени, в ваших детских мечтах. Может ли быть мал город, где совершилось столько событий! Но, с тех пор как он был велик, протекло много времени, и тепершний Иерусалим глядит не широко, — весь в раме серых, зубчатых стен, как в ящике.

II

Странные, оригинальные здания начинают виднеться по мере того как мы приближаемся к городу, здания собственно иерусалимские, каких нет нигде в такой массе. Мы говорим о небольших каменных домах, осененных одинакими куполами.

Точно белые хлеба сидят эти куполы друг подле друга на крышах, которые идут уступами. По середине их два крупные купола: Воскресения и Гроба Господня. Их типическая очертания черезчур известны, чтоб описывать их подробно. Все вместе отзывается глубокою древностию, развалинами, не живым, а как бы покончившим свои счета с историей городом. Долго вы смотрите и не верите, что это — город, как все города, заключающий в своих стенах живое, довольно значительное население¹.

Но вот уже Яффские ворота, которыми обыкновенно въезжают в город. Бугор пред ними начинает пестреть народом. Арабы и турки в своих цветистых одеждах; темные монахи; увальнь-солдат, в синем сюртуке; сухая фигура бедуина, пустившего на сорную кучу коня и прилегшего тут же, пыхтя своею коротенькою, бедуинскою трубочкой; пара зыблющихся верблюдов, с огромными вязанками дров по бокам, и их погонщик, жиденький, плохо одетый араб, в чалме, либо феске; все это пестреет и движется тут, уплывает в большие, широко растворенные ворота, еще сохранившие свою древнюю ковку, не то выплывает оттуда, на встречу путешественникам. Вы чувствуете элементы носящейся вокруг жизни. Да! это город, а не развалины. Широкая пасть Яффских ворот поглощает и нас с нашими ослими. Налево — дома и лавки, разумется, восточного фасона. В узкий переулочек мелькнуло, как в окошко, что-то похожее на поле, усеянное камнями: это урочище *Версавия*. Направо ров и за ним цитадель, слышущая в народе *Давидовой башней*, а русские поклонники называют ее, просто-запросто, *Давыдовым домом*. Собственно, это башня, выстроенная пизанцами в период крестовцев.

Дорога идет немного под гору, по скользкой, скверной мостовой, сильно напоминающей иные московские весною. Нужна большая привычка, чтобы спокойно ехать и спокойно разглядывать любопытный город, не боясь ежеминутно грянуться вместе с конем на камни. Иногда все четыре ноги коня скользнут, и кажется: вот уже он полетел; ничуть не бывало! Он непременно справится и идет тем же мерным шагом дальше. (То же самое бывает зачастую и в горах.) Но не опасайтесь: ваш конь не упадет и вас не уронит; он все-таки привычный к таким условиям путешествия, благородный конь арабский, легкий как ветер, с миниатюрным, аристократическим копытом, подкованным совсем иначе нежели как куются у нас: его подкова, пред

¹ В Иерусалиме 20 000 жителей: 7 500 евреев, 8 000 мусульман. Остальное — христиане разных наций.

иною европейскою, сущий башмачок красавицы пред тяжелыми сапогами селянина.

Затем непременно нужно сделать поворот влево — узкою, сумрачною улицей, между домов и лавок, вроде сплошных желтых стен. Также скользко, также с непривычки захватывает дух. Что за пестрота валит навстречу! Русские бабы рядом с бедуинами, турками, монахами разных сортов, в черных и рыжих одеждах. Куча овец прижалась недвижимо к одной лавке и неизвестно чего дожидается чтобы двинуться дальше. Никто этого не видит, никого это не беспокоит. Заболтался, видно, с кем-нибудь, или пропал по какому-либо своему делу их погонщик, чумарзый из чумарзых парень, с лицом, грудью и руками цвета пережаренной говядины. Сырая верблюжья шкура протянулась поперек улицы, и живой верблюд идет себе, покачиваясь из стороны в сторону, мнет своєю тяжелою ступней одежду своего брата, который тоже прохаживался тут не раз при жизни и топтал шкуры старшего верблюжьего поколения. Обычай распяливать таким образом это добро по улицам, для проветриванья и вывяливанья, восходит к весьма далеким временам. Дальше — арбузные и дынные корки выброшены из дому, вместе со всяким сором, прсют и попираются тут ногами различных скотов, заодно с верблюжьими шкурами. Горящие уголья вытрушены на середину мостовой, и никому нет до них дела, хоть искры треща летят во все стороны. Патриархальное, дивное существование! Люди, живущие и бродящие там, имеют, по-видимому, особое понятие о порядке и чистоте, нежели все другие. «Летят искры и дымит: ну, так я обойду! Собака лежит свернувшись кренделем: и ее обойду, не то ударю палкой; взвизгнет она и ляжет снова направо или налево, вот и все!..»

Валит толпа обыкновенно серединой улицы. Один задевает бесцеремонно другого и, конечно, не извиняется. Слова: «извините! виноват!» и тому подобные не существуют на языке чумарзых. Иди как знаешь. Зацепили, ну и ты зацепишь, эка беда! Крик невероятный! Валящий народ отзывается по преимуществу пустыней, припалом солнца, какого мы не знаем. Лица — сущие кирпичи, что называются «железняками», от того, что перележали чересчур в огне и кое-где отливают синеватым блеском полированного железа. Эти ребята не могут не разговаривать во все горло. В лавках, пестреющих более всего местным товаром: гирляндами четок всевозможных сортов, перламутровых и других крестиков, тростей с Иордана и с Синая, — в этих лавках вечный шум и споры. Русские слова влетели вам в уши. Мы уже сказали, что русский простой человек знать не хочет иностранного языка в Палестине: он заставил чуть не весь Иерусалим и Вифлеем выучиться немного по-русски. «Брат! а брат!» обращается

к вам какой-то красивый парень, с довольно белым лицом и с бровями почти в ладонь шириною: «брат! купи у меня! пойдём!» Этот названный братец пришел из Вифлесема, до которого всего на все часа два. Его черный, не то зеленый халат показывает некоторый недостаток. Белая чалма его чиста. Вообще, он глядит иначе, нежели все остальное на улице: это вифлесемянин.

Мелькнуло что-то европейское: ковер со львом; разные галантерейные вещицы; детские куклы, даже игральные карты. Кажется, ничего увидеть в окне карты, но здесь, в Иерусалиме, оне как-то кричат, режут глаза, как-то странны и неестественны.

Европейский магазин, мелькнувший нам в глаза, принадлежит (как вы, вероятно, угадали) кому-нибудь из зажиточных потомков Авраама. Если остановиться и задуматься немного, мысль ваша начертит дивную историю скитания предков этого господина, осматривающего с порога лавки проезжих и прохожих своими острыми и умными глазами. Испания, Германия, Польша и Турция... Бог ведает, каких стран не видали его деды, прадеды и так дальше. Чего не испытали его дед и прадед, блуждая по вселенной и всюду унося с собою свою веру, свою энергию, свое терпение, изворотливость, а с ними, в известном слое, одежды и пейсы прародителя. Вечно они были одни и те же; и стоит вам бросить на последнего его потомка мимолетный взгляд, — вы ту же минуту, не задумываясь, определите, к т о э т о, какая нация.

Еще два-три поворота мимо таких же домов, лавок, фигур и мы стали у *гостиницы для русских*, называемой в народе *Казанова*. Я говорю о прежних временах, когда «русские гостеприимные дома» за стенами Иерусалима еще не были готовы. Теперь же большинство русских останавливается там.

После значительного отдыха (так как человек, проехавший верхом часов двенадцать, по скверным дорогам, непременно разбит) начнется для путешественника и е р у с а л и м с к а я ж и з н ь — жизнь, по преимуществу, прошедшего, жизнь развалин и древних памятников. Бесконечные воспоминания роятся в нем на всяком шагу. Сотни и тысячи имен Ветхого и Нового Завета встают в воображении поминутно, то здесь, то там; и этот дивный Иерусалим давит своим величием и грандиозностью мелкую суету настоящего Иерусалима.

Прежде всего идут в храм Гроба Господня поклониться первой святыни мира.

Есть узкий переулок в улице Давида, направо, если ехать от Яффских ворот. Пройдя им, может быть, шагов 50, путник очутится на небольшой квадратной площади, усталой желтыми плитами. Старые, заплесневелые стены стоят вокруг. Но более всего отделится сейчас одна, влево: византийские арки в резьбе

и узорах; сильно потемневшие мраморные колонны, двери, окна (все это в украшениях византийского характера) покажут наблюдателю, что это — стена храма. Да! Это-то и есть в х о д в х р а м Г р о б а Г о с п о д н я. Впрочем, кто не знает этого пункта по тысяче рисунков?.. Тут все не по-нашему. Нет никакой о т д е л ь н о стоящей церкви; не видно никаких шпилей, крестов, колокольни. Все затиснуто, застроено, слилось с другими зданиями в одну массу. Если бы не площадь, о которой мы сказали, не попасть бы и в храм.

Мимо множества вифлесемских торговых, в белых кичках, и разного другого народа, торгующего на площади четками и крестиками, мы проходим в одну из дверей храма с двумя замками внизу и вверх. Эти замки отпираются всякий день в 6 часов утра и запираются в 6 часов вечера особыми турецкими стражами Гроба, принадлежащими к двум почетным фамилиям. Можно много наговорить об этом разных вещей и с разных сторон. В древних описаниях обыкновенно не очень хорошо отзываются об этих турках, отпирателях храма. Мы спорить не станем: может статься, это так и было, но и прошло, и настоящие стражи — учтивый и добрый народ. Турки ласково улыбаются, завидев нового странника, нового поклонника, *хаджи*, как зовут они, и взорами как бы просят пройти. За пять верст страж Гроба, видевший не одну тысячу всевозможных странников и странниц, угадал бы ваше происхождение и, отчасти, размеры вашего кошелька! Для него *Москов* есть достаточный человек, бросающий деньги направо и налево без всякого разбора и осмотрительности, потому только, что он *Москов*, что Палестина — земля, где кругом раздастся бакшиш, который, скажем мимоходом, не раздавался бы там до такой степени, если бы не бестолковые подаяния русских барынь и желающих везде показать себя русских бар.

Мы вошли. Турки-стражи, если не торчат в дверях, то сидят налево, в особой нише, и рассуждают друг с другом о разных житейских предметах.

Сумрачные своды бледно озарены светом, проникающим в узкие окна сверху. Прежде всего является, направо, желтая мраморная плита, — *камень миропомазания*, на котором, по преданию, лежало тело Господа, снятое со креста. Над этим камнем горит восемь неугасимых лампад хорошей европейской работы — дар одного русского путешественника.

Несколько шагов далее открывается довольно большая ротонда с мраморным полом. Вверху ветхий купол, сквозь который видно небо и льется порою дождь. Десятки лет прошли в толках и спорах разных христианских наций о том, как бы лучше поправить этот купол, а он все сквозит, и капли осеннего дождя продолжают и продолжают орошать молящихся у Гроба Господня! Казалось бы, где как не здесь приличнее всего стихнуть вся-

ким распрям; между тем они никак не стихают; поминутно рождаются вновь и вновь раздражающие вопросы.

Пойдем и помолимся, а потом я расскажу вам, как и почему тянутся эти споры целых сонмищ архитекторов, чиновников, консулов, пашей и... больше нежели пашей.

Посредине ротонды возвышается род часовни из серого, но пожелтевшего от времени мрамора, что-то похожее на маленькую русскую церковь, с русским же куполом: это так называемая *кузуклия*, храмина, скрывающая Гроб Господень.

Пред дверями, которыми входят внутрь, устроена паперть, с шестью огромными свечами по обсем сторонам, в два человеческие роста вышиной, считая и подсвечники. Став против дверей, чувствуешь, что стоишь пред «царскими вратами», откуда прилично выходить только священнику, и где сзади, без сомнения, скрывается алтарь. Да! действительно там скрывается алтарь, но алтарь единственный, к которому дозволено подходить всякому человеку: алтарь, состоящий из плиты над той пещерой, где покоилось тело Господа!

Сперва встречается небольшая келья, носящая имя *придела ангела*: здесь ангел отвалил камень от Гроба. Далее, во вторую келью, еще меньшей величины, где может поместиться много-много трое человек, проникают низкою дверью, служившею некогда отверстием для входа в пещеру. Часть скалы умышленно не заделана в мрамор, но так, что отделить от нее ничего нельзя. Все же остальное скрыто, ибо иначе богомольцы тотчас стали бы брать оттуда на память, бесконечно копались бы тут и подкопали бы со временем своды храма.

Тихое, святое место — эта маленькая келья! Нет никаких средств описать чувства, которыми преисполняется сердце всякого доброго христианина, когда он припадет к мрамору, к этому единственному в мире алтарю, где властвующие святыней христианские нации совершают поочередно литургию.

Если мусульмане, называющие Иерусалим *Святым* (Эль-Кудс по-арабски), говорят, что «проспать в нем ночь то же, что в другом городе помолиться, а кто помолится и подаст там милостыню будет чист как только что рожденный младенец»¹, — что же сказать после этого нам, христианам?..

¹ Такое значение Иерусалиму придает, в глазах мусульман, более всего мечеть Омара, заменявшая им одно время Каабу в Мекке. На огромном камне, который находится внутри мечети и который, должно думать, был тем током, где Аравн, царь Евусейский, молотил пшеницу, когда прибыл к нему Давид, мусульмане видят следы Магомета, Иисуса Христа и архангела Гавриила, который привязывал коня *Борака* (молнию) ко вратам Баб-Эн-Надир, существующим и ныне в ограде Харам-Эс-Шерифа. В мечети хранится несколько седел этого коня Борака, на котором Магомет улетел на небо, знамя Магомета и щит Гамзе.

Хотелось бы уйти и скрыться на время от всяких глаз... но мы взяли на себя роль вожака, чичероне, которому все равно, что бы вы там ни чувствовали и о чем бы ни мечтали: его обязанность передавать по очереди, одно за другим, все, что знаешь о том или другом памятнике, свои и чужие наблюдения. Мы обещали рассказать, почему ветхий купол не исправляется, при всех усилиях нескольких образованных наций, при полной готовности хозяев и повелителей страны помогать этому делу всеми зависящими от них средствами.

Взгляните вверх, окиньте взором стены под куполом и немного ниже: если вы даже и не архитектор (который сразу, при входе, озадачен уже варварским разрушением гармонии во всех частях), вы все-таки заметите несимметрическое расположение окон; нишей; присутствие каких-то странных балкончиков, с железными решетками, непостижимых отверстий, галерей, чего не видывали и во сне люди, приглашенные царем Константином воздвигнуть базилику над Гробом Господним.

Все это нагородилось и настроилось потом в разные времена. Послушайте греков, самых старых владельцев; послушайте латин, укрепившихся здесь со времени крестоносцев; послушайте армян, которые пробрались сюда разными хитростями и заняли чуть ли не лучшие места; каждая нация расскажет вам по-своему историю этих переделок, и каждая будет по-своему права и невинна. Латины сообщат, что греки подожгли Храм в 1808 году и когда все, кроме главных основных стен и ротонды, рухнуло в огне, захватили часовню, где лежал Годфрид с Балдуином, выбросили из гроба и назвали завосванный пункт *приделом Адама*.

Тогда же греки (добавят рассказчики-латины) воссоздали и купол, как хотели, поладив с архитектором-турком, присланным из Константинополя, и провели вверху галлерсею, доступную только им одним.

Греки же, если вы их спросите, скажут, что пожар произошел не от них, а от армян, владевших тогда ключами Гроба, что они заперли храм и не пустили никого тушить, дабы все сгорело и можно было впоследствии возобновить здание по-своему, с разными пристройками, что и приведено в исполнение.

Армяне, в свою очередь, выгородят себя очень искусно из всяких обвинений и свалят все частию на греков, частию на латин и турок.

Четвертую, владевшую при Гробе нацию, коптов, никто не спрашивает, да и трудно: на каком языке стали бы вы с ними разговаривать? А если бы, добравшись как-нибудь до средства ко взаимному разумению, вы и решились вступить с ними в объяснения, то они наговорили бы вам того, чего не бывало ни в ка-

ких на свете историях!.. В результате, однако, получилось бы все-таки ясное сведение, что этих бедняков постоянно обижали все и оттеснили их алтарь от Гроба Господня назад, к наружной стороне кувуклии, где тотчас увидите жалкую сухую фигуру с темным лицом, молящуюся так, как, может быть, не молятся, или редко молятся, по другую, парадную сторону часовни, богатые владетели святыни...

И вот, храм преобразился. Армяне ли, греки ли, кто бы там ни виноват, только явились везде новые надстройки, окошки, углубления, вопреки всяким законам архитектуры. Случилась, сверх того, еще одна история, вне храма; история истинно необыкновенная, которая может иметь место единственно в теперешнем Иерусалиме и более нигде.

Надо знать, что вследствие разных причин здесь установился с давних пор особый юридический порядок, по которому всякий предмет, движимый и недвижимый — земля, дом, комната в доме, колонна в храме (а *la lettre одна* колонна в храме), окно, лестница, одна ступень в лестнице,— переходит в полное, законное владение того, кто владел этим предметом, без протеста с чьей-либо стороны, известное число дней, чуть ли не о д и н а д ц а т ь.

На основании такого закона произошло и поминутно происходит множество престранных и пренелепых случаев и сцен. Владения так перепутываются, владетели приходят в такие столкновения, до того заняты мыслию идти в своих завоеваниях далее, что иногда действительно необходимо послать взвод солдат для предупреждения несчастья.

Никакие минеры света, никакие Вобаны, Тотлебсны и «оберкроты» Мельниковы¹ не сравнятся с минерами Иерусалима. Здесь роятся друг под друга, удовлетворяясь ничтожными приобретениями, лишь бы только идти вперед. Если, положим, в десять лет, завоевана только ступень лестницы — и то хорошо; в другие десять лет может быть завоевана другая ступень, и так дальше. И если Бог пошлет в каждые десять лет по ступени,— во сто лет будет захвачена целая десятиступенная лестница! То же разумеи о колоннах, о нишах и об окнах храма. Нишь за нишью, окно за окном, только неослабно двигайся вперед. А случился пожар: тут можно, при известной ловкости и ладах с турецким правительством, перескочить разом через несколько ступеней, через несколько десятков лет, захватить не одно окно, а целых пять; переделать вчерашнюю армянскую часовню на свою, дав ей новое название.

¹ Минер на четвертом бастионе в Севастополе. Его подземная комната в моем Севастопольском Альбоме, рисунок 9.

Тяжело рассказывать такие вещи о христианах — в храме Гроба, где покоился Тот, Кто болес всех учил и повелсвал нам жить, как братьям. Но что делать: это наша обязанность; это — истина, сама собой выступающая наружу. Все, что мы ссейчас сказали и скажем вперед — написано на зданиях Иерусалима и Вифлеема. Не скажи мы — вы прочтете сами.

В числе странных приобретений, какие делались в храмах, на храмах и во дворах, примыкающих к храмам святых городов Палестины, христианами, есть одно (кто этому повсрит?) м у с у л ь м а н с к о е; и вот о нем-то мы собираемся рассказать.

Греки, владевшие искони террасами храмов Воскресения и Гроба Господня, вздумали, назад тому лет, может быть, двадцать, поставить на одной из них, при куполе, небольшую горницу, с отверстием внутрь, дабы скрытно наблюдать за поведением францискан и армян, и всех молящихся у Гроба: не происходит ли там иногда чего-либо такого, что может вредить греческим интересам?

Горница была поставлена, окно пробито, и наблюдения начались.

Мы уже сказали, что храм Гроба затиснут окрестными турецкими домами, которые прилегают к нему кос-где вплоть. К таким домам принадлежал в то время и ныне принадлежит дом почетного турка Абдаллы, румяного, высокого старика, всегда смеющегося, известного всему городу — а потому, естественно, доброго приятеля монахов. Нельзя монахам, постоянным обывателям Иерусалима, не искать в местных влиятельных лицах мусульманского происхождения. Тут что: тяжба, ссора — влиятельный мусульманин, в роде Абдаллы, может замолвить слово в *мижлисе*, турецком судилище, где у него рука — сам муфтий, старик, с косым подмигивающим глазом, немного суровый на вид; а в другом случае и деньжонками пособит, на которые в тех странах сделасшь все.

Жили, что называется, душа в душу — грски со своим соседом Абдаллой. Видятся, что ни день, как братья, несмотря на разную веру (это очень часто встретишь на Востоке). К тому же Абдалла, говоря вообще, был довольно почтенный турок, правда, простоватый и необразованный до крайности; но ведь и монахи не славились большой ученостью, и библиотекарь их, в то же время секретарь и фактотум патриаршего наместника, монах, средних лет, бравый и румяный отец Никифор, по-арабски Никефури, с трудом отыскал от вверенной ему библиотеки ключ, когда приехал в Иерусалим, в 1835 году, русский путешественник Норов. Пересмотрев книги, Норов сказал Никифору, что у них есть много редкого и замечательного, между прочим Евангелие, принадлежавшее первому патриарху Иакову. Никифор

выслушал это молча, ничего путем не поняв, и затем запер библиотеку вплоть до приезда другого путешественника, Муравьева, и его замечания выслушал также молча — и опять запер библиотеку, и уже с тех пор, кажется, не отворял.

Мысли отца Никифора устремлялись постоянно в другую сторону, и ему было, признаться, не до книг. Кроме сложных поручений от наместника патриарха, у него тьма дел собственных своих: присмотр за кофейней, в местности по ту сторону Гихонского оврага, носящей от него имя *Никефури*, или сокращенно, *Кефурии*; наблюдение за стройкой нескольких «пирг», по-нашему загородных дач, с виноградниками. Когда тут быт библиотечкарем, как бывают библиотекари вообще.

Потом — отец Серафим, довольно хитро смотрящий монах и напоминающий немного муфтия. Отец Григорий, хорошо говорящий по-русски, а потому неизбежно призываемый на все беседы монахов с русскими путешественниками, в виде драгомана. Отец Вениамин... много разных отцов. Все они были добрые и хорошие монахи, не слывшие ученостью, но зато сильные в практике и разуме жизни, а потому и состояли в ладах с Абдаллой.

Вдруг Абдалла вздумал играть свадьбу старшего сына, парня кровь с молоком. Кто бывал в Казани, в Крыму — для того нечего описывать подробно подобных турецких парней: он их видал и знает.

Предполагалось пригласить на свадьбу многое множество всякого народа: комнат не хватило. Абдалла попросил у Греков на то время только что выстроенную ими горницу на террасах храма. Как отказать такому любезному и милому соседу, с которым, к тому же, приятельски знаком муфтий? Монахи дали. Хотя оно и странно было занимать турке террасы христианского храма ради своей турецкой свадьбы,— и притом какого еще храма!— однако он занял.

Но греки были жестоко наказаны. Роковые одиннадцать дней прошли в шумных пиршествах; гремела музыка, лились, разумеется, и запрещенные пророком напитки... Встали монахи на двенадцатый день и увидели свою горницу во владении турка!

А был он очень добрый и почтенный турка, этот румяный, вечно смеющийся Абдалла, вечно с длинною трубкой в руках, но подшутил над приятелями несхорошо. Что ж, он не виноват: таковы здесь обычаи. Может-быть, старика и подтолкнули на это другие, какой-нибудь бес, в роде подмигивающего муфтия. Ведь и греки подшутили бы над ним точно так же, если б он зазевался.

Тягаться было нельзя и странно. Идти на новую сделку — тоже. Может быть, Абдалла на известный, солидный куш и по-

дался бы, но турецкое правительство уже глядело зорко и непременно вмешалось бы в это дело: владения мусульманина на храме Гроба, так неожиданно приобретенные, стали в некотором отношении правительственными владениями. Абдалле шпнули, чтоб он держался крепко, ни шагу назад! «Поклонятся-мол, и не раз, нам, туркам, не только грски, одиннадцать дней тому владевшие террасами безраздельно, поклонятся другие-прочие христиане!»

В самом деле, простой и беззатейный Абдалла увидел очень скоро, что с ним заигрывает и французский, и австрийский консул; а потом стал заигрывать, по примеру их и отчасти по влиянию греков, и русский. Все предлагали за горницу, так странно приобретенную, значительные суммы. Абдалла сделался любезным гостем разных европейских консулов Иерусалима: придет, рассядется, как паша, подают ему трубку; кофей, говорят ему не просто «Абдалла», но «Абдалла-эффенди!» Стараются всячески занять его беседой, хоть это неимоверно трудно. Грски-соседи и прочие иерусалимские монахи, те знают как разговаривать с Абдаллой, а консул... Вымышляет он всякие фразы, потеет, улыбается, а дело нейдет! Хорошо, что Абдалла не засиживается: покурил трубку, поел варенья — и встает, чтобы идти восвосяи, не то к другому консулу, на новый шербет и трубку. Ему тоже неловко.

Прибыло вдвое, втрое важности и значения у Абдаллы. Немного иначе стал он расхаживать по Иерусалиму; нмного иначе смеяться. Он знает, что его обширные владения, прикосновенные теперь к храму до такой степени, что чрез известное читателю окошко¹ можно видеть молящихся у Гроба, служат предметом внимания разных держав, особенно с той минуты, как было приступлено к решению вопроса о поправке купола.

Теперь читатель поймет без труда, почему так долго исправляется ветхий купол над Гробом Господним. Ни здравому смыслу, ни здравому искусству нельзя допустить, чтобы новый купол был точь-в-точь как старый, чтобы все эти окошки, ниши, галереи и все прочее, с турецкою горницей на террасах, остались без изменения. Между тем, все владеющие при Гробе нации, а с ними и турецкое правительство, именно о том только и хлопчут, чтобы все, по возможности, оставить по-старому. Архитекторам хочется удовлетворить все стороны вдруг, но как то сделать? Как новые, законные в архитектурном смысле, ни-

---

¹ В отвращение всякого сомнения, что все это так, как пишется, автор настоящего рассказа может засвидетельствовать, что будучи хорошо знаком с Абдаллой, бывал у него в завоеванной горнице и сам видел оттуда в окно Гроб Господень и молящихся около него.

ши, окна, пролеты, которые будут выведены симметрически, соответственно правилам искусства, раздать таким образом, чтобы все владельцы остались довольны? Словом, ищут квадратуры круга... И вот светится насквозь купол, и каплет оттуда дождь на Гроб Господень более полвека! Нас уверяли даже, что однажды оторвался кусок свинцу от перегнившей балки и ушиб священника.

Мы возвратимся еще к этому предмету. А пока нам предстоит дальнейший обзор храма и закуска в келье отца Серафима, который незаметно высмотрел нас в то время, когда мы обозревали кувуклию и камень миропомазания. Отец Григорий, говорящий по-русски, прошел по храму так, что мы его не видали. Он оглядел путешественников тем зорким, опытным оком, каким обладают все находящиеся при храме. Теперь для него, для отца Серафима и других, собравшихся у последнего монахов, уже нет сомнения, что мы — русские, и притом такие, каких приглашают на закуску. На столе поставлены варенья, готовится кофей, достают из погреба вино.

Мы, тем временем, пройдем по храму и окончим обзор.

Самое замечательное после Гроба — *Голгофа*: это скала аршин в пятнадцать, обделанная в камень таким образом, что над ее вершиной выходит площадь, служащая полом часовни. Туда поднимаются по лестнице в восемнадцать ступеней. Отверстие в полу, нарочно оставленное незаделанным, позволяет видеть расщелину, где был водружен крест.

В нескольких шагах (разумеется, когда спустишься вниз) покажут *место, где стояла Богородица*, когда распинали Ее Сына. Оно обнесено железной решеткой.

Вот *место, где Иисус явился Марии Магдалине*. Неугасимая лампада озаряет его.

Вот *место, где явился Он Своей Матери*.

Два шага оттуда *нишь сотника Лонгина*: здесь сотник Лонгин произнес известные слова: «Во истину Божий Сын бо Сей!»

Далее: *колонна*, к которой привязывали Христа бичеватели. Тут же *Каменные узилища*, в которых были ноги Его, когда Он сидел в темнице. Пройдя немного, спускаетесь, 28-ю ступенями, в пещеру, где были найдены *Кресты*. Это теперь часовня, принадлежащая Сириянам, но в распоряжении Армян, вследствие какой-то денежной сделки с настоящим владельцем и, конечно, перейдет со временем в полную власть армян. Только о какой-то *стенке* спорят еще греки и покамест имеют право подходить к ней. Тут *окно*, в которое царица Елсна смотрела, как отрывали Кресты. В заключение, когда вы снова подымаетесь вверх, покажут вам *центр мира*, называемый нашими поклонниками по-просту: *пупом земли*. Это не что иное как каменный столб в аршин вышины.

И все это сгруппировано на пространстве каких-нибудь 15—20 квадратных сажень! Мысль поражается невольно сближением стольких различных предметов, указанием пунктов, которые не могли быть отмечены. Но не будем вдаваться в разбор и критику. Свет Гроба озаряет все дивными лучами.

Все время, пока мы рассматривали поименованные предметы, мимо проходило множество разных фигур: монахи латинские, греческие, армянские; поклонники всех стран, между прочим, и наши русачки. Играл где-то орган и раздавалось пение то в той, то в другой часовне, приделе, храме. Местами зрятся около стен, точно неподвижные статуи, замршие в молитве, набожные существа: какая-нибудь типическая русская старушка, солдатик в ветхой шинели, не то в нагольном тулупе; оборванный до невероятности копт, какой-то темный скелет в белых отрешьях... вот кто-то в бедном синем сюртуке, став на колени при *Узах Господа*, крестится по-католически, и слезы тскут по его щекам...

III

Отец Григорий приглашает нас на чашку кофе к начальнику того отделения монахов, которое живет при Гробе. Это-то и есть Серафим, он-то и есть начальник.

Тут вы знакомитесь с разными отцами: с самим хозяином отцом Серафимом, с отцом Вениамином, с другим отцом Вениамином и, наконец, с знаменитым отцом Никифором, которому принадлежит кофейня Никефурия и несколько дач с виноградниками около Иерусалима.

Трудно, конечно, беседовать светскому человеку с духовными лицами, особенно чрез драгомана, но беседа, однако же, при ловкости и опытности братии, улаживается. Тем временем подают кофе, кизиловое варенье, белую цветом виноградную водку, необыкновенно крепкую, которую арабы зовут *Ара*; мы — *Арак*, а сербы — *ракия*. Келья отца Серафима смотрит очень мило и уютно. Мягкие ковры покрывают диваны. Монахи чрезвычайно любезны, даже искательны. Они обходятся с нами точно с давножданным, желанным гостем; точно с чиновником, прибывшим обревизовать монастырскую кассу. Это происходит оттого, что вы прежде всего подданный обширной земли, которой слава и сила не потеряли еще кредита на отдаленном Востоке, верящем по-прежнему, что «придет *Асфар-Мелик* (русый царь) и завоюет все, что тут сам султан... а Р у с ы м ц а р е м некому больше быть кроме русского».

Молодежь немного подсмевается над стариками, но ее голоса пока теряются в пространстве...

Любезничают с вами греческие монахи с излишком еще и потому, что случилось одно событие, которое их сильно занимает и которое они не могут хорошенько понять.

Надо знать, что до шестидесятых годов этого столетия греческое духовенство считало прибывающих к ним русских поклонников своими естественными данниками, и монахи захватывали их в свою власть еще в Яффе. По прибытии каравана в Иерусалим, поклонников размещали по разным монастырям и обирали порядком под видом соблюдения разных обрядностей. Никто из них целые сутки, а иногда и двое, не смел высунуть носа на улицу, не зная и не ведая, что Иерусалим и Гроб Господень доступен всякую минуту. Каждый думал, что все это заперто у греков на ключ и без их разрешения видимо быть не может. Разумеется, рвались на волю всеми силами и были щедры. Обыкновенный, первоначальный взнос с каждого поклонника простирался, сколько нам известно, до 5 рублей. Потом следовали меньшие взносы, по мелочам, когда показывалось что-нибудь особенное. На Иордан отправляли поклонников кучей, в сопровождении нанятых патриархатом баши-бузук, из иерусалимского гарнизона. Тут, конечно, новые пожертвования. В заключение, какой-нибудь монах шептал богомольной старушке, которая казалась ему достаточнее других, что «есть-де недавно открывшийся чудотворный ключ, куда еще никого не пускают, но... по знакомству можно». Старушка взмалывалась: «Батюшка, нельзя ли как!» Ее препровождали к ключу. Она передавала об этом потихоньку приятельницам, и те добивались таким же таинственным путем до новой святыни.

Чтобы избавить русских поклонников простого звания от таких нападений и влияния добрых наших единоверцев в Иерусалиме, чтобы Иерусалим и все его святыни были им доступны не на другой или на третий день по переходе чрез разные мытарства, а с первой же минуты прибытия; чтобы был за ними надлежащий присмотр и призор людей, кто бы вразумлял их относительно смысла предпринятого ими страннического подвига; чтоб они не праздно бродили по Иерусалиму с невежественными проводниками, выслушивая невероятные рассказы, а знали бы, где именно ходят и что видят, — задумано было русским правительством (по мысли Великого Князя Константина Николаевича, посетившего Палестину в 1859 году) учреждение в Иерусалиме Русской гостеприимной обители, для чего куплена земля за стенами Святого града, и послан из России архитектор. Потом отправлена целая небольшая миссия, состоявшая из архиерея, с несколькими священниками, диаконом и причтом. Наконец, вместо бывшего агента, назначен был в Иерусалим консул, с значительным содержанием, которое (с до-

бавочными суммами от палестинского комитета) втрое превышало обыкновенное содержание русского консула на Востоке.

Известно, что наши миссии, светские и духовные, приезды наших чиновников куда бы то ни было и вообще начала всевозможных наших предприятий сопровождаются обыкновенно некоторым шумом, вовсе не нужным... но уж так водится и ничего с этим не поделаешь. Шумно въехала и эта миссия. Архитектор размахнул такой план, что скоро сам его испугался и сократил размеры. Между тем картины, показывающие как здания будут смотреть по окончании, великолепно отлитографированы, в большом количестве экземпляров, и пущены в ход. На картинах нарисована была даже пропасть какой-то европейской зелени, для эффекта, и выведены европейские садовые дорожки. На все это греки смотрели и пожимали плечами. А когда действительно застучали молотки на купленном нами участке, поехали на верблюдах леса, камень, всякие снаряды; когда явилось несколько цистерн, могущих поместить, в совокупности, около шести миллионов ведер¹, и белые стены вполне европейских палат стали вырастать из-под земли каким-то волшебством все выше да выше, когда целая деревня народу стала работать день и ночь, русские в перемежку с арабами, задвигались верблюды, лошади, ослы, лаяли собаки, что твой базар; сердца греков исполнились некоторым страхом и трвогой. Окончательное же поражение было нанесено русскою обедней, которую миссия, по прибытии, отслужила у Гроба Господня в том виде, как вообще служат у нас архиерейские обедни. Отец Максим (впоследствии, на удивление всей заиорданской пустыни, переплывший бурный и кипучий Иордан, который нередко уносит даже крепких бедуинских коней), архиерей миссии, не посрамил, что называется, земли Русския, и выйдя с известною свободною раскачкой из царских дверей, грянул так, что затряслись ветхие своды Константиновой базилики. Митра русского архиерея горела как жар; посох, облачение, орлецы, все было такос, какого давным-давно не запомнят в Иерусалиме самые старые его обыватели. Православные арабы, находившиеся тогда в храме, и не знали что им делать; молиться или смотреть? Благолепное пение клиросов, в соединении с голосами русских поклонников, прибывших в огромном числе, также не мало способствовало впечатлению. И почувствовали как-то все неволью, что есть некоторая разница между Россией, размахнувшейся на полсвета, и Морсей, которая показывается путешественнику в виде желтого утеса, когда он оглябает ее при выходе из Адриатического моря в Архипелаг. Почувствовали, бессознательно, неведомо как, что за широкими плес-

---

¹ В Палестине прежде всего строится цистерна, а потом все остальное.

чами отца Максима стоит что-то совсем другое нежели за плечами тонкоголосого и гнусливого греческого диакона. Но все бы это еще ничего: обедня обедней, стройка стройкой, отец Максим Максимом; но та беда, что мы, как известно, не обладающие избытком политического такта прибавили нечто лишнее: вместо того, чтобы просто уволить русского поклонника от опеки греческого патриархата, а с патриархатом остаться в прежних, наилучших отношениях, мы некоторое время глядели на греков как бы на врагов, подкапывающихся под наши интересы; мы всякую минуту давали им знать, что мы — огромная Россия, а не маленькая Морея, что они поэтому должны относиться к нам с подобающим почтением. О консуле говорили, что он стал однажды на патриаршее место. Было упущено из виду действительное значение греков в той стране, их услуги, оказанные православию; их редкая стойкость в трудные и тяжелые минуты; их политическая ловкость при условиях, когда всякий другой, может быть, убежал бы из Иерусалима без оглядки. По счастью, впрочем, шуму и ретивости стало, по нашему обычаю, не надолго. Притом кто-то надоумил из Петербурга, что так нельзя, и все пошло обыкновенным порядком. Даже то, что особенно выступало с треском вперед, подалось вспять прежде, чем можно было думать.

Но греки не знали свойств насхавших к ним богатырей льдистого севера и были смущены. «Выгонять они что ли хотят нас отсюда?.. впрочем, зачем бы им это было нужно?» Такие и подобные вопросы задавались греками друг другу поминутно, при разных сходках. Присхал даже из Константинополя патриарх, вечно там живущий и Бог знает сколько времени не выдавший Палестины. Страхи, каких ему написали из Иерусалима, подняли старика и перенесли через море. Потолковав со своим наместником Мелетием, с секретарем его, знакомым уже читателю Никифором, и с другими более или менее опытными и влиятельными монахами, патриарх решил, что на первых порах необходимо парализовать дальнейшие покупки русских в Палестине, и поручил Никифору высматривать, где продаются земли, набивать на них цену, и входить в сделки с турецким правительством, чтоб оно всячески мешало продаже; сверх того, начать стройку своих гостеприимных домов, где-нибудь поближе к Яффским воротам, так как ими обыкновенно высзжают все путешественники в Иерусалим.

Никифор принялся за работу очень деятельно. Испортил нам одну покупку земли внутри Иерусалима так, что она никуда не годилась: пред приобретенным, казалось, хорошим и близким ко Гробу Господню участком, вдруг, уже по совершении купчей и безвозвратном окончании всех счетов, явилась полоса чужой

земли, препятствующая постройкам: если бы мы решились что-либо поставить на этом месте, пред нашими зданиями вырос бы немедля забор! Кроме того, самая очистка места требовала больших издержек. Чтобы доказать, что грунт нового участка ненадежен, архитектор, строивший за Иерусалимом, велел немного копнуть, и тотчас же наткнулись на купол какого-то храма! На купол!.. Роясь дальше, отыскивали остатки древней стены!.. Так, новый Иерусалим местами стоит на Старом...

В последующих своих интригах греки нашли возможность устранить предпринятое нами возобновление одного древнего храма в Вифлесе и удалили с горы Фавора настоятеля тамошнего монастыря, болгарина Иринарха, потому только, что мы ему покровительствовали. Что касается собственно постройки «греческих гостеприимных домов», и она также началась, с половины 1862 года, на той пустоши, которая мелькнула в переулке налево, когда мы с вами въезжали в Иерусалим. Таким образом исчезала навеки старая цистерна Вирсании.

Теперь для вас понятна, читатель, излишняя заботливость греческой братии Иерусалима о своих русских гостях. Греки, прежде всего, хотят заявить каждому русскому, что они не очень понимают что такое вокруг них творится; хотят заявить, что ссориться им с нами не из-за чего, что они всегда были и будут верными друзьями русских, что это иначе и быть не может, и тот грубо ошибается, кто воображает, что греков и русских в Иерусалиме, и вообще в Палестине, можно разбить на два разные лагеря: это-де было и есть одно войско и один лагерь. Одни интересы, одно дело связывает их; нет у них ни отдельных потерь, ни отдельных приобретений. «А будете что-то такое замышлять против нас непонятное, будете коситься, да хардыбачить, так и мы тоже покажем, что у нас есть зубы. Но... ради Бога, остановитесь, поверните назад, к старому, и будем жить мирно. Что до поклонников, возьмите их на здоровье».

Все это не мудрые по-книжному, но мудрые житейскою опытностью и характерные черные рясы, беседовавшие с нами в келье Серафима, старались передать нам по-своему, как умели, подливая поминутно в опустелые рюмки араку и любезно рекомендуя кизилковое или другое восточное варенье.

Практический Никифор глядел немного мрачно. Желая сказать ему что-либо лестное, мой спутник заметил о библиотеке, вверенной ему попечению, то же самое, что заметили уже ему, слишком двадцать лет назад, известные путешественники по святым местам, Норов и Муравьев; но молча поглядел Никифор. Потом стал глядеть на стену и на потолок. В его молчании и несколько остром и серьезном взоре таился такой смысл: «Эх, вы! наладили одно: библиотека, да библиотека! На это каждый

из вас здоров, а вот как пришлось разбирать грамоту понужнее старых фолиантов, так вы тут и не тово, и спасовали хуже неученого подрясника!»

После закуски греки предложили гостям взобраться на террасу Авраамиева монастыря, посетить обитель Иакова, брата Божия; все это тут, подле Гроба Господня. Впрочем, греки так любезны, что пожалуй обошли бы с нами весь Иерусалим; пошли бы и за Иерусалим,— куда хотите. Кроме любезности, они не прочь посмотреть куда именно вы пойдете; не архитектор ли вы, не агент ли какой, присланный для новых закупок, или других таинственных предприятий?

Не очень трудно обежать весь Иерусалим, по крайней мере все главные его улицы. Везде одно и то же, со стороны чистоты и порядков: московские мостовые, верблюжьи шкуры, разостланные по ним, сор, желтые собаки, спертый воздух. Дома то белые, то желтые, без малейшего напоминания о какой-либо архитектурной задаче. Кладись какие-то кубики, один помельше, другой побольше, причем никто не думал, никому и в голову не приходило произвесть эффект, выгодное впечатление. Слово: «эффект», как «извините» при толчке на улице, давно выброшено из словаря иерусалимских обитателей. Живется, дождь внутрь не каплет: чего еще? Если двинешься поближе к городским стенам — те же улицы, только пустее, безмолвнее. Есть и такие, где разве один раз в день встретишь человеческую фигуру. У самых стен, особенно в направлении к Сионским воротам, и еще вправо и влево от Дамасских, поражает зрелище незастресанных пустырей, покрытых камнями, мусором, навозом. Кос-где, на таких пустырях, зрится два-три немудрых деревца, но и они уже оживляют картину, и под иным, смотришь, сидит какой-нибудь старый турок и курит длинную трубку. Конь привязан возле. Серdito взглянет на вас этот турок, если вы начнете его студировать глазами, и проворчит что-нибудь такое, от чего бы не поздоровилось франку, если бы только услышать и понять это как надо. Но, во-первых, не слышно; а во-вторых, если бы вы и услышали, не поняли бы ничего, как иную крючковатую надпись на мечети или фонтане.

В других местах пустыри покрыты огородами, с дополнением, по краям, рослых колючих кактусов. Все это, если копнуть, окажется большею частью навозом, современным Бог знает каким временам и событиям. Поройте поглубже, наткнетесь, как на русском участке, на древнюю стену. Нередко, на ином сорном бугре, равняющемся вершиной со стенами (так, где ворвался Летольд Турнайский, путник может трогать зубцы стен рукою) увидишь кучу собак, занятых делесом падали. Пишущий эти

строки набрел однажды сам, в своих прогулках внутри города, на целого, дохлого верблюда.

Таково настоящее печальное управление святым городом! Но кто в том виноват — вопрос трудный. Паша (живущий в местности, которая носит имя *серая*, то-есть дворца, где присутственные места, духовное судилище — *мягкеме*, светское судилище — *мижлис*, и острог), можно сказать, ничего не делает, а только набивает карман бакшишами, поступающими из разных источников. В то время, которое мы описываем, он был несколько занят переделкой купола. Ему тоже нельзя упустить при этом своих турецких интересов. Иначе он потеряет место, а с ним бакшиши и право разгуливать по базару как теперь разгуливает. Он беспрестанно посылает то за муфтием, то за кадисем, видится и с греческим патриархом, и с латинским реверендиссимом, и Абдалла-эффенди нередко подымается на высокое крыльцо серая, откуда виден двор мечети Омара как на ладони.

Европейские консулы не вмешиваются в управление городом. Им и без того куча всяких хлопот, больше всего с поклонниками: займись каждым, покажи ему все, что можно показать. Заболел кто-нибудь, смотри, как бы не помер; а помрет — описывай подробно имущество, выпарывай из всякого ветхого трепья зашитые туда золотые монеты, приводи в известность все, составляя акт, пиши в Россию, или куда там...

У русского консула чуть ли не больше работы, чем у всех других, потому что у него больше поклонников. Последнее время их стало валить около сотни в сутки¹, потому что открылось парходное сообщение между Яфпой и Одессой, несомненно облегчившее путь и сократившее издержки. Сверх обыкновенной возни с этим народом, прибавились странные заявления шушунов и тулупов о каком-то царском миллионе, якобы для них ежегодно отпускаемом из казны.

Этот нелепый миллион взялся из того, что на постройки, о которых читатель не раз слышал, было ассигновано первоначально близ «миллиона рублей». Разные старухи, услышав об этом в Иерусалиме, пронесли по всей России, а из России весть перебралась и в Сибирь. Народ ринулся массами получать каждый свою долю. Архиерей рассказывал нам, что один солдат пришел из Иркутска, с *девятью* рублями в кармане, и просил помочь ему из того миллиона, который Царь отпускает на Иерусалимских поклонников.

— А сколько в России войска? спросил у него архиерей. Солдат, не подозревая к чему клонится дело, отвечал:

— Говорят, миллион будет.

---

¹ Сведение от нашего архиерея в 1862 году.

— Вот видишь: миллион! подтвердил архисерей.— Ну как все храбрые солдаты захотят поклониться Гробу Господню, один вслед за другим, как и ты; о всех о них следует помнить! Возьми же *свой рубль*, помолись и отправляйся с Богом восвояси. Я устрою, чтобы тебе дан был от Яффы до Одессы даровой билет, на палубе.

Подобных историй было довольно. Иные бабы осаждали дом, где жил архиерей, и когда он выходил на улицу, требовали самым назойливым образом вознаграждения из царского миллиона. Надо знать, что это за бесцеремонный народ! Архиерей принужден был иногда решительно притаиваться. Ожидая миллиона и думая, что их все обманывают, проводят, поклонники заживались в Иерусалиме, впадали в праздное и соблазнительное препровождение времени, проживали все деньги и потом — бух где-нибудь властям в ноги: «Батюшка! Заставь за себя Богу молить! Так и так, неимущий странник, сирота, дошел до того, что ни гроша за душой, а нужно в обратный путь!»

Хлопот с ними было столько, что консул написал в Россию, прося установить какие-либо правила относительно выдачи паспортов богомольцам простого звания и назначить определенный термин пребыванию их в Иерусалиме. На основании этого, губернаторам было предписано выдавать паспорта на путешествие ко Святым Местам только тем лицам низших сословий, кто представит доказательство, что имеет не менее *полтора ста рублей серебром*. Срок же пребывания их в Святом граде ограничили «двумя неделями». Это восстановило некоторый порядок. Никто не мог произвольно заживаться в Иерусалиме, благо есть даровое помещение и чья-то о тебе забота! Позволено было остаться только двум солдатам, с давних пор варивших для православных *квасок*. В этом чувствовалась потребность простому русскому человеку. Уж было сказано, что простой русский человек, прибывая в Палестину, приносит с русскими сухарями и русские понятия. Смотря на небо, не дающее несколько месяцев сряду дождя, он приписывает это ни чему иному, как гневу Божию: «Вот прогневался Господь, и дождя не даст!» Взглянув на народ, идущий в Вифлеем, под Рождество, непременно заметит: «Миру-то, миру-то что валит!» И сам присоединяется к этому миру. Прислушайтесь к его речам в лавке вифлесского резчика печатей, либо жида, делающего жестянки для иорданской воды, которую заносит поклонник в глубь России и лечит ею все недуги; не то к объяснениям с вифлесскою бабой, торгующею четками, крестиками и образками, — на желтых плитах, пред храмом Гроба Господня; он везде один и тот же, простой русский человек, режет по-русски, как бы в Москве, в Ножовой линии, и его понимают. Ему вообще хорошо в Иерусалиме, да вот только бы дождичку, да кваску! Дождь не слушается, нейдет по-русски; а

насчет кваску Господь услышал молитву православных, послал сказанных двух солдатиков, которые, поладив очень легко с турецкою полицией (здесь, как и в Яффе, совсем не видной на улицах и базарах), устроились под аркой древних ворот, на бойком месте, поставили две большие кади, приладили скамеечку, чтобы на ней спать, завели желтую собачонку и варят что-то кисленькое, из апельсинов и лимонов, по копейке кружка. Во всякое время дня и ночи увидите их там, за версту узнавая, что это за нация. Вечно в одних и тех же нагольных тулупах, они бормочут меж собой о России, о том, о сем. Когда Иерусалим засыпает, что происходит довольно рано, и уже никого на улице не видно, кроме желтых собак, тишина несомненная, — под аркой, где квасок, ведутся иной раз далеко за полночь, русские разговоры, и собачонка проворчит на вас, если вы пройдете мимо.

Мы вставили этот эпизод, чтобы показать, сколько хлопот консулу с поклонниками. Тут же подоспели заботы о стройке *гостеприимной обители*; приобретение участка земли в городе, возня по этому поводу с турецким правительством и происками греков. Наконец, исправление купола; приехал французский архитектор, турецкий чиновник. Это поглотило окончательно все время консулов. Они поминутно совещались между собой. Каждому хотелось, разумеется, подставить ногу всем другим. Католики защищали интересы католиков, мы — свои, православных. Армяне работали, под шумок, капиталами. Турки старались держать себя нейтрально. Однако, история кончилась тем же, чем кончались все предыдущие истории того же рода: французский архитектор опять уехал на берега Сены, — турецкий чиновник вернулся в Константинополь. С нашим архитектором было бы то же — если б его не задерживало возведение русских гостеприимных домов за Иерусалимом. В таком положении дела оставались до настоящего времени. Теперь, как слышно, вновь съехались в Иерусалим архитекторы. Что они делали или уже сделали — мы не знаем.

У английского и американского консулов (не имеющих непосредственного отношения к святыням Гроба Господня) не мало дела с подданными их правительств, которых очень часто нужно защищать с разных сторон. В свободные часы у кого-нибудь из консулов сооружается, по европейскому обычаю, вист, преферанс или другая игра. Не то все сходится у жены прусского консула, послушать ее прекрасную игру на фортепиано, кажется, единственном в Иерусалиме, пересхавшем туда из Яффы на плечах двенадцати «хамалов», по-нашему носильщиков, здоровенных как верблюды. Наконец, при появлении в Иерусалиме какого-нибудь значительного путешественника, соответственный консул, с добавлением иной раз и других консулов для компании, устраивает торжественную прогулку вокруг Иерусалима, объясняя по-своему историю стен, ровов, неизвестных развалин. У

дервиша, живущаго в пещере Иеремии, бывает, обыкновенно, привал, с шампанским. В Царских Каменоломнях, под Иерусалимом, другой привал; пускаются ракеты, делается большее или меньшее освещение подземных зал факелами, смотря по средствам и характеру консула. Осмотр *Омаровой мечети* тоже сопровождается возможными в той стране удобствами и эффектами. Под конец всего завтрак или обед у консула, с неизбежным шампанским. Прибавим в скобках, что на Востоке пьется этого вина, относительно, чуть ли не более чем в Европе.

Когда же тут, в самом деле, к этой возне, хлопотам, нестерпимой скуке прибавлять еще объяснения с турецким правительством о чистоте города, к тому же объяснения, которые, в большей части случаев, ровно ни к чему не приведут? Гораздо легче приучить свои носы к уличным ароматам, а глаза к таким зрелищам, каких в Европе уж никак не увидишь.

Оставим же этот сорный, интригующий Иерусалим и пойдем к Иерусалиму минувшего, вопрошая уцелевшие от разгрома веков дивные памятники старины: где целую рыцарскую залу, где кусок портала, стену, помнящую первых еврейских царей, вековечный водопровод, не портящийся в течение тысячелетий, цистерну, объемом в громадную залу.

IV

Весьма не далеко от храма Гроба Господня, в узком-преузком переулке, служащем как бы продолжением (через площадь) того, которым мы пришли ко храму, видится странное длинное здание, с готическими окнами, значительно отделяющееся от окружающих его турецких построек, здание, от которого так и пахнет сейчас для опытного взгляда средними всками, рыцарством. Да! Это, действительно, остатки рыцарского *Гостеприимного дома*, но какие остатки? Всякий, не так знакомый с древней архитектурой и не очень сю интересующийся, пройдет мимо и не удостоит взором этих некогда пышных и великолепных палат рыцарей Иоанна Иерусалимского. Все обрушилось, обсыпалось, стало желто, как почва Палестины. Пыль веков покрывает с полвершка украшения окон и дверей. Потолок упал. С главным входом сделалось что-то такое, вследствие чего лучше и удобнее проникнуть внутрь чрез окошко, разумеется, страшно перепачкавшись. Едва мы очутились этим способом в зале, которая так сияла пред очами Севульфа, и прошли немного далее, рассматривая красивые бордюры окон, остатки гербов и пр., как к нам явился, точно из-под земли, молодой копт, парень с вечною копотью на лице и на руках, очень плохо одетый: он предлагает показать «антики», находящиеся в «его владениях».

Это точно его владения. Рыцарская зала и все что к ней прикасается, из построек того времени, принадлежит теперь, каким-то образом, убогому семейству коптов, которые тут же и живут, в одной комнате-не-комнате, а скорее в сумрачном подвале, на грудях всякого сору и обломков. Разумеется, ни один из членов этого семейства ничего не знает о здании, где считаются хозяевами. «Антики, куда ходят за чем-то франки», вот и все, что знают эти Копты. Ничего не скажут вам сами по себе и пыльные покои, по которым возникший из-под земли парень поведет своих гостей. Необходимо вооружиться каким-то европейским сочинением, где остроумно отреставрированы старинные залы и все к ним относящееся.

Размеры нашей статьи не позволяют подробно заниматься каждым памятником. Для этого пришлось бы написать целые томы. Мы будем проходить, отмечая только что-либо особенно выдающееся, указывая на самые крупные черты.

Несколько шагов далее, путник встречает несомненно древнюю стену, времен первых еврейских царей. Мы об ней уже упомянули, говоря о месте, приобретенном русским правительством внутри Иерусалима.

Если идти вправо, очутишься на базаре: с туфлями, уздами, башмаками, сладким тестом. Те же бедуины, турки, разостланные верблюжьих шкуры и, как водится, тот же необыкновенный шум и гам.

В одном месте базар примыкает к *мягкеме*, духовному судилищу мусульман. Тут ворота *Баб-Эль-Коттанин* (бумагопрядильщиков), — одни из древних ворот священной ограды Соломонова Храма.

Как они назывались тогда, Бог их ведаст. Но существование ворот в этом пункте при Соломоне и после него признается всеми исследователями иерусалимской старины. Познакомясь с кадем, красивым стариком в белой чалме и цветистом халате, не то с кем-нибудь из второстепенных членов судилища, можно полюбоваться, в открытую арку, лучшим местом Иерусалима, к сожалению, еще ревниво укрываемым мусульманским фанатизмом от взоров христиан: это священный, в течение стольких веков, *Харам-Эс-Шериф*¹, как называют его арабы: ровная площадь в шестьсот шагов длины и триста семьдесят ширины, покрытая в центре древними плитами.

В разных пунктах площади разбросано несколько мусульманских зданий: куббетов, менберов, пополам с древними арками, составлявшими некогда, как надо думать, род сплошной ограды. А в середине возвышается прекрасная *мечеть Омара*, на том са-

¹ Священное, неприкосновенное место.

мом месте, где были первый и второй храмы евреев. Там и сям видны группы деревьев: харубы, мезе¹, кипарисы, масличная, что значительно оживляет площадь.

Весьма недавно мечеть Омара была вовсе недоступна христианам. Теперь завеса приподнялась. Турки извлекают из этого памятника хороший доход, показывая мечеть всякому европейцу, кто внесет главному мулле приличный бакшиш, а мулла, разумеется, делится с пашой. Как страшная декорация, дается при этом в охрану путнику жандармский эскорт, в сущности не очень нужный. Нет сомнения, что если бы кто-нибудь, сойдясь с муллою, пустился бродить по Харам-Эс-Шерифу один, без всяких жандармов, его никто бы не тронул. Времена старого фанатизма прошли. Вероятно, пройдут скоро и последние его остатки. Харам-Эс-Шериф исследован теперь очень подробно, смирен, срисован, снят фотографически, и о нем можно говорить, как о любом доступном для европейцев памятнике.

Мы отсылаем читателя к лучшим описаниям *мечети Омара*, которую мусульмане чтут почти столько же, как и Каабу Мекки, а сами заметим (следуя нашему плану обозрения только крупных и резких сторон каждого памятника), что еще более чем все построенное на площади достойна внимания сама эта площадь, лежащая в раме высоких серых стен, где есть следы древнейшей кладки.

Давид, прибыв в эти места с отрядом воинов почти три тысячи лет тому назад, нашел довольно пустынный косогор, покрытый кое-где жилищами и разными сооружениями свусеев, которых царь, точнее шейх, Аравн или Орнан (по-библейски Орна Евусеянин), — в роде тех шейхов, каких мы видим теперь в Иерусалиме, когда они являются туда из-за Иордана за ячменем, полотном, трубками, сапогами и тому подобными предметами, — молотил пшеницу на большом сером камне². Давида пленила местность, а может быть, он просто желал устроиться на холмах, которые были заняты воинственным народом, угрожавшим пределам Иудеев. Давид купил у Аравна *серую плиту*, за хорошую, по-тогдашнему, цену: именно за 600 золотых сиклов весом³. Укрепясь тут и поставив «алтарь истинному Богу», Давид

¹ Это дерево растет теперь на юге Европы. Французы называют его *micocoulier*.

² Обычай молотить пшеницу на ровных камнях, выдающихся из-под земли, сохранился в Палестине до сих пор. Путешественник может видеть такую молотьбу на дне высохшего *царского пруда* (биркет-эс-султан) в Гихонском овраге Иерусалима.

³ Параллипоменон I, глава 21 ст. 25 Сикл — 20 *гера*, то есть харубовых зернышек.

вскоре прогнал евусеев с косогора и холмов, которым была суждена такая необыкновенная доля в истории всего мира.

При Давиде возникли первые серьезные постройки начинавшегося «Давидова города»: часть стен, огромные цистерны, и, может быть, приступлено к нивелировке горы *Мория*, среди которой на месте алтаря, воздвигнутого отцом, Соломон поставил «храм истинному Богу», чудо тогдашнего искусства.

Последующие цари, каждый в свою очередь, урезывали гору, и чрез несколько веков, заключая, вероятно, царствованием Ирода Великого, нивелировка достигла своего конца и, вместо бывшего тут косогора, явилась прекрасная площадь, по которой ходил уже Иисус, по которой ходят теперь толпы всякого грешного народу, кроме христиан и евреев.

Стоит взглянуть на эти истинно гигантские работы, проводящие яркую черту между Иерусалимом евреев и Иерусалимом позднейшего времени. Ничего подобного уже не делалось после того, как были подавлены первоначальные обитатели Палестины. «Рама» Харам-Эс-Шерифа, как мы называли стены его окружающие, тоже носит местами следы работ, потом не повторявшихся. Так юго-западный угол Харам-Эс-Шерифа весь древнееврейский, в этом нет никакого сомнения. Американец Барклей, посвятивший изучению палестинских древностей около тридцати лет, нашел несколько отрывков древней стены в другом, противоположном углу, частью застроенных турецкими домами, которые известны под общим именем домов Абу-Сауда, частью находящихся снаружи. К одному обрывку этих стен (по-еврейски Котель-Маараби) иерусалимские евреи приходят каждую пятницу «плакать», платя за это паше 20 тысяч пиастров в год¹. Собственно говоря, они читают там псалмы по книгам, разложенным вдоль выступа, который приходится как раз в рост человека. При этом бывают всегда одеты почище: мужчины в новых кафтанах и лисьих шапках, женщины в белых покрывалах. Есть, впрочем, очень известная гравюра, изображающая этот «плач».

Тот же Барклей открыл и главный источник, откуда получались огромные камни для оград, как бы не поддающихся времени: вблизи от Дамасских ворот, с наружной стороны укреплений, находится незаметная впадина, проникнув в которую с зажженными свечами, вы увидите себя среди величественных пещер различного размера: это *царские каменоломни* Иосифа Флавия, где местами заметны точно вчерашние работы: так свежа теска, так свежи отломы гранитных глыб, которые выносились оттуда неизвестно какими снарядами. В одной из таких

¹ Около 1000 рублей серебром.

подземных зал есть бассейн очень чистой, но неприятной на вкус воды.

Выйдя на воздух и направляясь к востоку, снова встречаешь гигантскую работу древних времен: ров, пробитый искусственно в гранитной скале на значительное пространство.

Здесь, за историческим углом, близ которого, 700 лет назад, Летольд Турнайский первый прорвался в осажденный город,— идет направо глубокая долина, с группами старых маслин, из коих иные, без сомнения, помнят Господа. В другом месте, в Европе, такое собрание массивных деревьев непременно оживляло бы картину. Множество мелких кустиков и травы росло бы кругом, но здесь, в Палестине, деревья как бы отказываются служить обыкновенную свою службу: они грустны, как все вокруг: лист их сер, а не зелен. Видишь ряды как бы покрытых пылью кустов, едва-едва отделяющихся цветом от почвы. Старые стволы внизу похожи на скалы. Инде и в самом деле камни вплелись между корнями, вылезшими наружу. Нигде, почти нигде не сверкает цветка или травки. Таков весь огромный косогор, составляющий знаменитую *гору Елеонскую* или *Масличную*, любимое место Спасителя и апостолов, лучшее место из окрестностей Иерусалима. Здесь ходил *Он* и не раз по т е м с а м ы м т р о п и н к а м, вьющимся белесоватыми змейками по горе, где ходят и теперешние жители Палестины. Какие воспоминания! Вот та Гефсимания, где был *Он* взят воинами, посланными от первосвященника. Вот страстный путь, *Via dolorosa*, по которому шел Спаситель к дому Каиафы: Кедронский ров, Ключ Силоамский, исцеливший очи слепому, камни, послужившие для перехода Господу на ту сторону оврага.

Здесь, несомненно здесь, ходили стопы Его! Ради одного этого стоит прибыть в Иерусалим, подняться на Елеонскую гору пред закатом солнца и посмотреть оттуда на святой город. Величественно печальная эта картина! Тихо дремлют серые здания и стены, идя уступами на большое пространство. Один и тот же серый цвет играет разными переливами. Есть что-то свое, по-своему красивое, в этом унылом, сумрачном, вечно-вечернем Иерусалиме.

А тут опять старые памятники: *могилы царей, могилы пророков*, стоящие неразрешимыми вопросительными крючками для исследователей палестинских древностей. *Гробы Захарии, Авессалома, Иосафата, Иакова*, большую частью цельные монолиты. Надо всем этим остановишься и задумаешься невольно о другом времени и Иерусалиме, о других руках, которые здесь трудились и заставили «искаженную Богом страну» потечь млеком и медом.

Но всего более поражает необычайное множество цистерн живых и заглохших, цистерн, совершенно необходимых краю, где нет или почти нет никаких источников, а колодцы невозможны.

Силоамский ключ, упомянутый нами, и неподалеку от него *водоем Богородицы*, единственные живые источники Иерусалима: могли ли они напоить сотню тысяч людей, вокруг обитавших? Необходимость заставила прибегнуть к цистернам. Кто не знает, что такое цистерна? Они есть во многих наших городах, например, в Одессе. Но цистерны Иерусалима, это совсем особые цистерны, это самые почтенные памятники его миновавшего, величайшее благодеяние, оказанное предками потомкам. Нет никакого сомнения, что если бы и сейчас внезапно не то что все, а хоть только два-три главных водоема в Иерусалиме и его окрестностях, жители не знали бы что делать. Такие же древние цистерны, разбросанные там и сям около Мертвого моря, и за Иорданом, в Маовитских горах, питают многие тысячи кочевых бедуинов.

Когда стоишь и смотришь на Иерусалим с Елсонской горы, снизу, налево, в ущелье, сльвущем под именем *Долины Огня* (Уади-Эн-Нар), чернеет неопределенное каменное строение, в виде куба, величиной в дом средних размеров. Не укажи вам кто-нибудь этого памятника, вы бы, пожалуй, и не заметили, и вам бы не пришло и в голову, что это жизненный источник Давидова града и всего, что проходит и проезжает Долиной Огня ежедневно, ежеминутно, эти сотни, эти тысячи разного рода путников по делам и без дел: бедуинов, пастухов с их стадами, караванов с их верблюдами, ослами, лошадьми. Все пьет из этого дивного водоема и не может его исчерпать! Есть предание, что *Бир-Эйюб*, древний *Рогил* (имя водоема, о котором говорим), один способен напоить целый Иерусалим, хотя бы все другие цистерны его заглохли; и потому, в год, когда он наполняется водою до краев (разумеется, от дождей, начинающихся идти с последних чисел ноября или в первых декабря) так, что вода выступает и льется в долину, весь Иерусалим собирается вокруг с песнями и музыкой, словно торжествуя победу.

Когда и кем построена эта громадная и благодетельная цистерна, в которую можно опустить изрядную колокольню¹, в точности неизвестно. Народное имя *Эйюб* (Иов) ничего не показывает. Думают, что это не Иов, а Иоав, полководец царя Давида. Действительно, только полководцу царя, или самому царю можно было оставить по себе такую память.

Из Библии знаем, что во время распрей Авессалома с Дави-

---

¹ Она имеет, по измерению Баркляя, 18 саж. глубины, 18 саж. длины и 6 ширины.

дом, войска Ионафина и Ахимааса стояли в этом пункте. Позже, когда другой сын Давида, Адония, возымел мысль свергнуть Соломона, то собрал своих сторонников у этого водосема. Вот какие события помнит Бир-Эйюб, между тем он, как бы вчера построенный, жив и цел, несмотря на то, что целые тысячелетия пронеслись над ним, и он не знал никакой починки! Как не поклониться такому памятнику!

Есть еще громадные, таинственные водосмы под Омаровой мечетью, памятники древности столько же важные, сколько и сейчас нами описанный, но, к сожалению, до сих пор ревниво укрываемые турецким невежеством, которое думает, что при первой осаде города христианами, эти ключи поддержат существование гарнизона. То же невежество запирает *всякую пятницу*, среди дня, все ворота Иерусалима, на том основании, что, по преданию, город будет взят вновь «именно в этот день». Кроме того, все ворота, числом пять, запираются ежедневно на ночь, с шести часов, исключая Яффских, запираемых, вследствие европейского ходатайства, с 8 часов, так как тут более движения. Утром в 6 часов ворота отпираются, и вместе с ними отпирается и храм Гроба Господня.

Источник, дающий воду таинственным водоемам Харам-Эс-Шерифа, есть, кажется, тот самый поэтический, *запечатленный ключ*, о котором говорится в известных стихах Пушкина:

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный,
Тихий ключ у ней с горы
Не бежит, *запечатленный*...

Такие чудесные стихи, что хочется, чтоб они были правдой, но они... премило солгали¹. Бежит и еще как бежит запечатленный ключ: несколько тысяч лет бежит и знать ничего не хочет! *Запечатленный*, просто-запросто, его имя, происшедшее, вероятно, из того, что он *прикрыт плитами*, как драгоценность, которую должно беречь, и вход к нему недоступен, если не отвалить в одном пункте камень.

Этот «запечатленный ключ» питает прежде всего так-называемые Соломоновы пруды в долине *Ортас*, за Вифлеемом, где иные хотят видеть Нортус крестоносной эпохи, имя, утвердившееся здесь в память садов Соломона. В самом деле, в этом месте могли быть чудесные сады, кажущиеся ныне каким-то сном, навеянным стихами «*Песни Песней*». Пускай неприятна и пус-

¹ В подлиннике, то есть в «Песни Песней», гл. 4, ст. 12, ничего не сказано о том, что источник «не бежит»: «вертоград заключен, сестра моя, невеста, вертоград заключен, источник запечатлен.» Арабы зовут его Эн-Салех.

тынна окрестность Ортаса, лишенная теперь всякой зелени, загроможденная камнями и утесами, но если была возможность устроить там три водосма, из которых два близ полтораэта, а третий слишком двести аршин длиною на 80, круглым счетом, аршин ширины; если эти водосмы до сих пор полны водой, будучи ни разу не чинены; если, наконец, эта вода бежит гранитными трубами дальше, вплоть до Иерусалима: отчего те же самые могучие руки, которые создали это диво, не могли преобразовать почву, усилить растительность постоянным обильным орошением, натаскать другой земли издалека?

Все это было можно, и простым несотразимым доказательством тому служит сад одного из потомков народа, когда-то здесь неутомимо работавшего: этот сад два шага от места, где мы находимся. Пройдите немного долиной Ортас, в направлении к Иерусалиму, и вы на него наткнетесь. Хозяин, американский еврей Мешуллам, в течение четырнадцати лет преодолел необычайные препятствия, и неподатливая, неблагодарная почва стала производить все, что только производит почва лучших стран Европы. Вы забудете где вы, сидя под сению его чудесных яблонь, груш и абрикосов. (Мы говорим о 1862 году). Нежнейшие плоды будут поданы на стол. Красивая Ревекка угостит вас чем Бог послал. Ее семейство тут же, несколько мальчиков и девочек. Все они заняты своим садиком, каждый что-нибудь делает, по силе рук. Представьте же, что было бы, если б этому Мешулламу хоть тень средств Соломона! Какие бы сады зацвели в Ортасе, какие водные равнины раскинулись бы кругом!.. Но грустен энергичский хозяин. Он думал послужить примером другим европейским семействам Иерусалима и образовать в Ортасе колонию, которая могла бы противстоять набегам *сынов пустыни*¹, и что же? В четырнадцать лет не прибыло никого! Плоды невероятных усилий поглощались нередко ватагой праздных негодяев из-за Иордана, которые налетали как голодные враны и не только расхищали запасы фруктов, но и ломали драгоценные деревья, привезенные Бог знает откуда, взлелеянные терпением, какого мало видно на свете. Конечно, Мешуллам жаловался всякий раз своему консулу, а консул паше; паша хватал первого шейха, явившегося на улицах Иерусалима, и сажал его в довольно скверную тюрьму, набитую всякими разбойниками. Шейх, очень часто ничуть не причастный разгрому, который нанесли заиорданские сорванцы садам Мешуллама, писал к приятелям, шейхам знакомых ему бедуинских племен, чтобы разыскали, сделали милость, мошенников; те разыскивали; производилось приличное внушение, вследствие чего год-два проходили спокойно, а на

¹ Бедуин, по-арабски Бсдави, значит «сын пустыни».

третий опять налетела безобразная саранча и становила вверх ногами сады Мешуллама... и вот почему грустно, безотрадное выражение не сходит с лица этого человека. Борьба становится не по силам. Каждую минуту жди врагов, и хорошо еще, если бы все кончалось одним расхищением плодов и ломкой деревьев! Но бедуинам надоела возня с пашой за такие, по их мнению, пустяки, и вот, спустя три года после того как автор настоящего рассказа восхищался в долине Ортас некоторым осуществлением стихов «*Песни Песней*», торжеством одного только семейства над препятствиями, какие ставила природа, климат и дикое население, Мешуллам найден неподалеку от своего пустынного жилища мертвым, с переломанными руками и ногами! Так грустно кончил этот благородный мученик цивилизации! И теперь опять нет ничего в Ортасе, только синет равнина удивительных прудов, идя в дисгармонию со всем, что глаз видит кругом. Путник снова не верит, чтобы здесь могло что-нибудь расти так же, как растет в Европе, а сады Соломона представляются ему по-прежнему мечтой, стихами «*Песни Песней*»...

Нет не мечта древний Иерусалим. Верьте, что было время, когда все там жило иначе: цвел и сиял град Давидов; массы разных деревьев окружали его; пышные терсбиновые рощи, величественные певги, пальмы и бесчисленные виноградники зеленели кругом. Воды, проведенной издалека, было изобилие. Мы описали только часть водосмов, донные живущих, но столько же, или еще более, прошли молчанием. Словом, было сделано все, что можно было сделать с этим пустынным и печальным краем, дабы он смотрел пустынно и печально.

Близ Яффских ворот виднеется старый чудесный терсбинт; наискось от Дамасских замечают красивую сосну, называемую Годфридовой (тут в самом деле стоял его лагерь). В саду армянского монастыря растет несколько певгов. Кое-где по Иерусалиму раскиданы пальмы, харубы, кипарисы: это только самые ничтожные остатки минувшего. Это то же, что сад Мешуллама в отношении к садам, некогда там бывшим. И эти живые украшения города и его окрестностей точно также исчезают мало-помалу, как гложут цистерны, как рушатся памятники, где сами собой, под влиянием всеокрушающего времени, где от невежества и дикости бродящих бедуинов. Нередко, следуя пустыней, вы увидите ряд больших камней, вьющихся длинной змейкой по горам: это древний водопровод. Камни, наложенные сверху, показывают его направление, чтобы, в случае нужды, отыскать трубу и исправить порчу. Но так дивно строено, что часто проходят века, и нет никакой порчи! Трубу испортит разве проезжающий мимо бедуин. Он тоже знает, что вьющаяся змейка камней таит под собой водопровод. Стоит ему возжаждать, и

этот негодяй отвалит один из камней и безжалостно разобьет трубу, не рассуждая нисколько, что этим отнимает орошение у целой деревни, губит памятник, которому нет цены в том климате. Разбив трубу, бедуин напьется и поедет дальше. Ветер нанесет песку на то место, и великолепный водопровод, работа нескольких миллионов рук, умер безвозвратно! Может-быть, таким образом заглохли цистерны: *Биркет-Мамилла, Царский Пруд*, в долине Гихон; *Овчая Купель, цистерна Иезекииля* и другие, внутри Иерусалима...

Если бы не святяни, дорогие одинако христианам и мусульманам, Иерусалим, Вифлесем, Назарет обратились бы давно в арабские деревни, подверженные постоянным нападениям «детей пустыни». Даже и теперь, когда во всех этих местах содержится турецкий гарнизон, способный отразить приступ всякой заиорданской сволочи,— и теперь турецкое правительство запирает на ночь ворота (о чем мы уже сказали) и не позволяет ни одному бедуину въезжать в город с оружием. И теперь существует поговорка, что «в пустыне, у себя каждый Бедуин султан». А пустыня начинается версты за полторы от Иерусалима, тотчас за Вифанией.

Но жив Гроб Господень, жив Иерусалим и будет жить долго...

Обозрев эти холмы, укрепления, памятники, отдав дань миновавшему, путешественник, если останется после этого еще в стенах Давидова града, начнет знакомиться мало-помалу с его жизнью, иначе сказать, отдает дань и настоящему. Оно также любопытно, тоже имеет свои особенности, не замечаемые в других местах.

Встает настоящий Иерусалим рано: в 5, в 6 часов. Что, собственно, до наших, православных, их бодрствование начинается еще ранее, именно с полуночи. В это время идет у Гроба Господня православная обедня, может быть, в память первобытных ночных бдений христиан того времени, когда они должны были укрываться со своими молитвами от взоров всего света.

За православными служат армяне; потом францискане. Коптской обедни не существует вовсе. Русская обедня идет изредка в разные часы дня, по условию с греческим наместником патриарха, который даст нашему духовенству всякий раз письменное на то разрешение.

Желающие находиться за греческою, армянскою и францисканскою обеднями должны ночевать в храме, так как он запирается с 6 часов вечера и до 6 утра не отворяется, разве только по исключительному какому-либо обстоятельству, при частном дружеском соглашении с турками-стражами Гроба Господня.

После 6 часов, когда отперт храм и все ворота Иерусалима, город живет уже полною жизнью. Народ движется по улицам, всего более по Давидовой. В лавках идет торговля на разных языках, одолевает, конечно, арабский.

В это время на кухнях различных монастырей готовится жирная баранина, в виде вкусных супов, соусов и жарких. Иерусалимские монахи совсем не знают постов, разумея их в нашем смысле. Мясо не сходит с их столов. Рыбы в Иерусалиме не достанешь никоим образом, да и не очень об этом хлопочут. Разумеется, если бы непременно захотели, можно было бы привозить из Яффы; между тем не привозили и не привозят. Иерусалимское духовенство, будучи иного характера чем всякое другое, относится ко всему по-своему. При условиях жизни, можно сказать, воинственной, среди вечных забот чтобы враг не одолел; нуждаясь в бодрости и силах для ведения непрерывных подкопов; измышляя такие хитрости, о каких наши монахи не имеют и понятия, иерусалимское духовенство не любит пощения, ослабления тела. Бледных, слабых вы там почти не видите. Все румяные, brave молодцы, готовы ежеминутно в бой. Иначе и быть не может, потому что бои, в буквальном смысле, в Иерусалиме и Вифлееме не редкость. В 1834 году, при Ибрагим-паше, было побоище, после которого подобрали около 400 трупов. В 1858 году, в праздник Светлого Воскресения, оказалось четверо убитых на Голгофе. В начале шестидесятих годов несколько раз происходили кровавые схватки между христианами разных наций о Пасхе и о Рождестве. В 1860 году армяне, находя удобным завоевать, к восьми своим колоннам в храме Рождества, в Вифлееме, еще девятую, обошли ее в одной торжественной процессии, вследствие чего должны были выдержать бой с греками и турецким войском, наблюдавшим порядок. Вначале греки и турки были выгнаны из храма армянами и бежали по улицам Вифлеса; но потом, приобретя союзников в жителях города, арабах, частью православного, частью католического исповедания, разбили армян на голову.

Позже, в 1861 году, произошла кровавая схватка между греками и францисканами Вифлеса за неуместное радение о чистоте общего их двора, при храме Рождества, собственно небольшой площадки, которую Греки считают своею, а францискане своею, и помириться в этом никак не могут.

Вот эта история, как рассказывало мне ее одно почтенное лицо, чуть ли не бывшее ее очевидцем.

Накануне праздника Рождества, францискане, не дождав-шись греческих подметальщиков двора, выслали своих. Греки сейчас же, являсь в большом количестве на спорную площадку,

прогнали непрощенные метлы. Тогда явились рати францискан, и завязалась упорная драка, на которую оба настоятеля, греческий и францисканский, смотрели со своих стен, не находя нужным, ни тот, ни другой, принимать в ней участие. Но францисканский скоро не выдержал и спустился вниз, тогда спустился и греческий, человек небольшого роста, но крепкий и живой в движениях. Он сразу сшиб с ног дюжего Голиафа францискан. Потеря вождя расстроила францисканские дружины: они бежали, оставя площадь во власти греков.

В том же году был незначительный спор за ступень, вложенную францисканами в одной греческой лестнице и записанную, разумеется, на себя. Но спор этот так и остался одним спором, не перейдя в побоище, благодаря вмешательству нашего архиепископа. Францисканская ступень выброшена и заменена правительственной, то-есть турецкою, и лестница, по-прежнему, считается вся во власти греков.

Такое положение дел не даст развиваться аскетизму.

Среди дня иные монахи отправляются в принадлежащие им *пирги*, то-есть дачи в окрестностях Иерусалима и Вифлеема, жарят там *харуфа* (барана) по-бедуински, засыпая его землей и камнями. Баран выходит очень вкусный, но только всегда с песком. Кроме того, сдят там виноград, неизбежно растущий кругом в ограде; пьют кофей; вообще предаются кейфу и отдохновению. Иные остаются в *пирге* по несколько дней.

Вечером чуть не весь Иерусалим выходит на прогулку за Яффские ворота. Тут увидите и маститого старца, патриаршего наместника Мелетия, поддерживаемого двумя послушниками; и отца Савватия, с чудесною бородой, которая известна всей Палестине; и знакомых вам Никифора, Серафима, Григория. Проедет тут же на славном рыжем коне, чистой арабской крови, с разными украшениями на седле, между которыми особенно много мелких малиновых кисточек,— муфти, по окончании своих премудрых заседаний в мижлисе; но чаще он выезжает в Дамасские ворота и следует по узким тропинкам, между старых, там и сям разбросанных олив.

Выйдет за Яффския ворота о ту пору и несколько европейских семейств: какой-нибудь консул с женой, заезжие англичанс, американцы, тоже со своими женами, у кого она есть.

Но более всего снует по белой, убитой как камень, дороге местного народу: арабов, турок, евреев. Последние неизменно те же, какими их видишь везде, во всех углах вселенной. Не мешает только заметить, что иерусалимские и вифлеемские Евреи вовсе не прямые потомки первобытных завоевателей Палестины. С тех пор как евреи были выгнаны из этой страны во времена Адриана, племя их разбредлось по свету и выработало из себя,

под гнетом общего презрения, совсем иной народ, который, как известно, везде долго гнали и преследовали. Не выдержав нового гнета в иных землях Европы, они снова бросились в Палестину. Первые такие поселенцы Иерусалима были, как говорят, испанские евреи, бежавшие из Испании, при Фердинанде и Изабелле, в 1492 году. Потом явилось несколько партий из Германии, Польши, России и Америки. Им было легко захватить в свои руки торговлю в таком месте, где христиане занимаются с утра до ночи подкопами друг против друга, а все восточное живет чересчур по-восточному, то-есть грязно, сонно и лениво. А потому лучший магазин в Иерусалиме принадлежит теперь еврею Левенталю. Банкир города сврей Берггейм. Лучшая больница основана тоже евреем Монтефиоре. Есть, кроме того, больница, основанная известною драматическою артисткой Рашелью. Все жестянки, в которых иорданская вода достигает до нашего отечества, делаются тоже евреями. Евреи режут печати с гербом Иерусалима; точат палки из дервьев, растущих по берегу Иордана и из старых маслин Гесфимании, помнящих Спасителя. Многие служат даже проводниками по Иерусалиму и его окрестностям, объясняя разные давние памятники и толкуя историю христианства.

Заезжему христианину, без дела, сильно его занимающего, в Иерусалиме нестерпимо скучно. Он тоскует от недостатка условий европейской жизни, даже, на первых порах, хиреет, то от случайного зноя во время лета, то от сырости в домах зимой, так как все иерусалимские постройки не имеют в себе ничего деревянного: полы, потолки и стены их непременно каменные, из местного, рыхлого гранита, сильно промокающего от дождей. Это обстоятельство делает пожары почти невозможными в Иерусалиме, и никакой пожарной команды там нет и не было. Сверх этих неудобств, приезжий терпит и от стоялой воды, к которой надо сильно привыкнуть, чтобы употребляя ее, чувствовать себя вполне здоровым.

Не так давно, вероятно для развлечения жителей, появилось в Иерусалиме несколько шарманок, но они неприятно дерут ухо и положительно неуместны. Мы слышали однажды песню «*По улице мостовой*», играемую на шарманке. Рассчет был, конечно, привлечь прямо внимание русских, которых в Иерусалиме очень много, более чем всяких других поклонников. По словам нашего архиерея, в день около ста; о Пасхе бывает от 500 до 800.

Жизнь в Иерусалиме с целию служебною, политическою, среди вечных распрей, споров, интриг, кладет особую печать на зажившегося здесь человека. Тот, кого вы знали в другом городе простым и наивным, если попал сюда на службу, чрез год неузнаваем.

Таким образом, Иерусалимов, собственно, два. Недаром по-еврейски *Ерушалаим*, множественное число: *Иерусалимы*, как и по-гречески. И в нашей Библии говорится иногда: «во Иерусалимах». Одного, пожалуй, хоть и не зная; чем более узнаешь другой, тем более он привлекает. Много было написано об этом д р у г о м Иерусалиме и еще больше напишется. Самые значительные любопытные открытия сделаны в недавнее время, в пятидесятых годах нашего столетия. Я уже говорил, как завлекательно исследование здешних древностей, как не хочется отсюда уехать, когда вошел в колею познания прошедшего, по живым, ярко-говорящим свидетельствам, раскинутым в необъятное пространство. Куда бы ни поехал и ни пошел путешественник: к горе ли франков, к Гадулламским ли пещерам, к Найлузу ли и Самарии, в сторону ли Иерихона и Мертвого моря, так ли куда в окрестности Иерусалима, он везде читает книгу прошедшего...

И. А. БУНИН

(1870—1953)

Иван Алексеевич Бунин совершил поездку в Палестину вместе с В. Н. Муромцевой-Буниной в апреле—мае 1907 г. Приехав морем в Яффу, Бунины Саронской долиной прибыли в Иерусалим, побывали в Хевроне, Вифлееме, Иерихоне, у Мертвого моря, в Генисарете, Тивериаде, Табхе, а из Кайфы отправились в Египет. Очерки, посвященные этому путешествию, которые писатель называл путевыми поэмами, позднее вошли в его прозаический цикл «Тень птицы».

По словам Муромцевой-Буниной, посетить Святую Землю было «заветное желание» писателя. И поездка оставила заметный след в бунинской поэзии и прозе. Без преувеличения можно сказать, что эти произведения И. А. Бунина принадлежат к лучшим страницам русской литературы, посвященной Святой Земле.

И У Д Е Я

И Господь поставил меня среди поля, и оно было полно костей.

Иезекииль.

I

Штиль, зной, утро. Кинули якорь на рейде перед Яффой.

На палубе гам, давка. Босые лодочники в полосатых фуфайках и шароварах юбкой, с буро-сизыми, облитыми потом лицами, с выкаченными кровавыми белками, в фесках на затылок орут и мечут в барки все, что попадает под руку. Градом летят туда чемоданы, срываются с трапов люди. Срываюсь и я. Барка полным-полна кричащими арабами, евреями и русскими.

Пароход, чернея среди зеркального взморья, отдаляется, кажется маленьким. Мала и Яффа. До нее еще далеко, но воздух так чист, а восточные контуры ее кубических домиков, среди которых то там, то тут метелкой торчит пальма, так четки и просты. Уступами громоздится этот каменный, цвета банана, городок на обрывистом побережье. От рейда его отделяет длинная гряда рифов. За ними, у береговых отмелей, шелком сияют обвисшие паруса на высоких, тонких мачтах лодок. Их больше всего возле северной отмели, где когда-то был Водоем Луны, финикийская гавань. С севера к Яффе подступает золотисто-синяя от воздуха и солнца Саронская долина. С юга — желто-серые

филистимские пески. На востоке — знойно-голубой мираж Иудеи. Там, за горами, — Иерусалим.

В штиль рифы обнажаются — барка спокойно проскальзывает между их ржавыми, мокрыми и нестерпимо блестящими на солнце глыбами. На пристани сараи — таможни. По гладким каменным уступам, в тени звонких переулочков поднимаемся к базару. О Стамбуле напоминает в первую минуту запах гниющих апельсинов и укропа, смешанный с чадом восточной кухни. Но нет, даже в самых глухих закоулках Стамбула нет плит, столь выбитых и отшлифованных копытами и туфлями, и такой толпы — таких грубых одежд, такого жесткого загара и таких гортанных криков! Вот базар с мокрым фонтаном, с водоносами под бурдюками и кувшинами, с верблюдами и собаками, с грудями фруктов и зелени, с кофейнями и лавчонками в крытых полутемных рядах... Да, тут все старее, восточнее. И небо над базаром ярче, и зной не тот. А какие дряхлые хананеи с красными кроличьими глазами мняют в сумраке рядов бешлыки на лепты и пиастры!

В садах вокруг Яффы — пальмы, магнолии, олеандры, чащи померанцев, усеянных огненной россыпью плодов. Запыленные ограды из кактусов в желтом цвету делят эти сады. Между оградой, по песчано-каменистым тропинкам, медленно струится меланхолический звон буленчиков — тянется караван верблюдов. Где-то журчит по канальчикам вода — под однотонный скрип колес, качающих ее из цистерн. Этот ветхозаветный скрип волнует. Но еще больше волнует сама Яффа. Эти темные лавчонки, где тысячу лет торгуют все одним и тем же — хлебом, жареной рыбой, уздечками, серебряными кольцами, связками чеснока, шафраном, бобами; эти черные, курчаво-седые старики-семиты с обнаженными бурыми грудями, в своих пегих хламидах и бедуинских платках; эти измаилитянки в черно-синих рубахах, идущие гордой и легкой походкой с огромными кувшинами на плечах; эти нищие, хромые, слепые и увечные на каждом шагу — вот она, подлинная Палестина древних варваров, земных дней Христа!

На другой день покидаем Яффу, направляясь по Саронской долине к Иерусалиму. Пустынный путь! Нарциссы долины, из-за легендарного плодородия которой было пролито столько крови, теперь начинают выпаживать. Иудея опять понемногу заселяется своими прежними хозяевами, страстно мечтающими о возврате дней Давида. Но цветов еще много, слишком много. Всюду мак, мак и мак: щедро усеял он эти пашни и нивы своими огненными лепестками.

Очаровательный ветер весеннего дня и приморской степи, солнечное тепло, сладкий аромат цветущих оливок, хлебов и

горячей земли вест в окна коротенького поезда, раз в сутки пробегающего по долине и горам к Иерусалиму. Он идет по волнистым полям, среди ржавых пашней и зеленых посевов, то и дело встречает вереницы верблюдов, стада черных коз и серых овец, кучками толпящихся то там, то здесь под охраной полудиких пастухов и собак, похожих на шакалов.

— Но, боже, сколько маку! — говорит мой спутник, русский еврей, старик с большой серо-сизой бородой.

А за Лиддой и Рамло, — каменными кубами арабских городков, ярко белеющих под ярко-синим небом среди финиковых пальм и кипарисов, — почва становится еще суше, еще кремнистее и волнистей, а хлеба еще слабее и жиже. Начинается подъем, — до самого Иерусалима. Уже виден впереди серый камень, синь впадин и ущелий. Поезд медленно выбивает так короткими вздохами, свистки его делаются гулки и звонки, путь извилистей; мы глядим на небо уже из какой-то голой, каменистой котловины. И вот котловины начинают сменяться котловинами, ущелья ущельями... Иногда они оживляются сожженной зносом зеленью деревьев, растущих на их кремнистых ложах, или пелазгическими останками хананейских укреплений на куполообразных вершинах; иногда овцами, рассыпанными по сухим обрывам, среди голышей в лишаях и колючках; или рядами каменных оградок, — следами террас, на которых спокон веку разводили здесь сады и виноградники... Только где же те «бездны», которыми будто бы поражают Иудейские горы? Где высоты, что будто бы «еще дышат величием Иеговы и ужасами смерти»?

Солнце скрылось, в горах тень. Мы уже в самой сердцевине их. Все поднимаясь и поднимаясь, проползаем кремнистые долины, извиляющейся гусеницей огибает поезд серо-желтые каменные ковриги, густо усыпанные круглыми голышами... Это именно здесь, в одной из этих котловин, «взял посох свой в руку свою Давид и выбрал пять гладких камней из ручья и поразил Голиафа...»

Перед вечером поезд выползает, наконец, на темя гор — и вдали, среди нагих перевалов и впадин, изрезанных белыми лентами дорог, показываются черепичные кровли нового Иерусалима, окружившего с запада зубчатую сарацинскую стену старого, лежащего на скрытом от нас скате к востоку. Тут мой спутник поднимается с места, становится лицом к окну, закрывает глаза и быстро-быстро начинает бормотать молитвы. Мы уже на большой высоте, солнце стоит низко, поднялся ветер — и дрожь пробегает по телу при выходе из жаркого вагона. Не дрожь ли горького разочарования? Новый, но какой-то захолустный вокзал из серого камня. Перед вокзалом галдят оборванные извозчики —

евреи и арабы. Дряхлый, гремящий всеми винтами и гайками фэзтон, пара кляч в дышле... И в то время как сизый носильщик швыряет в фэзтон наши чемоданы, спутник мой по-детски, ладонью наружу, закрывает глаза и тихо плачет, покачивая шляпой.

II

Вчера весь день я бродил по Иерусалиму, нынче объехал верхом вокруг его стен и на закате возвратился к Западным воротам.

Как груба и стара громада ворот! Зубчатая сарацинская башня, в упор освещенная низким солнцем, вся как будто из потемневшего от времени железа. Небольшая площадь за воротами почти вся в тени, падающей и от них, и от тяжелой цитадели Давида с ее рвами и бойницами. Направо — несколько европейских домов, магазинов. Напротив — улица Давида: узкий, темный, крытый холстами и сводами ход между старыми-старыми мастерскими и лавками. Из него выныривают навьюченные ослы, фески, женщины, с головой завернутые в покрывала, постукивающие деревянными скамеечками, заменяющими здесь туфли... Вечерний свет: падающий из ворот на жерло этого входа, делает его совсем черным. Как раз возле него — высокий, узкий дом, наш отель. Спрыгнув с лошади, я иду туда, где провожу все вечера, — на крышу. Иду по внутренним и наружным лестницам, на одном повороте останавливаюсь: за окном подо мной — громадный «водосем пророка Иезекии», темно-зеленая вода которого стоит прямо среди домовых стен с решетчатыми окошечками, пробитыми как попало — и очень высоко, и очень низко. Медленно спускается из одного такого окошечка кожаное ведро на веревке...

Солнце на закате. Я выхожу на крышу, снимаю пробковый шлем, и по голове моей дует с запада сильный и прохладный ветер. Небо глубокое, бледно-синее, без единого облачка. Я на темени Иудеи, среди волнистого плоскогорья, лишь кое-где покрытого скудной зеленью. Все мягкого, но очень определенного серо-фиолетового тона. Застывшие перевалы, глубокие долины, куполообразные холмы... За мной, в закате — оливковые рощи и раскиданные по холмам здания: католические приюты, школы, госпитали, виллы. На севере, на горизонте, — четкий известковый конус, гора Самуила. На востоке, за Кедроном и горой Елеонской, — Иудейская пустыня, долина Иордана и стеной нежно-фиолетового дыма заступивший полнеба, ровный и высокий хребет от века таинственных Моавитских гор. Прямо же подо мною плоской, голой кровлей желто-розового цвета лежит ка-

менная масса небольшого аравийского города, со всех сторон окруженного глубокими долинами и оврагами.

«Иерусалим, устроенный, как одно здание!»— вспоминаю я восклицание Давида. И правда: как одно здание лежит он подо мною, весь в каменных купольчиках; опрокинутыми чашами раскиданных по уступам его сплошной кровли, озаренной низким солнцем. Первобытно-простой по цвету, первобытно-грубый по кладке, без единого деревца,— только одна старая высокая пальма на южной стороне,— он весь заключен в зубчатую толщу стен и кажется несокрушимым. Он, воспетый Давидом и Соломоном, некогда блиставший золотом и мрамором, окруженный садами Песни Песней, ныне возвратился к аравийской патриархальной нищете. Уступами сходящий к кремнистой ложбине Кедрона, к переполненной несметными могилами Иосафатовой долине, окруженный пустырями и оврагами, он кажется тяжким и грубым вретищем, одевшим славный прах былого.

Над ним высятся редкие минареты, католические колокольни и рубчатый черно-синий купол приземистой мечети Омара, занявшей место храма Соломона. За стеной домов, над водоемом, лежащим подо мною, два тоже рубчатых черно-синих купола. Это главы тяжких, вросших в землю храмов над Гробом и Голгофой. В чистом воздухе необыкновенно близка кажется мечеть. А до купола Гроба просто хочется дотронуться. Тысячи черных стрижей верезжат и носятся над этой каменной стариною. Солнце опускается, в темных норах и перелогах, скрытых кровлею города, в грязных базарных рядах замирает шум и говор торга... Боже, неужели это правда, что вот именно здесь был распят Иисус? И неужели это над его гробом блещет теперь в полумраке византийских сводов и подземелий жуткое величие несметных лампад, огромных погребальных свечей, золота и драгоценных камней, стоит бальзамический дым ладана, запах воска, кипариса, розовой воды!

Вот с какой-то католической башни одинокий звонкий колокол бьет семь. Когда замирает его последний звук, издали раздается грустный сильный альт, призывающий к смиренному прославлению Аллы за мирно угасший день. Вестер с запада, холодный. Солнце скрылось. На город и на всю Иудею пала легкая пепельная тень. Моавитские горы — как южное море в тумане. Блекнет серо-сиреневая пустыня Иордана. Пепел, павший на город, становится розово-сизым. Вестер колблет перья одинокой пальмы, возвышающейся над ним...

Я оборачиваюсь: мутно-лиловые облака плывут по бледно-алому закату. Выше заката неба точно нет: что-то бездонное, зеленоватое, прозрачное. Потом я снова гляжу на восток, и меня уже спит печальная тьма быстро набсгающей ночи. Внизу сту-

чат, поспешно закрывая лавки. Жизнь замирает, прячется в свои норы. Сумрачны стали купола Мечети и Гроба. Темным ветхозаветным богом вест в оврагах и провалах вокруг нищих останков великого города. Или нет,— даже и ветхозаветного бога здесь нет: только всянье Смерти над пустырями и царскими гробницами, подземными тайниками, рвами и оврагами, полными пещер да костей всех племен и народов. Место могилы Иисуса задавлено чернокупольными храмами. Мечеть Омара похожа на черный шатер какого-то тысячелетия тому назад исчезнувшего с лица земли завосвателя. И мрачно высятся возле нее несколько смоляных исполинских кипарисов...

«Се оставяется вам дом сей пуст...»

III

На Сионе за гробницей Давида видел я провалившуюся могилу, густо заросшую маком. Вся Иудея — как эта могила.

Я был в Вифлесе и Хевроне. Путь до Вифлеса самый живой из всех Иудейских путей. Я схал утром, и в жарком блеске утреннего солнца и золотисто-синего воздуха тонули горы и долины на востоке, горячо и ярко белело шоссе передо мною, весело зеленели посевы по красноватым перевалам вокруг, в садах миссий ворковали дикие голуби. И вспоминались сады и виноградники Соломона:

— Цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышится в стране нашей... Встань, возлюбленная моя! Выйдем в поле, побудем в селах; поутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустились ли виноградные лозы...

Как голос Жениха-Христа, обращенный к Невесте-Церкви, понимала древняя церковь этот сладкий весенний зов: «Встань возлюбленная моя!» Но не ко всей ли земле был обращен этот зов?

По пути в Вифлесем зеленели когда-то сплошные сады, где «деревья опускали цветы долу, воды цистерн выходили из краев и на всех ветвях пели птицы, приветствуя проходящую с младенцем на руках Марию...»

Вифлесем — жизнь, воздух, солнце, плодородие; его тесно насыпанные по холмам палевые кубы смотрят на восток, на солнечно-мглистые дали Моавитских гор, от которых некогда пришла кроткая прама-терь Давида Руфь.

Но за Вифлеемом — пустыня. Целый день только глинистые ковриги гор, усеянные круглыми го-лышами, да кремнистые долины. А ведь эта ржавая земля, перемешанная со щебнем, ведь это и есть Страна Обетованная, страна, что родит теперь больше всего дикого маку. Точно фиолетово-красные озера стоят в до-

линах среди гор, усыпанных гольшами. Точно сперва кровавый, а потом каменный ливень прошел по этой стране...

Водоемы Соломона! Я ждал их с волнением — и вот увидел наконец. Влево от дороги стоят руины зубчатой сарацинской крепости. За ней вход в новую глухую, мертвую долину. И ступами лежат в этой долине три гигантских цистерны. Первая суха, пуста. Во второй половина покатога дна чуть прикрыта бирюзовой водой. В третьей покрыто все дно. Густые зеленые кудри дикого плюща виснут со стен. Сквозь них шелковисто и дремотно шумят в тишине серебристые каскады. И заурядно-равнодушно наигрывает на плакучей свирели мимо проходящий пастух, зорко поглядывая на черных коз, рассыпанных среди гольшей по окрестным обрывам. Маленькое, совсем черное лицо, женственно обрамленное шерстяным платком под двойным шерстяным обручем. Маленькая вьющаяся бородка, огненные глаза. Грубые бедунские башмаки. На худое тело надета белая рубаха до колен, подпоясанная платком. На плечи накинута траурная шерстяная хламида, белая в черных полосах. За плечами — кремневое ружье... Совсем не о Соломоне напоминает этот потомок Измаила и Агари! Жизнь совершила огромный круг, создала на этой земле великие царства и, разрушив, истребив их, вернулась к первобытной нищете и простоте...

Перед вечером видел я еще один след Иудеи. Ехали мы опять по долине, и проводник указал мне на пещеру у подошвы холма — на «пещеру Иеремии». Я свернул к ней. Вечер был мирный, с нежно синюшими далями, — летний вечер на юге России. Возле пещеры цвел куст дикого шиповника. Стрелой вылетел из нее шакал, мелькнул лисьим хвостом и, вскочив на пригорок, сел и наострил уши. На земле, при входе в пещеру, закопченной дымом, валялись пестренькие крылышки съеденной совки...

Под Хевроном холмы живописней. Все они опоясаны рядами террас, на которых зеленеют старые дубы, сереют старые сливы, лежат толстые лозы ханаанского винограда. Но чувствуется одно: приближаясь к первой столице Иудейского царства, все более углубляясь в страну ветхозаветных кочевников. Повстречался караван. Медленно двинулись высокие верблюды, важно выгнув свои тонкие ши, откинув маленькие головки с темными умными глазами и показывая большие продольные ноздри. Несколько черных оборванных разбойников шли сзади...

А Хеврон — это дикое мусульманское гнездо, серый каменный поселок в узкой Долине Возлюбленного. Базарная улочка его стара и грязна несказанно. Пройдя ее, поднимешься на взгорье. Там одиноко стоит нечто вроде маленькой крепости, где почивают Авраам и Сарра — прах равно священный христианам,

мусульманам и иудеям. Но мальчишки все-таки швыряют камнями в подходящих к нему поклонников немусульман, травят их собаками...

В Греции, Риме, Египте историческая жизнь почти не прерывалась. Гибли и они в свой срок. «И зарастали дворцы их колючими растениями, крапивой и репейником — твердыни их; и были они жилищем шакалов, пристанищем страусов; и звери пустыни встречались в них с дикими кошками, и демоны перекликались друг с другом». Но мешало ли это возникновению среди развалин новых царств?

Не то было в Иудее.

В мире нет страны с более сложным и кровавым прошлым. В списках древних царств нет, кажется, царства, не предавшего Иудею легендарным бедствиям. Но в Ветхом завете Иудея все же была частью исторического мира. В Новом она стала такою пустошью, засеянной костями, что могла сравниться лишь с Полем Мертвых в страшном сне Иезекииля. Ее неособримые развалины ужаснули самого Адриана. Что Навуходносор перед Титом или Адрианом! Навуходносор «пахал Сион». Тит «выше стен» загромоздил его трупами. Приближение его было приближением воинства Сатанаила. Тучи сгустились, спустились над храмом Соломона, и, в гробовом молчании, сами собой распахнулись бронзовые двери его, выпуская воинство Иеговы. «Мы уходим!» — сказал Иудее неведомый голос. А при Адриане внезапно распалась гробница Давида, и «волки и гисны с воем появились на улицах пустынного Иерусалима». То был знак близкого возмездия за последнее отчаянное восстание иудеев, перебивших на Кипре около трехсот тысяч язычников, в ветхозаветной ярости пожиравших мясо убитых, сдиравших с них кожу на одежды... И чудовищно было это возмездие!

Оно было исполнением пророчеств. Да замрет в Иудее «голос торжества и голос веселия, голос жниха и голос невесты». Да не останется камня на камне от великого, стократ погибавшего в крови и пламени Города Мира. Ибо на долгий, долгий срок земля его, вся пропитанная кровью, должна была стать «терном и волчцами».

Жить обычной жизнью после всего того страшного, что совершилось над ней, Иудея не могла. Долгий отдых нужен был ей. Пусть исчезнет с лица ее всякая память о прошлом. Пусть истлеют несметные кости, покроются маком могилы. Пусть почит она в тысячелетнем забвении, возвратится ко дням патриархов...

И она возвратилась.

А. П. ЛАДИНСКИЙ

(1896—1961)

Известный исторический романист и поэт Антонин Петрович Ладинский посетил Святую Землю в 1936 году по поручению выходившей в Париже газеты русской эмиграции «Последние новости», в которой он в то время работал. В предисловии к путевым очеркам, составившим книгу «Путешествие в Палестину», Ладинский писал: «...почувствовать тот воздух, очень сложный, составленный из многих ингредиентов, от бензинового газа трактора и порохового дымка до древних запахов Библии,— которым дышит эта необыкновенная и дорогая миллионам людей страна. Постараться запечатлеть этот воздух в печатных строках и являлось целью моей поездки в Палестину». Это путешествие отразилось и в других произведениях писателя, в таких, как, например, «Сотник из Капернаума» (1945) или «Саломея» (1946), а в его книгу стихов «Пять чувств» (Париж, 1938) вошло стихотворение «В Иерусалиме» (1937):

*Да, не прочнее камень дыма,
И русским голосом грудным
О камнях Иерусалима
Мы с музой смуглой говорим.*

*А у нее гортанный голос,
И видел я на поле том,
Она склонилась, чтобы колос
Поднять, оставленный жнецом.*

*Все розовое в этом мире —
Дома и камень мостовой,
Холмы и стены, как в порфире,
Как озаренные зарей.*

*Счастливцев я! Бежав от прозы,
Уплыв от всех обычных дел,
На эти розовые розы
Я целый день с горы смотрел.*

Из книги «Путешествие в Палестину»

ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

Даже о святых местах приходится писать в связи с политическим положением.

Положение в Иерусалиме было таково, что посещать «Старый город» туристам не рекомендовалось. Обнессенный сте-

нами Сулеймана Великолепного, со своими семью воротами, со своими базарами, мечетями, монастырями и синагогами, он представлял собою маленький средневесковый мирок, каким-то чудом сохранившийся в двух шагах от современной жизни. В городе, в тесном кольце стен, четыре «квартала» — христианский, мусульманский, армянский и еврейский, — и в каждом свои святыни, но мало чем отличаются один от другого эти тесные каменные переулки. Досадно было бы побывать в Иерусалиме и не увидеть святых мест и Старого города. Один из иеромонахов «Русской миссии», отец Филипп, редактор маленького журнала «Святая земля», так сказать, собрат по перу, предложил сопровождать меня в этом не особенно безопасном путешествии, надеясь, что его ряса избавит нас от возможных неприятностей.

Мы вошли в город через «Яффские ворота», где стоят башни турецкой цитадели, и долго бродили по солнечным переулкам, вымощенным розовым, скользким, как лед, камнем, отполированным за столетия сандалиями и бабушами, то по полутемным, пахучим, крытым базарам.

Ни одного европейского лица. Только у патриархии попались навстречу два-три греческих священника, да на одном перекрестке стоял полицейский пикет с винтовками, да и то были арабы. Люди в фесках и «галибиях» или в бедуйских «кефиях» и «абайях» (бурнусах) сидели на корточках в тени домов. Все лавки на базарах были заперты, даже лавчонки, что продают крестики и терновые венцы. Отперты были только булочные, где беднота покупает хлеб свой насыщенный — библейские лепешки, — да черномазые мальчишки носили в корзинах «газозу» и жалкое лакомство — натканые на лучинки дрянные яблоки, политые для большей соблазнительности розовым растопленным леденцом. Изредка проходил нагруженный огромными мешками с ячменем или кукурузой ушастый ослик. А так — сонное царство. Мы бродили по затихшим базарам, вдыхали пряный запах имбиря и мускатных орехов, заглядывали в двери монастырей. Эти абиссинские, сирийские и греческие монастыри стоят здесь, может быть, со времени вселенских соборов. Они по наружному виду мало похожи на монастыри: глухая стена в переулке христианского квартала, забранное железом оконце, низенькая дверь, а за нею каменный дворик, и какие-то женщины в сточного типа вывешивают на галерейке полосатые перины.

Ни сверкающих ненавистью глаз, ни криков по нашему адресу. Только в глухом месте, когда мы свернули к «Стене плача», нас окружили какие-то молодые люди, в фесках, но одетые по-европейски, похоже на то, что из «комитетчиков», и оживленно стали говорить по-арабски. Можно было понять, что они

спрашивают у священника, кто его спутник — американец или англичанин? Узнав, что мы «москоби», арабы пропустили нас, и это был единственный инцидент. Но не без некоторой опаски мы прошли к «Стене плача».

В эти дни у стены не было ни одного еврея. Унылая циклопическая стена, невыразимой древности, политая слезами стольких поколений, зацелованная, отполированная от касаний. Говорят, что где-то в этих местах находится дом муфтия, что он смотрит иногда из окошка на плачущих евреев, поглаживая свою красивую бороду. Но тогда евреев не было даже в соседнем еврейском квартале. На всякий случай они переселились в новый город, покинув древние синагоги и очаги предков. Рядом сидел в будке араб-полицейский и читал газету «Фаластин», заголовков которой похож на произведение искусства. Улицы залиты солнцем. Розовые камни под ногами скользили, как бальный паркет. У стены стоял ослик в нарядной уздечке и оглашал окрестности невыносимым криком. А в нише ворот — солнечная площадь и мечеть Омара сияла своей майоликой...

С волнением приближась к Гробу Господню. Ведь тысячу лет наши предки считали это место одним из самых священных мест на земле, может быть, самым святым. Ученые изыскатели доказывают, что Христа не могли бы положить здесь в гробницу: здешние места находились внутри городской черты, а хоронили только вне стен города. Дело не в этом. Миллионы пилигримов, грубых сердцем крестоносцев, русских паломников в лаптях, болгарских селяков, людей из всех стран, простодушной верой и слезами сделали это место святым. Они приносили сюда все лучшее, что у них было в сердце. В каком-нибудь бургундском городке, или в глухой рязанской деревушке они вздыхали о стране вайий и иерихонских роз, о земле, которую попирали стопы Христа, о тех иерусалимских улицах, по которым шел Он на Голгофу...

Кажется даже церковь не настаивает на подлинности Крестного Пути. Древние улицы проходили на два метра ниже и где-то рядом, на месте теперешних домов. Но миллионы людей плакали, следуя этими улицами, шаг за шагом, вспоминая события, которые случились по дороге на Голгофу.

Под жгучим полуденным солнцем мы тоже шли по узким улицам. Странно было слушать объяснение моего проводника, узнавать среди этих турецких переулков евангельские места, вернее память о тех местах, на которых была представлена величайшая драма евангельского мира. Столько раз приходилось читать описание христианских древностей, но никогда не приходило в голову представить себе все так, как оно есть на самом деле: пыльные и пустынные улицы, стены церквей и монастырей,

построенных на достопримечательных пунктах, грязные дома, решетки на окнах, лавки, кофейни и вывески на арабском языке. А ведь за этой стеной была Вифеада, «пруд милосердия», а по другую сторону купель Израиля, где мыли жертвенных животных, и тут же стояли неприступные башни Антония, которые штурмовал XV легион, а в нескольких шагах находилась Претория, из которой Пилат вышел к бунтующей толпе и, пожимая плечами, брезгливо улыбаясь, пытался понять, чего хотят от него эти иступленные люди. Тут, вероятно, стояли благородные портики, как это полагается, на месте, где римский чиновник представляет перед провинциалами Рим, и среди холодных и строгих колонн особенно странно звучали крики о распятии! За углом Соломоновой улицы стояла Мать, и мимо Нее, в сопровождении вооруженных людей и взволнованных толп, проходил Ее Сын, а еще дальше грубые солдаты, которые торопились закончить с неприятным «нарядом», заставили Симона Киренянина нести Крест и тем обессмертили навеки скромного и ничем не замечательного человека. Все четырнадцать остановок Крестного Пути отмечены церквями и монастырями или надписями на стенах соседних домов. Одно утешение: нет на улицах ни туристов, ни гидов, ни щелкающих кодаков.

Христианское предание утверждает, что в эпоху второго храма святые места лежали вне городских стен, значит Христа могли распять и погребсти там, где теперь находятся самые дорогие святыни христиан всего мира. Хозяевами их являются представители трех церквей: греческой, католической и армяно-грегорьянской. Раньше всех пришли сюда греки, еще во времена Византии, и ревниво охраняют свое первородство. В эпоху Крестовых походов появились католики и позже других, при султанах, армяне, игравшие большую роль в делах Блистательной Порты, бывавшие неоднократно великими визирями и выхлопотавшие для своих единоверцев привилегии у святых мест. Только представители этих исповеданий могут служить на Гробе Господнем, только их патриархов встречают торжественно у Камня Помазанья. Сам епископ Кентерберийский, во время посещения гроба, не претендовал на такие привилегии. Здесь все освящено тысячелетней традицией, каждый уголок святых мест закреплен за тем или иным исповеданием, а на почве соревнования происходят вечные конфликты между церквями.

Ко гробу Господню надо пробираться по кривым переулкам. Древний храм с почерневшим византийским куполом стоит среди невзрачных полуразвалившихся домов. На солнечном дворике, на месте древнего атриума Константиновой базилики, от которой остались только основания четырех колонн, бродили какие-то восточные люди в фесках. Стена храма подперта железными

фермами, и за уродливым железом подпорок видны два романских портала, таких, какие можно встретить где-нибудь в Тулузе или Авиньоне: храм был построен крестоносцами. Внутри церкви полумрак. В дверях на нарах, какие обыкновенно стоят при входе во всякое присутственное турецкое место, полулежал мусульманин-привратник, по восточному, одну ногу вытянув, а другую поставив на ложе. Одна из курьезных традиций: хранители Гроба Господня из мусульманской семьи. Ключи передаются от отца к сыну в течение многих веков.

Вы входите в храм и вас охватывает сумрак, тишина, запустение. Наверху видны на месте обвалившейся штукатурки кирпичи древней кладки, стены закрепили от свечной гари, восемнадцать колонн, которые поддерживают ветхий купол, не видели ремонта сотни лет. Во всех закоулках — темнота, копоть, какая-то особенно грустная тишина. Но, может быть, таким и должен быть храм Того, Кто родился в яслях, в пещере, под теплые вздохи волов и шорох соломы? В пасхальную ночь сюда приходят тысячи людей, арабов, сирийцев и бедуинов, с женами и детьми, с глиняными сосудами с водой, чуть ли не с подушками и циновками и располагаются в тесноте и давке, как у себя дома, в ожидании, когда из закопченного оконца часовни Ангела патриарх протянет пучок потрескивающих свечей, и тогда храм наполняется теплотой и чадом многих тысяч огней. Может быть, такие же простые сердцем пастухи, рыбаки и ремесленники ходили за Ним по галилейским горам и теснились к Нему в капернаумских синагогах?

Все христианские святыни — Камень Помазанья, Гроб, Голгофа, место обретения Креста, гробница Иосифа из Аримафеи и Католикон, греческий собор, — находятся под сенью одного огромного купола. Над Камнем Помазанья висят гроздь золоченых ажурных лампад, и такие же лампы висят над Гробом Господним и над Лобным местом. Греческий монах показывает отмеченное серебряной звездой место, где стоял Крест. Все обложено мрамором алтарей, но сквозь отверстие в звезде виден грубый камень скалы, и верующие припадают к нему, потрясенные близостью того мира, в котором жил Спаситель. Склонясь над Гробом Господним, они стараются увидеть в щель под мраморной, разбитой на 2 части, плитой, кусочек гробницы, в которой 3 дня покоилось тело Христа. В католическом приделе, где францисканцы сильными мужскими голосами поют латинские гимны, паломники просовывают трость в отверстие, за которым стоит столб бичевания, и лобзают ее в упоительном желании причаститься страстей Христовых. Они спускаются по обветшалым ступеням базилики святых Константина и Елены, где стены в крестиках, нацарапанных рыцарскими мечами, со слезами на

глазах смотрят на древние цистерны, в которых по преданию найдены были благочестивой византийской императрицей остатки Креста, с уважением взирают на «пуп земли» в Католиконе, на вделанный в раму камень, часть того камня, который отвалил от могилы ангел на рассвете первого дня недели, когда женщины горестно шли среди масличных деревьев и несли «алвастровые» сосуды с ароматами...

Главные святыни находятся в руках православных и католиков. Остальным исповеданиям предоставлены маленькие часовни. Почему-то запомнилась коптская часовня с радостными, как бы детскими, иконами и мрачная сирийская часовня, где на земляном полу стоит деревянный, грубо раскрашенный алтарь — предел бедности и простоты. Или равнодушия? Абиссинцы служат в торжественные дни наверху, на крыше храма, около купола базилики св. Константина и Елены. Здесь они разбивают полосатые шатры, раскрывают пурпуровые зонтики и поют молитвы на древнем гортанном языке.

Покидасшь Гроб Господен и перед глазами все еще поблескивают гроздья лампад, самое характерное, что есть в храме. Такие же лампы, с разноцветными слочными шарами или с виноградными гроздьями из хрупкого стекла, свисают и с мрачных сводов гробницы святой Марии, там, за Львиными воротами, где пыль, камень и солнце. А по другую сторону Кедронской долины уже растут тысячелетние маслины Гефсиманского сада, деревенская дорога поднимается вверх на склон Елсонской горы, увенчанной русской колокольней, и с нею открывается потрясающий вид на Иерусалим.

Нельзя без трепета смотреть на этот город! Отсюда взирает на него Даниил Заточник, первый русский паломник, и плакал. «Есть же святой той град Иерусалим, и около него горы каменные, велики и высоки... никто не может не прослезиться»...

Горы не велики и не высоки. Они казались огромными его простой черниговской душе. Но есть в них какая-то гармония, соразмерность со всем этим грустным и благородным пейзажем, с воздухом евангельских воспоминаний.

За стенами, которые протянулись стройной декорацией на холмах, виден купол мечети Омара и городские дома. На крепостном склоне у Золотых ворот, — заложенных турками, чтобы помешать какому-то христианскому пророчеству, — раскинулось арабское кладбище. Ниже лежит Кедронская долина в оврагах, в оливах, в тропинках, в каменных хижинах. Вся Иосафатова долина перед вами с тысячелетними могильными камнями и костями башмачников, пророков и царей. А по другую сторону, далеко за страшными и безжизненными горами, за проклятой Бо-

гом Иудейской пустыней, синевой мелькнуло Мертвое море и видна тамарисковая зелень Иордана.

Дорога спускается с холма, в оливах и кипарисах, как две тысячи лет тому назад. По ним бредут ослики с кладью, с кувшинами или мешками. Арабские женщины идут рядом. Там лежат любимые места Христа — Вифания, — дом Симона Прокаженного, где Он не гнушался ни вина, ни общества грешников и блудниц, и гостеприимный домик Марии и Марфы. Там жил Лазарь.

Вифания значит — «дом пальм». Ни одной пальмы. Только оливы, серебристые, пыльные, древние, растущие на красной палестинской почве, среди каменистых холмов. Куда бы ни падал взгляд с этой горы, всюду кусочек земли, отмеченной евангельским повествованием. Вот — земля горшечника, купленная за тридцать сребренников для погребения странников, по цвету, действительно, похожая на ту, из которой делают сосуды. Вот — далекая дорога в Иерихон — дорога доброго самарянина, на которой теперь опять царит разбой. И страшнее всего — лиловые холмы Иудейской пустыни, Мертвое море, пепел Содома и Гоморры...

РУССКИЕ В ПАЛЕСТИНЕ

По своему местоположению «Русский центр», как называют в Иерусалиме русские владения, занимает лучшее и, действительно, центральное место в городе. Когда наше правительство приобретало здешние земли, тут лежал за городом дикий и пустынный холм, а теперь квадратный метр русских угодий стоит, вероятно, дороже, чем где-нибудь в районе Елисейских Полей.

Это — настоящий русский городок. На обширной площади стоит собор св. Троицы, в византийском стиле, весь из того благородного камня, розовато-кремового, который придаст иерусалимским зданиям такую теплоту.

Самая казенная архитектура превращается здесь в художественное зодчество. Но стиль собора, освященного в 1863 году, сам по себе выдержанный, строгий и за него не приходится стыдиться, как это бывает иногда, когда смотришь на творчество чиновных архитекторов.

Здесь одно из немногих мест на земле, где еще сохранился во всей своей торжественности русский колокольный перезвон, радостный и праздничный, наполняющий в воскресные дни весь Иерусалим голосами медных тульского литья колоколов. А перед собором за оградой лежит титаническая колонна, может быть одна из тех колонн, что предназначались для Иродова храма, и на решетке по-русски написано: «Древняя колонна-монолит,

открытая в 1871 г.». И эта надпись напоминает о тех временах, когда ежегодно приезжали сюда десятки тысяч русских паломников, лапотников и странников, когда Иерусалим превращался в пасхальные дни в русский город. Рязанские и новгородские лапотники и странницы отлично могли не знать ни единого арабского слова, в этом большой надобности и не было: все лавочки говорили по-русски, как теперь говорят по-английски в лучших парижских магазинах для туристов — англичан и американцев. Лапотники привозили с собою русские рубли, пользовавшиеся таким престижем на Востоке, и для этих рублей продавцам реликвий и всяких других товаров стоило научиться трудному русскому языку.

Собор со всех сторон окружен камнными двухэтажными постройками, принадлежащими частью миссии, а частью «Православному братству». Теперь многие из этих зданий заняты правительственными учреждениями. В одном из домов помещается полиция, в другом суд. Першла к англичанам и наша больница, в которой теперь суются сестры в характерных английских наколочках. Но вывеска сохранилась русская. Может быть, англичане оставили ее из присущего им чувства такта. Ведь они всего только являются арендаторами наших помещений и исправно платят квартирную плату, а на эти суммы имеют возможность существовать русские духовные организации, монахи и сотни русских богомолков, застрявших в Иерусалиме во время войны. Существуют не очень роскошно, но существуют. Кроме того имеют возможность производить необходимый ремонт церквей и собственных помещений, а главное, ликвидировать мало-помалу задолженность, накопившуюся за время войны. Вообще, следует отметить, что отношение английских властей к русским духовным организациям в высшей степени благожелательное. Не малую роль в этом отношении сыграли такт, моральный авторитет и выдержка руководителей русской миссии.

Возникновение миссии надо отнести к 1858 году, когда впервые в Палестину прибыл епископ и несколько миссионеров, чтобы укрепить на Востоке русское духовное влияние. Только что закончилась насчастная для нас Крымская кампания, подорвавшая авторитет русского имени на всем Востоке, и судьба православных христиан в турецких владениях была под угрозой. В дальнейшем не всегда политика нашего правительства оставалась неизменной в восточном вопросе, но как бы то ни было миссионерская деятельность развивалась, и русское духовное и культурное влияние крепло, пока не произошло крушение старой России, а вместе с нею и поставленных ею на Ближн. Востоке задач.

Впоследствии к миссии присоединилось и другое полугосударственное начинание «Православное палестинское общество», задачей которого была охрана интересов и нужд русских паломников.

Деятельность этих учреждений была грандиозной. В ведении их находилось, между прочим, около ста арабских школ и две учительских семинарии — мужская в Назарете и женская в Бэн-Джале. Русский язык широко распространялся в Палестине, а вместе с ним и русское культурное влияние. До сих пор многие арабы, никогда не бывавшие в России, говорят по-русски. Некоторые из преподавателей и директоров арабских школ являются воспитанниками русских учительских семинарий, но, конечно, в этих школах русского языка уже не преподают.

Другой стороной деятельности русских в Палестине являлось приобретение святых мест. Русские явились на Восток позже других, когда все уголки, связанные с земной жизнью Христа уже были захвачены представителями инославных исповеданий. Из-за приобретения этих мест происходила упорная борьба, но начальникам русской миссии удалось, даже не имея в своем распоряжении больших материальных средств, купить у арабов многие кусочки земли, дорогие по евангельским воспоминаниям для сердца верующего человека.

Во главе миссии стояли сплошь и рядом очень даровитые монахи, настоящие государственные люди в монашеской рясе, первоклассные администраторы и дипломаты, все эти отцы Антонины, Леониды и Парфении, астрономы, нумизматы и археологи, умевшие соединить с монашеским идеалом недюжинные хозяйственные способности. Чего стоит одна история с приобретением дуба Мамврийского, того самого дуба, под которым, по древнему преданию, Авраам принимал таинственных небесных гостей в Хевроне! Большую роль в этом деле сыграл драгоман русского консульства Я. Е. Халсби. Сколько романтики было в этом предприятии! Дело в том, что дуб находится в районе, в котором живут особенно фанатичные мусульмане. Халеби, сам по происхождению араб, зимой 1878 года явился в Хеврон под видом купца из Алеппо. С опасностью для жизни он, в конце концов, совершил покупку драгоценного дерева на свое имя (турецкое правительство не разрешало приобретать земли в Палестине официальным представителям иностранных держав) и с торжеством вернулся в миссию:

— Дуб русский...

Можно по-человечеству понять эту благородную жадность к приобретению святых мест. Кроме того, так же поступали и представители других церквей, сплошь и рядом обладавшие

огромными средствами. Борьба захватывала, а ее результатом являются многочисленные русские владения в Палестине.

Теперь их судьба висит на волоске, и юридическое их положение в высшей степени неопределенное. Много такта и дипломатического искусства требуется от нынешних руководителей миссии и палестинского общества, чтобы сохранить русское богатство в Палестине. Не говоря уже о высоком характере этих земельных владений, они имеют кроме того и большую фактическую ценность. Земля в Палестине дорожает не по дням, а по часам. Подумать только, что кв. метр русской земли в Иерусалиме оценивается в сорок фунтов стерлингов!

Между прочим, следует вспомнить, что уже в XII веке в Иерусалиме находился русский монастырь. Какой монастырь и что с ним случилось, неизвестно. Теперь же русским принадлежат, кроме владений в самом Иерусалиме, монастырь на Елсонской горе, знаменитый монастырь в Айн-Кареме (древняя Монтана или Горнее как ее называют русские), Гефсимания, т. е. часть того древнего оливкового сада, в котором произошли трагические события в связи с арестом Христа и его последнего моления о Чаше. В Хевроне русским принадлежит дуб и собор, в Яффе церковь, странноприимный дом, апельсиновый сад и гробница св. Тавифы, о жизни и смерти которой рассказано в Деяниях апостольских. Можно понять то волнение, с каким приобретено было, напр., поле, с которым связано предание, что именно на нем пасли овец пастухи, когда к ним явились с радостной вестью ангелы! Но это еще не все. Еще принадлежит русским поместье на Иерихоне, где разводится теперь банановая плантация, земля в Вифании, церковь и драгоценное, на вес золота, место на горе Кармил в Хайфе, дом в арабском квартале Тивериадского озера с минеральными ключами, которые по своим качествам можно сравнить с источниками Нарзана, Эссентуков. Русским же принадлежит церковь и интереснейшие раскопки у гроба Господня. Кажется, это все.

Собрать все эти сокровища стоило не малых трудов. Чтобы показать, как было трудно приобретать у фанатичных арабов участки земли и строить на них церкви, можно привести случай с хевронской церковью. Строили ее, как частный дом. Когда арабы догадались, что строится церковь и отказались работать, наняли итальянцев. В конце концов, церковь все-таки построили. Осветили ее совсем недавно, в двадцать пятом году. Патриарху Дамиану, присутствовавшему на освящении, предложена была библейская трапеза, та самая, которую предложил трем странникам Авраам: хлеб, теленок, масло и молоко.

Как живут русские в Иерусалиме? Эмигрантов мало, несколько человек и они кое-как устроены, работают, кто шо-

фером, кто ночным сторожем, кто ксн. Монахов человек тридцать. Они живут при миссии или исполняют различные обязанности при русских владениях. Значительно больше монахинь и «матушек» — тех богомолок, что застряли здесь во время войны. Многие из них работают, служат нянями у англичан, как-то изворачиваются. Многие живут при подворьях в Айн-Кареме, получают небольшую помощь.

Живут они так, как будто бы ничего на свете не случилось, как будто бы не было ни революции, ни войны. Огромное впечатление произвело на них посещение негусом русского монастыря на Елеонской горе.

— А у нас, батюшка, черный царь был. Ей-богу! Черный пречерный! Из этих, как их, эфиопов...

В русской миссии, где имеет свое прбывание митрополит Анастасий, еще витают восьмидесятые годы. Белоснежные, сводчатые, вымощенные розовым камнем монастырские коридоры увешаны портретами царей и усыпанных звездами иерархов и уставлены фикусами. На черно-синей картине изображен Афон и русские рангоутные фрегаты. Пахнет ладаном. В домово́й церкви слышится пение сильных мужских голосов. Потом черные фигуры расходятся по коридорам, по своим кельям, а в положенное время собираются в трапезной, где много молятся, но мало и скудно, по-монастырски, едят. Похлебка и овощи. Изредка рыба. За трапезой чтение житий святых и мучеников с теми странными именами, какими уже никто больше не называет новорожденных: мученик Дула или мученица Акилина.

В покоях у митрополита плюшевая мебель восьмидесятых годов и та старомодная вожливість и изысканная речь, какая сохранилась только на архиерейских подворьях, да в монастырях, с этими «изволите вы» и «угодно вам», которых мы уже не употребляем в нашем житейском, растрепанном языке. Митрополит в совершенстве владеет английским языком, много читает, следит за литературой и с заезжим писателем пожелал говорить на литературные темы. На столе у него лежит последняя книга Мортонa о Св. Земле. Среди представителей английских властей авторитет его стоит на большой высоте. На всех официальных присмах, когда верховный комиссар принимает представителей различных культов, митрополит на полном основании представляет русскую религиозную общину. По воскресеньям, после обедни в соборе св. Троицы, митрополит по обыкновению устраивает чай для прихожан, по-русски, с лимоном и вареньем.

Интересно, что среди здешних монахов есть один англичанин, священник англиканской церкви, перешедший в православие и нашедший убежище в русском монастыре. У него типичное

англо-саксонское лицо, рыжая борода, но какие-то совсем «русские» добрые глаза. Каждая душа ищет спасения своими путями. Эта английская, мятущаяся душа нашла тихий приют под сводами русского монастыря.

Работы в миссии много. О. Антоний, начальник миссии, и другие монахи суетятся с утра до ночи. У каждого свое послушание, кто ризничий, кто эконо́м. Среди монахов много стариков, которым уже нужен покой, работа ложится на плечи молодых, а молодых мало. Между прочим, существует при миссии журнал «Святая Земля». Русские юноши из Прикарпатской Руси набирают его в маленькой типографии под руководством редактора о. Филиппа. В журнале статьи о Палестине, об археологических находках, о христианской старине или по вопросам догматики. А колокол домово́й церкви уже снова звонит, и снова в коридоре пахнет ладаном и слышится пение канонов и стихир. Это уголок старой России, с ее молитвами, колокольным звоном и церковно-славянским шрифтом. Иной эта тихая, размеренная жизнь не может быть здесь даже в тридцать шестом году.

НА ЕЛЕОНСКОЙ ГОРЕ

Когда выходишь через «Львиные ворота» из стен старого города, такое впечатление, что попадешь в «пещь огненную», так все залито вокруг солнцем, так зноен воздух и горяча каменная земля. В старом городе — узкие улицы, теснота, арки, своды, стены арабских и турецких домов и фасады христианских монастырей. Камня на камне не осталось после землетрясений, войн и разрушений от того города, в котором кипела древняя и страстная иудейская жизнь, где кричали жертвенные животные, куда приходил иногда с толпой бедно одетых учеников Христос, ничего не осталось, хоть и восстановлена шаг за шагом в свете евангельских преданий Его жизнь, вплоть до тех петухов, что разводят у церкви св. Анны «белые отцы», на месте, где в одну страшную и прохладную ночь, среди всеобщего волнения и суматохи, вдруг пропел петух, когда малодушный апостол грелся у костра и всячески скрывал от служанки свой галилсийский акцент. А когда выходишь за ворота, во всей своей убедительной подлинности открывается перед вами древний пейзаж, которому тысячи лет. Ведь такой же каменной впадиной лежала тогда Кедронская долина, и так же поднималась на востоке Елеонская гора в серебристых оливах, так же белели под солнцем надгробные камни Иосафатовой долины, где кости миллионов иудеев ждут в земле трубных звуков Страшного суда.

Сразу же за воротами стоит скромная церковь с широкой аркой входа, которая покоится на четырех хрупких, изящных колонках, ушедших в землю, в подлинныя камни Иерусалима. Эту церковь построила принцесса Миллицена, дочь иерусалимского короля Балдуина II, на том месте, где, по преданию, пребывало до вознесения тело св. Девы. Скучный и величественный двенадцатый век, в который совершены были такие великие предприятия.

Грязный и тучный араб, уже позабывший, что существуют на земле туристы, и неожиданно оторванный от обеда, дожевывая на ходу кусок лепешки, отпирает древнюю обитую железом дверь. В темноту церкви, ставшей криптом, в глубину византийских веков (ведь с V века была уже здесь византийская базилика) ведут неуклюжие ступени. Араб дает паломнику толстую свечу. Внизу сырость и темнота. Огромные золоченые лампы свешиваются со сводов гроздьями, украшенные елочными шарами. В этом детском царстве араб показывает могилы, вернее, алтари на месте могил св. Девы, св. Иоакима и Анны и даже Иосифа, того плотника из Назарета, в мастерской которого, среди пахучих стружек и шороха пилы, прошло детство Христа. Церковь принадлежит грекам, армянам, абиссинцам и сирийцам-якобитам. И от одного перечисления этих древних народов кажется приближенным на мгновение далекое и обильное верой время...

Впереди, в кипарисах, поднимающихся к небсам, как пламя черных свеч, в серебристо-голубоватых оливах, стоит Гефсимания. Гефсимания по-европейски значит — «масличные точила». Здесь во времена Христа стояли прессы, на которых давили оливки из окрестных оливковых садов, и здесь же разыгралась та драма одиночества, покинутости и обреченности, что известна нам под именем Моление о Чаше.

На месте древних базилик стоит пышный храм францисканцев, сих «кустодиев» святых мест для римского престола. Повыше русская церковь св. Магдалины, построенная императором Александром III, с пятью золочеными луковичами, тоже в зеленых черных кипарисов. Но трогательнее, чем торжественная мозаика и колонны францисканского храма и великолепие золотых луковиц, все то, что окружает это место — простые камни, щебнистые тропинки, кипарисы и оливы. В саду у францисканцев стоят восемь древних олив. Даже ботаники склонны, кажется, признать, что им более двух тысяч лет, этим гигантским корявым корневищам в несколько обхватов. Каким-то чудом время пощадило драгоценные деревья. На них еще зеленые ветви, а на ветвях плоды, может быть, самые древние плоды на земле. Может быть, в тени одного из этих деревьев сидел Христос, а «на

вержение камня» спали апостолы, и звезды, пушистые и огромные, сияли на бархатном небе, и вдруг появились среди черной зелени сада багровые факелы, сад наполнился дымом и человеческими голосами и от этого шума перестали петь кузнечики. Отняв руки от измученного лица, Христос сказал: «Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять меня»...

Прошло две тысячи лет с той ночи, а до сих пор слышится эта горькая интонация прескрасного голоса, и потрескивание факелов, и грубые окрики, и топот ног, когда схваченного, как разбойника, повели вниз, в город, мимо масличных точил. Я видел такие точила на раскопках в Библосе — сохранившиеся почти в полной целости от римских времен — каменные круглые прессы, стоки для масла, огромные глиняные сосуды в небольшом, кое-как сложенном из камня помещении. Как, вероятно, они пахли по ночам маслом, пахучим палестинским маслом!..

При церкви св. Магдалины живут русские монахини, приветливые и гостеприимные. Они все порывались ставить самовар и угощали случайно забредшего к ним соотечественника бананами — собственного хозяйства, из Иерихона, где существует на русском участке банановая плантация. А Иерихон — лучшее место в Палестине для вызревания бананов.

У русских в Гефсимании нет тысячелетних оливок. Францисканцы пришли сюда в XVII веке и приобрели лучшую часть сада. Но и на русском участке тот запах древности, тот непередаваемый воздух свангельского пейзажа, который свойственен иерусалимским окрестностям. О древности говорят черные отверстия «гробов» — могил, высеченных в скале в саду русской церкви. Кто в них был погребен? Может быть, современники Христа, люди, присутствовавшие на суде, при казни, при тех событиях, от которых до нас дошли только трогательные и трагические слова? Шелковица растет над могилой, и из ее черных плодов на руку течет сок, как кровь. Сухие, уже испепеленные солнцем травы хрустят под ногами, и цикада самозабвенно поет о жизни на сем месте смерти. Ведь рядом Иосафатова долина, а в двух шагах, на склоне горы, могилы пророков, где нашли себе упокоение последние иудейские пророки — Аггей, Захария и Малахия — последняя лирика Библии, иступленные вопли о Иерусалиме, из плена на реках вавилонских. Перечитайте несколько страниц пророка Захарии, вы увидите, какой это был поэт!

За Гефсиманией поднимается Елсонская гора, одна из тех гор, с вершины которых посланцы синедриона ждали появления луны, чтобы возвестить костром о начале нового лунного месяца.

На горе находится наш монастырь и гигантская колокольня. В этой простой и грозной башне есть что-то от крепостного строительства. Недаром во время ее постройки Россию обвиняли в каких-то скрытых империалистических замыслах в Палестине. Действительно, она господствует над всей страной, озирает, как страж, Иерусалим, покатые склоны горы, глядит далеко во все стороны, до самого Мертвого моря. Прекрасный стратегический пункт. Говорят, что башней восхитилось воинственное сердце Вильгельма II. Он дважды взбирался на нее во время своего путешествия в Палестину и тотчас же послал две телеграммы: одну — восторженную — русскому императору, другую — султану, с просьбой уступить место по соседству. Султан подарил ему участок между Елеонской горой и Скопусом, где теперь германский санаторий. Но во время землетрясения в 1927 году германские сооружения пострадали, а русская башня покачалась и осталась на месте, построенная с расчетом на землетрясение.

Самая мирная на земле дорога ведет на Елеонскую гору. Такие дороги лежали здесь во времена Христа — песчаные, со щебнем, с известковыми камнями, по которым трудно ходить. Стадо пахучих коз спускается навстречу, и на шее у козла звенит колокольчик. Черномазый мальчишка араб гонит коз, и от этой библейской картины на сто метров пахнет козьим сыром.

На вершине расположена арабская деревня Эт-Тур. Здесь хижинки и лавчонки, в которых еще теплится кое-какая торговля: в одной продают лепешки, в другой помидоры, молочно-розовые леденцы в банке аптекарской, но благородной формы, керосин для коптилок, еще что-то. В тени одинокого дерева — кофейня, перед которой сидят арабы и курят кальяны. Ослы терпеливо стоят на солнце. А день солнечный и жаркий, как тот, о котором писал пророк Малахия: «придет день, пылающий, как печь, тогда все поступающие нечестиво будут, как солома»... Но ослики терпят, только бы не тащить эту самую солому, не пощипывать пинки и удары палкой.

В византийские времена вся гора была в базиликах. Одна из таких базилик стояла над тем камнем, с которого, по благочестивому преданию, вознесся Христос. Теперь над камнем остались только часовня и ограда. Место принадлежит мусульманам. Но раз в году, на Вознесение, христианам различных вероисповеданий разрешается служить внутри ограды у своих алтарей.

Поднимаешься на гору и иногда не можешь удержаться, чтобы не оглянуться через плечо на Иерусалим, на гору Мория, на которой стоял храм Соломона, а теперь стоит мечеть Омара, на романтические стены Сулеймана, на кипарисы Гефсимании. Воз-

дух все чище и чище, все «отвлеченнее» на этой каменной и святой высоте. И вот мы уже в ограде русских владений.

В Елеонском монастыре живут около 150 монахинь. По большей части все это женщины пожилые. Двадцати из них свыше семидесяти. Многие хворают. Жизнь здесь трудная и бедная. Каждая сестра получает от миссии полфунта в месяц, а на такие средства едва-едва можно прожить. Трудно и с водой. Вода собирается в цистерны во время периода дождей и ценится на вес золота. Ее выдают монахиням два раза в неделю по жестянке, так чтобы могло хватить на весь год, поэтому здесь нет ни огородов, ни единого цветка. Единственное хозяйство — монастырские оливы, 600 деревьев. Плоды собирают и отдают на выжимку в кооператив или посылают в наш монастырь в Айн-Карем, где у монахинь есть свой примитивный пресс. Нас заинтересовало, каков же бывает урожай? Оказывается, в 1929 году собрали, например, целых тридцать две жестянки масла.

В покоях игуменьи, матери Мелании, пестрые половички, старомодная мебель в белых чехлах, фикусы. На стенах странно перемешались портреты архисрещ и фотографии британских губернаторов Иерусалима. Царь Давид играет на арфе на черной картине. Белоснежные монастырские своды перекинулись над головой. Игуменья вдова известного русского адмирала и племянница знаменитого математика. С англичанами, вниманием которых особенно пользуется Елеонский монастырь, она находится в отличных отношениях. Есть среди монахинь и две англичанки.

Здесь настоящий русский уголок. В маленьком музее, где собраны различные древности, надписи по-русски, и от этого с особым чувством смотришь на скромные черепки, светильники и могильные плиты. Музей построен над мозаикой, обнаруженной при какой-то постройке. Она чудесно сохранилась. Работа византийских мастеров. Христианские символы — виноградные лозы, агнцы, птицы и рыбы. На полках надгробные плиты. Большинство надписей по-гречески. На христианских — масличная ветвь, на еврейских — семисвечник. Все это надгробия с могил людей средней руки: какого-то «капподокийца иудейской веры Якова, жены его Ахонии и сына Астерия», какого-то «Зоила, сына Левия и матери его Нонны», христианина Феодора. Кто они были? Торговцы оливковым маслом, владельцы масличных точил, олив, или верблюдов? Или, может быть, сборщики податей, геометры, кадастровые переписчики, содержатели гостиниц?

При монастыре огромная трапезная для русских паломников, которых давно уже не было под этим кровом. Только на Пасху бывает здесь несколько сот румын, болгар, сербов. В часовне Усекновения главы Иоанна Крестителя — мозаика на полу с

изображением все тех же традиционных мотивов, рыб на блюдах и виноградных гроздей, и погребальная надпись какого-то армянского епископа Якова, IX и X века.

Наконец, колокольня. Ветер пост в ее широких окнах, когда поднимаешься по винтовой лестнице, срывает, пытается сбросить с огромной высоты. Один за другим опускаются мимо, в колодезь башни, тяжкие колокола со славянской вязью. Каким образом дотащили их сюда! Колокольня гудит. Кажется, вот все рухнет, такое жуткое ощущение высоты, когда посмотришь в очередное окно на крошечные деревья и дома, что остались где-то там, на земле; на верблюдов величиной с блоху, проходящих гуськом по иерихонской дороге. Но вот ограда последнего этажа. Ветер безумствует. Внизу тихо и душно, а тут, как буря. И вот Палестина перед вами, весь Иерусалим, как на ладони, узенькие ленточки дорог, проходящие среди холмов, и кубики арабской деревушки, и песчинками ставшие надгробья Иосафатовой долины, и оливы, и кипарисы, и далеко-далеко, среди лунного пейзажа иудейской долины, голубое Мертвое море...

ТИВЕРИАДА И КАПЕРНАУМ

Это останется в памяти навсегда: солнечный день, бледное небо, галилейские каменные горы, а среди них — далеко внизу, километрах в десяти — вдруг возникшее за поворотом дороги необыкновенно синее Генисаретское озеро — изумительная синева, как на наивных открытках, евангельский покой и мысль, которую трудно переживать без волнения, что вот, пришлось все-таки посмотреть на этот уголок земли, на это озеро, ставшее в Евангелии морем, с его бурями, с его рыбаками и притчами, с его каменными берегами, на которых еще звенит самый тихий и самый внятней на земле голос:

— Блаженны плачущие, ибо они утешатся...

Галилейские горы опускаются все ниже и ниже. Раскаленным жаром веет навстречу из тивериадской котловины. Еще бы — двести метров ниже уровня моря, безветрие, камень! А Генисаретское озеро голубеет все голубее. Озеро полно музыки, как поэма. По-еврейски оно называется Кинерет, арфа, ибо шорох его волн напоминает звучание арфы...

А вот, мелькнули внизу и белые домики Тивериады, одного из четырех священных городов Палестины, цитадель хассидов и талмудистов, ученых рабби, синагог, горячих ключей и каббалистических ангелов, чудотворных могил и книги Зогар, что значит — сияние. Ведь здесь был дописан на арамейском языке иерусалимский Талмуд, здесь покоится великий Маймонида, здесь

строил Ирод пышные портики из черного базальта, здесь до сих пор еще существуют пейсы, лисьи шапки и библейские бороды.

Ничего не осталось от города, постросенного Иродом у подножья Галилейских гор, от его вилл и портиков, отражавшихся в синих водах Генисаретского озера. Город был подобострастно назван в честь императора, которому и в голову не приходило, что именно на берегах этого озера, именно в этих галилейских городишках возникнет среди рыбацких сетей и корзин с рыбой то странное учение, которое, как божественная лихорадка, потрясет грандиозный организм империи.

Горы спускаются ниже и ниже. Уже можно рассмотреть отдельные дома, пальмы и низенькие арабские минареты. Случайный спутник показывает рукой на горы и говорит:

— Хытин...

Хытин? Да, вспоминаю: 1187 год. Страшное поражение крестоносцев Саладином, который лежит после своих великолепных побед в Дамаске. На голой горе не трудно представить себе под этим солнцем блеск лат и оружия рыцарского строя, огромные знамена в крестах, геральдических львах и леопардах, лилии Франции, лес копий, медленно опустившихся навстречу сарацинской буре, грохот сражения и потом, в далекой Бургундии или где-нибудь в оксфордских замках, плач белокурых женщин, когда парусные корабли довели до них весть о гибели рыцарей под Хытином, о гибели всех надежд...

Но исторические реминисценции книжным туманом застилают ландшафт, а от него не хочется оторваться, от этих голых лунных гор, среди которых голубест Генисаретское озеро и раскинулся белый городок. Издали не видно ни вывесок, ни лимонадных будок, ни наклеенной на стене афиши о новой кинематографической программе. Между тем автомобиль уже въезжает в новое предместье, названное в честь первого верховного комиссара, сэра Герберта Самуэля — Кириат Самуэль — где стоят под солнцем чистенькие дома, госпитали и отели. Старый город — внизу, смесь черных базальтовых башен (это строительный материал страны), арабских домишек и скучных домов главной улицы, на которой находятся лавки с продавцами в пейсах, автобусы с голоногими шоферами, поддерживающие сообщение с соседними еврейскими колониями.

Теперь картина меняется. Город уже не кажется романтическим, наполненным талмудическим воздухом и сарацинским зноом, а романтическими кажутся горы, обступившие со всех сторон городок. На этих скудных горах растут кое-где ароматические травы. Среди них пасутся стада овец и коз. На том месте, где стоял дворец тетрарха, полный красивых женщин, музыки,

греческих разговоров и книг, бедуины раскинули свои черные, широкие шатры. А выше только бледно-голубое небо.

Года два тому назад случился здесь дождь, какие бывали в Библии, в дни потопа. Не дождь, а сплошные потоки воды падали с неба, с грохотом и ревом свергались с горы и обрушивались на Тивериаду. Около тридцати человек было убито, многие дома разрушены. Вода швыряла грузовики на дороге, как щепки, смыла сады и виноградники. Конечно, случилось несчастье, гибли люди и скот. Но где-то, в глубине души, у каждого человека есть жажда катастрофического. Посмотреть бы одним глазком на такой библейский потоп, на землетрясение, когда рушились иродовы портики, когда безмятежное озеро металось в каменных берегах.

Озеро с главной улицы не видно. Ей не до него среди делишек и забот. Оно там, за арабским кварталом, что спускается к самой воде узкими и вонючими улицами, бедными мечетями и руинами черных базальтовых башен. На улицах пахнет деревенским отхожим местом. Старухи полощут белье у городского источника. И странно, нет-нет, да и мелькнут в окошке или под аркой столетней двери черные женские глаза. Какая вонь, а смуглая ручка, обнимающая глиняный кувшин, совсем такая, как та, о которой вздыхал Лермонтов.

В городе тысяч десять жителей. Три тысячи мусульман, человек восемьсот христиан-арабов, остальные евреи. Где-то среди базальтовых башен затерялся греческий монастырь, с колоколенкой в один пролет, с двумя железными лучинками креста. Но здесь уже подлинный Восток. Много здесь евреев, которые мало чем отличаются от арабов, носят фески, чалмы, галибии, турецкие штаны с курдюками. В субботу, когда все в городке замирает, когда ни один автобус не позволит себе нарушить субботний отдых, когда все магазины заперты еще с пятничной первой звезды, а продавцы с пейсами бьют себя в грудь и причитают в синагогах, под вечер, на исходе жары, весь город собирается на главной улице и в тощем городском саду, — старики в фесках с янтарными четками в руках, подышать свежим воздухом, а молодежь погулять, как где-нибудь в польском местечке. Барышни бродят стайками, в легких розовых, желтых и голубых платьях, от которых особенно смуглыми кажутся эти персидские, курдистанские, бухарские и салоницкие еврейки.

В субботний полдень, на залитой солнцем улице, вы можете встретить бородатых и румяных хассидов в лисьих шапках и белых лапсердаках, возвращающихся из синагоги и ведущих какие-то талмудические разговоры, а перед сном к вам, единственному постояльцу в отеле — плохие дела в том году, вовсе плохие дела — может постучаться хозяин, добродушный человек,

обремененный семейством и родственниками и попросить вас погулять в доме свет, потому что сегодня суббота, и благочестивый еврей не должен осквернять себя трудом. Здесь еще шеледят страницы Талмуда.

Дорога в Капернаум идет вдоль берега. В знойные часы стада овец и коз спускаются с гор к воде. На голубом озере — ни одной лодки, ни одного кособокого паруса фелюги. Арабские рыбаки принимают участие в забастовке. Ловят рыбу только для себя, тайком, ночью.

Всего двенадцать километров, но путешествие небезопасное. Проезжать надо мимо становищ бедуинов, а эти неистовые люди могут забросать автомобиль камнями, а то и подстрелить при случае.

Есть что-то необъяснимо прелестное в этом водном пейзаже. Утро. Синька воды. Тишина...

Проезжаешь Мигдал, где русским принадлежат источники, виллу лорда Мелчетта и его апельсиновые рощи. Ведь это — Магдала. Тот самый городок, из которого была родом Мария Магдалина. В те дни на этих берегах было много эллинизированных галилейских городков, много легкомысленных женщин, портиков с коринфскими капителями, синагог с колоннадами. Апостолам, пока они не увидели Рима и Антиохии или Коринфа, городки казались верхом великолепия — Содомом и Гоморрой. Может быть, потому, что здесь грешила, плакала и убивалась в своих грехах Магдалина; что в здешних синагогах из базальта спорил с книжниками Христос; что где-то здесь, на покрытом галькой берегу, сушили пахнущие арбузом «мрежи» апостолы, пока им не велено было закинуть иные сети и улавливать не рыб, а человеческие души; что Учитель говорил здесь народу притчи о сеятеле и зернах, упавших на камень, и об утешении плачущих на земле; может быть, потому кажется таким необыкновенным пейзаж, синька озера и обступившие его горы, и далеко на севере покрытая снегом вершина Эрмона?

Шоссейная дорога уходит в Рош-Пину, а к Капернауму сворачивает проселочная, по обсем сторонам которой стоят черные бедуинские шатры. Целый караван верблюдов идет навстречу. Должно быть, переселяется большое ссмейство кочевников. На верблюдах навьючены шатры, циновки, глиняные кувшины, медные тазы, а в придачу женщины и дети. Колокольчик позвякивает на шее передового верблюда. Его уздечка в бирюзе, чтобы отгонять злых духов пустыни. Надменная голова задрана к небу. Поистине от этой сцены веет воздухом счастливой Аравии!

Справа лежит небольшая долина. Арабы называют ее Табга. Здесь толпы народа теснились к Учителю, капернаумцы,

бросившие с утра свои очаги, позабыв о пище. Некоторые из двенадцати приступили к Нему:

— У нас только пять хлебов и две рыбы...

Две тысячи лет тому назад на этих пустынных местах колосилась пшеница. В одну из суббот апостолы шли среди нив, срывали колосья и ели, проголодавшись за день. Благочестивые фарисеи смотрели на них и сокрушенно покачивали головами.

Но вот Капернаум. Все, что осталось от него, — черные базальтовые камни. Должно быть, мрачный был город.

В Евангелии от Матфея:

— И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься...

Адской черноты камни лежат среди колючих растений, которыми могут питаться только верблюды. Так вот где стоял дом центуриона и другой дом, полный смятения, плача и игры свирельщиков над умершей двенадцатилетней девочкой, и таверна, в которой Христос возлежал и пил вино с мытарями и грешниками, и городские ворота, у которых сидел сборщик податей Матфей, оставивший все, списки и мешок с медяками, и ушедший за Христом. Может быть, здесь ходила по улице блудница из Магдалы, с розой в руке, и улыбалась богатому юноше, сыну начальника синагоги?

Евангелист так хорошо знает здешние места, что, должно быть, сам был родом из Капернаума. В городке по преданию был дом Петра. Христос провел здесь несколько лет. Из евангельских намеков возникает весь город, полный жизни, женского плача, криков торговцев, стука посуды, запахов и бульканья вина из сосудов. А вокруг — горы заповедсей блаженства, пяти хлебов, вверженных в море свиней.

Богатые францисканцы построили в Капернауме внушительный монастырь. В монастырском саду находятся развалины синагоги (II в. по Р. Х.). Францисканские археологи восстановили четыре колонны, привели в порядок камни. Обломки архитравов в пышной орнаментике упадочной эпохи: плоды гранат, листья аканфов, меандры, цветы и символ манны небесной — сосуд, в котором виноградные грозди. Пахучие эвкалипты склоняются над руиной. А, может быть, это та самая синагога?

Автобус покидает Тивериаду в полдень. Рядом сидит старая арабка. В ногах у нее плетеная корзина с рыбой, пойманной в Галилийском море. Я смотрю с волнением на эти рыбы. Ведь они потомки тех рыб, которых ловил сетями Симон и его брат Андрей.

О ПАЛЕСТИНСКОМ ПЕЙЗАЖЕ

Есть у палестинского пейзажа некая конгениальность с тем, что и как писали синоптики и Иоанн о событиях, имевших место

на этих холмах и на этих маленьких долинах, или на берегу Галилейского моря. Та же классическая простота стиля, тишина, прозрачность, как прозрачен прелестный пейзаж, как тихо здесь в поле, где пасутся стада овец.

Существует целая наука, которая изучает Евангелие не только с богословской точки зрения, но и как всякий литературный памятник, пытается выяснить его источники, восстановить тексты, определить авторство евангелистов. Не вдаваясь во все тонкости какой-нибудь «тюбингенской» школы, можно сказать, что Евангелие, или те записи, которые послужили источником для него, и так называемые «логии», — записанные слова Христа, появились приблизительно в эпоху разрушения Иерусалима, т. е. около 70 года. В это время уже уходили в могилу свидетели земной жизни Учителя, и являлась насущная потребность запечатлеть учение маленькой церкви для последующих поколений и для других маленьких церквей, где-нибудь в Сирии или Каппадокии.

Возможно, что первые записи были сделаны на арамейском языке, который во времена Христа являлся в Палестине разговорным. Их написал какой-нибудь назорей. Существовало Евангелие, которое так и называлось — «евангелие для назореев». Может быть, автор его тот самый капернаумский сборщик податей Матфей, привыкший вести счетоводные книги, один из немногих грамотных людей в общине рыбаков и пастухов. Первое евангелие написано было где-то здесь, среди этих холмов и мирных долин, и на его стиле отразилась галилейская тишина.

Не трудно представить себе обстановку, в которой совершались евангельские события. То же самое, бледно-голубое и высокое небо. Тот же климат. Знойный полдень и прохладные зимние ночи. Та же конфигурация местности. Те же евангельские флора и фауна. Вы найдете здесь все, что скупо рассеяно на страницах Евангелия. Верблюдов, ослов, агнцев, тельцов, птиц небесных. Глиняные водоносы, круглые, обложенные полевыми камнями колодцы, наподобие тех, из которых пил в жаркий день Иаков, его дети и его скот. Арабские шалаши на дынном огороде и стада овец, спустившихся с гор на водопой к Галилейскому морю. Флора? Живописную смоковницу, оливы, и перечное дерево, которое в Евангелии названо горчишным, хотя едва ли существовала тогда такая приправа — горчица. На каждом шагу растут здесь пахучие травы, анис, мята и тмин, и цветут весной в долине Сарона полевые лилии. Еще пшеница и ячмень и те плевелы, волчцы, о которых говорится в притче о сеятеле, или сожженный солнцем репейник. А главное, эти радостные и печальные в одно и то же время холмы, не то розовые, не то го-

лубые, на которых евангельский поэт мог написать о равнодушии людей:

— Мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не плакали...

Только равнодушное ко всему сердце не умиляется при виде этих холмов.

Что надо прибавить к пейзажам, среди которых жил Христос, его братья и сестры, его капернаумские приятели, галилейские рыбаки, разговорчивая самарянка, начальник синагоги Иаир, сборщик податей Матфей? Надо прибавить время, разделенное на стражи, звон дидрахм и статиров, ручные жернова, маслобойни и житницы, виноградные точила и синагоги, могильные камни с изображением семисвечника, портики и коринфские капители в портовых городах.

С горы Фавор открывается широкий вид на весь прелестный евангельский мир, на всю Израильскую долину, на колонии и арабские деревни, на стада овец и коз, на холмы Самарнии. На этой горе понимаешь, почему апостолы в душевном волнении хотели поставить три «кущи», три шатра, вроде тех, должно быть, в которых живут теперь бедуины, и жить на прекрасной высоте, в хрустальном воздухе, любуясь утренней и радостной галилейской землей.

Но ничто так не умиляет, как Кана Галилсская. Арабское селение лежит на изумительной дороге из Тивериады в Назарет, все в гранатовых садах, окруженное со всех сторон холмами. Да, та самая Кана.

— На третий день был брак в Кане Галилсской...

В греческой часовне показывают сосуды, в которых вода претворилась в вино. По некоторым случайным обстоятельствам взглянуть на них не пришлось. Тем лучше. Пусть они останутся навсегда глиняными кувшинами с детских картинок, сосудами, которым ровно две тысячи лет. Но спасибо, что удалось посмотреть на гранатовые сады, на эти плоды на непривычных деревьях, а не в лавке парижского фруктовщика. Именно среди таких гранатовых яблонь, от которых как-то особенно чувствуется сила солнца, и должна была происходить веселая деревенская свадьба, на которой слишком усердно пили гости и поэтому не хватило вина. Кого выдавали замуж? Какую-нибудь бедную галилсскую девушку, может быть, родственницу Христа. Едва ли пригласил бы на свадьбу семью назаретского плотника местный богатей, владелец виноградников, верблюдов и ячменных полей.

Но вот и Назарет. Необыкновенный город среди холмов, с черными свечами кипарисов, с зеленью смоковниц. Широко раскинувшийся белыми домами город Благовещенья, в который

прилетали с небес ангелы, в котором стучал топор в мастерской плотника Иосифа, и Дева Мария варила к обеду бобы с чесноком, стирала хламиду или носила в кувшине воду из соседнего колодца. Такой город, что дух захватывает от его красоты, а по существу самый обыкновенный восточный городок. Говорят, нигде нет таких лжесвидетелей и врунов, как в Назарете. Знакомые адвокаты рассказывали, что судебные заседания в назаретском суде могут доставить большое удовольствие любителям веселых и оживленных прений. Но в этом самом обыкновенном городе впервые небо так низко опустилось над бедной землей, что миллионам людей земная жизнь стала казаться только незначительным эпизодом, очищением перед иной, небесной жизнью.

Этот странный город, в который ангелы прилетали с небес, в котором слово стало плотью, был одним из самых глухих городишек Галилеи. Что может быть доброго из Назарета? Как во всяком городке, здесь была синагога, а рядом базар; в одной из узких улочек, выходящих к базару, стучал топором в своей мастерской плотник Иосиф, а на другом конце селения был городской источник, к которому до сих пор ходят назаретские женщины за водой. Люди в этом меркантильном городке занимались своими маленькими делишками, торговали, сплетничали и им и в голову, вероятно, не приходило, что среди них будет жить человек, который потрясет империи. По-человечеству, это понятно. Разве они не заказывали плотнику Иосифу столы или двери? Не торговались с ним за каждый ассарий до седьмого пота? А в мастерской помогал отцу мальчик, глядевший на них, на улицу, на весь мир странными нездешними глазами.

Когда в Назарет явилась св. Елена, в городе еще теплились предания о тех местах, где стоял дом, в котором провела свое детство Дева Мария, где шуршал рубанок Иосифа, где ангел попирает небесной стопой грешную землю. Византийская императрица обливала слезами священные места. Одна за другой возникали базилики. Потом на месте византийских руин крестоносцы строили романские храмы. Теперь здесь возвышаются католические и греческие церкви и монастыри. Огромный францисканский монастырь построен на том месте, где стоял скромный домик Марии и находилась мастерская Иосифа. Глубоко под землей туристу показывают «кухню Марии», остатки колонн и мозаичных полов, по которым ступали расшитые жемчугом пурпурные кампагии благочестивой императрицы. Две колонны указывают те точки, на которых стояли Дева и архангел. Новая церковь построена в 1729 году. О старой существует легенда. Когда пришли сюда сарацины, ангелы еще раз слетели с небес в свой излюбленный город и перенесли каменную базилику по

воздуху в далекую Италию, в глущую деревушку Лоретто, чтобы безбожные агаряне не осквернили церковь навозом своих коней.

Над фундаментом синагоги стоит церковь греков — униатов. Недалеко католическая церковь обозначает местоположение того дома, в котором, по преданию, вернувшись по воскресении в свой родной город, Христос вкушал в последний раз земной хлеб и пил вино от земной лозы. Около источника Девы, где красивые и стройные арабки наполняют по вечерам кувшины водой, находится православная церковь.

Церкви, монастыри и больницы преобразили город. Тут много священников и монахов, и почти все местные арабы — христиане. Это обстоятельство не мешает тому, что иногда на мирных назаретских улицах взрываются бомбы. В общем, торговый и оживленный арабский город, в котором уже появились кинематографы и радио, автомобили и гаражи.

Но стоит выехать из Назарета, и снова начинает возникать среди холмов библейский пейзаж. Оставленный город кажется вдруг постаревшим на тысячу лет. Еще один километр, и Назарет погружается в евангельские времена, а его смоковницы и белые дома становятся отвлеченными деревьями и домами, над которыми витали ангелы.

Среди холмов Израильской долины лежат арабские деревни. Еврейские колонии еще не вплотную подступили к городу. На тропинке, по обеим сторонам которой лежат скромные ячменные поля, и пастухи в абаях пасут овец, мимо круглого колодца, где козы пьют воду из каменной водопойной колоды, может быть, служившей гробом какому-нибудь израильскому вельможе, мимо гумен, гор ячменной соломы и олив, едет на ослике арабская девочка. Через ослиную спину перекинута веревочная сетка, а в ней два кувшина. Путь ослику пересекает из трех верблюдов, удаляющихся по направлению к Аффулэ. В этом медленном расхождении путников есть что-то древнее. Медленные шаги верблюдов полны значения. Животные несут на своих горбах огромные охапки соломы. Это важная и ответственная работа. Это нужно для жизни. А запах бензина напоминает о XX веке, в который делается столько ненужных вещей. На минуту кажется, что легкомысленный автомобиль попал на другую планету. Но сердце мотора тоже жизнь. Солнце одинаково светит над верблюдами и автомобилями, над добрыми и злыми.

Арабка едет в сторону Вифлесема Галилейского. Когда смотришь на такую дорогу, соблазнительно предположить: не в этом ли городке родился Христос? Городок был в двух шагах от Назарета, Иосиф и Мария могли, вот, как эта арабская девочка, отправиться туда по своим делам и заночевать в пещере, под теплые вздохи волов и блестящие ягнят. Такие предположения де-

лает, напр., проф. Клаузнер в своей книге о Христе. Но пророки предсказали рождение Мессии в городе Иудином. Церковь и христианское предание утверждают, что Христос родился в другом Вифлееме, по ту сторону Иерусалима, в ста сорока километрах от Назарета.

На месте галилэйского Вифлеема находится немецкая колония. Ничего не осталось от старого селения, кроме каких-то невыясненного происхождения камней. Остался только пейзаж. Может быть, окружающие холмы были тогда более лесисты, чем в наши дни. Неприятельские армии, от ассирийцев до римских легионов, вырубали рощи на топливо, на постройку осадных башен, виней и палисадов, а арабы не потрудились засадить их новыми деревьями. Но холмы, прелестные лирические горы, все так же стоят среди плодородных долин. Не в мраморе, не в кирпичных корпусах францисканских монастырей, не в золоченых главах, а в этих трогательных пейзажах, на кусочке глухой арабской дороги, на выжженном ячменном поле, среди сухих репейников и ворохов соломы, у обложенного полевыми камнями колодца открывается подлинный мир евангельской Палестины.

П Р И М Е Ч А Н И Я

ЖИТИЕ И ХОЖЕНИЕ ДАНИИЛА, РУССКОЙ ЗЕМЛИ ИГУМЕНА

Текст печатается в переводе на современный русский язык по изд.: Книга хоже-ний. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984; там же, а также в изд.: Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, см. текст оригинала.

О Данииле см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 109—112.

ПУТЕШЕСТВИЕ МОСКОВСКИХ КУПЦОВ ТРИФОНА КОРОБЕЙНИКОВА И ЮРИЯ ГРЕКОВА

Текст печатается по изд.: Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 2, кн. 8. СПб., 1849.

О Трифоне Коробейникове см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988. С. 490—491; о Василии Познякове — там же, вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 296—297; «Хожение купца Василия Познякова по Святым местам Востока» см. в кн.: Православный палестинский сборник. СПб., 1887. Т. 6, вып. 3.

В. Г. ГРИГОРОВИЧ-БАРСКИЙ

Текст, с некоторой орфографической модернизацией оригинала, печатается по изд.: Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Ч. 1. СПб., 1885.

О В. Г. Григоровиче-Барском см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды В. Г. Барского. СПб., 1885; Греков Ф. Жизнь и странствования Василия Григоровича-Барского. СПб., 1892; Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 231—232.

А. Н. МУРАВЬЕВ

Текст печатается по изд.: Путешествие ко Святым местам в 1830 году. Третье издание. Ч. II. СПб., 1835.

Об А. Н. Муравьеве см.: Семенов М. Воспоминания об А. Н. Муравьеве. Киев, 1875; Лесков Н. С. Синодальные персоны // «Исторический вестник». 1882, № 11; Третьяков А. А. Памяти А. Н. Муравьева // «Русское обозрение», 1895, № 1; Кисилев-Сергин В. С. А. Н. Муравьев // в кн. Поэты 1820—1830-х годов. Т. 2. Л., 1972; Вацуру В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева // В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989.

А. С. НОРОВ

Текст печатается по изд.: Путешествие по Святой Земле в 1835 году Авраама Норова. Ч. 1—2. СПб., 1844.

Об А. С. Норове см.: Никитенко А. В. Норов // Отчеты Академии наук по отделению русского языка и словесности за 1869 г.; Вацуру В. Э. А. С. Норов // В кн. Поэты 1820—1830-х годов. Т. 1. Л., 1972.

Н. В. ГОГОЛЬ

Текст печатается по изд.: Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. XIV. Л., 1952.

О паломничестве Н. В. Гоголя см. также: Вересаев В. В. Гоголь в жизни. (Глава XII. Путешествие к «Святым местам») М.—Л., 1933.

ИНОК ПАРФЕНИЙ (ПЕТР АГЕЕВ)

Текст печатается по изд.: «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле пострижника Святыя Горы Афонския инока Парфения». Ч. III. М., 1856.

Об иноке Парфении см.: Давидович И. Парфений // Русский биографический словарь. Т. 13. СПб., 1902. С. 326—327; а также рецензии и отзывы: С. М. Соловьева — «Русский вестник»; 1856, т. III, № 5; Н. П. Гилярова-Плато-

нова — «Русская беседа», 1856, кн. III; М. Е. Салтыкова-Щедрина — Собрание сочинений. Т. 5. М., 1966. С. 33—68; Н. Г. Чернышевского — Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1949. С. 7; А. В. Дружинина и И. С. Тургенева — Переписка И. С. Тургенева. М., 1986. Т. 2. С. 92—95.

Н. В. БЕРГ

Текст печатается по изд.: «Русский Вестник», 1868, т. 74, № 3. С. 183—236.
О Н. В. Берге см.: Русские писатели. 1800—1917, Т. 1. М., 1989. С. 243—244.

И. А. БУНИН

Текст печатается по изд.: Бунин И. А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 3. М., 1965.

О поездке Бунина в Палестину см. в кн.: Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 317—347.

А. П. ЛАДИНСКИЙ

Текст печатается по изд.: Ладинский Ант. Путешествие в Палестину. София, 1937.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

XI—XVII век

1. Сахаров И. П. Путешествие русских людей по Святой Земле. Т. 1, 2. СПб., 1839.
2. Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. II. кн. 8. СПб., 1849.
3. Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984.

XVIII век

4. Путешествие в Св. Землю старообрядца московского священника Иоанна Лукьянова. 1710—1711. М., 1864.
5. Путешествие посадского человека Матвея Гавриловича Печаяева в Иерусалим (1719—1720). Варшава, 1875.
6. Дневные записки путешественника из архипелагского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся, с краткою историею Алибесвых завоеваний Российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 лета. СПб., 1773.
7. Путешествие в Иерусалим Мелетия, Саровския пустыни Иеромонаха в 1793 и 1794 годах. М., 1798; 1800.

XIX век

8. Путевые записки в св. град Иерусалим и окрестности онаго, Калужской губернии дворян (братьев Ивана и Василия) Вешняковых и мядынского купца Мих. Новикова в 1804—1805 годах. М., 1813.
9. Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году. // Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826 [Автор — Д. В. Дашков; указ. С. И. Пономаревым].
10. Путешествие к Святым местам находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. М., 1824.
11. Записки об Иерусалиме 1835—1836, иеромонаха Аникиты кн. С. А. Ширинского-Шихматова. СПб., 1838.
12. Извлечение из путевых записок из Одессы в Иерусалим и обратно князя Конста. Арк. Итальянского, графа Суворова-Рымникского. М., 1844.
13. Уманец А. Путешествие на Синай, с приобщением отрывков о Египте и Св. Земле. Ч. 1, 2. СПб., 1850.
14. Н. Щ. М. Краткое описание путешествия в Палестину. М., 1851.

15. Альденберг Н. В., граф. Из Рима в Иерусалим. СПб., 1853.
16. Каминский В. К. Воспоминания поклонника Св. Гроба. СПб., 1859.
17. Сатин А. Д. Поездка в Палестину в 1857 г. Из записок черноморского офицера. // «Русский Вестник». 1873, № 8.
18. Ширяев Григорий И. (Слепсн). Вечерние рассказы странника на родине о том, каким путем и как добраться до св. града Иерусалима. СПб., 1859.
19. Волконский М., князь. Записки паломника. СПб., 1860.
20. Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствовании по св. местам русским, палестинским и афонским. СПб., 1860.
21. Базили К. М. Сирия и Палестина, под турецким правительством, в историческом и политическом отношении. Ч. 1, 2. Одесса, 1861—1862; М., 1962.
22. Пахомий, иеромонах. Путеводитель по св. граду Иерусалиму и вообще по св. местам Востока. СПб., 1864.
23. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инок паломника архимандрита Леонида. М., 1873.
24. Синягин В. Путешествие Е. И. В. Государя Великого Князя Николая Николаевича старшего по Турции, Сирии, Палестине и Египту в 1872 г. СПб., 1873.
25. Шереметев С. Д. Путешествие на Восток князя П. А. Вяземского. СПб., 1883.
26. Елисеев А. В. С русскими паломниками на Св. Земле весною 1884 г. СПб., 1885.
27. Коровицкий А. Дневник паломника. Житомир, 1891.
28. Марков Е. Л. Путешествие по Святой Земле. Путешествие на Восток. СПб., 1891.
29. Картавец Е. Э. Путешествие в Египет и Палестину. СПб., 1893.
30. Бобров П. Письма паломника. М., 1894.
31. Соловьев М. П. По Святой Земле. // «Русский Вестник», 1895, №№ 2, 3, 5, 9, 10, 11, 12.
32. Конов К. И. Паломник в Святой Земле. М., 1895.
33. Суворин А. А. Палестина. СПб., 1898.
34. Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обозрах первой половины XIX века. М., 1991.

XX век

35. Брянчанинов Н. В. Скитания: Нубия, Судан, Палестина, Ливан. М., 1908.
  36. Дмитриевский А. А. Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882—1907 гг.). СПб., 1907.
  37. Дмитриевский А. А. Типы современных русских паломников в Святую Землю. СПб., 1912.
  38. Быстров С. И. Путешествие по Востоку. М., 1916.
  39. Ветка Палестины. Стихи русских поэтов об Иерусалиме и Палестине. М., 1993.
  40. Иерусалим в русской культуре. М., 1994.
- См. также Православные Палестинские сборники и др. издания Императорского Православного Палестинского Общества.

Библиографические указатели

1. Хитрово В. Н. Палестина и Синай. ППС. Ч. 1, вып. 1. СПб., 1876 (Библиографический указатель книг и статей о Святых местах Востока).
2. Пономарев С. И. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах. СПб., 1877 (Материалы для библиографии). Приложение к XX-му тому записок императорской Академии наук.
3. Ставроу Т. Г. Вейнсенсел Питер Р. Русские путешественники на Христианский Восток за период с XII по XX век. Аннотированная библиография. Колумбия, Огайо, 1986 (на англ. яз.).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Б. Романов. Путешествия в Святую Землю	3
Житие и хождение Даниила, Русской земли игумена	10
Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова	50
В. Г. Григорович-Барский. Из книги «Странствования Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г.»	78
А. Н. Муравьев. Из книги «Путешествие ко Святым местам в 1830 году»	87
А. С. Норов. Из книги «Путешествие по Святой Земле в 1835 году Авраама Норова»	104
Н. В. Гоголь. Из писем В. А. Жуковскому	128
Инок Парфений (Петр Агеев). Из книги «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле пострижника Святыя Горы Афонския инока Парфения»	133
Н. В. Берг. Из книги «Мои странствия по белу свету. Иерусалим»	175
И. А. Бунин. Иудея	219
А. П. Ладинский. Из книги «Путешествие в Палестину»	227
Примечания	253
Краткая библиография	254

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР А. БАРХАТОВ

Художественный редактор Р. РЕЗНИКОВА

Технический редактор Е. ВИГДОРОВИЧ

Корректор Н. АНДОНЬЕВА, О. БАРХАТОВА

Адрес редакции: 121248, Москва, Кутузовский проспект, 1/7, тел. 243-38-78

Сдано в набор 27.08.94.

Формат 60×84/16.

Печ. л. 16.

Цена договорная

Подписано в печать 18.10.94.

Бумага офсетная.

Офсетная печать.

Заказ № 3822.

Усл. кр. отт. 19,60.

